

Ф.Д. Волков

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

SECRET
Die deutsche Armee...
Toi hier...
für die Luft...
starke Kräfte...
Schädigung...
gering wie...
ist ihre...
und Stellung...
st blieb...
der seine...
auf der...
eines Auf...
Den Auf...
-ben vor...
Vorherst...
ist noch...
zum 15.7.41...
Entscheid...
eines ange...
Die Vorb...
zu treffen

FALL BARBAROSSA

начальник...
равлени...
нант...
та...
СОВ. СЕКРЕТНО
...ого ра...
... Голикова И. В. Сталину от 20 мар...
... года, озаглавленная: «Высказывания...
...ианты возможных боевых действий гер...
...ской армии против СССР».

Из докладной записки

«За последнее время англичанские, американские и другие источники говорят о готовящемся, якобы, нападении Германии на Советский Союз... Информант № 3 по данным нашего агентурного источника на февраль 1941 года: «для наступления на СССР создаются три армейские группы. 1-я группа па под командованием генерал-фельдмаршала фон Манштейна наносит удар в направлении Москвы и 3-я группа па под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта — в направлении Казани. Начало наступления па под командованием 20 мая...
Леб — в ориентировочно 20 мая...
По сообщению нашего военного атташе в Берлине в Румынии упорно распространяются слухи о том, что Германия изменила свой стратегический план на СССР и направила свои стратегические немецкие войска в Россию с целью изменить на СССР. Мы берем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимы и можем продолжать войну с Англией и Америкой».

По сообщению нашего военного атташе из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР ожидается 15 мая и 15 июня 1941 года.

Über alles in der Welt

SECRET
Handwritten notes and signatures, including the name 'JCS' and 'T-1'.

Ф.Д. Волков

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

**Деятельность
дипломатии и разведки
западных держав
в годы второй
мировой войны**

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

Волков Ф. Д.

В67 Тайное становится явным: Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы второй мировой войны. — М.: Политиздат, 1989. — 367 с.
ISBN 5—250—00481—4

На основании советских и зарубежных архивных материалов, документов и мемуаров видный советский историк профессор Ф. Д. Волков рассказывает о малоизвестных страницах второй мировой войны. Речь идет о дипломатической деятельности и политике как СССР и его союзников по антифашистской коалиции, так и стран фашистского блока. Читатель узнает о том, что скрывается за обозначениями: операция «Гиммлер», план «Болеро», «Каир-III», операция «Цицерон», операции «Айхе», «Крикет», «Аргонавт», «Терминал» и др. Несмотря на нарушения Англией и США своих союзнических обязательств, попытки сепаратных переговоров с гитлеровской верхушкой, антифашистская коалиция выдержала все испытания, проложила путь к Победе, стала имеющим огромное значение и в наши дни примером сотрудничества государств с различным общественным строем.

Книга рассчитана на массового читателя.

В $\frac{080200000-072}{079(02)-89}$ 240—89

ББК 63.3(0)62

ISBN 5—250—00481—4

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989

ВСТУПЛЕНИЕ

1 сентября 1939 г. считается днем начала второй мировой войны. Но фактически она возникла задолго до этой даты. Первые ее очаги запылали в Северо-Восточном Китае (1931 г.), Эфиопии (1935 г.), Испании (1936 г.).

А если взглянуть в прошлое пристальнее, то можно обнаружить, что истоки второй мировой войны уходят еще глубже.

Обратимся к фактам истории.

28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца представители стран Антанты и США, с одной стороны, германский министр иностранных дел Герман Мюллер и министр юстиции Белл, с другой, подписали Версальский договор. Народы мира вздохнули с облегчением, надеясь, что трагедия миллионов людей, ввергнутых в пучину невиданно кровопролитной войны, больше не повторится.

При всех органических пороках, недостатках и противоречиях Версальского мирного договора и других договоров Версальской системы, при всей буржуазной ограниченности тогдашних «миротворцев»: французского премьера, «тигра» Жоржа Клемансо, «величайшего, — по выражению В. И. Ленина, — политического пройдохи» британского премьера Ллойд Джорджа, президента США Вудро Вильсона — будущего «президента архангельского набега и сибирского вторжения» и других буржуазных политиков — поражение и существенное ограничение вооружений наиболее агрессивного, германского империализма и его сообщников, несомненно, играло положительную роль.

В соответствии с военными ограничениями Версальского договора германская армия не должна была превышать 100 тыс. человек (не более семи пехотных и трех кавалерийских дивизий), включая солдат, офицеров и нестроевой состав. Германский генеральный штаб — эта цитадель милитаризма прусских юнкеров — подлежал ликвидации.

В Германии отменялась всеобщая воинская повинность. Ей запрещалось проводить какую-либо военную подготовку в учебных заведениях, стрелковых, спортивных и туристских организациях.

Германии запрещалось иметь тяжелую артиллерию, танки, подводные лодки, дирижабли и военную авиацию. В будущем

ей разрешалось иметь военно-морской флот (основная часть немецкого ВМФ была затоплена немцами в Скапа-Флоу) только в составе 6 карманных линкоров, 6 легких крейсеров и 12 контрминоносцев. Численность личного состава военно-морского флота страны не должна была превышать 15 тыс. человек.

В соответствии с территориальными постановлениями Версальского договора территория Германии уменьшалась на $\frac{1}{8}$ часть, население — на $\frac{1}{10}$.

Франции возвращались Эльзас и Лотарингия, захваченные во франко-прусской войне. Договор предусматривал создание Рейнской демилитаризованной зоны. Управление территорией Саара на 15 лет передавалось Лиге наций.

Германия признавала независимость Польши, возрожденной в качестве самостоятельного государства, и возвращала ей часть древних польских земель в Верхней Силезии. Однако более 100 тыс. квадратных километров польских земель, захваченных немцами в течение нескольких столетий в результате «Дранг нах Остен», остались за Германией. Город Гданьск (Данциг) с прилегающей к нему территорией превращался в Вольный город под защитой Лиги наций.

По Версальскому договору Германия обязалась строго уважать независимость Австрии и признавала независимость Чехословакии.

Так под грохот артиллерийского салюта в Версале была подведена черта под первой мировой войной.

Прошло лишь немного времени, и Веймарская, а затем фашистская Германия превратила Версальский мир в простое перемирие, вероломно нарушила все ограничения Версальского мира и повела дело к еще более жестокой и кровавой второй мировой войне.

Уже в начале 30-х годов ни Германия, ни Япония не желали мириться со старым разделом мира, сфер влияния, колоний. Эти наиболее агрессивные империалистические государства почувствовали себя достаточно сильными, чтобы поставить вопрос о переделе мира в соответствии с их возросшей экономической, финансовой, военной мощью.

Неравномерность экономического и политического развития капитализма вела к тому, что к 30-м годам Германия стала обгонять и обогнала по основным показателям Англию и Францию. Это в огромной степени обостряло англо-германские и франко-германские империалистические противоречия. Немецкая буржуазия вновь вспоминает формулу германского политического деятеля Бюлова, произнесенную им в конце XIX в. в рейхстаге: «Прошли те времена, когда другие народы делили землю и воды, а мы, немцы, довольствовались лишь голубым небом. Мы требуем для себя место под солнцем».

Требование «места под солнцем» вновь становится сакраментальной формулой немецкого империализма. Если до начала 30-х годов колониальные претензии немецкой буржуазии были частью идеологической подготовки к предстоящей борьбе за передел мира, за завоевание мирового господства, то вскоре после прихода фашистов к власти эти претензии принимают более реальный характер.

Однако своеобразие складывавшейся ситуации состояло в том, что заправили Большого совета Федерации британской промышленности, направлявшего политику Лондона, всеильные магнаты французского «Комите де Форж», представители «60 семейств» Америки стремились отодвинуть на второй план острейшие противоречия между Англией, Францией и США, с одной стороны, и Германией, с другой, считая главным противоречием между западными державами и страной социализма.

Империалисты Англии, Франции и США стремились возродить агрессивную Германию в качестве инструмента своей антисоветской политики. Они приложили немало сил, вложили гигантские средства для того, чтобы превратить Веймарскую, а затем фашистскую Германию в орудие борьбы против Советской страны. Монополисты Англии, Франции и США — среди них особенно выделяются фигуры нефтяного короля Генри Детердинга, шефов «большой пятёрки» английских банков, Рокфеллеров, Морганов и многих других, способствовали установлению в январе 1933 г. фашистской диктатуры в Германии — наиболее агрессивной террористической формы диктатуры ультрареакционных группировок монополистического капитала.

«Вся история подготовки второй мировой войны являет собой потрясающую картину того, как классовая ограниченность реакционной буржуазии и ее слепая ненависть к коммунизму привели многие государства Европы к страшной катастрофе, к их порабощению немецко-фашистскими завоевателями»¹.

Репарационный план Дауэса, план Юнга, мораторий Гувера, решения Лозаннской конференции по репарационному вопросу в немалой степени способствовали возрождению военно-промышленного потенциала Германии. Именно золотой дождь американских долларов, английских фунтов стерлингов, французских франков оплодотворил немецкую военную промышленность, помог превратить ее экономический потенциал в военную мощь — в самолеты, пушки, танки.

Буржуазные историки и публицисты Джеймс Аллен, Аллен Буллок привели весьма красноречивые цифры. Репарационные

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. М., 1960, т. 1, с. XVII.

платежи Германии с сентября 1924 г. по июнь 1931 г. (мораторий Гувера) составили, по неполным данным, 11 млрд марок; за этот же период Германия получила займы из-за границы или инвестиции на сумму около 25 млрд марок, из них около половины было предоставлено банкирами Уолл-стрита, значительная часть — лондонским Сити.

По свидетельству деятеля консервативной партии Англии, члена английского парламента Бутби, «в период между 1924—1929 гг. лондонский Сити был одержим страстью, граничившей почти с манией,—давать Германии деньги»¹.

Миллиарды американских долларов и английских фунтов стерлингов текли из сейфов банкиров Уолл-стрита и Сити в сейфы германских банкиров, помогая фашистским агрессорам ковать оружие против тех, кто давал им деньги. Бомбы, позднее сброшенные самолетами люфтваффе на Лондон и Ковентри, Страсбург и Дюнкерк, Бирмингем и Кале и японской авиацией на Пёрл-Харбор и Манилу, были сделаны на английские, американские, французские капиталы и доставлены самолетами, заправленными бензином англо-голландского нефтяного треста Генри Детердинга, американской нефтяной компании «Стандард ойл» и других нефтяных фирм. Именно Детердинг соорудил бензохранилища вдоль стратегических автомобильных дорог Германии и обеспечил их надежную защиту от атак с воздуха. Именно английские, американские и французские монополии явились главными поставщиками стратегического сырья для Германии и Японии. Железная руда и кокс, чугун и сталь, медь и алюминий, каучук и никель, олово и свинец, вольфрам и хром и многое другое стратегическое сырье широким потоком шло из Англии, США и Франции на немецкие и японские военные заводы. И чем ближе надвигалась опасность войны, тем интенсивнее эти страны снабжали германских и японских милитаристов нужным сырьем.

Накануне войны английский экономист Пауль Эйнциг писал об этой преступной помощи: «Если когда-нибудь настанет судный день, то ответственность за гибель британских солдат и гражданского населения придется возложить на снисходительную позицию английского правительства»². Точнее, она была не снисходительной, а преступной.

Даже в годы второй мировой войны, когда Англия и США воевали с фашистской Германией и милитаристской Японией, английские и американские монополии продолжали торговать через нейтральные страны со своими врагами стратегическим сырьем и оружием.

Но не только сырье продавали Германии и Японии английские и американские монополисты. Фирма «Виккерс Армст-

¹ Parliamentary Debates. House of Commons, 1934, vol. 285, col. 384.

² Einzig P. World Finance. 1938—1939. L., 1939, p. 119—120.

ронг», «Роллс-Ройс», «Фэйери», «Хоукерс» и другие вели с ними тайную, но широкую торговлю оружием, включая самолеты и артиллерию.

С помощью английских и американских займов Германия, вопреки ограничениям Версаля, строила мощные военно-воздушные силы. Более того, английское правительство помогало обучению немецких офицеров и авиации, допускало их на маневры ВВС в Англию. Германские милитаристы воссоздавали и свой военно-морской флот. К 1930 г. на германских верфях было построено 5 крейсеров и 12 эсминцев.

Английский генеральный штаб начиная с 1930 г. неоднократно предупреждал правительство «о надвигающейся германской опасности», о многочисленных и вопиющих нарушениях Германией Версальского договора¹. Но эти предупреждения оставались гласом вопиющего в пустыне, поскольку вооружение Германии, возрождение ее промышленного потенциала осуществлялось с ведома и при содействии высших политических кругов Англии и США, не говоря уже о помощи монополистов Сити и Уолл-стрита.

С приходом к власти фашизма германские империалисты, фактически поощряемые Англией, Францией и США, резко усиливают вооружение Германии, ее армии, авиации и флота.

К концу 1935 г. фашистская Германия имела регулярные вооруженные силы, насчитывавшие около полумиллиона. Она могла выставить армию в 2,5—3 млн человек — больше, чем Англия и Франция, вместе взятые. Цифра войсковых контингентов в 100 тыс. человек, установленная Германией по Версальскому договору, была превзойдена гитлеровцами в 25—30 раз.

К концу 1934 г. фашистская Германия имела около 1000 боевых самолетов. Создание ВМФ было легализовано заключением в июне 1935 г. англо-германского военно-морского соглашения. В марте 1935 г. в Германии была введена всеобщая воинская повинность.

Однако политики Англии, Франции и США закрывали глаза на растущую угрозу фашистской агрессии, возлагая надежды на то, что немецкие бомбы будут падать не на Лондон и Париж, а на Москву и Смоленск, что армии вермахта начнут свой агрессивный марш не по полям Фландрии и Пикардии, а по белорусским, украинским и русским землям.

Фашистская Германия ревизовала и территориальные постановления Версаля, присоединив в 1935 г. Саарскую область и осуществив в следующем году операцию «Шулунг» — ремилитаризацию Рейнской зоны. И хотя фашистские офицеры имели приказ при осуществлении операции «Шулунг», совершенной всего несколькими батальонами, отступить «в случае

¹ Documents on British Foreign Policy. 1919—1939 (в дальнейшем — DBFP). Ser. 2. L., 1947, vol. 1, p. 543—547.

появления французских войск», французские войска не появились в Рейнской зоне. Англия и Франция и в этом случае пренебрегли интересами своей национальной безопасности.

Несмотря на то что фашистские державы открыто, даже демонстративно готовились к войне на Западе, политические лидеры Лондона и Парижа упорно надеялись «канализировать» германскую агрессию на Восток, повернуть ее против СССР.

Более того, английские деятели, исходя из традиционной политики «баланса сил», «загребания жара чужими руками», поддерживаемые политиками США и Франции, стремились сколотить антисоветский блок государств с участием фашистской Германии для сокрушения страны социализма.

Политики Англии и Франции вместо осуществления политики коллективной безопасности, за которую неустанно боролась советская дипломатия накануне второй мировой войны, ставили своей целью «умиротворение» агрессора.

В итоге возможности, предоставлявшиеся заключением советско-французского и советско-чехословацкого пактов о взаимопомощи (1935 г.), не были использованы.

Перевооружение фашистской Германии, подписанный в Риме в 1933 г. «пакт четырех», англо-германское военно-морское соглашение, ремилитаризация Рейнской зоны, политика потакания агрессии фашистских государств — Германии в Испании, Австрии, Италии в Эфиопии, Японии в Китае — все это были единые звенья в цепи антисоветской политики империалистов Англии, Франции и США, политики, неотвратимо приведшей ко второй мировой войне.

После захвата Австрии Гитлером была намечена очередная жертва агрессии — Чехословакия. Обстановка в этой стране была предельно накалена действиями профашистской партии Генлейна, требовавшей передачи Судетской области Германии. Угроза, нависшая над Чехословакией, возрастала. В этой ситуации особое значение приобретали договоры СССР с Францией и Чехословакией о взаимопомощи. СССР готов был предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии. Слово было за Францией и Англией. Однако под нажимом Гитлера их позиция быстро эволюционировала в сторону все больших уступок Берлину. 19 сентября 1938 г. правительству Бенеша — Годжи была вручена ультимативная англо-французская нота с требованием удовлетворить территориальные притязания Германии. В тот же день Бенеш обратился к Советскому правительству с запросом о его готовности выполнить договорные обязательства. Из Москвы немедленно последовал утвердительный ответ.

Сейчас приходится встречаться с утверждениями, что СССР «не собирался» на деле оказывать помощь Праге. Но вот о чем говорят исторические факты. В сентябре 1938 г. были отмобилизованы и приведены в боевую готовность крупные силы

РККА. К западной границе были выдвинуты танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий. Были подготовлены к боевым действиям 246 бомбардировщиков и 302 истребителя, дислоцированных на базах Белорусского, Киевского и Харьковского военных округов. Сама Чехословакия в те дни располагала хорошо обученной и вооруженной армией, насчитывавшей 1,6 млн чел.— 36 дивизий, 1500 самолетов и 400 танков. Германия могла выставить против Чехословакии — 1,8 млн чел.— 39 дивизий, 2400 самолетов и 720 танков.

Последнее слово, предрешавшее судьбу Чехословакии, и не только ее, оставалось за пражским правительством. Однако, жертвуя национальными интересами страны во имя классовых, оно не решилось прибегнуть к помощи Советского Союза и встало на путь капитуляции. 21 сентября правительство Бенеша — Годжи дало принципиальное согласие на англо-французский ультиматум.

29 сентября 1938 г. в Мюнхене премьер-министры Великобритании — Н. Чемберлен и Франции — Э. Даладье вместе с Гитлером и Муссолини подписали соглашение, по которому Чехословакия была расчленена и фактически отдана на растерзание фашистской Германии. От Чехословакии отторгалось примерно 20% территории. Страна лишалась высокоразвитых промышленных районов, мощных оборонительных сооружений. Но это не удовлетворило агрессора. 15 марта 1939 г. германские войска вступили в Прагу. Государственный суверенитет Чехословакии был окончательно растоптан. Стратегическое положение в Европе в корне изменилось. Советский историк Л. А. Безыменский считает, что мюнхенское соглашение имело «исключительное и, можно сказать, роковое значение во всем процессе обострения и ухудшения обстановки в Европе. Позволю себе выдвинуть тезис, что до Мюнхена существовала возможность при тогдашней расстановке сил предотвратить вторую мировую войну. Мюнхен нанес тяжелейший удар по всей системе попыток создать единый блок против гитлеровской агрессии, который бы объединил самые разнообразные силы, в первую очередь Советский Союз, те круги в Англии и Франции, которые пытались найти с нами общий язык. Тот факт, что в мюнхенском соглашении западные державы за нашей спиной пошли на соглашение с Германией и Италией, мне кажется, имел исключительное значение. После него начался уже необратимый процесс»¹.

Участник сговора с агрессором Н. Чемберлен объявил, что «мюнхенское соглашение обеспечит мир на целое поколение». В действительности Мюнхен вплотную приблизил мир к порогу катастрофы.

Реальный шанс предотвратить мировую войну был упущен.

¹ Известия, 1988, 17 августа.

На Западе делали вид, будто акты фашистской агрессии их не касаются или во всяком случае касаются не настолько, чтобы встать на защиту жертв агрессии.

«Ненависть к социализму, долговременные расчеты, классовый эгоцентризм мешали трезво осмыслить реальные опасности. Больше того, фашизму настойчиво предлагалась миссия ударного отряда в крестовом антикоммунистическом походе. Вслед за Эфиопией и Китаем в топку «умиротворения» полетели Австрия, Чехословакия, меч завис над Польшей, всеми государствами Балтийского моря и Дунайского бассейна, в открытую велась пропаганда превратить Украину в пшеничное поле и скотный двор «третьего рейха». В конечном счете основные потоки агрессии канализировались против Советского Союза...»¹

СССР сделал все, что в его силах, чтобы создать систему коллективной безопасности и предотвратить всемирную войну. Но советские инициативы не встретили отклика у западных политиков.

Западные правящие круги вопреки истине стараются убедить общественность, что старт нападению нацистов на Польшу и тем самым второй мировой войне якобы дал советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. Как будто и не было ни мюнхенского соглашения с Гитлером, подписанного Англией и Францией при активном содействии США, ни аншлюса (захвата) Австрии, ни распытия Испанской республики, ни оккупации нацистами Чехословакии и Клайпеды, ни заключения в 1938 г. Лондоном и Парижем соглашений, равносильных пактам о ненападении с Германией. Кстати, заключила подобный пакт и довоенная Польша. Все это считалось в порядке вещей.

«Из документов известно, что дата нападения Германии на Польшу («не позднее 1 сентября») была установлена еще 3 апреля 1939 года, то есть задолго до советско-германского пакта. В Лондоне, Париже, Вашингтоне знали в малейших деталях подноготную подготовки (Германии.— *Ф. В.*) к польскому походу, как знали и о том, что единственной преградой, способной остановить гитлеровцев, могло быть заключение не позднее августа 1939 года англо-франко-советского военного союза. Знало об этих планах и руководство нашей страны, поэтому и убеждало Англию и Францию в необходимости коллективных мер. Оно призывало к сотрудничеству в целях пресечения агрессии и тогдашнее польское правительство.

Но у западных держав расчет был другой: поманить СССР обещанием союза и помешать тем самым заключению предло-

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 года. М., 1987, с. 23.

женного нам пакта о ненападении, лишить нас возможности лучше подготовиться к неизбежному нападению гитлеровской Германии на СССР»¹.

Идя на переговоры с Советским Союзом (политические контакты начались в марте 1939 г.), Англия и Франция пытались навязать Советскому Союзу односторонние обязательства. Требуя помощи от СССР в случае, если Германия направит свою агрессию на Запад, они в то же время отказывались взять на себя какие-либо взаимные обязательства. Такая позиция, естественно, подрывала надежды на успех будущих переговоров.

Летом 1939 г. наша страна была поставлена перед непосредственной угрозой ведения войны сразу на два фронта, причем в условиях политической изоляции. Быстро нараставшая опасность германской агрессии против СССР с запада дополнялась реальной угрозой нападения на него Японии с востока. В мае 1939 г. японцы вторглись на территорию Монголии в районе реки Халхин-Гол. Советский Союз и МНР, связанные договором о взаимной помощи, в ходе ожесточенных боев отбросили захватчиков.

Перед Советским правительством в те дни стояла задача: как в создавшейся чрезвычайно сложной обстановке обеспечить жизненные интересы социалистического государства, обеспечить выигрыш во времени для обеспечения обороны СССР?

Весной 1939 г. Берлин начинает в германо-советских отношениях нечто вроде «нового рапалльского этапа». Главная цель предпринимаемых маневров — не столько заключение пакта о ненападении с СССР, сколько недопущение военного союза между нашей страной и западными державами.

20 мая германский посол фон Шуленбург сообщил народному комиссару иностранных дел СССР о желании Берлина командировать в Москву советника Ю. Шнурре для «экономических переговоров». Нарком обратил внимание на попытки немцев использовать экономическую тему для каких-то целей, выходящих за рамки отношений с СССР, и указал, что для экономических переговоров нет «подходящей политической базы».

30 мая статс-секретарь МИД Германии Эрнст фон Вейцзекер, приняв временного поверенного в делах Г. А. Астахова, заявил ему: «России предоставляется в немецкой политической лавке довольно разнообразный выбор — от нормализации отношений до непримиримой вражды». О сути состоявшейся беседы Вейцзекер сделал следующую запись: Германия «вносит инициативные предложения», но наталкивается на «недоверие русских»².

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 24—25.

² См.: Новое время, 1987, № 40.

Многочисленные попытки зондажа со стороны Берлина о возможности изменений в советско-германских отношениях не встречали положительного отклика. Москва готовилась к переговорам с Англией и Францией по военным и политическим вопросам, придавая им решающее значение.

Еще 17 апреля 1939 г. Советское правительство направило правительствам Англии и Франции проект пакта о взаимной помощи между СССР, Англией и Францией, основанного на принципе равных прав и обязанностей для всех его участников. Важнейшие статьи пакта гласили:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение §1 и 2»¹.

Эти предложения представляли собой четкую программу создания в Европе надежного фронта защиты мира, основанного на тесном сотрудничестве СССР, Англии, Франции. Их осуществление могло бы создать реальную преграду на пути агрессоров.

Вразумительного ответа на советские предложения ни из Лондона, ни из Парижа не последовало. Однако в связи с явным усилением угрозы германской агрессии отвергнуть саму идею переговоров с Советским Союзом Чемберлен и Даладье не могли.

В середине июня в Москве начались переговоры представителей СССР, Англии и Франции, в ходе которых англо-французская дипломатия всеми способами старалась расчлнить советский проект соглашения на две части, чтобы исключить из него военные статьи, то есть не брать на себя никаких военных обязательств по отношению к СССР. Переговоры приняли затяжной характер.

В Берлине внимательно следили за тем, что происходило в Москве.

27 июля советник Шнурре пригласил поверенного в делах СССР и торгпреда и изложил им схему поэтапной нормализации отношений между двумя странами, включавшей восстанов-

¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. М., 1981, т. 2, с. 72.

ление хороших политических отношений, продолжая то, что имелось (Берлинский договор о нейтралитете, заключенный с СССР в 1926 г.), или реорганизацию их с взаимным учетом жизненно важных интересов. В качестве предпосылки этому Шнурре выдвинул пересмотр Советским Союзом своей «однозначно антигерманской политики». В ответ Г. А. Астахов напомнил немецкому дипломату такие факты: «Антикоминтерновский пакт», мюнхенское соглашение, которое предоставило Германии свободу рук в Восточной Европе, включение Германией Прибалтийских государств и Финляндии, а также Румынии в сферу своих интересов — все это не позволяет Москве видеть положительные перемены в политике Германии¹.

После встречи германского посла с наркомом иностранных дел СССР Шуленбург докладывал в Берлин 4 августа, что, по его мнению, СССР «преисполнен решимости договориться с Англией и Францией».

Когда в июле 1939 г. политические переговоры между представителями СССР, Англии и Франции по вине последних зашли в тупик, Советский Союз продолжал настойчиво искать путь к заключению наряду с договором также и военного соглашения, в котором были бы точно определены форма, размеры и сроки оказания взаимной военной помощи. Советское правительство предложило начать переговоры между военными миссиями трех стран. Такие переговоры начались в Москве 12 августа. «Советская военная миссия представила конкретный план ведения согласованных действий вооруженными силами СССР, Англии и Франции, предусматривавший все возможные случаи агрессии в Европе»².

В случае германской агрессии на Западе или против Польши Советский Союз был готов предоставить Англии и Франции любую военную помощь, если, разумеется, эти страны возьмут на себя аналогичные обязательства в случае агрессии против СССР.

Однако обнаружилось, что глава французской делегации генерал Ж. Думенк имел полномочия только на обмен мнениями; адмирал П. Дракс, руководитель британской делегации, прибыл вообще без полномочий. Зато у него была инструкция: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать ему руки при любых или иных обстоятельствах. Поэтому следует стремиться свести военное соглашение к самым общим формулировкам». В пункте 8-м инструкции указывалось: «Вести переговоры как можно медленнее»³. Затягивать их, точно зная, что война должна грянуть не позднее сентября.

¹ См.: Новое время, 1987, № 40.

² Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М., 1970, с. 20.

³ DBFP. Ser. 3. L., 1973, vol. 6, p. 763.

Но дело было не только в затягивании переговоров. Как свидетельствует Г. Феркер, английский дипломат, находившийся в Москве летом 1939 г., «задолго до прибытия британской военной миссии английское посольство в Москве получило инструкцию правительства, в которой указывалось, что переговоры ни в коем случае не должны закончиться успешно».

На заседаниях 13—14 августа выявилось, что у англичан и французов нет ни конкретных планов практического военного сотрудничества трех держав, ни желания по-деловому рассматривать советские варианты оказания военной помощи Польше и Румынии в случае нападения на них Германии. Не дали каких-либо результатов и заседания, состоявшиеся в последующие дни.

«Я думаю,— заметил Дракс после очередной встречи с советской делегацией,— наша миссия закончилась».

16 августа германскому послу Шуленбургу поступило из Берлина указание передать советскому наркому иностранных дел, что Германия готова заключить договор о ненападении сроком на 25 лет, использовать свое влияние для «улучшения и консолидации отношений» между СССР и Японией. С учетом складывающейся обстановки имперский министр иностранных дел Риббентроп выражал желание прибыть в Москву с исчерпывающими полномочиями для обсуждения всего комплекса вопросов и подписания, если представится возможность, соответствующего документа.

С советской стороны было заявлено: если германское правительство намерено отойти от старой политики в направлении серьезного улучшения отношений с СССР, то такую перемену можно только приветствовать. В этом случае Советское правительство, в свою очередь, готово к ответным шагам. Первым шагом могло бы быть заключение торгового и кредитного соглашения. Вторым — подписание пакта о ненападении или подтверждение договора о нейтралитете 1926 г.

18 августа Берлин предложил германскому послу добиться незамедлительного приема в НКВД и убедить советскую сторону в необходимости приезда Риббентропа. Шуленбургу было поручено изложить «примерный текст» пакта о ненападении и подчеркнуть, что министр прибывает с полномочиями на его подписание.

Накануне, 17 августа, советско-англо-французские переговоры были по инициативе англичан прерваны на неопределенный срок.

Пока английские и французские представители создавали в Москве видимость переговоров, между Берлином и Лондоном проходили интенсивные негласные контакты на различных уровнях с целью достижения «широчайшей англо-германской договоренности по всем важным вопросам». Многие об этих

контактах известно, в частности, о готовности Англии во имя договоренности с Гитлером «освободиться от обязательств в отношении Польши». Но многое еще скрыто в британских архивах. По недавно опубликованным данным английских историков, на 23 августа в Англии была назначена встреча Геринга с Н. Чемберленом. На один из немецких аэродромов за «именитым гостем» уже прибыл самолет «Локхид А-12» английских секретных служб. 22 августа в связи с отъездом Риббентропа в Москву германская сторона отменила согласованный визит. Ясно, что вероятный англо-германский сговор в сложившейся ситуации представлял для СССР крайне опасную угрозу, наихудшую из возможных расстановку сил в Европе. Если допустить, что в Москве знали о готовящейся сделке, что вполне вероятно, это могло сыграть не последнюю роль в решении принять сделанные советской стороне в августе предложения германского правительства¹.

Убедившись в невозможности добиться сотрудничества с Англией и Францией, Советское правительство было обязано изыскать иные возможности избежать войны с Германией или максимально оттянуть ее².

20 августа правительство СССР дало согласие на приезд Риббентропа в Москву. 23 августа советско-германский пакт о ненападении был подписан.

«Советское правительство, заключая договор с Германией, знало, что рано или поздно она развяжет войну против нашей страны. Но договор лишал империалистические державы возможности создать единый антисоветский фронт и давал СССР выигрыш во времени, так необходимом для укрепления обороны. Советская внешняя политика сорвала попытки империалистов разрешить свои противоречия за счет СССР»³.

Договор «дал возможность Советской стране отвести на время угрозу от своих западных границ»⁴. Он способствовал предотвращению создания единого антисоветского фронта. Это был пакт не о союзе, не о взаимопомощи, а лишь о ненападении. И после заключения договора СССР был готов продолжить переговоры с Англией и Францией, но их правительства немедленно отозвали свои военные миссии из Москвы, не желая вести никаких переговоров с Советским Союзом.

«ЦК ВКП(б) и Советское правительство, — писал маршал Г. К. Жуков, — исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть

¹ См.: Правда, 1988, 1 сентября.

² См.: История внешней политики СССР. 1917—1985. 5-е изд. М., 1986, т. 1, с. 386.

³ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 21.

⁴ Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984, с. 37.

время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта»¹.

Срыв западными державами переговоров с СССР нанес серьезный удар его попыткам сообща поставить заслон на пути агрессии и тем самым предотвратить пожар второй мировой войны.

Ответственность за то, что альтернатива войне не стала летом 1939 г. реальностью, лежит на политиках Запада, принимавших решения, руководствуясь не широко понятыми интересами своих народов, народов Европы в целом, а классовой враждой к социалистическому государству.

Вторая мировая война была порождена всей капиталистической системой и возникла внутри ее. Она явилась результатом развития мировых экономических и политических сил на базе монополистического капитализма, итогом обострения противоречий между империалистическими державами.

Решающее значение для возникновения военного конфликта имели противоречия между Германией, Италией, Японией, с одной стороны, Англией, Францией и США — с другой. Особенно острыми были англо-германские и франко-германские противоречия, являвшиеся основными накануне войны.

Непосредственным зачинщиком второй мировой войны были фашистские государства во главе с гитлеровской Германией.

Война началась как империалистическая и со стороны Германии, и со стороны Англии и Франции, защищавших интересы монополистического капитала, огромные колониальные владения. Это была схватка двух коалиций империалистических держав. Однако развернувшаяся в ходе войны борьба народов против гитлеровской агрессии была антифашистской, освободительной.

Со второй половины 1940 г., когда встал вопрос о защите самого национального существования многих суверенных государств, война против фашистской Германии начинает в целом приобретать справедливый, освободительный характер. Вступление в войну Советского Союза, вызванное нападением на нашу страну гитлеровской Германии, явилось главным фактором, который определил окончательное изменение характера войны. «Вторая мировая война превратилась со стороны противостоящих Германии сил в войну антифашистскую, справедливую»².

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 8-е изд. М., 1987, т. 1, с. 290.

² Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 28.

Глава I

НАЧАЛО ТРАГЕДИИ

ПЛАН «ВАЙС»

1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Это было начало второй мировой войны.

Вторая мировая война вопреки замыслам правящих кругов Англии, Франции и США началась со схватки двух капиталистических коалиций¹. Это была война небывалая по своим масштабам и числу человеческих жертв.

Напав на Польшу, германский фашизм сделал новый шаг к реализации своей программы расширения «жизненного пространства». Польша должна была стать плацдармом для дальнейшего продвижения на Восток и нападения на СССР. Мюнхенская политика Англии и Франции, направленная против Советского Союза, срыв по их вине англо-франко-советских политических и военных переговоров (август 1939 г.) поощрили

¹ См.: История второй мировой войны, 1939—1945. В 12 т. М., 1973. т. 1, с. 10.

фашистского агрессора, уже поправшего независимость Австрии и Чехословакии, к новым военным авантюрам.

Еще в апреле 1939 г. верховным командованием вермахта (ОКВ) был принят план «Об единой подготовке вооруженных сил на 1939—1940 гг.»¹. Из документов известно, что тогда же, в апреле, была установлена дата нападения Германии на Польшу — «не позднее 1 сентября 1939 г.».

Германская программа завоевания мирового господства предусматривала на первых порах военный разгром Польши на Востоке и Англии и Франции на Западе. В секретных протоколах совещания высших офицеров германских вооруженных сил, состоявшегося 23 мая 1939 г., говорилось о подготовке войны против Англии, Франции и Польши. Гитлер подчеркивал: «Расширение жизненного пространства на Востоке» начнется за счет Польши. «Поэтому,— продолжал он,— нам осталось одно решение — напасть на Польшу при первой удобной возможности»².

22 августа 1939 г. Гитлер так изложил своим генералам цели нападения на Польшу: «Цель: Уничтожение Польши, ликвидация ее живой силы. Речь идет... об уничтожении противника, к чему следует неуклонно стремиться любыми путями... *Проведение операции* — твердое и решительное! Не поддаваться никакому чувству жалости!»³.

Если бы на помощь Польше пришли Англия и Франция, хотя Гитлер был почти уверен, что этого не произойдет, он был готов воевать и с этими державами. «В таком случае придется сражаться в первую очередь против Англии и Франции... Англия наш враг, и конфликт с Англией будет борьбой не на жизнь, а на смерть»⁴.

Весной 1939 г. советские полпреды в Лондоне и Париже доносили в Москву: в Англии и Франции все более отчетливым становилось мнение политиков и военных — «ближайший германский удар будет нанесен на Запад и под этот удар в первую очередь попадет Франция»⁵.

Но этого не понимали Чемберлен и Даладьё, ставшие у кормила государственной власти в Лондоне и Париже.

ЦЕНА ГАРАНТИЙ ЧЕМБЕРЛЕНА

В Берлине знали истинную цену английским гарантиям Польше, данным еще 31 марта 1939 г., когда был заключен англо-польский «гарантийный пакт».

¹ Нюрнбергский процесс. 2-е изд. М., 1954, т. 1, с. 343.

² Documents on German Foreign Policy (далее — DGFP), Ser. D. L., 1954, vol. 6, N 433.

³ См.: Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1968, т. 1, с. 57.

⁴ DGFP, Ser. D, vol. 6, N 433.

⁵ Цит. по: Международная жизнь, 1969, № 7, с. 86.

Выступая в английском парламенте, Чемберлен патетически восклицал: «...В случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство его величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах»¹. В тот же день, 31 марта, состоялась встреча бывшего британского премьера Ллойд Джорджа и Чемберлена. Лидер либералов обратился с вопросом к премьеру: будет ли привлечен СССР к блоку миролюбивых держав? Чемберлен ответил отрицательно. Тогда Ллойд Джордж спросил, как же при таких условиях Чемберлен рискнул выступать со своей воинственной декларацией? Ведь без активной помощи СССР «никакого «восточного фронта»... быть не может». При отсутствии твердого соглашения с СССР, заявил Ллойд Джордж Чемберлену, «я считаю ваше сегодняшнее заявление безответственной азартной игрой»². Ллойд Джордж резонно считал: отпор Гитлеру можно дать только в союзе с Советским Союзом³.

Чемберлен и его сторонники придерживались иной концепции.

В начале апреля 1939 г. в Лондон прибыл польский министр иностранных дел Бек. Правительство Англии и Польши заявили о своей готовности заменить временное и одностороннее обязательство постоянным соглашением о взаимопомощи на случай прямой или косвенной угрозы одной из стран⁴. В действительности Чемберлен не спешил с заключением такого соглашения. Столь же туманные гарантии Чемберлен и Даладьё готовы были предоставить Румынии и Греции.

Предоставляя бумажные гарантии малым странам, английские и французские политики отнюдь не заботились об их целостности и суверенитете. Они рассчитывали использовать эти гарантии как фактор давления на Германию при переговорах с нею. Представители английского правительства в ходе секретных переговоров с немецкими дипломатами, а они велись начиная с июня 1939 г., заявляли о готовности немедленно отказаться от своих обязательств малым странам во имя возможных англо-германских договоренностей. Гарантии английских политиков были лишь разменной монетой в торге с агрессором, средством обмана масс, продолжением политики «умиротворения» в слегка замаскированном виде.

Если в период Мюнхена объектом сговора с фашистской Германией послужила Чехословакия, то летом 1939 г. такая

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971, с. 290.

² Там же, с. 291.

³ The Origines of the Second World War. L., 1967, p. 322.

⁴ Ibid., p. 261—262, 322.

роль, по расчетам англо-французских политиков, отводилась Польше. «Англия и Франция, — говорил Гитлер, — дали обязательства, но ни одно из этих государств не желает их выполнять...»¹

Кто-кто, а фюрер хорошо знал своих политических оппонентов. «Единственное, чего я боюсь, — говорил он, — это приезда ко мне Чемберлена или какой-нибудь другой свиньи с предложением изменить мои решения. Но я спущу его с лестницы...»

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ШАНТАЖ ГИТЛЕРОВЦЕВ

Весной и летом 1939 г. гитлеровская Германия вела военную подготовку нападения на Польшу. Это сопровождалось мерами политического шантажа.

21 марта 1939 г. Берлин в ультимативной форме потребовал от Польши передачи Германии Данцига (Гданьска) и прокладки экстерриториальной автострады и железной дороги через Польский коридор. Эти требования были как бы предварительной разведкой обстановки — как на них будут реагировать Англия и Франция. 28 апреля Гитлер разорвал пакт о ненападении с Польшей и англо-германское морское соглашение 1935 г., бросив прямой вызов Англии и Франции. Однако правительства Чемберлена и Даладье по-прежнему заявляли о своей готовности отказаться от гарантий Польше в случае достижения «общего соглашения» с Германией. Более того, они оказывали давление на Польшу, стремясь вынудить ее капитулировать перед Гитлером, как это было с Чехословакией. Английские и французские дипломаты, стремясь освободиться от своих гарантий, советовали Польше начать двусторонние переговоры с Германией, «мирно» урегулировать «польский вопрос», то есть добровольно уступить агрессору Данциг и Польский коридор².

На заседании английского кабинета 3 мая 1939 г., когда еще не успели умолкнуть обещания английских политиков в связи с «гарантийным пактом» с Польшей, министр иностранных дел Галифакс заявил: «Конечно, полковник Бек не жаждет войны, но, если возникнет война из-за Данцига, Польша должна будет нести вину за это»³.

Таким образом, Галифакс считал агрессором не фашистскую Германию, а Польшу.

Обсуждая на заседании кабинета, состоявшемся 10 мая 1939 г., вопрос об угрозе захвата Данцига Германией, он не

¹ Cooper R. The Nurenberg Trial. L., 1947, p. 59.

² DBFP, Ser. 1, L., 1947, vol. 5, N 211.

³ Public Record Office (далее — PRO), Cab. 23/99, 3.V 1939, p. 124.

только допускал возможность этой агрессивной акции, но и советовал полякам в этом случае переключить польскую торговлю с Данцига на Гдыню¹.

Все это воспринималось гитлеровцами как нежелание западных держав вести войну с Германией во имя выполнения гарантий, данных Польше. Считая так, а также поняв, что английские и французские политики не хотят всерьез вести переговоры с СССР и заключить с ним пакт о взаимопомощи, германские политики и военные развернули непосредственную подготовку войны против Польши.

В ходе нее Гитлер требовал от своих генералов и адмиралов «изолировать Польшу» от Англии и Франции, нападение подготовить как можно «внезапнее и мощнее», проводя замаскированную переброску войск.

«ДЕНЬ Y»

14 июня 1939 г. генерал Бласковиц, в то время командовавший 3-й армейской группой, издал подробный приказ о боевых операциях по плану «Вайс», а на следующий день главнокомандующий сухопутными силами Браухич подписал секретную директиву о нападении на Польшу — «дне Y», требуя, «чтобы война была начата сильными и неожиданными ударами».

Подготовка агрессии против Польши усиленно продолжалась. 22 июня начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Кейтель составил предварительное расписание проведения военных операций, которое одобрил Гитлер.

14 августа в ставке фюрера состоялось совещание высшего генералитета, на котором фашистский главарь сообщил о сроках нападения на Польшу. 15—16 августа командиры военных судов — «карманных» линкоров, крейсеров, подводных лодок — получили приказ выйти в Атлантику, чтобы внезапно напасть на английский и французский флоты².

22 августа Гитлер на совещании в Оберзальцберге отдал последние распоряжения о войне с Польшей. «Прежде всего, — говорил он, — будет разгромлена Польша... Если война даже разразится на Западе, мы прежде всего займемся разгромом Польши...

Я дам пропагандистский повод для начала войны. Неважно, будет он правдоподобным или нет. Победителя потом не будут спрашивать, говорил ли он правду»³.

В соответствии с планом «Вайс» Германия завершала концентрацию своих войск на границах Польши.

¹ PRO, Cab. 23/99, 10.V 1939, p. 159.

² См.: *Матвеев В.* Провал мюнхенской политики. М., 1955, с. 236.

³ Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 348.

В «вольный город» Данциг прибывали под видом туристов немецкие солдаты и офицеры СС, СА и армейских подразделений. 23 августа местные фашисты совершили переворот в городе. Сенат Данцига назначил их предводителя Ферстера главой «вольного города», что превращало город в «гау» (провинцию) Германии¹.

Резко усилилась шпионско-диверсионная деятельность немцев на территории Польши, провоцировались пограничные конфликты. Фашистская печать подняла шум о «жестокоем обращении» с германским национальным меньшинством в Польше, обвиняя польские власти в том, что они якобы готовятся захватить Восточную Пруссию.

НОВЫЕ МАНЕВРЫ ЧЕМБЕРЛЕНА И ДАЛАДЬЕ

В те предгрозовые дни Англия и Франция все еще надеялись сговориться с Гитлером, убедить его отказаться от войны на Западе и столкнуть Германию с СССР. В Лондоне и Париже рассчитывали, что, как только Гитлер захватит Польшу и его войска продвинутся к границам СССР, немедленно вспыхнет германо-советское военное столкновение и будет достигнута цель, к которой долгие годы стремились правители Англии и Франции.

Рассчитывая решать англо-германские и франко-германские противоречия за счет других держав, Чемберлен, Даладье, Галифакс, Боннэ крутили заигранную политическую пластинку — предоставить Гитлеру «свободу рук» в Восточной Европе.

На очередном заседании британского кабинета, обсуждавшего угрозу нападения фашистской Германии на Польшу, Н. Чемберлен заявил, что, по его мнению, по вопросу о Данциге «внимание должно быть направлено на политические действия с целью обеспечить передышку, а не на военные меры»². Премьер продемонстрировал германским политикам свою готовность «обсудить все проблемы, не решенные между нашими странами», на основе «более широкого и полного взаимопонимания между Англией и Германией»³.

В свою очередь французский министр иностранных дел Боннэ направил в Варшаву телеграмму, советуя польскому правительству не прибегать к оружию в случае захвата Данцига Германией⁴.

¹ См.: Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе, 1933—1939 гг. М., 1963, с. 606—607.

² PRO, Cab. 23/99, 24.V 1939, p. 290.

³ British War Blue Book. L., 1939, N 68.

⁴ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 1, с. 198.

Подобные предложения не могли означать ничего иного, кроме очередного Мюнхена, на сей раз за счет Польши.

За месяц до нападения фашистской Германии на Польшу, 2 августа 1939 г., английские министры собрались на очередное заседание. На нем Галифакс весьма недвусмысленно заявил: Англия не намерена воевать из-за Польши, из-за Данцига. «Истинное положение Данцига само по себе не должно рассматриваться как *casus belli* (повод к войне.— Ф. В.)»¹.

Английские министры готовы были торговать польской территорией, лишь бы Гитлер пошел воевать против СССР.

Следует отметить: в период напряженнейшей международной обстановки, когда пламя пожара мировой войны могло забушевать в любой момент, английские министры хранили поразительную беспечность и благодушие. Со 2 по 22 августа, когда война была уже на пороге, английский кабинет не собирался ни разу. Министры отдыхали на курортах Гастингса и Брайтона, охотились в горах Шотландии, на ее живописных озерах, бродили по долинам и лесам Уэльса.

Катастрофический рост угрозы войны все же заставил флегматичных английских министров вернуться из внеочередных отпусков и собраться 22 августа — буквально за 10 дней до начала войны — на очередное заседание.

Совещание министров началось в 3 часа дня. Открывая заседание, Н. Чемберлен охарактеризовал политическое положение в мире как «очень серьезное». Галифакс сообщил членам кабинета «весьма достоверную информацию» о том, что «Германия имеет в виду напасть на Польшу 25 или 28 августа». Английские министры, однако, не приняли решения о самых неотложных мерах для противодействия агрессии фашистской Германии, не отдали приказ имперскому генеральному штабу о приведении армии в боевую готовность, а всего лишь ограничились принятием предложения Чемберлена о посылке очередного «умиротворяющего» послания Гитлеру либо прямо, либо через эмиссара².

Однако Гитлера уже не удовлетворяла уступчивость Англии и Франции. 25 августа он пригласил английского посла в Берлине Гендерсона и передал ему почти ультимативные требования Германии — немедленно «решить польский вопрос» путем передачи Германии Данцига и Польского коридора³. Гитлер при этом уверял Гендерсона в своем «миролюбии», в том, что он «хотел бы закончить свою жизнь как художник»⁴. И в это же самое время он готовил приказ о нападении на Польшу.

¹ PRO, Cab. 23/100, 2.VIII 1939, p. 271.

² PRO, Cab. 23/100, 22. VIII 1939, p. 315, 323, 325.

³ British War Blue Book, N 68.

⁴ См.: Каршай Э. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. М., 1968, с. 99.

Английская дипломатия продолжала маневрировать. 25 августа был подписан англо-польский «договор о взаимопомощи». По существу, этот договор был лишь средством давления на гитлеровскую дипломатию, с помощью которого Англия надеялась побудить Германию пойти на соглашение с ней. И действительно, даже подобный чисто формальный договор вынудил Гитлера несколько заколебаться. Он временно притормозил колеса военной машины и отменил намеченное на 26 августа нападение Германии на Польшу. Кейтелу было дано указание «немедленно отменить приказ о наступлении»¹. Войска, вышедшие на исходные позиции, были остановлены. Нападение было перенесено на 1 сентября.

ПОЛЬСКИЙ ПРОЛОГ

Но колебания Гитлера были кратковременными. Тому причиной являлась позиция английских политиков, твердивших: «Данциг не стоит войны», заявлявших устами видного офицера британских ВВС барона де Роппа: «Польша более полезна для Англии в роли мученицы, чем в качестве существующего государства»². В беседе с Гендерсоном Гитлер цинично говорил: он «не обидится на Англию, если она будет вести мнимую войну».

Англо-французские дипломаты вплоть до начала войны продолжали тайные переговоры с гитлеровцами. Они велись при посредстве родственника Геринга шведского промышленника Бергера Далеруса в Шлезвиг-Гольштейне, Лондоне и Берлине³. Главная цель переговоров состояла в подготовке нового Мюнхена за счет польского народа. Во время встреч представителей Англии и Германии речь шла о созыве четырехстороннего совещания с участием Англии, Франции, Германии и Италии для решения вопроса о судьбе Польши. Ни СССР, ни Польшу не приглашали к участию в подобном совещании. Совещание без СССР должно было стать сговором против СССР.

25 августа, в день заключения англо-польского договора, Гитлер передал следующие предложения английскому правительству:

- 1) Германия желает заключить с Англией пакт или союз,
- 2) Англия должна помочь Германии получить Данциг и Польский коридор,
- 3) Должно быть достигнуто соглашение относительно возврата колоний для Германии,
- 4) Германия обещает защищать целостность Британской империи в случае нападения на нее⁴.

¹ *Taylor A. English History 1914—1945. Oxford, 1945, p. 326.*

² *DGFP, Ser. D, vol. 8, p. 367.*

³ *Ibid. p. 281—286, 318—320.*

⁴ *Ibid., vol. 7, p. 283.*

Через три дня Гендерсон вручил в Берлине английский ответ на германские предложения. Англия готова пойти на заключение широкого соглашения с Германией, она соглашалась на передачу Германии Данцига и Коридора. Вместе с тем Англия отвергла пункт о возврате немецких колоний, обещая рассмотреть этот вопрос после того, как будут урегулированы другие проблемы. Отвергался и пункт о защите Германией целостности Британской империи.

Однако вплоть до последних дней перед нападением Германии на Польшу Чемберлен и его сторонники надеялись на достижение «широкого и полного» соглашения с Германией. Этого же хотел и Даладье, несмотря на то что Франция была связана с Польшей договором 1921 г., Локарнскими соглашениями 1925 г., предусматривавшими помощь Польше в случае агрессии против нее.

Считая, что нападение на Польшу не встретит серьезного отпора западных держав, 29 августа Гитлер вручил английскому послу Гендерсону ультиматум, вновь требуя передачи Германии Данцига и Польского коридора и приезда в Берлин для переговоров полномочного представителя Польши 30 августа 1939 г.¹ Срок ультиматума — 24 часа.

Польское правительство, зная о надвинувшейся вплотную угрозе фашистской агрессии, не приняло всех необходимых мер по обороне страны. Более того, по требованию английских и французских дипломатов Польша отсрочила на сутки проведение всеобщей мобилизации² — до 11 часов 31 августа.

В полночь с 30 на 31 августа, когда истек срок германского ультиматума, Риббентроп пригласил Гендерсона. Риббентроп отказался принять ответную ноту английского правительства и скороговоркой зачитал германский ультиматум Польше. В ультиматуме, состоявшем из 16 пунктов, требовались немедленная передача Данцига Германии, проведение плебисцита на территории Польского коридора³ и т. д.

Вечером 31 августа после долгих проволочек Риббентроп принял польского посла Липского, назначенного правительством для ведения переговоров с Германией. Министр в категорической форме поставил Липскому вопрос: имеет ли он полномочия от своего правительства для принятия германских требований? Получив отрицательный ответ, Риббентроп прервал беседу с послом⁴. Вернувшись в посольство, Липский узнал: связь между Берлином и Варшавой прервана.

¹ British War Blue Book, N 42.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 1, с. 200.

³ British War Blue Book, N 50, 52.

⁴ См.: *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. 2-е изд. М., 1975, с. 364.

ОПЕРАЦИЯ «ГИММЛЕР»

31 августа Гитлер подписал секретную директиву № 1 по ведению войны, в которой говорилось: «Нападение на Польшу должно быть осуществлено в соответствии с «Планом Вайс», с теми изменениями для армии, которые были внесены...

Задания и оперативные цели остаются без изменения.

Начало атаки — первое сентября 1939 года. Время атаки — 2.45 утра...

На Западе важно, чтобы ответственность за начало военных действий падала полностью на Францию и Англию...»¹

Стремясь оправдать перед мировой общественностью и немецким народом вероломное нападение на Польшу, по приказу Гитлера фашистская военная разведка и контрразведка, возглавляемая адмиралом Канарисом, совместно с гестапо пошли на чудовищную провокацию.

В строжайшей тайне Канарисом и его подручными была разработана операция «Гиммлер». Было тщательно подготовлено нападение эсэсовцев и уголовников, специально отобранных в немецких тюрьмах и переодетых в польскую форму, на радиостанцию пограничного немецкого городка Глейвиц (Гливице). Эта провокация необходима была гитлеровским генералам и дипломатам, чтобы возложить на Польшу, жертву агрессии, ответственность за развязывание войны.

Практическое выполнение провокации было поручено Канарисом начальнику отдела диверсий и саботажа военной разведки генералу Лахузену и сотруднику службы безопасности СД Науджоксу, приказавшим заготовить для участников диверсии польские военные мундиры, польское оружие и снаряжение, польские удостоверения личности.

Науджоксу и другим участникам инсценировки «польского нападения» на радиостанцию было приказано поехать в Глейвиц и там ждать кодового сигнала для нанесения удара. Приказ гласил: необходимо захватить радиостанцию и удерживать ее до тех пор, пока немец, знающий польский язык, не зачитает по радио речь.

«Между 25 и 31 августа, — показал Науджокс на Нюрнбергском процессе, — я разыскал шефа гестапо Генриха Мюллера... Мюллер сказал мне, что он получил приказ от Гейдриха предоставить в мое распоряжение одного преступника для участия в операции в Глейвице».

В 20 часов 31 августа 1939 г. приказ осуществить провокацию был выполнен. В этот час эсэсовцы и провокаторы-уголовники напали на радиостанцию Глейвиц. После «перестрелки» с немецкой полицией и захвата радиостанции один из немцев, знавший польский язык, торопливо прочитал перед

¹ Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 349—350.

микрофоном текст, заранее составленный в гестапо. В нем были слова: «Пришло время войны Польши против Германии». После этого эсэсовцы сразу же расстреляли своих пособников. Позже их тела демонстрировались как трупы «польских военнослужащих», якобы напавших на радиостанцию¹.

«Пропагандистский предлог» для агрессии против Польши, который обещал дать военным Гитлер, был ими получен.

31 августа в 14.00 приказ о начале осуществления плана «Вайс» — «дня У» поступил в штабы армейских групп вермахта, сосредоточенных у польской границы.

1 сентября 1939 г. в 4 часа 45 минут утра немецко-фашистские войска без объявления войны вторглись в Польшу: с севера — из Восточной Пруссии, с запада — из Померании и с юга — из Силезии. Немецкая авиация начала бомбардировку польских городов, аэродромов и коммуникаций, затрудняя мобилизацию войск, а военно-морской флот — обстрел порта Гдыни, полуострова Вестерплатте.

АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ ОБЪЯВЛЯЮТ ВОЙНУ ГЕРМАНИИ

Утром 1 сентября в Лондоне и Париже узнали о нападении Германии на Польшу, о бомбардировке Варшавы, Кракова и других городов. Бек вызвал по телефону английского посла в Варшаве Кеннарда и сообщил ему: война между Германией и Польшей началась.

Польша ждала немедленной помощи от Англии и Франции. Гитлер и его генералы испытывали известную тревогу.

Вечером 1 сентября, через 16 часов после начала военных действий, в германском МИД появился Гендерсон. Он сообщил Риббентропу: «Если германское правительство не даст правительству Е. В. удовлетворительных заверений в том, что оно прекратит всякие агрессивные действия против Польши, и не готово незамедлительно отвести войска с польской территории, то правительство Е. В. в Соединенном королевстве без колебаний выполнит свои обязательства по отношению к Польше»².

Через полчаса нота такого же содержания была вручена Риббентропу французским послом в Берлине Кулондром.

Потребовав приостановки военных действий и вывода германских войск из Польши, английское и французское министерства иностранных дел поспешили заверить Берлин, что эти ноты носят предупредительный характер и не являются ультиматумами³.

¹ См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 43.

² British War Blue Book, N 65.

³ Ibidem.

Вторжение в Польшу продолжалось.

1 сентября английский король подписал указ о мобилизации армии, флота и авиации. В тот же день был подписан декрет о всеобщей мобилизации во Франции.

В Берлине расценили эти мероприятия как блеф: Гитлер был уверен, что, если даже Англия и Франция объявят войну Германии, они не начнут серьезных военных действий. Так же как в дни Мюнхена, Чемберлен и Даладье обратились к Муссолини с просьбой о посредничестве, строили надежды на договоренность с агрессором на новой конференции Англии, Франции, Германии и Италии. Однако внутренняя обстановка в Англии и Франции резко изменилась по сравнению с осенью 1938 г.

При всей их недалекости Чемберлен и Даладье не могли не видеть, что открытый отказ от выполнения своих обязательств в отношении Польши и новая позорная капитуляция перед Гитлером вызвали бы опасное возмущение народов. Это признавал Галифакс в разговоре по телефону с Боннэ 3 сентября. «Если премьер-министр появится там (в парламенте.— *Ф. В.*) без того, чтобы было сдержано обещание, данное Польше, то он может натолкнуться на единодушный взрыв негодования и кабинет будет свергнут»¹. Это вынуждало «продемонстрировать решительность».

2 сентября английское правительство поручило своему послу в Берлине Гендерсону ультимативно потребовать от Германии прекращения военных действий в Польше и отвода германских войск. Выполняя эти инструкции, Гендерсон вручил 3 сентября в 9 часов утра ультиматум Германии. Риббентроп не принял его, а ноту передал своему переводчику Шмидту. Последний сообщил ее содержание Гитлеру. Английская нота гласила: «Наступление Германии на Польшу продолжается. Вследствие этого имею честь сообщить вам, что если сегодня до 11 часов по английскому времени правительству Е. В. в Лондоне не поступит удовлетворительный ответ, то, начиная с указанного часа, оба государства будут находиться в состоянии войны»².

Вскоре Германии был предъявлен и французский ультиматум³.

В тот же день, 3 сентября, Гендерсон и Кулондр в 11 часов 15 минут пришли за ответом к Риббентропу. Однако министр высокомерно заявил: «Германия отвергает ультиматум Англии и Франции и возлагает на их правительства ответственность за развязывание войны».

Кулондр спросил Риббентропа, должен ли он из его слов сделать вывод, что Германия дает отрицательный ответ на французскую ноту от 1 сентября?

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 1, с. 205.

² British War Blue Book, N 118.

³ См.: *Овсяный И. Д.* Цит. соч., с. 372.

— Да,— ответил Риббентроп.

— В этих условиях,— заявил французский посол,— я должен, по поручению моего правительства, напомнить вам в последний раз о тяжелой ответственности, падающей на германское правительство, начавшее военные действия против Польши без объявления войны и не уступившее настойчивой просьбе английского и французского правительств об отводе германских войск с польской территории. Я должен выполнить неприятную миссию и сообщить вам, что французское правительство, начиная с 17 часов сегодняшнего дня (3 сентября.— *Ф. В.*), в соответствии со своими обязательствами по отношению к Польше, считает себя в состоянии войны с Германией.

В тот же день английский министр иностранных дел Галифакс принял германского поверенного в делах в Лондоне и передал ему ноту, гласившую:

«...Сегодня в 9 часов утра посол его величества в Берлине уведомил по моему указанию германское правительство, что если сегодня, 3 сентября, до 11 часов по английскому летнему времени правительству его величества в Лондон не поступит удовлетворительного ответа от германского правительства, то начиная с указанного часа оба государства находятся в состоянии войны. Поскольку таких заверений не поступало, честь имею сообщить, что оба государства начиная с 11 часов 3 сентября находятся в состоянии войны»¹.

3 сентября, выступая в палате общин, Чемберлен заявил: Великобритания вступила в войну с Германией. «Сегодня,— сокрушался премьер,— печальный день для всех нас, и особенно для меня. Все, для чего я трудился, все, на что я так надеялся, все, во что я верил в течение всей моей политической жизни, превратилось в руины»².

Действительно, чемберленовские планы спровоцировать нападение Германии на Советский Союз потерпели в те дни крах. Германия начала с войны против союзницы Англии и Франции — Польши.

Черчилль, занимавший в правительстве Чемберлена пост морского министра, обвинял Гитлера в том, что он «предал антикоммунистическое, антибольшевистское дело»³. Ему вторил Галифакс. Те, кто хотел, чтобы Гитлер «был львом на Востоке» и «ягненок на Западе», испытывали горькое разочарование. И было от чего. Фашистская Германия, вооруженная на американские доллары, английские фунты стерлингов и французские франки, совершила нападение в первую очередь на тех, кто ее вооружал.

¹ Каршан Э. Цит. соч., с. 114—115.

² Parliamentary Debates. House of Commons, 1939, vol. 349, 3.IX.

³ Colliers, 30.IX 1939, p. 22.

После объявления войны Англией и Францией в войну с Германией вступили британские доминионы: 3 сентября — Австралия, Новая Зеландия, а также Индия, в то время являвшаяся колонией, 6 сентября — Южно-Африканский Союз, 10 сентября — Канада. Германия оказалась в состоянии войны с коалицией стран Британской империи, Францией и Польшей. Однако фактически военные действия происходили только на территории Польши.

Гитлер не ошибся, заявив своим приближенным о политике Англии и Франции: «Хотя они и объявили нам войну... это не значит, что они будут воевать в действительности»¹. Дальше формального объявления войны Германии дело тогда не пошло. Правительства Англии и Франции намеренно избегали активных военных действий или шагов, которые могли бы помешать Гитлеру продвигаться на Восток, приближаясь к границам СССР. На германо-французском Западном фронте не прозвучало ни одного выстрела. Расчеты гитлеровцев оказались верными.

СЕНТЯБРЬСКАЯ КАТАСТРОФА

Польский народ, вступивший в героическую борьбу с превосходящими силами агрессора, преданный своими политиками и западными державами, оказался в трагическом положении.

Фашистская Германия бросила против Польши 1,6 млн солдат — 62 дивизии, из них 7 танковых. В их составе было 2800 танков, 6 тыс. орудий и минометов, 2000 боевых самолетов².

Польская армия смогла выставить против вермахта около 1 млн человек — 24 пехотные дивизии, 12 бригад, 4300 орудий, 870 танков, танкеток и бронемашин, немногим более 800 самолетов, в основном устаревших конструкций³.

Германская армия имела решающее превосходство в живой силе и технике, фашистские самолеты и танки значительно превосходили польские в качественном отношении.

Польские патриоты самоотверженно защищали родную землю от немецко-фашистских полчищ. В первых рядах бойцов шли коммунисты, многие из них, подобно Павлу Маришуку, Мариану Бучеку, только что вырвались из тюрем и еще в арестантской одежде поспешили на фронт. Но силы в этой смертельной битве были слишком неравными.

Уже 5 сентября немецкие армии форсировали реку Нарев, заняли Польский коридор, вышли к Лодзи. Была захвачена промышленная Силезия, окружен Краков, а 8 сентября немецкие танки появились у Варшавы. В середине сентября немец-

¹ Kordt E. Wahn und Wirklichkeit, Stuttgart, 1947, S. 213—214.

² См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 45.

³ См. там же.

кие армии окружили польские силы в районе Варшавы. Самолеты люфтваффе — иногда более 1000 самолетов — беспощадно бомбили город.

Польскую столицу обороняли в течение 20 дней — до 28 сентября не только солдаты и офицеры. Оборона столицы приняла характер народной борьбы с захватчиками. Тысячи варшавян строили баррикады, противотанковые заграждения. В рядах созданной по требованию трудящихся рабочей бригады, защищавшей Варшаву, — она насчитывала более 6 тыс. человек — героически сражались коммунисты и социалисты.

Длительное время стойко оборонялись гарнизоны Гдыни и старинной крепости Модлин, гарнизон полуострова Хель и ряда других городов и крепостей. Однако потери польской армии были невосполнимы. За короткий срок они составили 123 тыс. человек убитыми. Неотвратно близилась катастрофа.

На польской земле шла отчаянная борьба ее патриотов с захватчиками, а правительство во главе с президентом Мосьцицким и премьером Славой-Складковским 6 сентября тайно покинуло Варшаву и укрылось в Люблине. Позорно бежал от армии верховный главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы.

17 сентября польское правительство, оставив народ и страну на произвол судьбы, бежало в Румынию, где члены его, по требованию Германии, были интернированы румынскими властями.

Причинами сентябрьской катастрофы явились не только военное превосходство немецко-фашистских войск, роковые просчеты высшего польского командования, но и антинациональная политика руководителей буржуазно-помещичьей Польши.

Отвергнув в канун войны сотрудничество и союз с СССР — единственную гарантию безопасности и независимости Польши, польские правители вели губительную линию, направленную на сговор с Гитлером. Польские политики и военные готовились к войне против СССР, а не против их реального врага — фашистской Германии.

По поручению польского правительства посол в Москве Гжибовский 11 мая 1939 г. сделал заявление, являвшееся ответом на предложение Советского правительства: «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР»¹.

Советский Союз, несмотря на враждебную политику по отношению к нему буржуазно-помещичьего правительства Польши, «предпринял шаги к оказанию помощи своему соседу, попавшему в столь трудное положение». В первые дни войны

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, с. 393.

состоялась встреча между министром иностранных дел Польши Бекком и советским послом в Варшаве Н. Шароновым. Во время беседы выяснилось, что СССР готов предоставить Польше возможность закупать у него «крайне необходимые ей товары»¹. Предложение не было принято.

Антикоммунизм ослеплял польских политиков.

Сентябрьская катастрофа Польши была расплатой за антинародную, антисоветскую внешнюю политику, которую проводили на протяжении всего межвоенного периода ее реакционные правители².

Анализируя причины сентябрьской катастрофы, можно сделать и следующий вывод: буржуазная Польша была для политиков Англии и Франции пешкой в их циничной игре, направленной на то, чтобы вермахт, быстро покорив эту страну, столкнулся с Красной Армией.

Советский полпред в Лондоне И. М. Майский отмечал в то время: «Англии и Франции как-нибудь удастся помириться с Германией и в конце концов все-таки двинуть Гитлера на Восток, против Советского Союза»³.

Те же намерения были и у правительства США. Президент США Л. Джонсон признавал в 1963 г.: «Соединенные Штаты, Англия и Франция могли бы не допустить разгрома Польши, если бы была общая решимость остановить агрессию»⁴.

* * *

Приближение гитлеровской армии к границам СССР создавало прямую угрозу для Советской страны. Советское правительство в условиях краха польского буржуазного режима не могло допустить, чтобы население Западной Украины и Западной Белоруссии, насильственно отторгнутых от Советской Родины в 1920 г., попало под фашистское иго и на этих территориях был создан плацдарм для нападения на СССР.

17 сентября 1939 г. Красная Армия вступила на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, где на площади 190 тыс. квадратных километров проживало более 6 млн украинцев и 3 млн белорусов, и взяла под защиту жизнь и имущество населения⁵. Вскоре здесь были проведены демократические выборы в Народные собрания. Они провозгласили Советскую власть и обратились в Верховный Совет СССР с ходатайством о воссоединении Западной Украины и Западной Белоруссии с Украинской и Белорусской Советскими Социалистическими Республиками. Эта просьба была удовлетворена в начале ноября 1939 г.

¹ История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 27.

² См.: История внешней политики СССР, 1917—1985, т. 1, с. 391—392.

³ Там же, с. 389.

⁴ Цит. по: Правда, 1984, 2 сентября.

⁵ См.: История внешней политики СССР, 1917—1985, т. 1, с. 392.

СССР начал укреплять новые оборонительные рубежи, создавая барьер против агрессора. Даже Черчилль признавал: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы». Граница СССР была отодвинута на запад на 250—350 километров.

Необходимо подчеркнуть, что Советский Союз с глубоким уважением и сочувствием относился к справедливой, освободительной борьбе польского народа против фашистских захватчиков, считал, что польское государство, оказавшись в трудном положении, продолжало свое существование. Вскоре СССР восстановил дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне. 30 июля 1941 г. польское правительство заключило с Советским правительством соглашение о совместной борьбе против гитлеровской Германии. Во время визита генерала В. Сикорского в Москву в декабре 1941 г. глава Советского правительства заявил, что Советский Союз заинтересован в создании сильной, свободной и независимой Польши. Этой линии Советское правительство твердо придерживалось и в дальнейшем ¹.

«СТРАННАЯ ВОЙНА»

В то время как немецко-фашистские войска сеяли в Польше смерть и разрушения, Англия и Франция вели с Германией «войну без военных действий», «сидячую», «странную войну», вполне устраивавшую немецких фашистов и их сторонников в других странах. Фашистский агент во Франции Жан Ибарнегаре писал об этой войне: «Бомбардировщики, бороздящие небо, но не сбрасывающие бомб, безмолвствующие пушки и рядом с ними горы боеприпасов, стоящие лицом к лицу огромные армии... не имеющие, очевидно, никакого намерения начинать сражение» ².

Французское командование отдало приказ, запрещающий обстреливать немецкие позиции. Английский военно-морской флот, значительно превосходивший германский, даже не пытался помешать фашистским кораблям совершать свои операции на Балтике. Английское командование отдало приказ о запрещении бомбардировки военных объектов Германии. Правда, английские и французские самолеты появлялись над Германией, но только затем, чтобы сбрасывать не бомбы, а листовки.

Характеризуя позицию Англии в период германо-польской войны, видный деятель лейбористской партии Хью Дальтон

¹ См.: Правда, 1988, 22 апреля.

² Бонт Ф. Дорога чести. М., 1949, с. 79.

признавал: поляков мы «предавали, обрекали на смерть, а сами ничего не делали, чтобы им помочь». Ни Чемберлен, ни Даладье не принимали польских послов в Лондоне и Париже, добивавшихся ответа, какая помощь будет оказана Польше в соответствии с обязательствами Англии и Франции.

Польская военная миссия, прибывшая в Лондон в день объявления Англией войны Германии, целую неделю ждала приема у начальника имперского генерального штаба генерала Айронсайда¹. Наконец, приняв поляков, он заявил: английский генеральный штаб не имеет никакого плана помощи Польше. И советовал полякам закупать оружие в нейтральных странах. Потом Айронсайд пообещал выделить 10 тыс. устарелых винтовок «Гочкис», 15—20 млн патронов и доставить их из Англии через... пять-шесть месяцев! Ни танков, ни зенитной и противотанковой артиллерии, ни истребителей, которые так были нужны Польше, Англия даже не обещала².

Позднее Черчилль в своих мемуарах признавал: «Весь мир был поражен, когда за сокрушительным натиском Гитлера на Польшу и объявлением Англией и Францией войны Германии последовала гнетущая пауза... Франция и Англия бездействовали в течение тех нескольких недель, когда немецкая военная машина всей своей мощью уничтожала и покоряла Польшу»³.

В свое время французские и английские генералы и политики, пытаясь оправдать перед историей политику Запада в отношении Польши, заявляли: Англия и Франция не имели достаточных сил, чтобы прийти на помощь Польше или вести активные военные действия на Западе после ее разгрома.

Конечно, боевая готовность Англии и Франции была ниже, чем у фашистской Германии. Но военные силы этих стран были вполне достаточны для эффективного отпора агрессии: только во французской армии было отмобилизовано 110 дивизий, имевших 2560 танков и 10 тыс. орудий, экспедиционный корпус англичан имел в своем составе 5 дивизий, около 1500 самолетов. Германия, сосредоточившая основные, отборные дивизии на Востоке — в Польше, на Западном фронте имела лишь 23 наспех собранные, плохо вооруженные и обученные резервные дивизии. Они имели запас снаряжения и боеприпасов лишь на три дня боя. После войны немецкие генералы признавали: если бы англо-французские войска перешли в то время в наступление, они без особого труда продвинулись бы в глубь Германии⁴. «У военных специалистов, — позднее писал гитле-

¹ В годы гражданской войны Айронсайд возглавлял английский интервенционистский корпус на севере Советской России.

² См.: Станевич М. Сентябрьская катастрофа. М., 1953, с. 229.

³ Churchill W. The Second World War, vol. 1, L., 1947, p. 376.

⁴ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 1, с. 212.

ровский генерал Вестфаль, — волосы становились дыбом, когда они думали о возможности французского наступления сразу же в начале войны»¹.

Начальник генерального штаба сухопутных сил вермахта генерал Гальдер признавал: «В сентябре 1939 г. англо-французские войска могли бы, не встретив серьезного сопротивления, пересечь Рейн и угрожать Рурскому бассейну, обладание которым являлось решающим фактором для ведения Германией войны»².

Однако Гитлер был твердо уверен: на Западе реальных военных действий не предвидится, и приказывал перебрасывать в Польшу дивизии с Западного фронта. Германия в тот критический период фактически избежала войны на два фронта, чего так опасались все немецкие политики еще со времени Фридриха II и Бисмарка.

О масштабах военных действий на Западе красноречиво свидетельствуют цифры: только 9 декабря английская экспедиционная армия понесла первую жертву — был убит один капитан. Общие французские потери к концу декабря 1939 г. составили 1433 человека³. Что же касается немецких войск на Западном фронте, то там насчитывалось менее 700 человек в числе убитых, раненых и пропавших без вести. Германские и союзные сводки, как и в годы первой мировой войны, гласили: «На Западном фронте без перемен».

Стратегия «странной войны» — пассивно-выжидательная стратегия — означала продолжение правящими кругами Англии и Франции все той же мюнхенской политики в обстановке формального состояния войны: Гитлеру вновь и вновь давали понять: его агрессия на Восток, против СССР, встретит одобрение.

Во Франции росли капитулянтские настроения. Во французском парламенте был создан секретный «комитет связи», представители которого добивались переговоров с Гитлером. Капитулянты — министр иностранных дел Боннэ, бывшие премьер-министры Фланден и Лаваль, маршал Петэн считали необходимым способствовать установлению фашистских порядков в стране.

Пораженцы в Англии во главе с премьер-министром Н. Чемберленом, министром иностранных дел Галифаксом, Джоном Саймоном, Сэмюэлем Хором, фашистские элементы во главе с Мосли выступали за то, чтобы «ненужную войну» против Германии превратить в «нужную войну» — войну капиталистических государств против СССР. В конце октября 1939 г.

¹ Цит по: Правда, 1969, 3 сентября.

² Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunals (далее — IMT). Wash., 1952, vol. 12, N 10, p. 1086.

³ См.: Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., 1956, с. 78.

комитет начальников штабов Англии даже рассматривал вопрос «о положительных и отрицательных сторонах объявления Англией войны России»¹. Начальник имперского генерального штаба Айронсайд 28 декабря 1939 г. записал в своем дневнике: «Я думаю, что мы имеем возможность все повернуть против русских...»².

В феврале 1940 г. правительство США послало в Европу своего специального представителя — заместителя государственного секретаря С. Уэллеса с целью прозондировать вопрос о возможности создания единого антисоветского фронта. Он вел переговоры с Муссолини, Гитлером, Н. Чемберленом и Черчиллем, Даладье и Рейно. Однако из его миссии ничего не вышло — слишком непримиримы были межимпериалистические противоречия³.

В свою очередь гитлеровское правительство, готовя после победы над Польшей разгром Франции и Англии, делало лживые заявления о готовности Германии прекратить военные действия.

В октябре 1939 г. Гитлер выступил со лживым заявлением в рейхстаге — о своих «усилиях» к улучшению отношений с Англией и Францией. При этом он требовал признания всех территориальных захватов Германии и передела колоний⁴. Но на подобных приемлемых для Лондона и Парижа условиях компромисс между фашистской Германией и Англией и Францией не мог быть достигнут.

Однако цель Гитлера — под покровом «мирных предложений» готовить наступление на Западе против Англии и Франции — достигалась.

9 октября был издан приказ германского верховного командования о подготовке генерального наступления на Западном фронте через Бельгию, Голландию и Люксембург. 19 октября генерал Браухич подписал директиву о сосредоточении и развертывании сил для проведения операции на Западе⁵.

С исключительной тщательностью и педантичностью генеральный штаб ОКВ во главе с Кейтелем разрабатывает дальнейшие планы разбойничьих авантюр, и в частности операцию «Гельб» — план войны против Франции. (Правда, начало войны по разным причинам переносилось не раз.) Над Западной Европой — народами Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Дании, Норвегии и других стран нависла зловещая тень гитлеровской оккупации.

¹ PRO, Cab. 79/1, p. 273.

² PRO, Cab. 80/4, p. 294—297.

³ Foreign Relations of the United States of America (далее — FRUS), 1940. Wash., 1959, p. 63—84.

⁴ См.: История дипломатии, т. 4, с. 11—12.

⁵ См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 36.

Глава II

ЛЕГЕНДА

О «ДЮНКЕРКСКОМ ЧУДЕ»

ОТ «ЗИЦКРИГ» К «БЛИЦКРИГ»

На рассвете 9 апреля 1940 г. фашистская Германия начала агрессию против Дании и Норвегии. Это было начало наступления на Западном фронте. В тот же день германские войска заняли Копенгаген и датское правительство капитулировало.

Норвежская армия, насчитывавшая около 14,5 тыс. человек, поддержанная народом, оказала мужественное сопротивление захватчикам. Союзники Норвегии — Англия и Франция не оказали ей действенной помощи. Военные действия англо-французских союзников вскоре были прекращены, и их войска, высаженные в Нарвике и Тронхейме, эвакуированы. Норвегия подверглась гитлеровской оккупации.

Восьмимесячный период «странной», или «сидячей», войны с ее оконной тишиной, самолетами, мирно парящими над Сааром, футбольными матчами у линии фронта, неспешно

идущими поездами с боеприпасами и вооружением по обе стороны Рейна закончился. Гитлер и его генералы перешли от «сидячей войны» (Sitzkrieg) к «молниеносной» (Blitzkrieg). Разгромив Данию и Норвегию, немецкие генералы двинули свои войска на Запад; под ударом на сей раз оказались Бельгия, Голландия и Люксембург. В Берлине стремились избежать фронтальной атаки «стальной крепости» — линии Мажино, протянувшейся на 400 километров.

Утром 10 мая 1940 г. германское военное командование начало осуществление плана «Гельб» — плана разгрома Франции. В воинских частях был зачитан приказ Гитлера, напыщенно заявившего: «Начинающееся сегодня сражение решает судьбу немецкой нации на ближайшую тысячу лет»¹.

Начался период быстротечных боев в Бельгии, Голландии и Франции, завершившихся разгромом англо-французских войск под Дюнкерком, на побережье Па-де-Кале; фашистской Германии потребовалось всего 44 дня, чтобы добиться капитуляции Франции.

Развертывая «молниеносную войну» на Западе, германское военное командование, как и в случае с Глейвицем, прибегло к циничной провокации. В ночь на 10 мая 1940 г. немецкими самолетами был совершен террористический налет на один из университетских городов Германии — Фрейбург. Фугасные бомбы, сброшенные немецкими бомбардировщиками, разрушили женский пансионат и больницу. Сотни людей были убиты и искалечены. Этот провокационный налет германское военное командование приписало авиации Бельгии и Голландии. Он послужил предлогом для нападения вермахта на нейтральные страны. Злодейский приказ Геринга о бомбардировке Фрейбурга выполнила 51-я эскадрилья люфтваффе под командованием Иозефа Камхубера.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЧИАНО И КАНАРИСА

Знало ли французское и английское командование о подготовке широкого немецкого наступления на Западе? Несомненно, знало. Информация об этом поступала по различным политическим и военным каналам. О готовящемся наступлении говорил 10 марта 1940 г. гитлеровский министр Риббентроп в беседе с Муссолини и его министром иностранных дел Чиано. Связанный с английской и французской разведками, Чиано через три дня сообщил все, что ему было известно, французскому послу в Риме Франсуа-Понсэ², а через несколько дней эмиссару Рузвельта в Европе Сэмнеру Уэллесу³.

¹ Цит. по: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 91.

² *Ciano G. Diario. Roma, 1946, vol. 1.*

³ См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 91.

О готовящемся наступлении вермахта поставил союзников в известность и руководитель абвера (немецкой военной разведки) адмирал Канарис, находившийся в оппозиции Гитлеру. Об этом же сообщил союзникам гитлеровский генерал Бек. Направленный в Рим агент абвера Иозеф Мюллер сообщил о предстоящем нападении Германии на Бельгию и Голландию одному бельгийскому дипломату¹. Начальник штаба Канариса генерал Остер 9 мая передал уточненные сведения о наступлении голландскому военному атташе в Берлине².

Однако министр иностранных дел Бельгии Поль Анри Спаак, как и его голландские коллеги, не хотел поверить в подлинность этой информации.

...Английская разведка получила еще накануне войны через разведку третьей страны гитлеровскую шифровальную машину «Энигма» («Загадка») и могла дешифровывать радиограммы ставки Гитлера, верховного командования сухопутных сил вермахта, ВВС, ВМС, абвера. Сообщения, передаваемые по радио, перехватывались и расшифровывались союзниками и докладывались Черчиллю, а позднее и Рузвельту, командующим войсками на театрах военных действий³. Английская разведка знала о подготовке немецкого наступления на Западе в начале мая 1940 г.

Французская и британская разведки в последние дни перед наступлением гитлеровской армии на Западе получили многочисленные сообщения своих агентов о передвижениях германских войск к границам, сосредоточении танков в Арденнах, однако политические и военные деятели Англии и Франции рассматривали эти маневры как «тактические перегруппировки», войну нервов. Они продолжали тешить себя надеждой на мирный исход конфликта на Западе, все еще мечтали о том, чтобы повернуть фронт фашистской агрессии на Восток, против СССР. Многие политические деятели Англии и Франции из лагеря мюнхенцев были настолько ослеплены этим, что поверили в реальность войны на Западе, лишь когда сотни бомбардировщиков люфтваффе начали бомбить Гаагу и Роттердам, Брюссель и Льеж.

«ПЯТАЯ КОЛОННА» ДЕЙСТВУЕТ

На рассвете 10 мая немецко-фашистская авиация после ожесточенной бомбардировки Гааги и Роттердама сбросила в этих районах около 4 тыс. парашютистов. На захваченные десантниками аэродромы были переброшены транспортными самолетами

¹ См.: *Колвин К.* Двойная игра. М., 1960, с. 194, 195.

² См.: *Проктор Д. М.* Война в Европе 1939—1941 гг. М., 1963, с. 255.

³ См.: *Уинтерботэм Ф.* Операция «Ультра». М., 1978, с. 25.

тами и планерами 22 тыс. немецких солдат и офицеров. Парашютистам и наземным войскам 18-й армии вермахта оказывала помощь фашистская «пятая колонна» в Голландии. С помощью тайных агентов немецкие диверсанты, переодетые в форму голландских солдат, захватили мосты на реке Маас, в районе Нейменгена и два моста южнее Мурдейка и вывели из строя систему затопления местности перед голландской линией обороны. 11 мая после массированных бомбовых ударов немцев в голландской авиации осталось всего 12 самолетов. Несмотря на то что голландская армия продолжала оказывать упорное сопротивление захватчикам, верховное командование страны 14 мая отдало приказ о капитуляции. Однако и капитуляция не предотвратила варварский налет люфтваффе на Роттердам, во время которого погибло около 30 тыс. жителей.

За Голландией наступила очередь Бельгии, которая также не смогла оказать серьезного сопротивления фашистской агрессии. Как и в Голландии, немецкое командование сбрасывало парашютистов, сеявших панику и захвативших мосты через Маас и переправы через канал Альберта. Таким же образом был взят, казалось, неприступный форт Эбен-Эмаль¹.

В Бельгии, как и в других западных странах, активно действовала гитлеровская агентура, возглавляемая лидером бельгийских фашистов Дегреллем. Король Леопольд III с момента своего вступления на престол после загадочной гибели короля Альберта, являвшегося сторонником союза с Францией, проводил прогитлеровскую политику. Он был инициатором расторжения франко-бельгийского союза. Еще до того, как грянули бои, участь Бельгии была предрешена.

БЕЛЬГИЙСКАЯ ЛОВУШКА

Одновременно с переходом немецко-фашистскими войсками государственных границ Бельгии, Голландии и Люксембурга гитлеровские ВВС нанесли мощный, продолжавшийся три часа, удар по французским и английским штабам, узлам связи, железным дорогам и аэродромам. Французской авиации был нанесен столь сильный удар, что в ходе дальнейших боев она уже не играла почти никакой роли.

Тем не менее с начала активных военных действий на Западе англо-французское командование генерала Гамелена ввело в действие свой план войны. Немцы создали у англо-французов впечатление, что наступление на Францию будет развиваться по несколько измененному «плану Шлиффена» через Бельгию и Голландию, то есть на севере, а не через Арденны. Возможно, поэтому генерал Гамелен отдал приказ первой группе союзных

¹ См.: Фуллер Дж. Цит. соч., с. 94.

армий согласно плану «Д» вступить в Бельгию, чтобы продвигнуться вперед и занять рубеж реки Диль. В соответствии со штабными графиками начался поспешный марш англо-французских войск. Мины на франко-бельгийской границе были сняты, шлагбаумы открыты. Французская армия и английские экспедиционные силы оставили свои хорошо укрепленные позиции вдоль франко-бельгийской границы и двинулись на рубеж Антверпен — Лувен — Намюр, где они думали встретить противника. Англо-французское командование попало в ловушку, расставленную гитлеровцами.

Исходя из неверной предпосылки, что гитлеровцы наносят основной удар на севере группой армий «Б», англо-французское командование оставило на участке фронта в Арденнах незначительные силы — считалось, что местность здесь не позволит пройти крупным мотомеханизированным частям. Однако гитлеровское командование нанесло основной удар именно в Арденнах силами группы армий «А», находившихся под командованием Рундштедта.

В то самое время, когда бельгийская армия вела тяжелые бои с немцами, а английские и французские войска медленно пробивались им на помощь через многотысячные толпы беженцев, запрудивших дороги Бельгии и Франции, южнее двигалась на Запад мощная бронированная ударная группировка вермахта, на которую пока еще не обратили внимание ни в замке Венсенн, где располагалась главная квартира французского главнокомандующего, ни в Париже. Сотни танков, бронемашин, грузовиков и мотоциклов немцев широким потоком ворвались на территорию маленького Люксембурга и хлынули по горным дорогам в Арденны.

Группа армий «А» прошла более 100 километров по территории Люксембурга и Юго-Восточной Бельгии, практически не встретив сопротивления. В Арденнах союзное командование смогло запереть в горах танковую группу Клейста, обнаруженную еще 8 мая английскими «спитфайерами», бросив против нее 300—400 бомбардировщиков. Командование английской авиации имело конкретные планы бомбардировки танков Клейста в Арденнах. Однако пока согласовывали решение с английским кабинетом, прошли три драгоценных дня. Решение о бомбардировке так и не было принято¹.

Ни один французский или английский самолет не появился над потоком германских танков, лишенных возможности маневра на горных дорогах. Героические атаки французской кавалерии на танки Клейста, происшедшие в долине между Арлоном и Флоринвилем, были сокрушены пушечным и пулеметным огнем.

¹ См.: Секистов В. А. «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939—1943 гг.). М., 1958, с. 95—96.

13 мая германские танковые и мотомеханизированные войска, разгромив противостоящие им французские дивизии, начали форсирование реки Маас на фронте от Живэ до Седана. Прорвав фронт, танковая группа генерала Клейста устремилась в прорыв в направлении к побережью Ла-Манша. Союзное командование бездействовало. Военные проинформировали правительство о катастрофическом положении армии.

«МЫ РАЗБИТЫ...»

Во французских правительственных кругах началась паника. Рано утром 15 мая телефонный звонок потревожил английского премьера Черчилля. Звонил французский премьер Рейно. Торопливо он говорил Черчиллю:

«Мы разбиты, мы потерпели поражение. Дорога на Париж открыта»¹. Для подобного панического вывода не было еще оснований, тем не менее положение становилось исключительно серьезным. Отход англо-французских войск из Бельгии принял беспорядочный характер. Танковые колонны Клейста продолжали отрезать тылы основной группировки союзных сил в Бельгии, продолжая движение к Ла-Маншу.

16 мая Черчилль, сопровождаемый генералами Диллом и Исмэем, срочно вылетел в Париж. Его самолет «фламинго», один из трех правительственных самолетов, приземлился на аэродроме Ле Бурже. В 5 часов 30 минут состоялось совещание. Во время совещания, проходившего на Кэ д'Орсэ, с премьер-министром Рейно, министром национальной обороны и военным министром Даладьё и главнокомандующим генералом Гамеленом выяснилось, что французское правительство, по существу, считает войну проигранной.

На вопрос Черчилля: «Где стратегический резерв?» — Гамелен, покачав головой и пожав плечами, ответил: «Его нет»².

Во время заседания французских и английских политических и военных руководителей в саду министерства иностранных дел на Кэ д'Орсэ, где обычно проходили летние приемы, горел гигантский костер. Черные клубы дыма поднимались в летнее небо. Пепел и обрывки бумаг летели на набережную д'Орсэ и улицы. Черчилль мрачно наблюдал из окна посольства, как чиновники подвозили на тачках к костру или выбрасывали из окон документы секретных архивов и бросали их в огонь. Служащие министерства под руководством генерального секретаря Леже выполняли чей-то таинственный приказ. Ни в тот момент, ни впоследствии не удалось установить, кто отдал этот приказ.

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 2, p. 38.

² Ibid., p. 42.

В Париже распространился панический слух, что Кэ д'Орсэ горит, а здание уже занято немецкими парашютистами. В самом министерстве, озаряемом отблеском костров, покрытом дымом и копотью, служащим спешно раздавали револьверы для борьбы с агентами гитлеровской «пятой колонны».

Да, представители «пятой колонны» активно действовали во Франции, готовя ее поражение. Но к ним вполне можно было причислить и таких деятелей, как Пьер Лаваль, Жорж Боннэ, сенатор Тьерри-Муланье, ратовавший за победу Гитлера, и многих других фашистских агентов, проникших во французские министерства, армию, прессу.

Рейно фактически подчинился сторонникам капитуляции Франции. На пост вице-председателя Совета министров Франции был назначен восьмидесятипятилетний маршал Петэн — человек с шаркающей старческой походкой и слезящимися глазами — одна из наиболее зловещих фигур Франции, единомышленник Лавалья, тесно связанного с нацистской Германией. Престарелый маршал еще до немецкого наступления на Францию, о котором он, по-видимому, знал от немецкой разведки, признавался министру де Монзи: «Я им понадоблюсь во второй половине мая»¹. Петэн был духовным отцом французских капитулянтов, стремившимся любой ценой к достижению мира с фашистской Германией.

Из штаба по планированию нападения на СССР, обосновавшегося в Сирии, был срочно вызван и назначен вместо Гамелена на пост верховного главнокомандующего семидесятитрехлетний генерал Вейган, в свое время помогавший панской Польше воевать с молодой Советской республикой, а позже ставший кагуляром². Вылетая из Бейрута в Париж, он заявил своим приближенным, что война проиграна и поэтому необходимо «согласиться на разумные условия перемирия»³.

Пока происходили эти перемещения, гитлеровские войска, не встречая серьезного сопротивления, в ночь на 20 мая прорвались к устью Соммы, заняли Амьен и Абвиль и вышли к побережью Ла-Манша. За пять дней после прорыва под Седаном немецкие танки прошли всю Францию с востока на запад. Армии союзников были расколоты. Во Фландрии и Артуа оказались отрезанными от главных сил, находившихся южнее реки Соммы, значительные группировки войск — части 1, 7 и 9-й французских армий, английской экспедиционной армии под командованием генерала Горта и бельгийской армии — всего до 40 понесших тяжелые потери дивизий.

К 21 мая разрыв между первой и второй группами союзных армий увеличился с 50 до 90 километров. 22 мая танковая

¹ *Draper Th. Six week's War. France, Maj — June 25. P., 1940, p. 164.*

² Кагуляры — французские сторонники союза с Гитлером.

³ *Pertinax L. Les Fossoyeurs. N: Y., 1943, vol. 1, p. 244.*

дивизия немцев прорвалась к Булони и окраинам Кале. На следующий день немцы заняли Кале, захватив в плен до 4 тыс. англичан.

В день занятия Кале немецкие танки оказались на расстоянии 16 километров от Дюнкерка, единственного крупного порта на побережье Ла-Манша, оставшегося еще в руках англо-французских войск. Танки Клейста были значительно ближе от Дюнкерка, чем основные силы британской экспедиционной армии, дислоцированные от него в 60 километрах (около Лилля).

«ДЮНКЕРСКОЕ ЧУДО»¹

Здесь-то в конце мая — начале июня произошли «таинственные» события, вошедшие в историю под названием «Дюнкерского чуда». Этим «чудом» явилась приостановка гитлеровского наступления на Дюнкерк. Этим «чудом» была и проведенная при трагических обстоятельствах эвакуация английской экспедиционной армии на Британские острова.

Эвакуация армии генерала Горта с континента, когда союзник Англии был оставлен один на один перед лицом немецкой армии, в значительной степени предопределила разгром и капитуляцию Франции. Тем не менее английские военные изображают Дюнкерк и прелюдию к нему как важный эпизод в военной стратегии английской армии¹.

Слов нет, в эвакуации под Дюнкерком английские солдаты, офицеры, летчики и танкисты, пехотинцы и артиллеристы проявили образцы стойкости и выдержки, храбрости и мужества. Эвакуация морским путем такой массы войск под ударами вражеской авиации, артиллерии и танков, значительно превосходивших объединенные англо-французские силы, действительно не имела прецедента во всей истории военного искусства.

Но уже во время второй мировой войны, по горячим следам событий, и особенно после войны разгорелись горячие споры: произошло ли под Дюнкерком «чудо», или в действительности здесь не было ничего «таинственного» и «чудесного», а был лишь политический и военно-стратегический просчет командования союзных англо-французских армий и просчет верховного командования вермахта. На наш взгляд, произошло именно второе. «Дюнкерское чудо», по-видимому, необходимо объяснить своеобразным сочетанием ряда политических и других факторов, сложившихся в момент ожесточенной схватки англо-французских и немецкой армий в условиях весьма сложной международной обстановки.

Что же это за факторы, повлиявшие на драматические события, разыгравшиеся на песчаных дюнах Дюнкерка? Возможно

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 2, p. 86.

ли было для Англии и Франции предотвратить Дюнкерк? Кто виновен в сокрушительном поражении англо-французских войск, ибо, как бы ни старались охарактеризовать эти события западные военные, политики, историки и журналисты, Дюнкерк все-таки был поражением.

Дюнкерк, как и последовавшая капитуляция Франции, был подготовлен могильщиками Англии и Франции — теми политическими и военными деятелями, что проводили политику Мюнхена, политику сотрудничества с гитлеровским агрессором, стремились направить германскую агрессию на Восток, против СССР. Именно они предпочитали капитуляцию перед немецкими фашистами сопротивлению им. Они больше опасались политической активности народных масс своих стран, нежели победы немецких фашистов. Но кто были непосредственными виновниками Дюнкерка? Попробуем разобраться в этом вопросе.

Даже после того, как части вермахта прорвались к побережью Ла-Манша, положение англо-французских армий было тяжелым, но не катастрофическим.

Английский экспедиционный корпус во Франции насчитывал 400 тыс. человек. Непосредственно в районе Дюнкерка армия Горта имела 10 дивизий. На вооружении англичан было свыше 700 танков, 2400 полевых, зенитных и противотанковых орудий, тысячи противотанковых ружей, пулеметов, автоматов¹.

Бельгийская армия, действовавшая против вклинения немцев, насчитывала около полумиллиона. Примерно столько же французских сил действовало севернее и южнее узкой полосы территории, захваченной немцами.

Союзники также имели возможность перебрасывать войска из центральных районов Франции, прикрытых линией Мажино, подвозить войска морем, где господствовал англо-французский флот. Несомненно, эти силы хорошо вооруженных английских, французских и бельгийских войск при четкой координации ударов с южной группой англо-французских армий могли успешно противостоять прорыву немцев.

Генерал Вейган, вступивший на пост главнокомандующего, скрывая свое мнение о необходимости капитуляции и учитывая позицию широкой общественности, предпринял определенные шаги по спасению северной группировки войск, отрезанной немцами.

На совещании представителей союзных армий, состоявшемся 21 мая в Ипре (генерал Горт на совещание не прибыл), был одобрен «план Вейгана», предусматривавший нанесение двустороннего контрудара с севера и юга по вклинившимся в их расположение немецким дивизиям, разгром их и соединение отрезанных одна от другой группировок союзных войск.

¹ См.: *Лещинский Л. М.* Операция «Морской лев». М., 1963, с. 12.

«Немецкие дивизии, — заявлял Вейган, — должны погибнуть в ловушке, в которую они попались»¹. Согласно плану с севера английская и французская армии наносили удар силой 30—40 дивизий на Бапом и Камбре. Они должны были с боем пробить себе дорогу на юг и, разбив вторгшиеся немецкие танковые части, соединиться с пробивающейся к ним на помощь через Амьен французской армейской группой генерала Фрера, составленной из 18-й — 20-й французских дивизий, частей, перебросенных из Эльзаса, с линии Мажино, из Африки, и из других мест.

Ударты союзных войск по флангам немецкой танковой группы прорыва поставили бы ее между молотом и наковальней. Однако предпринятое 21—22 мая наступление на Аррас силами двух английских и двух французских дивизий явилось верхом несогласованности и неподготовленности операции. Горт, не ожидая наступления французов, приказал генералу Франклину, координировавшему действия 5-й и 50-й английских пехотных дивизий, начать атаку на Аррас 21 мая. Две французские дивизии поддержали наступление англичан лишь позднее.

Но даже и это плохо организованное, локальное наступление незначительной части англо-французских сил повергло в смятение немецких генералов, назвавших его «кризисом под Аррасом»². Английские солдаты в наступлении на Аррас показали себя самоотверженными и храбрыми бойцами. Они потеснили немецкие войска на 20 километров, взяли 400 пленных. Есть все основания полагать, что, если бы вместо ограниченного наступления силами четырех английских и французских дивизий было проведено совместное наступление всей северной и большей части южной группировок союзных армий, его военно-стратегические результаты были бы неизмеримо большими и прорыв немецких дивизий к Ла-Маншу был бы ликвидирован.

ГОРТ ПРЕДПОЧЕЛ ЭВАКУАЦИЮ

Однако вместо развития успеха наступления под Аррасом Горт поспешил дать приказ, вопреки согласованному с французами общему стратегическому плану, об отступлении английских сил к району предполагаемой эвакуации — к Дюнкерку.

Как вспоминает Черчилль, в двадцатых числах мая перед английским кабинетом стояла дилемма: английской армии любой ценой, совместно с французами, пробиваться на Сомму или же отойти к Дюнкерку и осуществить морскую эвакуацию под бомбами вражеской авиации при неизбежной потере всей артиллерии и другого тяжелого вооружения. Военный кабинет Англии

¹ См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 97.

² Прозектор Д. М. Цит. соч., с. 322.

по инициативе генерала Горта принял решение об эвакуации английских экспедиционных сил; тем самым Лондон оставлял своего союзника — Францию в наиболее критический момент сражения.

Предложения об эвакуации английских экспедиционных сил были высказаны Гортом еще около 18—19 мая, то есть в самый разгар боев с немцами, рвавшимися к побережью Ла-Манша. «План Горта» совпадал с планом военного кабинета Англии, с точкой зрения премьер-министра У. Черчилля. Правда, начальник имперского генерального штаба Айронсайд поначалу не согласился с предложениями генерала Горта об эвакуации английской экспедиционной армии. Он срочно вылетел во Францию, где, встретившись с Гортом, потребовал от него подготовить наступательную операцию на юг, в направлении Арраса, для объединения с французскими войсками. Как мы уже видели, Горт неохотно, да и то лишь силами двух дивизий, частично выполнил эту директиву, зная, что английский кабинет поддерживает его мнение об эвакуации.

Утром 20 мая на секретном совещании английского кабинета обсуждались планы эвакуации английских экспедиционных сил с континента. В протоколе совещания было записано: «Премьер-министр полагает, что в качестве меры предосторожности морскому министерству следует собрать большое количество мелких судов, которые должны быть готовы к выходу в порты и бухты на французское побережье»¹.

В глубокой тайне не только от немецкого командования, но и от своих союзников — французов в Англии приступили к срочной подготовке плана эвакуации. 20 мая в Дувре состоялось секретное совещание с участием всех, кого это касалось, включая представителей министерства торгового флота. Участники совещания обсудили вопрос «О срочной эвакуации через Ла-Манш очень крупных сил» из Кале, Булони и Дюнкерка. Тридцать судов типа паромов, десять военно-морских дрейфтеров и шесть каботажных судов были выделены в состав первой очереди. Офицеры морской транспортной службы Англии от Гарвича до Уэймута получили приказ взять на учет все подходящие суда водоизмещением до тысячи тонн. Во всех английских гаванях была проведена полная проверка всех судов. Этот план эвакуации английских экспедиционных сил с континента в Англию получил кодовое название — операция «Динамо».

ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

В то время, когда французская армия вела кровопролитные бои на Сомме и наносила контрудар в Северной Франции в направлении Камбре, генерал Горт отводил английские дивизии на

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 2, p. 52.

линию Гравелин — Сент-Омер с целью прикрытия Дюнкеркского порта, из которого была намечена эвакуация английской экспедиционной армии. Ранним утром 22 мая Черчилль снова прилетел в Париж вместе с заместителем начальника имперского генерального штаба генералом Диллом.

В Венсенском замке, в главной штаб-квартире французской армии, состоялось секретное совещание. Помимо Рейно, совмещавшего пост премьер-министра и пост военного министра, на нем присутствовали Вейган и Дилл.

Положение Франции было весьма тяжелым.

Всюду в стране: в армии, в государственных учреждениях, да и в самом правительстве Рейно — действовала фашистская «пятая колонна». Некоторые французские офицеры бросили свои части. Целые дивизии оказывались без оружия и боеприпасов. Дороги были забиты тысячами автомобилей, велосипедов, повозок, детских колясок, на которых беженцы везли свой скарб. Измученные голодом женщины и дети плакали, многие падали замертво.

Но Рейно по-прежнему надеялся на «чудо», которое спасет Францию. «Если завтра кто-нибудь скажет мне, — патетически восклицал он, — что для спасения Франции нужно чудо, — я отвечаю: я верю в чудо, ибо я верю во Францию».

Но «чуда», подобного «чуду на Марне» 1914 г., когда русские армии спасли своим наступлением в Восточной Пруссии Париж, Францию, не произошло. Правда, на совещании в Венсенне Рейно выступил за подтверждение «плана Вейгана», принятого на совещании в Ипре, — плана прорыва и соединения отрезанных англо-французских армий. Но тут проявилось в полную силу лицемерие английского премьера. 23 мая, когда армия Горта уже отступала к Дюнкерку, Черчилль послал энергичный демарш Рейно, требуя от него «немедленного выполнения плана Вейгана», с тем чтобы «превратить поражение в победу». «Время стоит жизни!»¹ — патетически воскликнул Черчилль. Копию этого письма Рейно Черчилль направил генералу Горту. Последний прекрасно понимал хитрую дипломатическую игру Черчилля. Обратившись за разъяснениями в Лондон, Горт получил ответ, не оставлявший никаких сомнений: английский генеральный штаб и не думал ни о каком контр наступлении.

24 мая Черчилль получил шифрованную телеграмму Рейно, в которой говорилось: «Вы телеграфировали мне... что вами даны генералу Горту указания продолжать выполнение плана Вейгана. Сейчас же генерал Вейган сообщил мне, что... английская армия осуществила по своей собственной инициативе отход на двадцать пять миль в сторону портов, в то время когда наши войска,двигающиеся с юга, с успехом продвигаются на север, туда, где они должны встретиться со своим союзником. Такие

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 2, p. 60.

действия английской армии являются прямым нарушением формальных приказов, которые были подтверждены сегодня утром генералом Вейганом»¹.

Даже такой политик, как Рейно, вынужден был недвусмысленно обвинить Англию в грубом нарушении союзнических обязательств.

Отступление английской армии в направлении Дюнкерка сорвало планы закрыть брешь и восстановить непрерывную линию фронта.

Положение отступавшей английской экспедиционной армии было тяжелым. Более того, к 24 мая шансы на ее спасение представлялись весьма незначительными.

Черчилль признавал 4 июня в своем выступлении в палате общин, когда угроза полного разгрома под Дюнкерком миновала: «Я боялся, что мне выпадет горькая доля объявить о величайшем военном поражении за всю нашу долгую историю. Я считал... что, может быть, удастся эвакуировать 20—30 тысяч человек. Казалось неизбежным, что вся французская 1-я армия и вся английская экспедиционная армия... будут разбиты в открытом бою или же будут вынуждены капитулировать»².

Казалось, разгром немецкими армиями английских и французских войск, зажатых в маленьком треугольнике, основанием которого был Гравелин — Тернеузен, а вершина у Камбре, неминуем. Но вдруг немецкий кулак, занесенный для решающего удара по англо-французским армиям, повис в воздухе.

«СТОП-ПРИКАЗ» ГИТЛЕРА

Когда утром 24 мая танковая группа Клейста вышла на линию Гравелин — Сент-Омер — Бетюн и ей оставалось совершить заключительный бросок вдоль побережья, чтобы отрезать от моря отступавшие английские и французские войска, Гитлер отдал свой загадочный «стоп-приказ» (Halt Befehl). По согласованию с командующим группой армий «А» Рундштедтом Гитлер остановил танки Клейста и Гота, нацеленные на Дюнкерк, и запретил им переходить линию канала Аа.

В 11 часов 42 минуты 24 мая английским командованием было перехвачено незашифрованное немецкое сообщение о приостановке наступления на линии Дюнкерк — Азбрук — Мервиль.

В тот же день главное командование вермахта отдало директиву № 13, в которой задачи уничтожения группировки противника должны были проводиться в первую очередь силами пехотных дивизий группы армий «Б»³.

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 2, p. 62—63.

² Parliamentary Debates. House of Commons, 1940, vol. 361, col. 787.

³ Jacobsen H. Dunkirchen. N. Y., 1958, S. 95.

Директива № 13 гласила: «Ближайшей целью операции является уничтожение французских, английских и бельгийских вооруженных сил, окруженных в Артуа и Фландрии, путем концентрического наступления правого крыла наших армий и быстрого захвата побережья Ла-Манша в этом районе»¹.

Как видно из этой директивы, Гитлер, приостанавливая наступление, вовсе не намеревался прекращать его. Речь шла лишь об изменении тактических планов. Завершение удара по англо-французским войскам возлагалось теперь не на танковые соединения, игравшие до этого момента роль главной ударной силы, а на пехотные дивизии и авиацию².

В письме к Муссолини от 26 мая 1940 г. Гитлер так излагал причины, побудившие его приостановить наступление танковых групп. «Прежде чем отдать приказ об окончательном прорыве к Ла-Маншу, — писал он, — я считал необходимым, даже невзирая на риск, что части англо-французских войск удастся эвакуироваться или выйти из окружения, на время приостановить наше наступление. За выигранные таким образом два дня нам удалось привести в порядок дороги... так что теперь нам нечего опасаться каких-либо затруднений в снабжении войск. Вместе с тем пехотные дивизии... теперь могут вновь соединиться с танковыми и моторизованными соединениями...»³

Это решение Гитлера в корне противоречило приказу главного командования сухопутных войск, отданному накануне Браухичем, считавшим необходимым продолжать наступление на союзные армии, чтобы отрезать их от побережья; роль главной ударной силы Браухич отводил танковым соединениям.

Многие исследователи второй мировой войны считают, что отмена приказа командующего сухопутными войсками была крупным оперативным просчетом Гитлера⁴.

Какими военно-тактическими соображениями (о политических мотивах будет сказано далее) руководствовался фюрер, отменив приказ Браухича? Об этом свидетельствует фельдмаршал Рундштедт, писавший: «Решение Гитлера обосновывалось тем, что на карте, имевшейся в его распоряжении в Берлине, территория вокруг порта была показана как болотистая и непригодная для действия танковых частей. Учитывая, что танков мало, что местность труднопроходима и что французские армии к югу еще не уничтожены, Гитлер решил отказаться от танковой атаки, считая ее слишком рискованной»⁵. Он, по словам

¹ DGFP, Ser. D, vol. 9, p. 427, 436, 484.

² См.: Гальдер Ф. Военный дневник, т. 1, с. 425.

³ DGFP, Ser. D, vol. 9, p. 436—438.

⁴ См.: Военно-исторический журнал, 1963, № 9, с. 84.

⁵ Shulman M. Defeat in the West. L., 1947, p. 42—43.

Рундштедта, сохранял силы для нанесения основного удара на юг «с целью захвата Парижа и окончательного подавления французского сопротивления»¹. Видимо, поэтому силы, введенные Гитлером под Дюнкерком, оказались недостаточными, чтобы завершить разгром англо-французских армий.

ИСПУГАЛИСЬ БОЛОТ!

Встает вопрос: насколько основательны причины, побудившие немецкое верховное командование в решающий момент операции остановить танковые соединения? Можно спорить — были ли они достаточно убедительны, или это были ошибки Гитлера и его генералов. Об этом ведутся дискуссии². Одним из мотивов приостановки танков Гитлер, Рундштедт и Кейтель считали: «территория Фландрии слишком болотиста для прохождения танков»³.

Конечно, гитлеровские войска имели достаточное инженерное обеспечение для того, чтобы проложить дорогу танкам по местности, пересеченной рвами, многочисленными преградами и каналами. Но при этом танковые соединения понесли бы значительные потери, которые неизмеримо возросли бы в период возможных уличных боев в Дюнкерке. В соответствии с инструкцией германского главного командования категорически запрещалось использовать танки для уличных боев, в том числе и за Дюнкерк. Против использования танков в уличных боях высказался в то время и Гальдер, считавший, что такие бои следовало вести пехотными дивизиями. Потери немецких танков в боях под Аррасом достигли 50 процентов. Танковая группа Клейста после операции Булонь — Кале — Ипр — Лилль была еще более потрепана. Общие потери немцев в танках с 10 по 30 мая составили почти 466 машин⁴.

Итак, болота болотами, но после двухнедельного стремительного наступления немецкие танковые соединения остро нуждались в передышке и перегруппировке.

На решение Гитлера повлияли также доводы его ближайших военных советников: Кейтеля, Йодля, а также Геринга, особенно настойчиво добивавшегося, чтобы «честь» окончательного разгрома окруженных английских войск была возложена на военно-воздушные силы. Геринг ревниво относился к победам армейских генералов в ущерб его авторитету, стремясь, чтобы первые лавры победы достались ему и его окружению⁵.

¹ *Shulman M.* Defeat in the West, p. 43.

² См.: Новая и новейшая история, 1969, № 5, с. 94—108; 1970, № 1, с. 126—147.

³ *Прозектор Д. М.* Цит. соч., с. 338.

⁴ См. там же, с. 348.

⁵ DGFP, Ser. D, vol. 9, p. 427.

Все эти обстоятельства, несомненно, сыграли определенную роль в решении Гитлера о приостановке танковой группы Клейста. Гитлер хотел сохранить силы для решающего этапа войны во Франции и ее разгрома.

В уже упоминавшейся директиве № 13 было указано: «За ударами авиации должна возможно скорее последовать операция сухопутных войск (то есть второй, решающий этап наступления на Францию.— *Ф. В.*), имеющая целью уничтожить... силы противника». Гальдер записывал 25 мая в своем дневнике: «...Политическое руководство считает, что решающая битва должна произойти не на территории Фландрии, а в Северной Франции»¹.

Таким образом, как свидетельствуют документы, в конце мая — начале июня 1940 г. ближайшей целью стратегии Гитлера был разгром Франции, а не нейтрализация Англии.

МИФ О «ЗОЛОТОМ МОСТЕ»

Прежде чем рассказать об операции «Динамо», необходимо упомянуть о мифе, созданном немецкими генералами Рундштедтом, Йодлем, Блюментриттом и подхваченном западноевропейскими историками и военными обозревателями — Лиддел Гартом, Шульманом, Ассманом, Готаром и другими, — мифе о «золотом мосте», якобы построенном Гитлером для английской экспедиционной армии под Дюнкерком, через который она пришла к спасению, о его «нежелании завоевывать Англию»², «намерении отпустить английские экспедиционные силы на родину»³.

Немецкие генералы, рядящиеся в тогу «истинных друзей Англии» и пытающиеся реабилитировать гитлеровскую политику агрессии и разбоя, постфактум изобрели незамысловатую теорию о том, что якобы фюрер «позволил» английской экспедиционной армии эвакуироваться из Дюнкерка, совершил красивый жест, сознательно «выпустил ее из ловушки», чтобы не унижить англичан, спасти их от позора и тем самым облегчить гордому Альбиону возможность заключения мира с фашистской Германией. Можно с полной ответственностью утверждать: в имеющихся в распоряжении историков документах нет ни одного, который бы подтверждал эти домыслы. Наоборот, документы говорят о решимости Гитлера разбить англичан под Дюнкерком.

Гитлер, если и не в полной мере, несомненно, понимал опасность, которая возникла в связи с уходом с материка основных сил английской армии. В уже упоминавшемся письме к Муссо-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 1, с. 426.

² Liddel Hart B. The Other Side of the Hill. L., 1956, p. 101.

³ Уинтерботэм Ф. Цит. соч., с. 54.

лини, посланном 26 мая, фюрер сообщал ему о подготовке окончательного разгрома армии Горта под Дюнкерком. «Сегодня утром, — писал он, — все армии готовятся к возобновлению наступления на противника... Масса тяжелой и сверхтяжелой артиллерии, которую мы подтянули к фронту, гарантия обильного снабжения боеприпасами, а также ввод в бой свежих пехотных дивизий позволяют нам теперь *продолжить ожесточенное наступление на этом фронте со всей силой* (курсив мой. — Ф. В.). Под натиском начинающегося наступления фронт, вероятно, рухнет через несколько дней»¹.

Соображения, приписываемые Гитлеру, о политической целесообразности эвакуации из-под Дюнкерка безоружных, запуганных и растерянных английских солдат и офицеров, что вызвало бы деморализацию в стране и повело бы к капитуляции Англии перед Германией, не находят документального подтверждения. Это бездоказательные утверждения².

Если бы Гитлер действительно хотел «дать ускользнуть» английским войскам из Дюнкерка ради заключения мира с Англией, почему же он продолжал непрерывные изнурительные бои, а не прекратил их? Почему он 26 мая приказал возобновить наступление танков, когда выяснилось, что 18-я и 6-я армии группы армий «Б» наступают крайне медленно?

Вернее предположить, что именно военный разгром английских дивизий на континенте мог вынудить Лондон к заключению мира с Германией. Не случайно генерал Гудериан писал: «Только пленение английской экспедиционной армии могло бы усилить склонность Великобритании к заключению мира с Германией или повысить шансы на успех возможной операции при высадке десанта в Англии»³.

По свидетельству адъютанта Гитлера Энгеля, тот в период Дюнкерка постоянно твердил о необходимости уничтожить армию англичан, чтобы «сделать Англию более уступчивой в вопросе заключения мира»⁴.

Гитлер был убежден, что, растеряв союзников на континенте Европы, без поддержки США, потеряв свою армию, Англия не сможет в одиночестве продолжать войну против германского рейха. Об этом он весьма определенно говорил Муссолини во время встречи, состоявшейся 18 марта 1940 г. в Бреннере.

«Когда будет покончено с Францией, — говорил фюрер, — Англии придется заключить мир»⁵. Но это был бы не мир, а всего лишь перемирие ради осуществления гитлеровцами своих планов завоевания мирового господства.

¹ DGFP, Ser. D, vol. 9, p. 438.

² См.: Военно-исторический журнал, 1963, № 9, с. 83.

³ Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten. H., 1951, S. 108.

⁴ Новая и новейшая история, 1970, № 1, с. 137.

⁵ DGFP, Ser. D, vol. 9, p. 438.

Исследуя «чудо под Дюнкерком», нельзя абстрагироваться от того, что война на Западе считалась Гитлером и его окружением лишь этапом на пути к завоеванию мирового господства. Осуществлению этих планов препятствовал Советский Союз. Именно летом 1940 г. Гитлер решает начать форсированную подготовку к нападению на СССР.

Готовясь к войне с Советским Союзом, Гитлер дрался против союзнических войск под Дюнкерком лишь «одной рукой», сберегая силы, особенно танковые корпуса, не только для завершения войны на Западе, разгрома и капитуляции Франции, но и для будущей войны против СССР. Следует учесть, что вермахт испытывал серьезный недостаток в танках, а военная промышленность Германии не могла быстро возместить потери.

В начале июня 1940 г. немецко-фашистская армия имела всего 2114 танков. Военные заводы Германии выпускали в месяц менее 200 танков и самоходных орудий¹. Если агрессия против Советского Союза, по первоначальным планам Берлина, была намечена примерно на сентябрь 1940 г., то фашистская армия, учитывая потери в ходе дальнейших боев во Франции, могла иметь 2500—2600 танков, главным образом легких и средних. Гитлер считал, что этих сил недостаточно. Отсюда его приказ «беречь танковые силы для будущих операций», завершающих боев против Франции, а главное — военных действий против СССР.

Наконец, анализируя события, связанные с «чудом под Дюнкерком», не следует забывать еще один аспект вопроса, а именно силу сопротивления английской и французской армий. Насколько нерешительно было английское командование в помощи своей союзнице Франции для нанесения контрудара немцам и ликвидации прорыва на юге, настолько Черчилль, Горт, Александер были решительны и стойки в период эвакуации английской экспедиционной армии. Английская армия, сохранявшая значительные силы, покидала своего союзника в самый тяжелый момент, но английские солдаты сражались самоотверженно. Участник боев за Дюнкерк английский офицер Ричард Сквайрс писал: «Дюнкерк был бегством с поля боя. Дюнкерк был предательством по отношению к нашей союзнице Франции. Дюнкерк был пощечиной для английских солдат, которые хотели сражаться, а не эвакуироваться под огнем вражеских орудий»².

Полного военного разгрома английской армии на континенте гитлеровцам добиться не удалось. Но в этом «повинны» отнюдь не они.

¹ См.: *Прожктор Д. М.* Цит. соч., с. 348.

² *Сквайрс Р.* Дорога войны. М., 1952, с. 8.

НАЧАЛО ОПЕРАЦИИ «ДИНАМО»

Вечером 25 мая Черчилль вызвал руководителя морского министерства и отдал краткий приказ: завтра начинайте «Динамо». К тому времени подготовка к операции по эвакуации английских войск из Дюнкерка, как мы отмечали, уже началась. Под контролем адмирала Рамсея в Дувре происходило сосредоточение кораблей и мелких судов. К операции готовился и главнокомандующий английской экспедиционной армией Горт.

Вопреки «плану Вейгана», по существу отказавшись предпринять наступление на юг, генерал Горт начиная с 25 мая в соответствии с указаниями Черчилля начал создание плацдарма у Дюнкерка и концентрацию у порта оставшихся английских войск. После падения Булони и Кале Дюнкерк был единственным портом для эвакуации.

Горту активно помогали генералы Брук, Александер и Монтгомери. Горт лишь дожидался последнего сигнала из Лондона. И этот сигнал был подан. Утром 26 мая он получил секретную телеграмму военного министерства. В ней одобрялись действия Горты и ему разрешалось «пробиваться в направлении побережья во взаимодействии с французскими и бельгийскими войсками»¹. Вскоре им была получена вторая лаконичная телеграмма: «Отходите к побережью». В час дня 27 мая, в подтверждение предыдущих телеграмм, Горт получил еще одно указание военного министра: «эвакуировать в Англию как можно большую часть ваших войск»².

Вечером 26 мая операция «Динамо» началась. К ночи 27 мая к побережью Франции направилась разношерстная флотилия английских судов. В операции участвовали десятки военных кораблей, в том числе крейсера, 39 эсминцев, 36 минных тральщиков, а также невоенные корабли и суда: 77 траулера и дрейфтеров, 40 шхун, 25 яхт с военно-морскими экипажами, 45 транспортных судов, 8 госпитальных судов, моторные катера, буксиры. Были мобилизованы спасательные лодки с океанских пароходов, стоявших в лондонских доках. Всего в операции «Динамо» участвовало 861 английское и иностранное судно, из них 300 французских, польских, голландских, норвежских. По всей Англии, как порыв бури, неся клич о спасении «наших парней на дюнкеркском берегу».

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 2, p. 76.

² De Bardies. La Campagne 1939—1940, p. 233.

Десятки тысяч англичан — рыбаки, докеры, шоферы, машинисты, яхтсмены из Дувра, Рамсгейта, Плимута, Халла — все, кто мог держать весла, править парусом или моторной лодкой, устремились через Дуврский пролив на спасение английской армии, участвуя в операции «Динамо». «Москитный флот» Англии под ожесточенной вражеской бомбежкой (гитлеровцы бросили в бой до 300 бомбардировщиков и 500 истребителей) и ураганным артиллерийским обстрелом сновал от песчаного побережья моря к крупным кораблям и перевозил на них солдат и офицеров.

На «пяточке» в 50 километров шириной и 30 километров глубиной, в горящем Дюнкерке, на побережье среди песчаных дюн десятки тысяч английских и французских солдат отбивались от наседавшего противника, от ударов немецкой авиации. Для прикрытия отступления в ход была пущена вся авиация Англии, весь драгоценный резерв, который Черчилль ранее не хотел бросить на помощь Франции, — делалось до 300 самолетовылетов в день.

Английские летчики дрались мужественно и храбро, совершая с рассвета и до темноты на «харрикейнах» и «спитфайерах» по 4—5 самолетовылетов с аэродромов Британских островов. На редкость спокойное море — в бурную погоду даже самые большие смельчаки не рискнули бы пересечь Ла-Манш на утлых суденышках «москитного флота» — как будто помогало англичанам спасти «своих парней». Отступление англичан, в свою очередь, героически прикрывали французские войска.

Под Лиллем и Дюнкерком отважно сражались французские солдаты армии генерала Бланшара. Когда лорд Горт сообщил ему 28 мая об эвакуации английских войск, генерал Бланшар отказался отдать приказ об отступлении французских дивизий. Тогда Горт стал отходить без французской армии. Французское командование протестовало против «эгоистичной позиции Горта»¹.

Мужественное сопротивление пяти французских дивизий 1-й армии под Лиллем, отрезанных позднее и плененных немцами после того, как они израсходовали все снаряды и патроны, во многом обеспечило успех эвакуации английских войск из Дюнкерка.

К Дюнкерку прорвалась примерно лишь половина 1-й французской армии. Но и те из французских солдат и офицеров, кто прибыл к Дюнкерку, эвакуировались по приказу Горта во вторую очередь².

¹ Дивайн Д. Девять дней Дюнкерка. М., 1965, с. 117—118.

² С 27 по 31 мая из Дюнкерка было эвакуировано в Англию 165 тыс. англичан и около 15 тыс. французов.

ТРЕТЬЯ ПОЕЗДКА ЧЕРЧИЛЛЯ В ПАРИЖ

31 мая Черчилль в третий раз прилетел в сопровождении Эттли и Исмэя в Париж. На заседании верховного совета союзников, состоявшемся в кабинете Рейно, в военном министерстве на улице Сен-Доминик, присутствовали также Петэн, Вейган и Дарлан.

Главной задачей поездки Черчилля было смягчить англо-французские трения, возникшие в результате несогласованного отступления армии Горта, и добиться от Франции продолжения войны с Германией. Ему не удалось достичь ни того, ни другого.

На совещании в Париже выявилось, что Петэн и другие политические деятели Франции готовы пойти на сепаратный мир с немцами. Еще 25 мая на заседании военного комитета Франции правительство и командование решили искать перемирия с Германией¹. Черчилль же, по его словам, «пел свою обычную песню: мы будем продолжать сражаться, что бы ни произошло и кто бы ни вышел из боя»².

Утром следующего дня Черчилль покинул Париж.

ПОД ОГНЕМ

31 мая и 1 июня были кульминационным пунктом операции «Динамо». В эти два дня в Англию было вывезено свыше 132 тыс. человек — более чем в любой из всех остальных тяжелых дней дюнкеркской операции. Из общего числа эвакуированных в Англию одна треть была вывезена с побережья на судах «москитного флота» под артиллерийским огнем и ожесточенными налетами авиации. На море английские корабли преследовались вражескими торпедными катерами и самолетами. Море буквально кишело людьми, умолявшими о помощи. В последние два дня, когда вражеское кольцо еще не сомкнулось окончательно, эвакуация могла осуществляться только под покровом темноты. В последнюю ночь и утро 4 июня, когда были вывезены все английские войска, из Дюнкерка эвакуировали 26 тыс. французских солдат. В 9.00 Дюнкерк пал. В 14 часов 23 минуты по Гринвичу морское министерство Англии сообщило о завершении операции «Динамо». На берегу совершилась «трагедия арьергарда» — около 40 тыс. французских солдат и офицеров, прикрывавших эвакуацию своих товарищей, попали в фашистский плен³.

¹ *Weygand. M. Memoirs. P., 1950, p. 504.*

² *Churchill W. Op. cit., vol. 2, p. 100.*

³ См.: *Дивайн Д. Цит. соч., с. 169—171.*

За девять дней операции «Динамо», с 27 мая по 4 июня, по данным морского министерства, было эвакуировано в Англию 338 тыс. человек, из них 215 тыс. англичан. Остальные 123 тыс. составляли французские, бельгийские солдаты и военнослужащие других союзных Англии стран. Судами французского флота было спасено 50 тыс. человек. В ходе операции немецкие бомбардировщики, торпедные катера потопили 224 корабля и транспортных судна¹.

Общие потери союзников под Дюнкерком убитыми составили 9290 человек, а всего с ранеными, пропавшими без вести достигли 68 тыс. человек².

Под Дюнкерком было утрачено почти все вооружение и снаряжение английской армии — 7 тыс. тонн боеприпасов, 90 тыс. винтовок, вся артиллерия (2300 орудий), 120 тыс. автомашин, 8000 пулеметов, не говоря уже о танках и броневиках³. Правда, генерал Александер захватил горсть камней с пляжей Дюнкерка, надеясь снова вернуться во Францию.

Французы лишились четверти всей артиллерии, трети легких и тяжелых танков, трех четвертей средних танков.

Цифры потерь союзников под Дюнкерком, особенно в живой силе и технике, ожесточенность боев опровергают фальшивую легенду о «золотом мосте». То, что Гитлеру и его генералам не удалось уничтожить под Дюнкерком английскую армию, а они стремились к этому, явилось результатом ряда политических и иных факторов.

Если для немецкого командования это была неудача, то для англичан и французов проигрыш битвы под Дюнкерком был тяжелым военным поражением. Оценивая в парламенте события в Дюнкерке, Черчилль вынужден был охарактеризовать их как «крупнейшее военное поражение». Он признавал, что подобными «эвакуациями войны не выигрывают»⁴.

Положение Англии стало отчаянно тяжелым. Ее народ расплачивался за последствия мюнхенского курса, за политику поощрения фашистских агрессоров. Враг стоял у порога Англии.

У. Черчилль стремился ободрить своих соотечественников. «Мы, — говорил он в палате общин, — не сдадимся и не покоримся. Мы пойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с возрастающей уверенностью и силой в воздухе, мы будем оборонять наш остров...»⁵

¹ См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 60.

² См.: Дивайн Д. Цит. соч., с. 222.

³ См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 102.

⁴ Churchill W. Op. cit., vol. 2, p. 103.

⁵ Parliamentary Debates. House of Commons, 1940, vol. 361, col. 793.

Таким образом, «Дюнкеркское чудо», в котором, как мы видели, не было ничего «чудесного», было обусловлено сочетанием военно-стратегических, тактических и политических факторов. Наиболее важными из них явились планы Гитлера по завоеванию мирового господства и подготовка войны против СССР, стоявшего на пути фашистских агрессоров.

Уже в дни Дюнкерка Гитлер думал об экономии военных сил и средств ради выполнения как ближайшей задачи — разгрома и капитуляции Франции, так и главной задачи — войны против СССР с целью его уничтожения.

Даже еще не участвуя во второй мировой войне, СССР своей силой и мощью самым непосредственным образом влиял на события и ход войны, и в частности на «чудо» в Дюнкерке, и тем самым помог сохранить и эвакуировать английскую экспедиционную армию.

Легенду о «золотом мосте», о «гуманизме» Гитлера, его «заботе» о престиже гордых англичан, якобы «выпущенных» им из-под Дюнкерка, следует отнести к области генеральских сказок. Незамысловатая цель этой легенды состоит в том, чтобы оправдать просчеты Гитлера и германского генералитета под Дюнкерком и замаскировать ряд других обстоятельств.

Гитлер, вполне вероятно, стремился к миру с Англией, но к такому миру, который бы являлся «важным звеном подготовки германского похода на Восток, против СССР»¹.

Политический смысл легенды о «золотом мосте» под Дюнкерком, о «миролюбии» Гитлера и немецких генералов состоит, помимо всего прочего, в том, чтобы вопреки фактам доказать — фашистская Германия не была непримиримым врагом Англии и война между Германией и Англией явилась политической ошибкой. Смысл легенды о «Дюнкеркском чуде» имеет и другую сторону. Буржуазные фальсификаторы истории, западногерманские генералы, английские и американские стратеги стремятся умалить роль Советского Союза в спасении Европы от коричневой чумы и Британских островов от гитлеровского нашествия.

¹ История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 104.

ГЕСС В АНГЛИИ. МАЙ 1941 г.

Глава III

НЕУДАВШИЙСЯ «ПРЫЖОК» РУДОЛЬФА ГЕССА

«ОДИНОЧНЫЙ ВРАЖЕСКИЙ САМОЛЕТ» НАД ШОТЛАНДИЕЙ

С небольшого аэродрома «Лагерлечфельд» авиастроительной фирмы Вилли Мессершмитта, расположенного в Баварии недалеко от Аугсбурга, 10 мая 1941 г. в 17 часов 40 минут в воздух поднялся двухмоторный самолет-истребитель новейшей марки Me-110. Присутствовавшие на аэродроме — а их было несколько человек — быстро разошлись, едва самолет скрылся за близлежащим лесом.

Самолет, взявший курс на северо-запад Германии, уверенно пилотировал человек с угловатым лицом, массивной нижней челюстью, тонкими злыми губами, большими мохнатыми бровями, почти вплотную сходящимися над широким хищным носом. В тот же день около 22 часов вечера «мессершмитт» пересек Северное море, побережье Шотландии недалеко от Берика,

над Ланкаширом, и английские радарные установки засекли его. Хотя между фашистской Германией и Англией шла война, противовоздушная оборона молчала. Лишь два английских «спитфайера», не открывая огня, пристроились к одиноко летевшему «мессеру»¹, как бы составив почетный эскорт вражескому самолету. Необычно было и то, что самолет подобного типа не мог так сильно удалиться от Германии, если бы летчик рассчитывал вернуться на свою базу: на обратный путь ему не хватило бы горючего. Благополучно миновав английские зоны противовоздушной обороны и пролетев от Аугсбурга свыше 800 миль, Me-110 достиг Западной Шотландии. В районе Игмиема (около Глазго), близ местечка Пейсли, расположенного в 14 километрах от «Дунгавел-касл» — родового имения герцога Гамильтона, служащий поместья заметил в воздухе самолет, потерявший управление и вскоре врезавшийся в землю недалеко от Иглшемской дороги. (Как потом выяснилось, летчик умышленно разбил самолет, чтобы англичанам не досталась новейшая модель «мессершмитта»².) В воздухе появился белый купол парашюта.

В это время по Иглшемской дороге проезжал полицейский Том Хислоп. Примерно в 22 часа в приемнике его машины раздался голос: «Одиночный вражеский самолет пересек побережье Клайда и летит в направлении Глазго... Это определено вражеский самолет, терпящий аварию. Все полицейские должны внимательно смотреть за его приземлением»³.

Около 22 часов 15 минут владелец фермы Дэвид Маклин собирался лечь спать. Вдруг он услышал рев самолета, внезапно оборвавшийся. Посмотрев в окно, Дэвид увидел спускающегося парашютиста. Подбежав к нему, Дэвид увидел только что освободившегося от строп парашюта грузного человека в форме капитана немецкой авиации. На вид ему было лет 45—47. На ломаном английском языке, медленно подбирая слова, летчик сказал фермеру: «Я немец. Я гауптман Альфред Хорн. Ведите меня в «Дунгавел-касл». У меня имеется важное послание к герцогу Гамильтону»⁴.

К тому времени подоспел другой фермер — Уильям Краг. Маклин послал его за солдатами, а сам доставил летчика, прыгавшего на одной ноге (он повредил при приземлении лодыжку), в свой дом. В доме Маклина немец повторил: «Я имею срочное послание к герцогу Гамильтону. Немедленно вызовите его ко мне».

¹ Об этом сообщили представители министерства авиации Англии (Parliamentary Debates. House of Commons, 1941, vol. 372, col. 921).

² Leasor J. The Uninvited Envoy. L., 1962, p. 19.

³ Ibid., p. 23.

⁴ Из официального заявления английского правительства о Рудольфе Гессе, сделанного министром иностранных дел Антони Иденом в парламенте 22 сентября 1943 г.

Полицейский констебль Роберт Вильямсон и служащий органов местной самообороны доставили летчика в штаб местной самообороны в Бутби, где его обыскали. В кармане было найдено письмо, адресованное герцогу Гамильтону.

В штабе один английский летчик, бывавший ранее в Германии, внимательно присмотревшись к пленнику, воскликнул, обращаясь к старшему офицеру: «Сэр, я полагаю, что этот человек — Рудольф Гесс, заместитель Гитлера. Я видел его в Германии».

«Не говори глупостей», — сказал кратко старший.

Но летчик не ошибся. Это был действительно Рудольф Гесс.

Армейские офицеры доставили Гесса в Мэрихиллские казармы. Здесь, в иной обстановке, чем рассчитывал Гесс, произошла его встреча с герцогом Гамильтоном, офицером королевских военно-воздушных сил, одним из приближенных английского короля. Узнав об аварии немецкого самолета, Гамильтон быстро приехал в казармы. Вместе с двумя офицерами он зашел к «Альфреду Хорну». Последний попросил, чтобы их оставили вдвоем с герцогом. Когда спутники Гамильтона вышли, Гесс назвал себя. Гамильтон сделал вид, что не знает своего собеседника. В действительности он сразу опознал «таинственного летчика», хотя при нем не было никаких документов.

По указанию Гамильтона Гесс был отправлен в военный госпиталь «Бьюкенен-касл», расположенный в сельской местности в 18 милях от Глазго. Затем герцог обратился к командованию за разрешением немедленно выехать в Лондон по срочному делу.

«НАЦИ № 3»

Прилет Гесса был поистине сенсационным. Из вражеской Германии в Англию прибыл «наци № 3» — один из главных вдохновителей авантюры немецких фашистов, заместитель Гитлера по партии, член германского тайного совета и кабинета министров, генерал СС.

Рудольф Гесс был одним из ветеранов германского фашизма. В годы первой мировой войны, будучи военным летчиком, он сражался против англичан и французов в рядах кайзеровской армии. Когда Германия была разгромлена, Гесс поступил в Мюнхенский университет, где учился под началом известного геополитика-расиста Карла Гаусгофера. Здесь Гесс стал одним из создателей и руководителей нацистской организации, вступил в отряды СА. Выпускал антикоммунистические брошюры, громил митинги демократов.

Правда, первый выход на широкое политическое поприще кончился для него плачевно. Мюнхенский «пивной путч» в «Бюргербройкеллер» в ноябре 1923 г., в котором он принимал участие, был подавлен. Гесса приговорили к 18 месяцам тюрьмы.

В камере ландсбергской тюрьмы он встретился с Гитлером, тоже осужденным за организацию «пивного путча». В часы тюремного безделья тот отстукивал двумя пальцами на машинке страницы человеконенавистнической книги «Майн кампф», ставшей библией фашизма. Гесс помогал Гитлеру. Редактором «Майн кампф» был Карл Гаусгофер. Выйдя из тюрьмы, Гесс стал личным секретарем Гитлера, его «вторым я», верным оруженосцем и «почитателем таланта».

Положение Гесса как доверенного лица фюрера еще более укрепилось после прихода фашистов к власти. А в 1939 г. он был официально объявлен заместителем и преемником Гитлера (после Геринга). Гесс имел право выносить решения от имени Гитлера по всем вопросам партийного руководства. В качестве имперского министра без портфеля он был уполномочен предварительно санкционировать все законопроекты, предложенные различными имперскими министрами, прежде чем они приобретали силу закона. 15 сентября 1935 г. им, например, был подписан расистский закон «о защите крови и чести», утверждавший «превосходство» немецкой расы. Ему принадлежала первостепенная роль в человеконенавистнической оргии преследования евреев.

Вместе с Гитлером и Гиммлером Гесс выступил в роли создателя эсэсовских организаций германского фашизма, позднее осуществлявших наиболее зверские преступления против человечности. В 1934 г. по инициативе Гесса «СД при рейхсфюрере» (служба безопасности) приобрела исключительные полномочия, став жестоким палачом немецкого, а затем и других народов.

Гесс немало сделал для развязывания германской агрессии в Европе. Он активно участвовал в подготовке захвата Австрии и Чехословакии. Гесс находился в тесной связи с австрийскими фашистами — Зейсс-Инквартом и другими. Не случайно 12 марта 1938 г. после оккупации Австрии гитлеровцами Гесс одним из первых нацистских лидеров прибыл в Вену. На следующий день именно Гесс санкционировал декрет об аншлюсе Австрии и присоединении ее к фашистской Германии, хотя это противоречило Версальскому и Сен-Жерменскому договорам. Известна его злобная роль и в захвате Чехословакии. Нацистский лидер подстрекал через фашистскую агентуру судетских немцев к развязыванию гражданской войны в Чехословакии. 15 марта 1939 г. Чехия и Моравия были объявлены германским протекторатом. 14 апреля 1939 г. Гесс санкционировал декрет о присоединении Судетской области к Германии.

После оккупации Польши немецкими фашистами тот же Гесс подписал декрет «об учреждении администрации польских оккупированных территорий», вводивший в Польше режим зверского насилия и произвола. И поляки и евреи были фактически поставлены этими декретами вне закона.

Гесс ненавидел французский народ. Его перу принадлежит неопубликованная «поэма» — бред человеконенавистника.

«Алло, француз!
Для тебя наступил черный день.
Все вы умрете, чтоб жили мы.
Наконец-то заживут наши бедные немцы»¹.

«Англофил» Гесс отнюдь не питал симпатий и к английскому народу. Гессу принадлежала немалая роль в разработке плана «Морской лев» — захвата Британских островов, он разделяет ответственность за смерть десятков тысяч английских стариков, женщин и детей, погибших в результате варварских налетов люфтваффе на Лондон, Бирмингем, Ковентри, Глазго и другие английские города.

Ярый враг Советской страны, Гесс активно содействовал составлению зловещего плана «Барбаросса». Осуществляя дипломатическую подготовку войны с СССР, Гитлер, Геринг, Гесс и другие фашистские главари стремились втянуть в «крестовый поход против большевизма» не только своих сателлитов, но и противников, в частности Англию.

«ИДЕ ФИКС» РУДОЛЬФА ГЕССА

Гесс особенно упорно пытался вовлечь Англию в антисоветский поход. Для реализации своих планов он рассчитывал опереться на профашистские элементы в этой стране, добиться устранения правительства Черчилля и заключить с Англией мир. Можно не сомневаться, что Гесс намеревался использовать антисоветские тенденции английских мюнхенцев, по-прежнему предпочитавших сделку с фашистской Германией борьбе против нее.

В числе прогермански настроенных лиц в Англии были крупные земельные аристократы — консерваторы герцоги Гамильтон и Бедфорд, ярые ненавистники Советской страны интервенционисты А. Нокс, Локкер-Лэмпсон, клайвденская клика (лорда и леди Астор). Наряду с ними гитлеровцы делали ставку на лорда Дерби, парламентского секретаря Н. Чемберлена лорда Дугласа, заместителя министра авиации Г. Бальфура, заместителя министра по делам Шотландии Веддерборна, тесно связанного с королевским двором.

Гитлер и Гесс уповали на помощь членов профашистской «группы имперской политики» во главе с лордом Берти, лордом Филлимором, Кеннетом де Курси, неоднократно встречавшимися с Муссолини и другими фашистскими деятелями. Они предполагали привлечь на свою сторону так называемых «моло-

¹ *Root W. The Secret History of the War. Wash., 1945, vol. 1, p. 635.*

дых империалистов», объединявшихся вокруг посла Англии в США лорда Лотиана и журнала «Round Table».

Особое место в планах Гитлера и Гесса занимал лидер английских нацистов Освальд Мосли и его, правда немногочисленные, приверженцы. Гесс был непосредственно связан с другими фашистскими организациями в Англии, в частности с главарем группы «Линк» («Звено»).

Немецко-фашистские руководители надеялись использовать для сговора с Англией некоторых высокопоставленных чиновников Форин-офиса. Наиболее видными из них были: руководитель департамента Средней Европы Уильям Стрэнг, глава восточного департамента О'Мэлли, ставший позже посланником в Будапеште, бывший первый секретарь английского посольства в Берлине Айвон Киркпатрик и другие ¹.

Об «английских связях и возможности их использования» писал 12 мая 1941 г. в специальной записке Гитлеру чиновник фашистского МИД Альбрехт Гаусгофер — сын упоминавшегося Карла Гаусгофера ², ставшего политическим советником Гесса. Именно Карл Гаусгофер, в то время тесно связанный со многими высокопоставленными английскими политиками и дипломатами, включая лорда Галифакса, герцога Гамильтона, лорда Дугласа, лорда Лотиана и других, натолкнул Гесса на мысль добиться заключения мира с Англией. Не случайно визитные карточки отца и сына Гаусгоферов были отличной рекомендацией Гессу по прибытии его в Англию.

Однажды летом 1940 г. Карл Гаусгофер — «личный астролог» Гесса — рассказал последнему о «вещем» сне: он, Гаусгофер, «трижды видел во сне, как Гесс управляет самолетом, который летит куда-то в неизвестном направлении». Гаусгофер недвусмысленно намекал на необходимость полета в Англию, где Гесс мог бы встретиться с герцогом Гамильтоном, «человеком здравого ума», имевшим доступ в любое время ко всем важным лицам в Лондоне, даже к Черчиллю и королю ³.

Семена, посеянные Гаусгофером, упали на благоприятную почву. Гесс и сам надумал выполнить «историческую миссию» — полететь в Англию или встретиться с английскими дипломатами в Испании, чтобы договориться о мирном урегулировании с Англией, о создании единого фронта Германии и Англии, направленного против СССР.

Попытки достижения сговора с Англией неоднократно предпринимались немецкими фашистами в течение 1940—1941 гг. Летом 1940 г., когда гитлеровцы усиленно разрабатывали план «Барбаросса», в Швейцарии при посредстве бывшего верховного комиссара Лиги наций в Данциге, затем представителя Красного

¹ DGFP. Ser. D, vol. 12, p. 783—784.

² Ibidem.

³ Churchill W. Op. cit., vol. 3, p. 61.

Креста в Швейцарии Карла Буркхардта состоялась тайная встреча между английским послом Келли и гитлеровским эмиссаром Максом Гогенлоэ. Затем последовали другие встречи с Гогенлоэ.

Фашистская Германия через поверенного в делах США в Берлине и итальянского посла Альфьери 25 июня 1940 г. предложила, чтобы президент США Рузвельт выступил с инициативой переговоров о мире между Германией и Англией. В начале июля 1940 г. Хит по указанию госдепартамента США беседовал несколько раз с Вольтатом — доверенным лицом гитлеровской Германии. От имени Гитлера Вольтат предлагал заключить союз трех «северных наций» — Англии, США и Германии.

В июле 1940 г. попытку в этом направлении предпринял и Рудольф Гесс. Он вылетел в Мадрид, где встретился с бывшим английским королем, братом короля Георга герцогом Виндзорским. В свое время герцог Виндзорский — король Эдуард VIII — был вынужден оставить престол не только из-за неудачной женитьбы на женщине некоролевской крови. Сыграли свою роль и его профашистские воззрения. Гесс знал, с кем имеет дело, и посему без дипломатических экивоков предложил Англии участвовать в совместном походе против СССР. Герцог Виндзорский немедленно переслал эти предложения брату-королю и премьер-министру У. Черчиллю, энергично убеждая немедленно принять их. Однако через несколько дней английское правительство опровергло факт переговоров¹.

В начале сентября 1940 г. при очередной встрече Гесса с Карлом Гаусгофером разговор зашел об установлении контакта с герцогом Гамильтоном, с которым Гесс познакомился еще в 1936 г. во время Олимпийских игр в Берлине. Гамильтон бывал в доме Гесса, выступал ярким приверженцем нацистов. Гаусгофер считал возможным устроить такую встречу в Лиссабоне через своего сына Альбрехта.

Последний был уверен, что Гесс уполномочен Гитлером вести переговоры с Англией. 10 сентября 1940 г. А. Гаусгоферу поручили увидеться с Гамильтоном в Лиссабоне, чтобы подготовить почву для переговоров Гесса с англичанами². А. Гаусгофер написал Гамильтону письмо, переданное через представителей Интеллидженс сервис. На совещании ответственных сотрудников английской разведки было решено использовать предстивившуюся возможность. Гамильтону посоветовали выехать в Лиссабон. Однако он не осмелился сделать это без санкции правительства. Неизвестно, что оно решило, но встреча в Лиссабоне не состоялась. По-видимому, эта неудача и натолкнула Гесса на мысль лично отправиться к герцогу Гамильтону в Англию³.

¹ *Root W.* Op. cit., p. 631—632.

² *Leasor J.* Op. cit., p. 225—226.

³ *Ibid.*, p. 75—78, 225—228.

КАК ГОТОВИЛСЯ ПОЛЕТ В АНГЛИЮ

Через промышленника Вилли Мессершмитта Гесс приобрел на его заводе самолет новейшей конструкции Me-110. В течение нескольких месяцев Гесс проводил пробные полеты на далекое расстояние над территорией Германии. По свидетельству самого Гесса, он сделал три попытки вылететь в Англию. Первая из них была предпринята в декабре 1940 г. Однако помешала плохая погода. Второй полет в январе 1941 г. окончился неудачей из-за неисправности самолета. Но Гесса это не остановило. По его инициативе в конце апреля 1941 г. произошла тайная встреча А. Гаусгофера с профессором Буркхардтом. Тот сообщил о «желании важных английских кругов изучить возможность заключения мира», ссылаясь при этом на «известное и уважаемое в Лондоне лицо, близкое к верхушке консервативной партии и Сити». Правда, Буркхардт не назвал имени этого «таинственного» человека, но сообщил некие «английские условия мира», обеспечивавшие «британские интересы в Восточной и Юго-Восточной Европе». Буркхардт добавил, что «колониальный вопрос не представит серьезных затруднений, если германские требования ограничатся прежними немецкими колониями» (эта программа напоминала предложения, сделанные Германии до войны английскими политиками Хадсоном и Ноэль-Бакстоном).

Правда, Буркхардт отметил, что добиться англо-германского соглашения будет весьма трудно. И не потому, что только часть английской plutократии стремилась к сделке с Германией. Велико было бы сопротивление народных масс, которые относились к войне против фашизма «как к священной войне»¹.

Имеются данные, что Гесс 22 апреля 1941 г. посетил Мадрид, нащупывая почву для сговора с английскими мюнхенцами. Он сделал попытку встретиться с английским послом в Мадриде Самуэлем Хором, профашистские воззрения которого были хорошо известны. Однако встреча не состоялась. Следующий шаг Гесса был поистине курьезным. Из Мадрида он связался с английским командующим гарнизоном в Гибралтаре и высказал пожелание приехать в самую секретную военную крепость Англии для обсуждения «важного вопроса». Гесс так верил в силу Германии, что никак не ожидал получить отрицательный ответ. Командующий — бравый вояка, неискушенный в политике, ответил, что при появлении Гесса в Гибралтаре он его расстреляет². Но это не обескуражило Гесса.

В Мадриде произошла встреча между Гессом и англичанами, выдававшими себя за представителей Гамильтона, Бедфорда

¹ DGFP, Ser. D, vol. 12, p. 785—786.

² Parliamentary Debates. House of Commons, 1943, vol. 372, col. 888.

и Киркпатрика. Затем Гесс послал личного адъютанта в Лиссабон, где и были окончательно согласованы с Интеллидженс сервис планы полета в Лондон. При этом Гесс хотел вылететь на военном самолете в Шотландию. Был выработан и принят тот план, который и осуществил Гесс.

Буквально перед своим вылетом в Англию Гесс написал письмо для передачи Гитлеру. «Как вы знаете, — писал Гесс, — я нахожусь в постоянном контакте с важными лицами в Англии, Ирландии и Шотландии. Все они знают, что я всегда являлся сторонником англо-германского союза... Но переговоры будут трудными. Чтобы убедить английских лидеров, важно, чтобы я лично прибыл в Англию. Я достигну нового Мюнхена, но этого нельзя сделать на расстоянии. Я подготовил все возможное, чтобы моя поездка закончилась успехом. Разрешите мне действовать»¹. Правда, Гесс не исключал возможности провала своей миссии. На этот случай он советовал фюреру переложить всю ответственность на него, «сказав просто, что я сумасшедший»².

«ГЕСС В ШОТЛАНДИИ!»

Сообщение о прибытии Гесса в Шотландию потрясло многих буржуазных политических деятелей во всем мире, и прежде всего самих англичан. Это «наиболее сенсационное событие за многие столетия!» — воскликнул в парламенте депутат Стокс. Известие о появлении Гесса в Англии удивило даже выдавшего вида Черчилля. Субботний вечер он проводил в родовом поместье Дитчли. С ним были его друг и советник профессор Линдeman, генерал Исмей, военный министр и другие лица. Черчилль и его гости смотрели комический фильм с участием знаменитых американских актеров братьев Маркс. Вдруг в комнату стремительно вошел его секретарь Бракен и сказал, что герцог Гамильтон срочно просит Черчилля к телефону. Черчиллю не хотелось отрываться от фильма, он велел передать герцогу, что занят. Но герцог настаивал, заявив, что речь идет «о деле большой государственной важности». Черчиллю пришлось уступить. Гамильтон рассказал о случившемся. «Гесс в Шотландии!» Вначале Черчилль воспринял это сообщение как «фантастическое»³. Но весть оказалась верной. Ночью поступили новые сведения, подтвердившие ее.

В частности, вскоре после прибытия Гесса два представителя Интеллидженс сервис сообщили Черчиллю о контактах, поддерживавшихся английской секретной службой с Гессом. Бри-

¹ Root W. Op. cit., p. 636.

² Leason J. Op. cit., p. 102.

³ Ghurchill W. Op. cit., vol. 3, p. 56.

танский премьер возмущился тем, что разведка действовала через его голову и несвоевременно информировала о ходе переговоров с гитлеровскими агентами.

Вначале Черчилль пожелал лично беседовать с Гессом, но, поразмыслив, счел это не совсем удобным. Было решено, что первая встреча состоится между Гамильтоном и Гессом. Герцога срочно вызвали в Дитчли. Он немедленно был принят Черчиллем.

Гамильтон подтвердил еще раз, что прилетел Гесс. Черчилль расспросил обо всех деталях встречи с Гессом. На следующий день Черчилль и Гамильтон приехали в Лондон. Черчилль пригласил министра иностранных дел Антони Идена и поручил ему выяснить цель прибытия Гесса. Был также вызван Айвон Киркпатрик, знавший Гесса. Вместе с Гамильтоном он вылетел в Шотландию. Киркпатрик сразу узнал Гесса, о чем телефонирует в Лондон. 12 мая появилось официальное сообщение министерства информации Англии.

В парламент посыпались запросы депутатов. Консерваторы, лейбористы и либералы спрашивали Черчилля: зачем прилетел Гесс? Привез ли он с собой какие-либо мирные предложения? Исходят ли они от него лично или от германского правительства? Будут ли они опубликованы? Какова позиция английского правительства?

Некоторые члены парламента забили тревогу. Гесс, говорили они, прибыл в Англию, чтобы предложить «нашим аристократам» «объединиться с нацистами»¹.

Черчилль, выступая в парламенте 20 мая, а затем 10 июня, отказался ответить на запросы депутатов о Гессе. «В настоящее время, — заявил он, — я не могу сообщить о нем... Если правительство сочтет необходимым сделать заявление, в будущем оно это сделает»². Такого заявления не последовало более двух лет — вплоть до 22 сентября 1943 г. В заговоре молчания приняли участие и министры Черчилля.

ВОЗНЯ ВОКРУГ ГЕССА

А в это время началась закулисная возня вокруг Гесса, продолжавшаяся несколько месяцев. Помимо Гамильтона переговоры с Гессом вел Киркпатрик. С ним также беседовали бывший министр иностранных дел, с 1941 г. лорд-канцлер в кабинете Черчилля Джон Саймон и влиятельный член военного кабинета Черчилля, его близкий друг лорд Бивербрук.

В прессе строились самые различные предположения. Зачем Гесс прилетел в Англию? Английская пропаганда утвер-

¹ Parliamentary Debates. House of Commons, 1943, vol. 372, col. 901.

² Ibid., p. 29—30.

ждала, будто он покинул фашистскую Германию, так как считал ее обреченной, и бежал, как бегут крысы с тонущего корабля. Немецкие фашисты сообщали, что Гесс разошелся с Гитлером по вопросам внешней политики и особенно был недоволен заключением советско-германского договора о ненападении: он не смог-де согласиться с «прорусской политикой Гитлера». Далее в фашистских кругах утверждали, что после двух неудачных попыток полета в Англию у Гесса были основания опасаться гестапо, поскольку письмо, оставленное им для передачи Гитлеру, вскрыл адъютант Гесса Пинтч и его прочли шофер и телохранитель¹.

Впоследствии защитник Гесса в Нюрнберге, свидетели защиты, его личный врач выдвигали смехотворные утверждения о «гуманных мотивах» полета Гесса в Англию. Гесса якобы беспокоили или даже приводили в ужас сообщения о варварских налетах немецких самолетов на Англию, и «ему была ненавистна мысль о гибели детей и матерей».

Сообщения немецких официальных лиц о причинах полета Гесса были малоубедительными. Впрочем, вскоре было объявлено, что Гесс сумасшедший. Германский министр иностранных дел Риббентроп в беседе с Муссолини и Чиано 13 мая высказал следующее предположение: Гесс «попал под влияние гипнотизеров» и «его поведение может быть объявлено каким-то мистицизмом и состоянием его рассудка, вызванным болезнью»².

Подобная же версия появилась в фашистской печати и была передана радиостанцией Мюнхена: «Гесс, по-видимому, находился в состоянии галлюцинации, в результате чего он решил, что сможет добиться взаимопонимания между Англией и Германией»³.

Упомянем, что во время Нюрнбергского процесса врачебной экспертизой было установлено, что Гесс вменяем и может отвечать за свои действия⁴.

Нет никаких оснований думать, что Гесс опасался поражения фашистской Германии. Наоборот, она, по его мнению, находилась в апогее своего могущества. Гесс не расходился с Гитлером и в вопросах внешней политики. Кому, как не Гессу, хорошо было известно вероломство Гитлера, неоднократно топтавшего международные договоры и соглашения. Он был уверен, что Гитлер разорвет и советско-германский договор о ненападении, как только Германия будет готова к войне с СССР.

Что касается версии о «боязни гестапо», то и это звучит неубедительно. Как известно, сепаратные переговоры с Англией

¹ *Leasor J.* Op. cit., p. 102.

² *IMT, Nurenberg, 1947, vol. 7, p. 143—144.*

³ *Churchill W.* Op. cit., vol. 3, p. 58.

⁴ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 7 т. (далее — Нюрнбергский процесс). М., 1957, т. 1, с. 273—274.

в это время и позднее вели менее ответственные чиновники фашистской Германии. Гесс был заместителем Гитлера, и не его адъютанту или шоферу было дано право решать, предаст или не предаст Гесс интересы Германии. Донос на Гесса в гестапо мог бы иметь самые трагические для них самих последствия.

Еще менее правдоподобно мнение апологетов Гесса о его «человеколюбии», «гуманности». Эту версию полностью развенчал английский обвинитель в Нюрнберге Гриффитс-Джонс. На заседании трибунала 7 февраля 1946 г. он заявил: «Я полагаю, что единственная причина, из-за которой Гесс прилетел в Англию, отнюдь не носила гуманного характера. Он прилетел с целью дать возможность Германии вести войну против России только на одном фронте»¹.

Несомненно, Гесс, как представитель нацистской правящей верхушки, был осведомлен о подготовке военного нападения на СССР, об агрессивных намерениях Гитлера. 30 апреля 1941 г. Гитлер принял окончательное решение, гласившее: операция «Барбаросса» начнется 22 июня. Итак, Гесс за 10 дней до полета знал точную дату нападения фашистской Германии на СССР. Правда, сам Гесс указывал, что он не помнит, когда узнал о плане «Барбаросса», но что он знал о нем². Поэтому заявление Киркпатрика, беседовавшего с Гессом, сделанное позднее в его мемуарах, о том, что Гесс якобы не знал о подготовке нападения Германии на СССР, звучит наивно³. Подобная точка зрения не разделяется Джоном Саймоном, отмечавшим, что из высказываний Гесса можно было сделать вывод о готовившемся вторжении Германии на советскую территорию⁴.

Основная цель полета Гесса состояла в следующем. Программа-максимум — не только добиться заключения мира с Англией, но и вовлечь ее в единый «крестовый поход» против первого в мире социалистического государства. Программа-минимум — обеспечить для Германии нейтралитет Англии в войне против СССР, «облегчить осуществление агрессии против Советского Союза путем временного замирения с Англией»⁵.

ЗНАЛ ЛИ ГИТЛЕР О ПОЛЕТЕ!

В исторической литературе, в мемуарах дипломатов и политических деятелей долго велись споры о том, знал ли Гитлер о готовившемся полете Гесса? Предпринял ли Гесс эту

¹ IMT, vol. 7, p. 143.

² См.: Подковинский М. В окружении Гитлера. М., 1981, с. 115.

³ Kirkpatrick I. The Inner Circle. L., 1959, p. 180.

⁴ Simon J. Retrospect. The Memoirs. L., 1952, p. 263.

⁵ Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 529—530.

операцию по собственной инициативе, или идея мирного зондажа в Англии была согласована с Гитлером и другими главари фашистского рейха?

В воспоминаниях Гесса, подготовленных и выпущенных в свет в 1974 г. полковником Бёрдом — бывшим американским начальником тюрьмы в Шпандау, куда после суда в Нюрнберге был посажен Гесс, он утверждает, что совершил полет по собственной инициативе, что Гитлер ничего не знал об этом. «Если бы он хоть что-нибудь узнал, он приказал бы тотчас же меня арестовать»¹, — утверждал Гесс.

Отрицая, что Гитлер знал о его полете в Англию, Гесс признавал: «Я, однако, был уверен: то, что мне предстояло сказать в Англии, встретило бы одобрение фюрера»². Таким образом, он признавал, что Гитлер знал о его планах переговоров с англичанами.

Руководитель шестого отдела РСХА (контрразведки) В. Шелленберг отмечает в своих мемуарах, что на основе расследования «дела Гесса» он пришел к выводу: «Совершенно невероятно, что Гитлер дал приказ Гессу лететь в Англию, чтобы сделать последнее предложение о мире»³. При этом «невероятность» подобной точки зрения Шелленберг пытается объяснить «состоянием протрации», в которую якобы впал Гитлер, узнав о полете Гесса. Далее он пишет, что работники штаба Гесса — от шоферов до личных адъютантов — были арестованы Гиммлером. Якобы были арестованы и близкие друзья Гесса, и в их числе Карл Гаусгофер.

В действительности подверглись аресту лишь личный адъютант Гесса Пинтч и Альбрехт Гаусгофер, но они были вскоре выпущены. Ни Карл Гаусгофер, ни Вилли Мессершмитт никогда не арестовывались. Более того, по указанию Гитлера не было конфисковано имущество Гесса, а его жена вскоре стала получать правительственную пенсию.

Весьма вероятно, что арест некоторых приближенных Гесса явился политической комедией, разыгранной гитлеровцами с целью дезориентировать общественное мнение.

Что касается удивления или злобы Гитлера, продемонстрированных им перед своим окружением после получения известия о полете Гесса, — перед Шпеером и другими, то они, по мнению гитлеровского генерала Боденшатца, «были фальшью и игрой»⁴.

О том, что Гесс действовал по указанию Гитлера, свидетельствуют и другие факты. Так, Карл Гаусгофер утверждает, что Гитлер послал Гесса в Англию, а потом «пожертвовал им».

¹ Подковинский М. Цит. соч., с. 114.

² Там же, с. 117.

³ Shellenberg W. The Labirinth. N. Y., 1956, p. 187.

⁴ Leasor J. Op. cit., p. 172.

Его сын Альбрехт Гаусгофер, помогавший организации полета, заявлял: Гесс вел переговоры с согласия фюрера. Известен и другой факт: личный пилот Гитлера передал Гессу карту для полета над запретными зонами Германии. Во время полета Гесса в Англию ему помогали радиосигналами немецкие радиостанции. Он получал самые точные прогнозы погоды. Вывод английского исследователя Дж. Лизора, написавшего специальную работу о полете Гесса, категоричен и ясен: «Не подлежит сомнению, что Гитлер знал о попытках подготовительных полетов, осуществлявшихся Гессом»¹.

Законно поставить и такой вопрос: кого из политических деятелей Англии, даже самых махровых мюнхенцев, смог бы заинтересовать Рудольф Гесс как частное лицо, не облеченное полномочиями вести переговоры о союзе или мире на самом высоком уровне?

Когда во время переговоров с Саймоном, состоявшихся 10 июня 1941 г., о чем подробнее будет сказано далее, Гесс представил условия мира между двумя странами, он определенно заявил: «Эти условия были лично одобрены Гитлером в качестве основы взаимопонимания между Германией и Англией»².

Известный советский разведчик в Японии Рихард Зорге узнал в немецком посольстве в Токио и сообщил в Центр следующие данные о цели полета Гесса: «Гитлер стремится к заключению мира с Англией и к войне с Советским Союзом. Поэтому в качестве последней меры он направил Гесса в Англию»³.

О том, что Гитлер знал о полете Гесса, свидетельствует и беседа Риббентропа с Муссолини и Чиано 13 мая 1941 г. Риббентроп признавал, что Гесс полетел в Англию для того, «чтобы использовать профашистские круги и принудить Британию сдаться»⁴.

Даже такой осторожный политик, как министр труда в правительстве Черчилля лейборист Эрнест Бевин, заявлял: «Я не верю, что этот джентльмен (Гесс) прибыл сюда без ведома Гитлера»⁵.

«РУДОЛЬФА НУЖНО ОБЕЗВРЕДИТЬ»

Английская разведка располагала сведениями о том, что Гитлер, по предложению начальника РСХА Гимmlера и шефа абвера адмирала Канариса, принял решение убить Гесса, с каким бы риском и трудностями это ни было связано.

¹ *Leasor J.* Op. cit., p. 172.

² IMT, vol. 7, p. 7.

³ Материалы по современной истории (на яп. языке). Токио, 1962, т. 1, с.35—38.

⁴ IMT, vol. 1, p. 145.

⁵ Parliamentary Debates. House of Commons. 1941, vol. 372, col. 888.

Однако указание об устранении Гесса последовало лишь после того, как окончательно выяснилась неудача его миссии. Гестапо и абвер предприняли отчаянные шаги, чтобы избавиться от него, как от человека, знавшего тайны третьего рейха. Гиммлер вызвал эсэсовского генерала Закса, осуществлявшего связь с Канарисом, и отдал приказ: «Рудольфа нужно осторожно обезвредить»¹.

В Англию были посланы агенты гестапо Вернер Ваелти и Карл Друкке с заданием ликвидировать Гесса. Но их действия пресекла английская секретная служба².

Однако и после этого в Лондоне опасались, как бы Гесса не выкрали или не убили немецкие парашютисты. По личному приказу Черчилля Интеллидженс сервис бдительно охраняла Гесса. Он должен был находиться в строгой изоляции «в удобном доме, не слишком далеко от Лондона», не иметь никаких связей с внешним миром, не принимать посетителей, за исключением лиц, назначенных для этой цели английским министерством иностранных дел. Черчилль приказал «следить за его здоровьем и обеспечить ему комфорт, питание, книги, письменные принадлежности и возможность отдыха». С Гессом обращались, по словам премьера, «почтительно»³.

Впоследствии Гесс так рассказывал о гостеприимстве английских властей: «Герцог Гамильтон, после того как он посетил меня, позаботился о том, чтобы я был переведен в хороший военный госпиталь. Он находился в сельской местности, в полчасе езды от города, в замечательных природных условиях в Шотландии... После 14 дней пребывания в нем меня перевели в Лондон... Маленький домик, в котором я жил, обстановка его в стиле XVII столетия — все это было замечательно. После этого я был переведен в виллу Мишет-Плейз около Олдершога. Там я был окружен большими, прекрасно пахнущими глициниями... Столовая и музыкальные комнаты... были на первом этаже и выходили прямо в парк»⁴.

Несколько месяцев, принимая исключительные меры предосторожности, Гесса перевозили с места на место, пока английская секретная служба не убедилась, что ему не угрожают тайные германские агенты. Тогда Гесса отправили в военный госпиталь в Южном Уэльсе, где он и оставался до перевода в Нюрнберг.

ПЕРЕГОВОРЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

О чем же вел переговоры Гесс с герцогом Гамильтоном, Айвонном Киркпатриком, Джоном Саймоном? Особенно Гесс был от-

¹ *Кукридж Е. Х.* Тайны английской секретной службы. М., 1959, с. 288.

² См. там же, с. 288—293.

³ *Churchill W.* Op. cit, vol. 3, p. 58—59.

⁴ Цит. по: *Полторак А. И.* От Мюнхена до Нюрнберга. М., 1960, с. 131.

кровенен с последним, ибо ему хорошо были известны профашистские настроения Саймона.

На следующее утро после не совсем удачной посадки, то есть 11 мая, Гесс с глазу на глаз беседовал в Мэрихиллских казармах с герцогом Гамильтоном. Согласно записи Гамильтона, Гесс без дипломатических экивоков заявил: «Германия желает заключить мир с Англией. Германия уверена в победе».

Беседы Гесса с Киркпатриком происходили в ночь на 13 мая и продолжались 14 и 15 мая¹.

В своих мемуарах Киркпатрик отмечает: чувствовалось, что Гесс облечен доверием Гитлера и потому говорит с апломбом. В ходе переговоров Гесс подтвердил, что ведет их от имени фюрера. Киркпатрик признает, что английские представители, и он в их числе, усиленно «обращали внимание Германии» на Советский Союз. Киркпатрик спрашивал Гесса: «Нет ли шанса на то, что терпение Гитлера иссякнет и он прибегнет к военным мерам против СССР?» Касаясь предложенного Гессом размежевания интересов Германии и Англии, Киркпатрик подчеркнул: «Для того чтобы дать ему возможность высказаться на тему об отношении Гитлера к России, я спросил его, включает ли Гитлер Россию в Европу или в Азию. Он ответил: «В Азию»². Гесс дал понять, что если в ближайшее время Германия будет вести войну с Советским Союзом, то Гитлер «молниеносно разгромит Россию»³.

Но, конечно, английская разведка и без Гесса знала, что Гитлер готовится напасть на Советский Союз. Беседы с Гессом лишний раз подтверждали уже известное.

Закончив первый разговор с Гессом, Киркпатрик позвонил в Форин-офис и сообщил о ходе переговоров. Он получил инструкции продолжать их «по своему усмотрению».

После очередной беседы, когда Гесс и Киркпатрик выходили из комнаты, фашистский лидер заявил, что его предложения могут быть представлены лишь в том случае, «если переговоры между германским и британским правительствами будут иметь место при другом правительстве». Черчилль и его сотрудники «не являются лицами, с которыми фюрер мог бы вести переговоры»⁴. Позднее, в тюрьме Шпандау, Гесс признавал: такое условие было его «самой большой ошибкой»⁵.

Когда Киркпатрик вернулся в Лондон и доложил о беседе, Черчилль заметил: «Если бы Гесс прилетел год тому назад и сказал о том, что Германия сделает с нами, мы были бы

¹ Неполная запись беседы Киркпатрика с Гессом имеется в материалах Нюрнбергского процесса (док. М-117, ВВ-270, М-119, ВВ-272). Она кратко излагается также в мемуарах Черчилля и мемуарах Киркпатрика.

² *Kirkpatrick I. Op. cit.*, p. 180.

³ *Leason J. Op. cit.*, p. 137.

⁴ *IMT*, vol. 7, p. 140.

⁵ *Подковинский М. Цит. соч.*, с. 117.

несомненно испуганы. Но чего нам бояться теперь?»¹ Черчилль полагал, что, как только фашистская Германия нападет на Советский Союз (а он знал об этом от своей разведки и из других источников), Англия и вся Британская империя будут спасены от угрозы фашистского порабощения.

Из заявления, сделанного 22 мая 1941 г. английским министром авиации Арчибальдом Синклером, следовало, что переговоры с Гессом закончились. Но это было не так.

В ДЕЛО ВКЛЮЧАЕТСЯ «ДОКТОР ГУТРИ»

На специальном заседании английского кабинета, проходившем в узком составе под председательством Черчилля, было решено продолжать беседы с Гессом и поручить это лорду-канцлеру Джону Саймону. Снова выбор пал на человека, известного в Англии своими прогерманскими настроениями.

9 июня на вилле Мишет-Плейз, куда Гесса перевели из Тауэра, произошла встреча между ним и двумя уполномоченными английского правительства. Она происходила в обстановке еще большей секретности. Как видно из стенограммы переговоров (а стенографами и переводчиками были офицеры секретной службы), один из английских уполномоченных назвал себя «доктором Гутри» (Дж. Саймон), а другой — «доктором Маккензи» (А. Киркпатрик); Гесс фигурировал как «господин У».

После взаимного представления Саймон, обращаясь к Гессу, заявил: «Я, доктор Гутри, облечен полномочиями правительства и буду очень рад выслушать Вас и обсудить с Вами... все, что Вы пожелаете заявить»².

Саймон поставил следующий вопрос: являются ли привезенные Гессом предложения сугубо личными, или их поддерживают влиятельные круги Германии? Гесс ответил, что он излагает взгляды Гитлера и других ведущих деятелей Германии³. В документе, переданном Гессом Саймону, перечислялись четыре условия. При их принятии Англией Гитлер, по словам Гесса, готов был пойти на мир с ней. Они гласили: «1) Чтобы воспрепятствовать возникновению новых войн, между державами «оси» и Англией должно быть проведено разграничение сфер интересов. Сферой интересов «оси» должна быть Европа, сферой интересов Англии — ее империя, 2) возвращение Германии ее колоний, 3) возмещение германским гражданам, которые жили в Британской империи до или во время войны, ущерба, причиненного их имуществу или жизни мероприя-

¹ Leason J. Op. cit., p. 142.

² См.: Полторак А. И. Цит. соч., с. 132.

³ ИМТ, vol. 17, p. 479.

тиями правительства в империи или такими действиями, как грабеж, беспорядки и т. д. Германия обязуется обеспечить на равных условиях возмещение ущерба британским подданным, 4) заключение перемирия и мира с Италией»¹.

Если сопоставить условия мира с Англией, изложенные Гессом, с условиями мира с Англией, выставленными ранее Гитлером, то станет ясно, что они почти совпадали. В самом деле, вскоре после разгрома английских войск под Дюнкерком Гитлер, по свидетельству Риббентропа, сказал ему: «Есть только четыре пункта, на основании которых я бы хотел заключить мир с Англией». Они сводились к следующему: «Во-первых, он (Гитлер) сказал, что Германия во всех отношениях готова признать существование Британской империи, во-вторых, Англия вследствие этого должна признать Германию крупнейшей державой на континенте Европы, в-третьих, он хочет получить немецкие колонии, в-четвертых, фюрер сказал, что он стремится заключить с Англией длительный союз»².

ИХ ИНТЕРЕСОВАЛА «РОССИЯ ДО УРАЛА»

Уточняя вопрос о «разграничении сфер влияния» между Англией и Германией, Саймон спросил Гесса: «Европа в этом смысле означает, конечно, континентальную Европу?»

Гесс. Да, континентальную Европу.

Саймон. Включает ли это понятие какую-нибудь часть России?

Гесс. Европейская Россия, несомненно, интересует нас.

Саймон. Я хочу знать, что означает понятие «европейская сфера интересов»? Вы понимаете? Если это сфера интересов Германии в Европе, то, естественно, хотелось бы знать, имеется ли в виду Европейская Россия или Россия, занимающая территорию Азии, Россия к западу от Урала?

Гесс. Азиатская Россия нас не интересует»³.

Гесс совершенно ясно дал понять о намерении Германии захватить Советскую Россию вплоть до Урала, а Саймон и Киркпатрик со своей стороны выражали полное понимание этого.

Назойливо повторялись старые мюнхенские мотивы: столкнуть Германию в смертельной схватке с Советским Союзом.

О высоком уровне англо-германских переговоров в Лондоне свидетельствует то, что по личному указанию Черчилля Гесса посетил и лорд Бивербрук, наиболее влиятельное после премьера лицо среди английских политиков. Он занимал в то время пост министра авиационной промышленности. Тайная встреча

¹ IMT, vol. 7, p. 6—7.

² Ibid. vol. 17, p. 479.

³ Ibid., vol. 60, p. 187.

Бивербрука с Гессом состоялась 8 сентября 1941 г. за несколько дней до его отъезда в Москву на конференцию представителей СССР, Англии и США. Бивербрук именовал себя «Ливингстоном», а Гесс для стенографов значился под именем «Джонатан»¹.

К сожалению, стенограмма переговоров Бивербрука с Гессом скрыта в недрах английских архивов. Сам Бивербрук через 20 лет приоткрыл лишь немного таинственную завесу вокруг этих переговоров. В беседе с ним Гесс настаивал на необходимости заключения англо-германского союза, направленного против СССР. Гесс откровенно заявил о своем «разочаровании» ходом переговоров и, указав, что он очень рассчитывал на английских лидеров, «имеющих здравый смысл», просил Бивербрука разрешить Гессу связаться с Гитлером. Гесс пытался запугать Бивербрука «советской опасностью»². Однако, будучи реалистическим политиком, Бивербрук понимал, что СССР не угрожает Англии или любой другой стране, в то время как фашистская Германия поработила многие страны Европы и пытается завоевать Англию.

Во время московских переговоров между СССР, Англией и США осенью 1941 г. Бивербрук на вопрос Сталина о цели миссии Гесса ответил, ссылаясь на свои впечатления: Гесс прибыл с чьего-то ведома в Англию, полагая, что с помощью небольшой группы английских аристократов может быть создано контрчерчиллевское правительство для заключения мира с Германией... Затем Германия с английской помощью могла бы напасть на Россию³.

Действительно, британская дипломатия пыталась использовать миссию Гесса как средство давления на СССР. 13 мая 1941 г. Ст. Криппс в письме в Форин-офис предлагал «усилить опасения у Советского правительства тем, что оно может остаться в одиночестве».

АНГЛИЙСКИЙ НАРОД ПРОТЕСТУЕТ

В парламенте была высказана гипотеза о встрече Черчилля с Гессом в загородной резиденции английского премьера Чекерс. Черчилль якобы предложил Гессу заключить мир между Германией и Англией после того, как Германия нападет на СССР. Во время дебатов по вопросу о том, зачем прилетел Гесс, депутат Стокс спросил Черчилля: имеются данные, «что Гесс находился в Чекерсе. Зачем он приехал в Чекерс? Об этом говорят очень многие».

¹ *Leasor J. Op. cit.*, p. 159—161.

² *Ibid.*, p. 161.

³ См.: *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. М., 1958, т. 1, с. 610.

Заявление Стокса вызвало раздражение в правительственных кругах. С ответом от имени правительства выступил заместитель министра иностранных дел Батлер. Он категорически отрицал факт пребывания Гесса в Чекерсе¹. Но нередко подобного рода опровержения буржуазных политиков лишь подтверждают обратное.

Тактика, проводившаяся Черчиллем после нападения фашистской Германии на СССР, свидетельствовала о стремлении британского премьера ко взаимному истощению Германии и СССР. Саботаж открытия второго фронта в Европе — красноречивый пример этого. В то же время Черчилль понимал, какую смертельную угрозу для интересов Британской империи представляла фашистская Германия, претендовавшая на господство во всем мире. Он не мог не сознавать: союз с Англией нужен Гитлеру для того, чтобы добиться победы над СССР, после чего следующей жертвой нацистской агрессии в борьбе за мировую гегемонию явилась бы Англия. Это соображение и стало в конечном счете определяющим в выборе политического курса Лондона.

Большую роль играли и настроения широкой общественности.

Английский народ испытывал тревогу в связи с переговорами с Гессом. Их окутывала непроницаемая тайна, и это вызывало сильное беспокойство относительно намерений кабинета. Народ знал о тысячах погибших англичан под развалинами в Лондоне, Бирмингеме, Ковентри и других городах в результате бомбардировок люфтваффе. Он помнил о простых парнях, павших на поле брани во Фландрии, в дюнах Дюнкерка, погребенных немецкими подводными лодками в холодной пучине Атлантического океана. Английский народ испытал на себе тяжесть голодной блокады. Перед его глазами стоял пример поверженных Франции, Бельгии, Норвегии, где зверствовали немецкие оккупанты. Трудящиеся были полны решимости добиться победы над фашизмом и потому резко выступали против любых сделок с гитлеровской Германией.

По всей Англии прокатилась волна митингов протеста против попыток сговора с Гитлером через его эмиссара Гесса. Отражая мнение английских трудящихся, конференция лейбористской партии 3 июня 1941 г. подавляющим большинством голосов высказалась против переговоров с гитлеровской Германией. Конференция приняла резолюцию, подтверждавшую решимость английских трудящихся вести войну до полной победы над фашизмом. Даже некоторые консервативные депутаты английского парламента выступили против принятия «мирных предложений» Гесса².

¹ Parliamentary Debates. House of Commons, 1941, vol. 372, col. 898, 912.

² Ibid., col. 907.

Английский народ требовал от правительства Черчилля суда над Гессом. Он решительно отвергал сделку с фашизмом, и правительство Черчилля не могло не считаться с его волей.

Да и английская буржуазия не могла забыть, чем обернулись для нее Мюнхен, провал англо-франко-советских переговоров, разгром фашистской Германией Польши, Бельгии, Голландии, Франции.

«Необходимость обезопасить Англию от гитлеровского нашествия, антифашистская борьба английского народа обусловили провал миссии Гесса»¹.

Наличие острейших англо-германских противоречий, решительная борьба английских трудящихся против сговора с фашистскими агрессорами предопределили крах миссии Гесса. Неудавшийся «прыжок» Гесса был не только предвестником крушения внешнеполитических планов нацистской Германии, стремившейся изолировать Советский Союз. Он, как бы парадоксально это ни звучало, означал реальность создания антифашистской коалиции, которая повела бы смертельную борьбу с фашистской Германией и ее сообщниками.

До конца войны Гесс находился в качестве военнопленного в английском военном госпитале в Южном Уэльсе.

ПРИГОВОР

После окончания второй мировой войны «наци № 3» Гесс предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Рудольф Гесс был признан виновным в тяжких преступлениях против мира, против человечности. Стремясь избежать сурового приговора, он длительное время симулировал сумасшествие. Такую версию усиленно поддерживал и его защитник. Однако тщательное медицинское освидетельствование, как уже отмечалось, не подтвердило этого. Трибунал постановил: Гесс находится в здравом рассудке и должен ответить за свои преступления.

Гесс, видимо, и сам понял всю никчемность своей игры. 30 ноября 1945 г., когда его защитник доказывал, что Гесс психически ненормален, последний сделал заявление, смысл которого сводился к следующему: я не сумасшедший, а лишь симулировал потерю памяти².

Международный военный трибунал в Нюрнберге приговорил 1 октября 1946 г. к смертной казни через повешение Риббентропа, Геринга, Штрейхера, Кейтеля, Заукеля, Розенберга, Йодля, Зейсс-Инкварта, Франка, Фрика, Кальтенбруннера, заочно Бормана. Они были повешены в ночь на 16 октября 1946 г.

¹ История второй мировой войны, 1939—1945. т. 3, с. 142.

² См.: Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 273.

(кроме отравившегося Геринга и скрывшегося от суда Бормана).

Гесса приговорили к пожизненному тюремному заключению¹.

«Приговор Международного трибунала в Нюрнберге, — писал советский юрист А. Полторак, — покончил не только с наиболее тяжкими военными преступниками, но что гораздо важнее — с вековой безнаказанностью агрессии и агрессоров»².

Гесс был заключен в западноберлинскую тюрьму Шпандау, стал «заключенным № 7» в компании с другими фашистскими преступниками — бывшим президентом рейхсбанка Функом, б. гросс-адмиралом Редером, б. министром вооружений А. Шпеером, б. шефом гитлерюгенд Б. Ширахом, б. главнокомандующим ВМС Германии Деницем и б. гауляйтером Богемии и Моравии К. Нейратом.

...Через 27 лет после неудавшегося «прыжка» Гесса, 12 мая 1968 г., близ селения Иглшем у фермы Летхам, в 1000 метрах от того места, где в свое время обнаружили Гесса, приземлился с парашютом некий западногерманский «профессор» Бертольд Рубин. Он прилетел сюда с аэродрома Глазго на самолете, пилотируемом летчиком из ФРГ Вилли Шубертом (английские газеты умолчали о том, как оказался в Глазго западногерманский самолет). Окружившим его журналистам и местным полицейским Рубин сообщил: целью его «прыжка» является гуманитарная миссия — усилить кампанию за освобождение Гесса из тюрьмы Шпандау, поскольку, мол, он «достаточно пострадал» и пора его выпустить на свободу.

Подобного рода «гуманные» требования в отношении фашистского палача раздавались на Западе и раньше и позже. Находились «радетели» за Гесса и в ФРГ, и в Англии, и в других странах.

Впрочем, последнюю точку в своей биографии поставил сам Гесс. В августе 1987 г. он покончил жизнь самоубийством.

¹ Учитывая, что Гесс был третьим по значению политическим руководителем гитлеровской Германии и играл важную роль в преступлениях фашистского режима, советский судья требовал смертной казни для Гесса. Но судьи западных держав не поддержали это требование (см.: Нюрнбергский процесс, т. 7, с. 532).

² Полторак А. И. Цит. соч., с. 407.

Глава IV

КРОВАВЫЙ КОНТУР ПЛАНА «БАРБАРОССА»

«ДРАНГ НАХ ОСТЕН»

Днем 29 июля 1940 г. к перрону небольшой немецкой станции Рейхенгалле подошел специальный поезд. Из вагона в сопровождении адъютантов вышел высокий худощавый человек в форме генерал-полковника артиллерии. Это был генерал Йодль — один из ближайших подручных Гитлера по агрессии.

Близ станции Рейхенгалле в просторных удобных помещениях разместился штаб оперативного руководства вермахта, в глубокой тайне разрабатывавший планы военных походов фашистской Германии.

Едва Йодль успел выйти из вагона, раздалось краткое приказание генералу Варлимонту — заместителю начальника оперативного отдела «Л» верховного командования:

— Немедленно созвать узкое совещание старших офицеров отдела «Л».

Помимо Йодля и Варлимонта в совещании приняли участие три старших офицера.

На состоявшемся совещании Йодль сообщил: Гитлер решил форсировать подготовку войны против России.

Именно с этого момента, едва был завершен разгром Франции, генеральный штаб вермахта начал разрабатывать конкретный план нападения на Советский Союз, модернизировать стародавнюю идею немецких милитаристов о «походе на Восток». Фашистский вариант «Дранг нах Остен» должен был обеспечить немцам «жизненное пространство» и увековеченное господство «арийской расы» в Европе, а затем и во всем мире.

Человеконенавистнические теории и планы захвата Западной Европы и «похода на Восток» были сформулированы Гитлером в «Майн кампф», написанной еще в австрийской ландсбергской тюрьме. Ставилось задачей:

- захват Австрии, Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Люксембурга, разгром Франции;
- захват европейской части России вплоть до Урала;
- физическое истребление целых народов, и в первую очередь славян.

Подписывая в августе 1939 г. договор о ненападении с Советским Союзом, руководители третьего рейха ни на минуту не забывали о своих агрессивных планах. Через три месяца после подписания договора Гитлер цинично заявил: «...у нас есть договор с Россией. Однако договоры соблюдаются лишь до тех пор, пока они целесообразны»¹. При первом удобном случае фюрер готов был превратить советско-германский договор в клочок бумаги.

Военные кампании вермахта в Польше, во Франции, под Дюнкерком вскружили головы гитлеровским генералам. Теперь они мечтали о молниеносных победах на Востоке.

В начале июня 1940 г., когда немецко-фашистские войска, разрезав фронт союзников, вышли на побережье Ла-Манша, Гитлер, беседуя с Рундшtedтом, сформулировал «основную задачу своей жизни» — «рассчитаться с большевизмом»².

Сокрушение первого в мире социалистического государства, порабощение советского народа, захват его богатств были в центре политики германского фашизма. Гитлеровская верхушка опиралась на реальную силу — концерны Круппа и Тиссена, Стиффеса и Маннесмана, реакционный генералитет в лице Браухича, Гальдера, Рундшtedта, Кейтеля, Йодля и других, многомиллионную мелкобуржуазную массу, одурманенную нацистской пропагандой.

¹ ЦГАОР; *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, т. 1, с. 483.

² *Klee K.* Op. cit., S. 189.

Уже 25 июня 1940 г., на третий день после подписания Компьенского перемирия, верховное командование вооруженных сил Германии (ОКВ) высказалось за план сосредоточения на Востоке, у границ СССР, 24 немецких дивизий; 28 июня рассматривались «новые задачи»¹.

В конце июня состоялась беседа начальника генерального штаба сухопутных сил Гальдера с государственным секретарем министерства иностранных дел Вейцзекером, после которой первый записал в своем дневнике: «Основное внимание — на Восток»².

2 июля ОКВ отдало приказ штабам сухопутных и морских сил конкретизировать планирование нападения на СССР. На следующий день генерал Гальдер записал в своем дневнике: «Нанести решительный удар по России, чтобы принудить ее принять господствующую роль Германии в Европе»³.

«РУССКАЯ ПРОБЛЕМА БУДЕТ РЕШЕНА НАСТУПЛЕНИЕМ»

На секретном совещании, состоявшемся 22 июля в Бергхофе, Гитлер заявил: «Русская проблема будет решена наступлением. Следует продумать план предстоящей операции»⁴. Именно на этом совещании фашистская верхушка утвердила свое решение о нападении на Советскую страну. Вопрос о войне с СССР был теперь поставлен на почву оперативных расчетов. Нападение будет предпринято через четыре—шесть недель после окончания сосредоточения войск. Для разгрома 50—70 русских дивизий, являющихся боеспособными, по мнению главнокомандующего сухопутными силами Браухича, требовалось не более 100 дивизий.

Разработка конкретного оперативного плана нападения на Советский Союз была поручена Браухичем начальнику генерального штаба сухопутных сил Гальдеру, а тот поручил ее начальнику штаба 18-й армии генерал-майору Марксу. Армия располагалась вблизи советских границ.

Отдел «Л» ОКВ, получив в Рейхенгалле приказ Йодля, энергично взялся за детализацию оперативного плана войны против СССР, по которому главный удар наносился на Москву⁵. По свидетельству Йодля Гитлер полагал первоначально, что войну против СССР можно начать уже осенью 1940 года⁶. Это мнение разделяли многие генералы. Однако позднее Гитлер

¹ См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 231.

² Гальдер Ф. Военный дневник, т. 1, с. 495.

³ Там же.

⁴ Там же, т. 2, с. 60.

⁵ См.: Нюрнбергский процесс, т. 2, с. 633.

⁶ См. там же, с. 634.

отказался от этого плана. И не потому, что он имел «миролюбивые» замыслы или «не хотел нарушать» советско-германский договор о ненападении, просто он посчитал: Германия еще не была готова к войне с СССР. К этому времени, по свидетельству генерала Варлимонта, не могло быть завершено развертывание фашистских армий у границ СССР; в Польше железные дороги, другие коммуникации, мосты не были подготовлены для продвижения тяжелых танков, не была налажена связь, не было нужного количества аэродромов. Кроме того, приближалась осень и зима. А Гитлер не хотел повторения ошибок Наполеона, по его мнению проигравшего русский поход из-за сильных морозов¹.

Правда, Гитлер старался не вспоминать пророческое предсказание видного германского политика генерала Гренара, писавшего в книге «Завещание Шлиффена»:

«Кто хочет познать стратегический характер восточного театра действий, тот не должен пройти мимо исторических воспоминаний. У врат огромной равнины между Вислой и Уралом, вмещающей одно государство и один народ, стоит предостерегающая фигура Наполеона I, чья судьба должна внушить всякому нападающему на Россию жуткое чувство перед наступлением в эту страну».

Немецкие генералы вместе с их руководителем надеялись «молниеносным ударом» сокрушить СССР. Но хотя генералы рвались в бой, все же по предложению фельдмаршала Кейтеля, говорившего о трудностях осенне-зимней кампании в СССР, было решено осуществить нападение на Советскую страну в мае 1941 г.

ЗАГАДОЧНЫЕ МАРШИ

Летом и осенью 1940 г. верховное командование вермахта начало усиленную переброску в Польшу, поближе к советским границам, войск, предназначенных для удара по СССР. Гитлер планировал тогда бросить против СССР 120 дивизий, оставив на Западе — во Франции, Бельгии, Норвегии — около 60 дивизий.

Для переброски такого количества дивизий к границам СССР улучшалась железнодорожная сеть, ремонтировались старые и прокладывались новые коммуникации, устанавливались линии связи.

В Польшу перебрасывались три армии группы фон Бока — 4, 12 и 18-я численностью до 30 дивизий; из 24 соединений, входивших в состав 16-й и 9-й армий группы «А», предназначенных для удара по Англии по плану «Морской лев», 17 было переброшено на Восток².

¹ См.: Нюрнбергский процесс, т. 2, с. 634.

² См.: *Проктор Д. М.* Цит. соч., с. 385.

Только за период с 16 июля по 14 августа было передислоцировано на Восток более 20 пехотных дивизий. При этом они совершали походные марши по загадочной кривой. Шли из Центральной Франции к побережью Ла-Манша и Па-де-Кале, а затем через Бельгию и Голландию в Германию и далее в Польшу, к границам Советского Союза. Почему такие зигзаги? Гитлеровское командование преследовало цель прикрыть подготовку Германии к нападению на Советский Союз. По немецким данным, к 20 сентября 1940 г. из Франции к границам СССР в Восточную Пруссию, Польшу, Верхнюю Силезию было перебросено больше 60 дивизий¹.

Для ведения войны против СССР немецкое командование спешно формировало новые пехотные, танковые, моторизованные дивизии.

Для Гитлера и его ставки с сентября—октября 1940 г. решающими стали конкретные задачи завершения подготовки войны против Советского Союза. Фашистская Германия не могла одновременно воевать на два фронта — против СССР и Англии, и потому 12 октября 1940 г. был отдан приказ о прекращении всех мероприятий по подготовке осуществления плана «Морской лев»² до весны 1941 г., то есть до времени предполагавшегося разгрома Советского Союза.

Если тучи фашистского вторжения рассеивались над Англией, то зловещие грозовые облака собирались над границами СССР.

ПЛАНЫ КОНКРЕТИЗИРУЮТСЯ

Подготовка к нападению на СССР велась с немецкой точностью. Оперативно-стратегические планы разрабатывались весьма тщательно и всесторонне. Были написаны десятки тысяч страниц, начерчены тысячи карт, схем.

Опытнейшие генералы и офицеры генштаба методично разрабатывали агрессивный план нападения на социалистическое государство. Нападения внезапного, вероломного. Все это свидетельствует о том, что фашистская Германия не опасалась нападения со стороны СССР, и легенды германских политиков и историков о «превентивном характере» войны Германии против СССР — явная фальсификация и ложь.

Буквально через несколько дней после совещания в ставке Гитлера в Бергхофе, 1 августа 1940 г., генерал Маркс представил генералу Гальдеру первый уточненный вариант плана войны против СССР. В основу его была положена идея «молниеносной войны». Маркс предложил сформировать две удар-

¹ См.: *Безыменский Л.* Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1961, с. 136.

² См. там же, с. 139.

ные группировки, которые должны были продвинуться на линию Ростов-на-Дону—Горький—Архангельск, а в дальнейшем до Урала. Решающее значение отводилось захвату Москвы, что приведет, считал Маркс, к «прекращению советского сопротивления»¹. На осуществление плана разгрома СССР отводилось 9—17 недель.

После сообщения Кейтеля о все еще недостаточной инженерной подготовке плацдарма для нападения на СССР по приказанию Йодля 9 августа был составлен совершенно секретный приказ «Ауфбау ост»². В нем форсировались подготовительные мероприятия к войне с Советским Союзом: ремонт и сооружение железных и шоссейных дорог, казарм, госпиталей, аэродромов, полигонов, складов, линий связи; наряду с этим предусматривались формирование и боевая подготовка новых соединений.

К концу августа 1940 г. был составлен основной вариант плана войны фашистской Германии против СССР, получивший условное наименование план «Барбаросса» (Fall Barbarossa).

План обсуждался на оперативных совещаниях с участием Гитлера, Кейтеля, Браухича, Гальдера и других генералов. Окончательная его отработка была возложена на заместителя начальника генерального штаба сухопутных сил генерал-полковника Паулюса.

Гальдер приказал Паулюсу разработать план вторжения в СССР силами 130—140 дивизий. Целью вторжения было окружение и разгром советских частей в западной части СССР, выход на линию Астрахань—Архангельск³.

Паулюс считал необходимым создать три группы армий: «Север» — для наступления на Ленинград; «Центр» — на Минск, Смоленск, Москву; «Юг» — с целью выхода на Днепр у Киева.

ОПЕРАТИВНЫЕ «ИГРЫ» В ЦОССЕНЕ

Начатая в августе 1940 г. предварительная разработка плана «Барбаросса», по свидетельству генерала Паулюса, закончилась проведением двух военных игр.

В конце ноября — начале декабря 1940 г. в генеральном штабе сухопутных сил в Цоссене под руководством Паулюса были проведены эти большие оперативные игры. На них присутствовали генерал-полковник Гальдер, начальник оператив-

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 1, с. 353.

² См.: Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 364—367.

³ См. там же, 2-е изд., т. 1, с. 369—370.

ного отдела генерального штаба полковник Хойзингер¹ и старшие штабные офицеры².

«Результат игр, — свидетельствовал Паулюс в Нюрнберге, — принятый за основу при разработке директив по стратегическому развертыванию сил «Барбаросса», показал, что предусмотренная диспозиция на линии Астрахань—Архангельск — дальняя цель ОКВ — должна была бы привести к полному поражению Советского государства, чего, собственно, в своей агрессии добивалось ОКВ и что, наконец, являлось целью этой войны: *превратить Россию в колониальную страну*»³. (Курсив мой. — Ф. В.)

По окончании военных игр состоялось секретное совещание у начальника генерального штаба сухопутных сил, использовавшего теоретические результаты игр с привлечением штабов армейских группировок и армий, которые намечалось задействовать в агрессии против СССР. На совещании выступил с докладом начальник отдела иностранных армий «Восток» полковник Кинцель. Он дал подробную экономическую и географическую характеристику Советского Союза, а также характеристику Красной Армии, хотя исходил из обычных для германского генералитета стереотипов.

«Выводы докладчика, — свидетельствовал Паулюс, — были построены на предпосылках, что Красная Армия — заслуживающий внимания противник, что сведений об особых военных приготовлениях не было...»⁴

Так Паулюс, стоявший у истоков разработки плана «Барбаросса», фактически разоблачил легенду о «превентивной войне» со стороны фашистской Германии.

Военные игры в Цоссене означали новый шаг по пути стратегического планирования агрессивной войны против Советского Союза.

ДИРЕКТИВА № 21 — ПЛАН «БАРБАРОССА»

5 декабря 1940 г. на очередном секретном совещании у Гитлера верховное командование сухопутных сил в лице Гальдера доложило о приведенном в соответствие с результатами штабных учений плане нападения на СССР, закодированном как план «Отто». Ключевое положение плана гласило: «Начать полным ходом подготовку в соответствии с предложенным нами планом.

¹ После разгрома фашистской Германии Хойзингер играл важную роль в возрождении и вооружении бундесвера.

² См.: Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 370, 374.

³ Там же, с. 370.

⁴ Там же.

Ориентировочный срок начала операции — конец мая [1941 года]»¹. Гитлер одобрил этот план.

На другой день после совещания, 6 декабря, Йодль поручил генералу Варлимонту составить директиву о войне против СССР, с учетом решений, принятых на совещании в ставке. Через шесть дней Варлимонт представил Йодлю директиву № 21; им были внесены некоторые незначительные исправления; 17 декабря 1940 г. Йодль представил ее Гитлеру на утверждение.

18 декабря 1940 г. директива № 21, получившая условное название план «Барбаросса», была подписана Гитлером. Окончательный план войны фашистской Германии против СССР был утвержден.

Прозвище рыжебородого (отсюда — «Барбаросса») германского императора Фридриха I было избрано не случайно: он относился к зачинателям череды германских походов на Восток. Теперь его именем был назван план, нацеленный на то, чтобы «уничтожить жизненную силу России».

Это был план, воплотивший самые разбойничьи, самые чудовищные замыслы гитлеровской клики. За ним возникали море человеческой крови, руины городов, горе сирот, порабощение целых народов.

В основе плана «Барбаросса» лежала идея ведения войны на уничтожение с неограниченным применением самых жестоких методов вооруженного насилия.

Этот план является апофеозом агрессивных устремлений не только Гитлера, но и всех высших политиков фашистской Германии, ее фельдмаршалов и генералов. Кровь десятков миллионов советских людей, погибших в результате осуществления этого плана, на руках не только Гитлера, но и других главарей и политиков третьего рейха: «наци № 2» Геринга, «наци № 3» Гесса, Риббентропа, Кейтеля, Йодля, Гальдера и других политических и военных руководителей фашистской Германии.

В числе архитекторов плана «Барбаросса» — подлинные вершители внешней и внутренней политики Германии — монополисты: пушечный король Крупп фон Болен, стальной король Гуго Стиннес, промышленник Альберт Феглер, финансовые магнаты Курт Шредер, Яльмар Шахт и многие другие, подобные им.

СОДЕРЖАНИЕ ПЛАНА «БАРБАРОССА»

План «Барбаросса» состоял из трех частей: в первой — излагаются его общие цели. Во второй части названы союзники Германии в войне против СССР. В третьей — планируется ведение военных операций на суше, на море и в воздухе.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 278.

План «Барбаросса» гласил: «Немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию»¹.

Ближайшей и важнейшей стратегической целью являлось уничтожение основных сил Красной Армии в западной приграничной полосе «в смелых операциях посредством глубокого быстрого выдвижения танковых клиньев».

Считалось, что таким образом будет уничтожено две трети всех сил Красной Армии, а остальные войска будут «скованы на флангах активным участием Румынии и Финляндии в войне против Советского Союза».

Конечная цель операции — «отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск—Волга»².

Основными военно-стратегическими объектами, которым придавалось важнейшее политическое значение, в плане считались Ленинград, Москва, Центральный промышленный район и Донецкий бассейн. Особое место в плане отводилось захвату Москвы.

Планом предусматривалось наступление ударных группировок на трех стратегических направлениях. Первая, северная группировка, сосредоточенная в Восточной Пруссии, должна была нанести удар по Ленинграду, уничтожить советские войска в Прибалтике; вторая группировка — нанести удар из района Варшавы и севернее ее на Минск, Смоленск, уничтожить силы Красной Армии в Белоруссии; задача третьей группировки, сосредоточенной южнее Припятских болот в районе Люблина, заключалась в нанесении удара на Киев. После захвата Ленинграда и Кронштадта предполагалось продолжение «наступательной операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности — Москвой»³.

Нанесение вспомогательных ударов планировалось с территории Финляндии на Ленинград и Мурманск и с территории Румынии — на Могилев-Подольский, Жмеринку и вдоль побережья Черного моря.

Гитлер намечал отдать приказ о наступлении на СССР «за восемь недель перед намеченным началом операции». «Приготовления, — подчеркивал он, — требующие более значительного времени, должны быть начаты (если они еще не начались) уже сейчас и доведены до конца к 15.5.41»⁴.

План «Барбаросса» хранился в строжайшей тайне. Он был изготовлен ввиду особой секретности всего лишь в девяти экземплярах. Экземпляр № 1 был направлен командованию сухо-

¹ Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 364.

² Там же, с. 365.

³ Там же, с. 366.

⁴ Там же, с. 364.

путных сил, второй — командованию флота, № 3 — командованию военно-воздушных сил. Остальные шесть экземпляров остались в распоряжении верховного командования вооруженных сил Германии — в сейфах штаба ОКВ, из них пять экземпляров — № 5—9 — в оперативном отделе «Л» верховного командования.

В основу плана «Барбаросса» были положены теории «топальной» и «молниеносной» войны, являвшиеся основой немецко-фашистской военной доктрины. Он был «высшим достижением» военного искусства фашистской Германии, накопленного за годы подготовки к агрессивной войне, в период захвата Австрии и Чехословакии, в войне против Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции и Англии.

Планируя «молниеносный» разгром СССР, немецко-фашистские стратеги исходили из теории о непрочности советского государственного строя, слабости Советских Вооруженных Сил, которые не смогут выстоять против массированных ударов бронированного кулака танковых дивизий Гудериана, первоклассных самолетов люфтваффе, немецкой пехоты.

Насколько авантюристична была стратегия Гитлера, его фельдмаршалов и генералов, красноречиво свидетельствуют следующие цифры.

Планируя начать наступление на СССР 153 немецкими дивизиями¹ на фронте протяженностью от Черного до Баренцева моря — от Измаила на юге до Петсамо на севере, превышающем 2 тыс. километров, германский генеральный штаб предполагал до зимы 1941 г. продвинуть свои войска на стратегическую глубину более чем 2 тыс. километров.

Тупую самоуверенность гитлеровских генералов и фюрера характеризует определение сроков, в течение которых СССР будет разгромлен. Первоначально генерал Э. Маркс называл срок 9—17 недель, в генштабе планировали максимум 16 недель. Генерал Браухич позднее назвал срок 6—8 недель. Наконец, в беседе с фельдмаршалом фон Боком Гитлер хвастливо заявил, что с Советским Союзом будет покончено в течение 6, а может быть, и 3 недель².

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ ГИТЛЕРА

В самый разгар подготовки Германии к вероломному нападению на Советский Союз договор о ненападении оставался в силе. Гитлер совершает дипломатические маневры. Они имели целью

¹ См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 115.

² См.: *Безыменский Л.* Цит. соч., с. 156.

замаскировать подготовку войны против СССР, притупить бдительность руководителей Советской страны, уверив, что германская военная машина нацелена не на Восток, против СССР, а на Запад, против Англии. Гитлер стремился ухудшить англо-советские отношения, помешать намечавшимся тенденциям к сближению между СССР и Англией. Гитлеровская Германия не исключала также возможность вовлечения СССР в систему Берлинского пакта.

Таковыми маневрами явились берлинские беседы Гитлера — Риббентропа с Председателем Совета Народных Комиссаров и народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым, проходившие в ноябре 1940 г.

Еще 13 октября 1940 г. Риббентроп направил письмо на имя Сталина, лживо объясняя агрессивные акции Германии в отношении малых стран Европы интересами борьбы с Англией. Он приглашал Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел нанести визит в Берлин. Советское правительство приняло приглашение, стремясь выяснить истинные планы фашистской Германии¹.

Вне зависимости от того, будут ли переговоры успешными или кончатся провалом, Гитлер не намерен был менять основную линию германской стратегии — подготовку к войне с СССР, о чем свидетельствуют его планы, принятые, как отмечалось, еще летом 1940 г. — задолго до берлинской встречи. Об этом свидетельствует решение Гитлера и его верхушки, состоявшееся 21 июля, первый вариант плана войны с СССР, разработанный еще в начале августа 1940 г., а также план «Ауфбау ост», принятый 9 августа 1940 г. Поэтому версия генерала Меллентина и фельдмаршала Кессельринга о начале подготовки войны с СССР лишь с декабря 1940 г. после провала берлинских переговоров между Германией и СССР не выдерживает критики².

Ныне известно другое: 12 ноября 1940 г., в день приезда в Берлин советской правительственной делегации, Гитлер отдал совершенно секретную директиву о дальнейшей подготовке Германией войны против СССР. «Независимо от результатов этих переговоров, — гласила директива, — вся подготовка на Востоке, о которой уже были даны устные указания, должна продолжаться. Дальнейшие указания будут даны, как только общие оперативные планы армии будут представлены и утверждены мною...»³

Поход на Восток готовился задолго до берлинских бесед.

Что касается Советского правительства, то оно ставило задачей, как писал позднее член советской делегации Маршал Советского Союза А. М. Василевский, «определить дальнейшие

¹ См.: История дипломатии, т. 4, с. 149.

² См.: Меллентин Ф. М. Танковые сражения 1939—1945 гг., М., 1957, с. 42.

³ Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 393.

намерения Гитлера и содействовать тому, чтобы как можно дольше оттянуть германскую агрессию»¹. Советская сторона не имела никакого намерения заключать какие-либо соглашения с Берлином². СССР также хотел выразить свое отрицательное отношение к проискам гитлеровской Германии в Румынии, Финляндии и в других районах. СССР намеревался выяснить, будет ли Гитлер соблюдать обязательства по советско-германскому пакту о ненападении? Куда будет направлено острое фашистской агрессии? Советское правительство получало все больше и больше подтверждений, что острое этой агрессии будет направлено на Восток, против СССР.

22 сентября 1940 г. в Берлине было заключено секретное соглашение между Германией и Финляндией о транспортировке немецких войск через финскую территорию, а фактически о размещении их близ границ Советского Союза. Правда, по тактическим соображениям договора о военном союзе с Германией правительство Рюти — Таннера не подписало. Но этот союз существовал если не де-юре, то де-факто.

Не менее тревожным для СССР было положение на юго-западе, в Румынии. Для Советского правительства не было секретом: румынские правящие круги, окончательно порвавшие после Мюнхена с прежней ориентацией на Англию и Францию, вступили на путь открытого сговора с фашистской Германией. Успехи гитлеровцев в начальный период второй мировой войны, разгром Польши, Бельгии, Голландии, Франции толкали румынскую правящую клику к еще более тесному сближению с Берлином. На королевском совете 20 мая 1940 г. было принято решение о союзе с фашистской Германией. Румыния безоговорочно включилась в фарватер агрессивной политики германского фашизма, порвала английские и французские гарантии, данные ей в апреле 1939 г. Румынский король Кароль II заявил Гитлеру о своем желании установить «самое тесное сотрудничество» во всех областях политики и просил направить для переговоров в Бухарест специальную германскую военную миссию. Гитлер не спешил сделать это: кандидатура Кароля II, известного своими давними связями с правящими кругами Англии и Франции, не устраивала его. Фашистскому диктатору в Берлине нужен был фашистский диктатор в Бухаресте. И Гитлер поставил его у власти.

6 сентября гитлеровская военная агентура в Румынии — фашистские отряды «железнодорожников» и генерал Ион Антонеску по приказу из Берлина совершили государственный переворот. Они заставили Кароля II отречься от престола. Было сформировано новое правительство во главе с румынским фюрером (кондукэтулом) Ионом Антонеску. В стране была

¹ Василевский А. Дело всей жизни. М., 1978, с. 100.

² См.: Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1952, с. 71.

установлена военно-фашистская диктатура. Как только диктатор возобновил просьбу о посылке военной миссии в Румынию, Гитлер немедленно ответил согласием и направил ее в Бухарест. Более того, 20 сентября 1940 г. немецкое верховное командование, по согласованию с румынским правительством, издало приказ об оказании помощи Румынии в организации и обучении ее вооруженных сил. Истинной целью этого было подготовить почву для совместной агрессии немецких и румынских войск против Советского Союза. В начале октября немецкие военные под видом инструкторов начали прибывать в Румынию.

В ноябре 1940 г. произошла встреча Антонеску с Гитлером и Риббентропом, обсуждались вопросы, имевшие прямое отношение к подготавливаемой фашистской Германией агрессии против СССР и участию в ней Румынии¹. Был подписан протокол о присоединении Румынии к Тройственному пакту. Антонеску заверил Гитлера, что «Румыния с оружием в руках готова идти бок о бок с державами оси»². Румыния стала сателлитом фашистской Германии.

Это были чрезвычайно опасные для СССР тенденции в развитии событий. Важно было активно противодействовать им дипломатическими средствами.

Еще до приезда советской делегации в Берлин фашистская дипломатия подготовила проект соглашения между странами — участниками Тройственного пакта и СССР. В нем предусматривалось «политическое сотрудничество» СССР с Германией, Японией и Италией, обязательство четырех держав «уважать естественные сферы влияния друг друга»³. СССР предлагалось присоединиться к декларации о том, «что его территориальные устремления направлены на юг от государственной территории Советского Союза в направлении Индийского океана»⁴. Нетрудно видеть провокационный характер предлагавшихся Берлином проектов «раздела мира» между СССР и фашистскими державами.

...Советская делегация прибыла в Берлин. На вокзале ее встречал Риббентроп. Под сводами берлинского вокзала в фашистской Германии звучала величественная мелодия «Интернационала».

Первая встреча Молотова с Риббентропом состоялась 12 ноября 1940 г. на Вильгельмштрассе. Риббентроп сразу же приступил к осуществлению основной задачи переговоров, поставленной перед ним Гитлером: дезинформировать советскую делегацию о подлинном направлении фашистской агрессии.

С Британской империей, уверял Риббентроп, покончено. Ее остается только добить. «Никакая сила на земле, — воскли-

¹ См.: Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 264.

² DGFP, Ser. D, vol. 11, p. 144—146.

³ Ibid., p. 509—510.

⁴ Ibidem.

цал фашистский министр, — не может изменить того обстоятельства, что наступило начало конца Британской империи. Англия разбита, и сейчас лишь вопрос времени, когда она наконец признает свое поражение»¹.

Если же Англия не признает его, Германия день и ночь будет продолжать воздушные налеты на английские города, ее подводные лодки «причинят ужасающие потери Англии».

А если, несмотря на эти сокрушающие удары, Англия «все же не будет поставлена на колени... то Германия, как только позволят условия погоды, решительно поведет широкое наступление на Англию и тем окончательно сокрушит ее».

Риббентроп закончил свою беседу заявлением, что державы «оси» думают уже не о том, как выиграть войну, «а о том, как скорее окончить войну, которая уже выиграна»².

ЧТО ПРЕДЛАГАЛИ В БЕРЛИНЕ!

Центральным моментом визита в Берлин были встречи советского наркома с Гитлером, состоявшиеся 12 и 13 ноября. Беседа 12 ноября носила со стороны Гитлера предварительный характер зондажа. Центр тяжести переговоров был перенесен на вторую беседу, имевшую главную цель — ввести в заблуждение политических руководителей Советского Союза. В этих беседах особенно рельефно выявились устремления фашистских политиков, основная стратегическая линия переговоров, направленная на то, чтобы дезинформировать Советское правительство. Сущность этой линии состояла в следующем:

1. Удары германской военной машины будут направлены на Запад, против Англии, а не на Восток, против Советского Союза.

2. Разгром Англии — вопрос недалекого будущего.

3. Германия совместно с СССР, Италией, Японией (Гитлер назвал и Францию Виши) должны позаботиться о разделе наследства обанкротившейся Британской империи.

В первой беседе Гитлер попытался зондировать вопрос о вступлении Советского Союза в военную коалицию держав, направленную против Англии и в будущем против США.

В числе участников этой «великой коалиции» против англосаксонских держав Гитлер называл фашистскую Италию, милитаристскую Японию, вишистскую Францию. Он не прочь был привлечь и Советский Союз³.

Гитлер говорил об исключительно тяжелом военном положении Англии, растерявшей всех союзников на континенте. «Как только улучшатся атмосферные условия, — утверждал

¹ DGFP, Ser. D, vol. 11, p. 534.

² Ibid., p. 534—535.

³ Ibid., p. 546—547.

он, — Германия будет готова нанести гигантский и окончательный удар по Англии»¹.

В самый кульминационный момент, когда фюрер хоронил Англию, английские самолеты совершили воздушный налет на Берлин, и беседа была отложена до следующего дня.

В беседе, состоявшейся 13 ноября, Гитлер вещал еще более решительно: «Война с Англией будет вестись до последнего, и у нас нет ни малейшего сомнения в том, что разгром Британских островов приведет к развалу империи».

А раз наступит такое положение, то «после завоевания Англии Британская империя, представляющая собой гигантское, раскинувшееся по всему миру обанкротившееся поместье площадью в 40 миллионов квадратных километров, будет разделена»².

Гитлер призывал присоединиться к разделу «всемирного» пирога «несостоятельного банкрота» — Британской империи. Поэтому он предложил: на протяжении ближайших недель урегулировать «в совместных дипломатических переговорах вопрос о роли и участии России в решении этих проблем». Он сулил Советскому Союзу обеспечить выход к Персидскому заливу, Индийскому океану, захват английских нефтяных промыслов на юге Ирана. Он говорил, что Германия могла бы помочь Советскому Союзу урегулировать свои претензии к Турции вплоть до «исправления» конвенции в Монтрё о проливах, замены ее другой конвенцией³. Позднее, беседуя с турецким послом в Берлине, Гитлер признал, какие цели он преследовал переговорами с СССР. «Германия приложила все усилия к тому, чтобы втянуть Россию в великую комбинацию против Англии»⁴.

Политические руководители СССР распознали провокационное существо гитлеровских предложений. Они имели достаточную информацию по самым различным каналам о том, что гитлеровская агрессия своим острием была направлена, по крайней мере с лета — осени 1940 г., не против Британских островов, а против Советского Союза. Выдвигая «заманчивое» предложение о разделе Британской империи, фашистская Германия надеялась создать оптимальные условия для подготовки агрессии против Советского Союза. Кроме того, если бы его замыслы сбылись, Гитлер предотвратил бы тем самым создание антифашистской коалиции в будущем, в немалой степени предпринявшей судьбу третьего рейха.

Разглагольствуя об отсутствии «конфликта интересов» между Германией и Россией, о «мирных намерениях» в отношении

¹ DGFP, Ser. D, vol. 11, p. 549.

² Ibid., p. 558.

³ Ibid., p. 545, 547, 550; см. также: Фальсификаторы истории, с. 70.

⁴ DGFP, Ser. D, vol. 12, p. 310.

СССР, о необходимости улучшения советско-германских отношений, Гитлер завершал подготовку плана войны против нашей страны.

МОСКВА ГОВОРИТ «НЕТ»

Маневры фашистских политиков не ввели в заблуждение советскую дипломатию. Советская делегация не питала иллюзий в отношении того, куда будет направлена агрессия фашистской Германии и ее партнеров Японии и Италии по только что подписанному в Берлине 27 сентября 1940 г. Тройственному пакту.

Хотя страны-агрессоры заявили в договоре, что он не «за­трагивает политического статуса, существующего... между каж­дым из трех участников соглашения и Советским Союзом», Советское правительство сознавало: пакт был направлен в пер­вую очередь против Советского Союза. Оговорка не могла ввести в заблуждение относительно его действительного характера. Тройственный пакт Германии, Японии и Италии превращал, как признавал после войны японский политик Коноэ, антикоминтерновский пакт «в военный союз, *направленный в основном против СССР*»¹. (Курсив мой. — Ф. В.)

В первый же день берлинских переговоров, как только Гит­лер закончил свою длинную, довольно бессвязную речь, слово взял Молотов. Первый вопрос, поставленный главой советской делегации, был следующим: каков политический смысл Трой­ственного пакта?²

Советский Союз недвусмысленно давал понять, что ему ясны истинная направленность агрессивного пакта Германии, Италии и Японии. Далее ставился вопрос: когда и куда — в Югосла­вию, Болгарию, Албанию, Грецию или в другие страны Европы будет направлена агрессия Германии, а на Дальнем Востоке — агрессия фашистской Японии?

Советский представитель поставил и другие конкретные вопросы. В частности, он требовал разъяснений, какова цель посылки германской военной миссии в Румынию? Почему на­вязаны германские «гарантии» Румынии? Почему и для каких целей направлены германские войска в Финляндию? Если Гер­мания действительно хочет улучшать отношения с СССР, в Финляндии не должно быть немецких войск³.

Гитлер невразумительно пытался оправдать посылку герман­ской военной миссии в Румынию просьбой Антонеску. Что ка­сается Финляндии, то там германские войска не собираются долго задерживаться: они якобы переправляются транзитом в

¹ См.: Правда, 1948, 20 февраля.

² DGFP, Ser. D, vol. 11, p. 548.

³ См.: *Бережков В. С дипломатической миссией в Берлин*. М., 1966, с. 26.

Киркенес, в Норвегию, и этот «транзит закончится в течение ближайших дней»¹.

Подобные объяснения, естественно, не могли удовлетворить советскую делегацию, о чем ею и было заявлено. Факт остается фактом: немецкие войска, высадившиеся на южном побережье Финляндии, остаются в стране. В Румынию помимо военной миссии прибывают германские воинские части. Какова же подлинная цель этих перебросок германских войск?²

Гитлер прибег к обычному дипломатическому маневру: он пообещал выяснить поставленные перед ним вопросы и поспешил снова вернуться к проблемам, отвлекавшим внимание СССР от подлинных целей политики Берлина³.

Заверив, что целью Тройственного пакта является урегулирование отношений в Европе, Гитлер снова призывал СССР примкнуть к Тройственному блоку. При этом, говорил он, проблемы Западной Европы (точнее, ее раздела, — *Ф. В.*) должны решаться Германией, Италией и [петэновской] Францией, а проблемы Востока — Россией и Японией⁴.

Все эти предложения «о разделе мира» носили недвусмысленно провокационный характер и были, разумеется, абсолютно неприемлемы для советской стороны.

После того как Советское правительство получило шифровку из Берлина о ходе и содержании бесед, оно сразу же со всей категоричностью отвергло провокационное предложение Гитлера и Риббентропа о разделе «обанкротившегося британского поместья» и предписало: немедленно отклонить все попытки Гитлера и Риббентропа втянуть советских дипломатов в дискуссию о разделе «английского наследства»⁵.

Москва вновь дала указание: настаивать на том, чтобы германское правительство разъяснило свою позицию по проблеме европейской безопасности и другим проблемам, непосредственно затрагивающим интересы Советской страны. В соответствии с дополнительными указаниями советский представитель потребовал, чтобы ему были сообщены истинные цели посылки германских войск в Финляндию. По имевшимся в распоряжении Москвы данным, эти войска и не помышляли продвигаться в Норвегию; напротив, они стягивались к советским границам и укрепляли здесь свои позиции. Советское правительство настаивало на немедленном выводе немецких войск из Финляндии. Только это могло способствовать обеспечению мира в районе Балтийского моря⁶.

¹ См.: *Бережков В. С дипломатической миссией в Берлин. М., 1966, с. 26—27.*

² См. там же.

³ DGFP, Ser. D, vol. 11, p. 554—558.

⁴ Ibid., p. 559.

⁵ См.: *Бережков В.* Цит. соч., с. 33.

⁶ См. там же, с. 34.

Гитлер вновь голословно отрицал фактическую оккупацию Финляндии германскими войсками, утверждая: имеют место лишь транзитные переброски их в Норвегию¹.

— Но ведь Советский Союз ничем не угрожает Финляндии, — заявил советский представитель. — Мы заинтересованы в том, чтобы обеспечить подлинную безопасность в этом районе. Германское правительство должно учесть это обстоятельство, если оно заинтересовано в нормальном развитии советско-германских отношений.

Тогда Гитлер прибег к угрозе, заявив, что конфликт в районе Балтики повлек бы за собой «далеко идущие последствия».

— Похоже, что такая позиция, — последовал ответ, — вносит в переговоры новый момент, который может серьезно осложнить обстановку².

Гитлеру было твердо дано понять: Советский Союз не намерен мириться с агрессивными приготовлениями фашистской Германии и ее союзников Румынии и Финляндии.

От имени Советского правительства было заявлено, что СССР добивается прекращения германской экспансии на Балканах и на Ближнем Востоке в районах, непосредственно затрагивающих безопасность Советской страны. Германские «гарантии», предоставленные Румынии, направлены против интересов СССР и поэтому должны быть аннулированы. Гитлер сказал о невыполнимости этого требования, угрожающе заявив, что Германия может найти повод для трений с Россией в любом районе³.

Советский представитель заметил: долг каждого государства — заботиться о безопасности своего народа и дружественных стран. Такой страной Советский Союз считает Болгарию, связанную традиционными историческими узами братства и дружбы с Россией, и, естественно, выступает в защиту братского болгарского народа, над которым нависла угроза порабощения⁴. Он готов гарантировать безопасность Болгарии.

Советский представитель затронул и другие проблемы. Он указал на недопустимость задержки поставок важного германского оборудования в СССР.

Гитлер сослался на трудности борьбы с Англией. Когда советский представитель заметил: но ведь, по утверждениям немецкой стороны, Англия уже разбита, Гитлер смешался и пробормотал что-то невнятное.

На этом беседы с Гитлером были закончены. Вечером того же дня переговоры были продолжены между Молотовым и Риббентропом.

¹ DGFP, Ser. D, vol. 11, p. 556.

² Ibidem; см. также: *Бережков В.* Цит. соч., с. 35.

³ DGFP, Ser. D, vol. 11, p. 559—560.

⁴ См.: *Бережков В.* Цит. соч., с. 39—40.

В ход беседы снова вмешалась английская авиация: английская разведка узнала о переговорах. Когда Молотов и Риббентроп беседовали в министерстве иностранных дел и последний настойчиво вопрошал: «Готов ли Советский Союз и намерен ли он сотрудничать с нами в ликвидации Британской империи?»¹ — в этот самый момент завывли сирены воздушной тревоги — английская авиация бомбила Берлин. Пришлось спуститься в бункер Риббентропа. Он направился с Молотовым по длинной витой лестнице, приведшей в пышно обставленное личное бомбоубежище. Беседа возобновилась. Снова и снова Риббентроп повторял: с Англией покончено.

На это Молотов ответил:

— Если Англия разбита, зачем мы сидим в этом убежище и чьи это бомбы падают?²

Смутившийся Риббентроп промолчал.

Затем он представил проект договора между Германией, Японией, Италией и Советским Союзом о совместном сотрудничестве сроком на 10 лет³. Целью этого предложения, как и других, было ввести в заблуждение СССР, припугнуть Англию и удержать США от вступления в войну. Советский представитель отверг предложение Риббентропа. Он настаивал на ответе относительно целей пребывания германских войск в Румынии и Финляндии. Но ответа по-прежнему не было.

На этом закончились берлинские беседы В. М. Молотова с Гитлером и Риббентропом. Как и следовало ожидать, стороны разошлись по всем вопросам⁴. Проводы советской делегации были очень холодными — от показной любезности хозяев не осталось и следа.

ВЫВОДЫ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Советское правительство сделало из берлинских бесед соответствующие выводы.

Во-первых, стала виднее двойная игра Гитлера и Риббентропа: на словах утверждения о необходимости укрепления советско-германских отношений, соглашения с СССР, а на деле подготовка разбойничьего нападения на нашу страну.

Упорное нежелание Гитлера считаться с интересами укрепления безопасности СССР на его западных границах, решительный отказ прекратить фактическую оккупацию Румынии и Финляндии немецкими войсками показывали, что фашистская Германия готовит плацдармы для нападения на СССР. Беседы подтвердили, что «балканские государства... превращены в сателлитов Германии (Болгария, Румыния, Венгрия), либо пора-

¹ DGFP, Ser. D, vol. 11, p. 569.

² См.: *Бережков В.* Цит. соч., с. 47.

³ DGFP, Ser. D, vol. 11, p. 564—565, 569.

⁴ См.: *Севостьянов П. П.* Перед великим испытанием. М., 1981, с. 328.

бощены вроде Чехословакии, или стоят на пути к порабощению вроде Греции. Югославия является единственной балканской страной, на которую можно рассчитывать как на будущую союзницу антигитлеровского лагеря. Турция либо уже связана тесными узами с гитлеровской Германией, либо намерена связаться с ней»¹.

Что касается Турции, Ирана и политики СССР в отношении этих стран, в сообщении об итогах берлинских переговоров, направленном советскому полпреду в Лондоне, нарком иностранных дел СССР писал:

«Как выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать к рукам Турцию... Мы не дали на это согласия, так как считаем, что, во-первых, Турция должна остаться независимой и, во-вторых, режим в проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за ее спиной. Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными»².

Во-вторых, Гитлеру не удалось замаскировать истинное направление будущей германской агрессии. Все его фальшивые заявления о намерении окончательно сокрушить Англию, направить удары против нее не могли ввести в заблуждение Советское правительство. Вывод напрашивался только один: Германия готовится нанести удар не по Англии, а по Советскому Союзу.

В-третьих, провокационные предложения Гитлера о разделе наследства «обанкротившейся Британской империи» были категорически отвергнуты. Становилось ясным: СССР может иметь в лице Англии потенциального союзника в предстоящей борьбе с фашистской Германией. Вместе с тем позиция Советского Союза в отношении Англии выбивала почву из-под ног английских мюнхенцев, все еще мечтавших о заключении капитулянтского мира с Германией и создании единого антисоветского фронта капиталистических держав.

В свете этих фактов становятся совершенно беспочвенными обвинения по адресу Советского правительства в его намерении участвовать в попытках «раздела» Британской империи, о каких-то «территориальных притязаниях» СССР и т. д.³

Как видно из результатов бесед, они не завершились, да и не могли завершиться каким-либо соглашением с фашистской Германией.

Допустим ли был зондаж позиции потенциального противника со стороны Советского правительства? Не только допустим, но и представлял прямую политическую необходимость.

¹ Фальсификаторы истории, с. 70.

² История внешней политики СССР, 1917—1985, т. 1, с. 424.

³ Churchill W. Op. cit., vol. 2, p. 524; см. также: Фальсификаторы истории, с. 69.

Советское правительство, идя на берлинские беседы, стремилось использовать все возможные средства, чтобы как можно дольше оттянуть столкновение с фашистской Германией, выиграть время для укрепления политической, военной и экономической мощи Советского государства.

После поездки Молотова Советское правительство не возвращалось к обсуждавшимся в Берлине вопросам, несмотря на неоднократные просьбы Риббентропа¹.

Правда, в конце ноября 1940 г. германскому послу в Москве Шуленбургу было сообщено, что условием продолжения переговоров, начатых в Берлине, должна быть немедленная эвакуация германских войск из Финляндии, обеспечение безопасности СССР путем заключения пакта о взаимопомощи с Болгарией. По поводу телеграммы Шуленбурга Гитлер раздраженно заявил Гальдеру: «Россию надо поставить на колени как можно скорее»².

Ход берлинских бесед окончательно укрепил Гитлера в его убеждении, что Советский Союз является главным препятствием на пути фашистской Германии к мировому господству.

Касаясь оценки берлинских переговоров, английский посол в Москве Ст. Криппс доносил в Лондон: «Результаты встречи были отрицательными», «русские хотели сохранить свободу действий и не реагировали на усилия Гитлера, направленные на достижение сотрудничества (с СССР.— *Ф. В.*)»³.

ПЛАН «ОСТ»

Готовясь к военному походу против СССР, Гитлер и его генералы разработали далеко идущие планы уничтожения Советского государства. На территории СССР предполагалось создать четыре рейхскомиссариата — колонии Германии: «Остланд», «Украина», «Москва», «Кавказ»⁴.

Еще за три месяца до нападения на СССР, выступая на секретном совещании германских генералов 30 марта 1941 г., Гитлер заявил, что война против России — это не обычная война. «Речь идет о борьбе на уничтожение... На Востоке (т. е. в СССР.— *Ф. В.*) сама жестокость — благо для будущего»⁵.

По указанию Гитлера его подручные разработали план «Ост» — план физического истребления славянских наций, в

¹ См.: Фальсификаторы истории, с. 70, 71.

² *Бережков В.* Годы дипломатической службы. М., 1972, с. 38.

³ *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. L., 1962. Vol. 2, p. 520.

⁴ См.: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2, с. 18.

⁵ *Гальдер Ф.* Военный дневник, т. 2, с. 430, 431.

особенности русских, украинцев, белорусов, поляков, а также евреев и других.

Германские вооруженные силы и власти на оккупированных землях должны были руководствоваться варварскими наставлениями Гитлера, воплощенными в приказы: «Мы обязаны истреблять население — это входит в нашу миссию... Нам придется развить технику истребления населения»¹.

Руководствуясь указаниями Гитлера, Кейтель писал: «Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит»².

Методично и пунктуально германский генеральный штаб, гестапо и другие преступные организации, германские генералы разработали программу злодеяний на захваченных советских территориях.

В соответствии с планом «Ост» за 25—30 лет предписывалось ликвидировать 120—140 млн человек и в конечном счете «уничтожить биологический потенциал» СССР³. Для выполнения этой каннибальской задачи наряду с вермахтом была создана, по сути дела, вторая армия из «особых команд», «групп действия», эсэсовских формирований, в которые входили десятки дивизий, укомплектованных отборными головорезами.

«ЗЕЛЕНАЯ ПАПКА» ГЕРИНГА

Немецко-фашистские политики и генералы разработали и планы экономического ограбления Советской страны. Перед нападением на Советский Союз Герман Геринг, тесно связанный с монополистическим капиталом Германии, ставший одним из самых богатых людей рейха, возглавил «Восточный штаб экономического руководства», целью которого являлся тотальный грабёж народных богатств Советского Союза. Под руководством Геринга были подготовлены и обучены специальные подразделения грабителей всех рангов для организованного планомерного расхищения народного достояния СССР.

Герингом и его подручными была составлена «директива по руководству экономикой» («зеленая папка»), ориентированная на военное командование «в области экономических задач в подлежащих оккупации восточных областях»⁴.

Грабить как можно больше, грабить как можно эффективней, вывезти в Германию как можно больше продовольствия и нефти — такова главная задача, которую поставил Геринг⁵.

¹ Нюрнбергский процесс, т. 3, с. 337.

² Там же, с. 237.

³ См.: Правда, 1987, 18 декабря.

⁴ Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала во второй мировой войне. М., 1971, с. 325—327.

⁵ См. там же, с. 325

Директива провозглашала нашу «землю, весь живой и мертвый инвентарь... собственностью германского государства».

«Зеленая папка» предписывала обеспечить широкий поток рабочей силы, «восточных рабов» в будущие хозяйства германских помещиков-колонизаторов. Директива требовала проведения мероприятий по физическому уничтожению населения оккупированных территорий посредством голода.

Документы «зеленой папки» за неделю до нападения на СССР были доведены до всех частей германской армии в форме приказа за подписью начальника штаба вооруженных сил Кейтеля и подлежали неукоснительному исполнению.

Агрессивные планы Гитлера, немецких генералов, полностью ответственных за его кровавые дела, отличались особой ненавистью к СССР, к первому в мире социалистическому государству. Это была действительно подготовка «войны на уничтожение».

Преступления против советских людей вписаны «кровавым почерком эсэсовских расстрелов», «гусеницами немецких танков», «многоочиями пулеметных очередей»¹.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПЛАНА «БАРБАРОССА»

Готовясь к войне с СССР, Гитлер стремился заручиться союзниками, создать для Германии благоприятную международную обстановку. С этой целью гитлеровская дипломатия расширяла коалицию фашистских государств.

Была разработана специальная директива германского верховного командования вооруженных сил «Об участии иностранных государств в плане «Барбаросса».

В свою очередь, Япония, Италия, обеспокоенные быстрыми военными успехами фашистской Германии и боясь остаться обделенными при разделе добычи, стремились к усилению политического и военного сотрудничества с Гитлером. 27 сентября 1940 г. был подписан берлинский Тройственный пакт агрессоров — Германии, Италии и Японии.

Тройственный пакт имел целью координацию действий Германии, Японии и Италии, направленных к завоеванию мирового господства державами «оси». Пакт был направлен своим острием не только против СССР (главная цель), но и против западных держав. Оценивая договор, Риббентроп отмечал: «Эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки»².

¹ *Безыменский Л.* Цит. соч., с. 161.

² *Кутаков Л. Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962, с. 274.

Пакт оформил в виде военного союза сотрудничество фашистских агрессоров, ослабив на некоторое время их взаимные противоречия, империалистическое соперничество ради осуществления захватнических планов.

К Тройственному пакту, вопреки воле народов, вскоре присоединились хортистская Венгрия, боярская Румыния и словацкий профашистский режим Тисо.

Гитлер завершил сколачивание агрессивного блока фашистских и милитаристских государств для похода против СССР.

СОУЧАСТИЕ ИОНА АНТОНЕСКУ

Для наступления на СССР Гитлер усиленно готовил румынский и финский плацдармы, все больше пристегивал Румынию и Финляндию к своей военной машине. Особенно старался Ион Антонеску — он готов был предоставить Гитлеру «пушечное мясо» — румынских солдат, поставлять сырье, особенно нефть.

Возвращение Советским Союзом незаконно отторгнутой у него Бессарабии еще более разожгло воинственный пыл Антонеску.

Гитлер умело применял тактику «разделяй и властвуй». По «венскому арбитражу» от Румынии 30 августа 1940 г. была отторгнута Северная Трансильвания и передана Венгрии. Арбитраж дал Гитлеру действенное оружие давления на румынских и венгерских вассалов. Он обещал Антонеску пересмотреть «венский арбитраж» в пользу Румынии, если та будет активно участвовать в войне с СССР. Венгерским главарям он угрожал возвратить Румынии Северную Трансильванию, если Венгрия не будет воевать против СССР.

За первой встречей Гитлера с Ионом Антонеску в январе 1941 г. состоялась вторая в Берхтесгадене. На ней присутствовали Риббентроп, германский посол в Бухаресте Киллингер, фельдмаршал Кейтель и генерал Йодль. Гитлер договорился с Антонеску о вводе германских войск в Румынию. Согласие Антонеску на участие Румынии в войне с СССР было получено.

Третья, решающая встреча Гитлера с Антонеску произошла в мае 1941 г. в Мюнхене. «На этой встрече, — признавал на допросе в Нюрнберге военный преступник Антонеску, — где кроме нас присутствовали Риббентроп и личный переводчик Гитлера — Шмидт, мы уже окончательно договорились о совместном нападении на Советский Союз»¹.

Исходя из своих военных планов, Гитлер предложил Антонеску не только использовать территорию Румынии для сосредоточения германских войск, но и наряду с этим «принять

¹ Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 383.

непосредственное участие в осуществлении военного нападения на Советский Союз»¹.

Антонеску импонировали агрессивные планы Гитлера, и он «заявил о своем согласии принять участие в нападении на Советский Союз и обязался подготовить потребное количество румынских войск и одновременно увеличить поставки нефти и продуктов сельского хозяйства для нужд германской армии»².

Возвратившись из Мюнхена в Бухарест, диктатор начинает еще более деятельную подготовку к войне. Под руководством немецких офицеров к началу войны против СССР вся румынская армия и военно-воздушный флот были реорганизованы и переподготовлены на немецко-фашистский лад.

По приказу Антонеску к границам Советского Союза с февраля 1941 г. передислоцируются отобработанные и готовые к боевым действиям дивизии. К началу вооруженного нападения Германии на Советский Союз на границах Румынии с СССР были сосредоточены 10 германских и 12 румынских дивизий численностью до 600 тыс. человек³.

«ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ»

Своим надежным союзником в предстоящей войне против Советского Союза Гитлер и его генералы считали Финляндию, поскольку правительство Рюти—Маннергейма продолжало проводить враждебную, антисоветскую политику и после подписания Московского договора 1940 г.

Все соглашения между верховным командованием вермахта и генеральным штабом Финляндии преследовали одну основную цель: участие финляндской армии и германских войск в агрессивной войне против СССР с территории Финляндии. Дислокация и развертывание финских войск имели наступательный характер.

В декабре 1940 г. в Берлине вел переговоры с Гальдером начальник финского генерального штаба генерал-лейтенант Гейнрикс. В итоге поездки была достигнута договоренность об участии Финляндии в войне против Советского Союза⁴.

Для разработки конкретного плана участия Финляндии в войне в феврале 1941 г. в Хельсинки был направлен начальник штаба германских войск в Норвегии полковник Бушенгаген. Здесь он вел переговоры с генералом Гейнриksom, его представителями генералом Айре и полковником Топола, во время которых разрабатывались планы военных операций против СССР из Средней и Северной Финляндии.

¹ Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 383.

² Там же.

³ См. там же, с. 387.

⁴ См. там же, с. 384.

Был разработан оперативный план, явившийся дополнением к плану «Барбаросса», названный «Голубой песок»¹.

На помощь германским военным в Финляндию посылаются дипломаты: 22 мая 1941 г. по указанию Гитлера в Хельсинки для переговоров с президентом Рюти отправился посланник Шнурре. Он передал предложение Гитлера послать финских военных экспертов в Германию для обсуждения проблем, связанных с войной против СССР.

Переговоры проходили 25 мая 1941 г. в Зальцбурге между фельдмаршалом Кейтелем и Йодлем со стороны Германии и представителями финского командования генералом Гейнриком и полковником Топола — с другой. На этом совещании были согласованы и уточнены планы сотрудничества финских и германских войск в войне против Советского Союза. Финнам был сообщен германский оперативный план, предусматривавший захват Прибалтийских республик, операции германских ВВС с финских баз, наступление из Северной Финляндии на Мурманск². Германские фашисты составили чудовищный план уничтожения Ленинграда. В секретном приказе начальника штаба военно-морских сил Германии говорилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса к дальнейшему существованию этого большого населенного пункта»³.

В третий раз Бушенгаген встретился с представителями финского генерального штаба в начале июня 1941 г. Были установлены окончательные сроки мобилизации финских войск. Командовать ими было поручено маршалу Маннергейму.

К мобилизации финских корпусов в Средней Финляндии было решено приступить 15 июня, а всей финской армии — 18 июня. Финская реакция во главе с Рюти, Таннером, Маннергеймом с нетерпением ожидала нападения Германии на СССР, чтобы в союзе с ней осуществить свои захватнические планы в отношении Советской страны.

ХОРТИ — СОЮЗНИК ГИТЛЕРА

В стратегических планах фашистской Германии значительную роль играла хортистская Венгрия.

Получив из рук Гитлера Закарпатскую Украину, Южную Словакию, а затем и Северную Трансильванию, венгерские правящие круги тем самым тесно связали себя с фашистской Германией. Берлин направлял режим Хорти в фарватер своей агрессивной политики.

¹ См.: Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 385.

² См. там же.

³ Цит. по: Правда, 1946, 14 января.

20 ноября 1940 г. Венгрия присоединилась к Тройственному пакту.

В том же месяце, как сообщал генерал-майор Уйсаси, начальник разведки и контрразведки Венгрии, на аудиенцию к начальнику венгерского генерального штаба генерал-полковнику Верту прибыл германский военный атташе в Будапеште Краппе с секретным письмом от начальника генерального штаба сухопутных сил Германии Гальдера. В этом письме Гальдер предупредил Верта, что Венгрия должна быть готова к возможной войне против Югославии и, несомненно, против СССР¹.

Верт согласился с мнением Гальдера, заявив, однако, при этом, что венгерская армия недостаточно вооружена для войны с СССР.

В декабре 1940 г. в Берлин выехала специальная группа венгерского министерства обороны, а затем и министр обороны Барт. Он разработал с Кейтелем план военно-политического сотрудничества Германии и Венгрии². Венгрия должна была предоставить в распоряжение Германии 15 дивизий, а также содействовать продвижению германских войск в районах, прилегающих к венгеро-югославской и венгеро-советской границам.

За участие в войне против Югославии и СССР венгерские хортисты получали старое княжество Галич и предгорье Карпат до Днестра.

27 марта 1941 г. Гитлер передал венгерскому министру иностранных дел «рекомендации» о совместном с Германией нападении на Югославию³. На следующий же день венгерский диктатор сообщил в Берлин: «Я целиком и полностью с Германией»⁴.

В ночь на 6 апреля 1941 г. фашистская Германия напала на Югославию, а через пять дней к агрессору присоединились венгерские хортисты. Гитлер не сомневался, что Хорти будет его соучастником и в нападении на СССР. Действительно, в начале мая начальник венгерского генерального штаба Верт в докладной записке правительству предлагал, предвидя нападение Германии на СССР, немедленно заключить с ней военно-политический союз. Между генеральными штабами Германии и Венгрии начались переговоры, уточнявшие планы венгерского участия в войне против СССР.

Буквально за три дня до нападения Германии на СССР в Будапешт прибыл генерал Гальдер, сообщивший, что война с Советским Союзом — вопрос самого ближайшего будущего. Гальдер вновь дал понять, что фюрер считает необходимым участие венгерской армии в военном походе против СССР. Но уговаривать Хорти не надо было.

¹ См.: Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 389.

² См. там же, с. 390.

³ DGFP, Ser. D, vol. 12, p. 369.

⁴ Ibid., p. 400—401.

Еще в конце мая 1941 г. на заседании Совета министров Венгрии по докладам премьер-министра Бардоши и министра обороны Барта было в принципе принято решение об объявлении войны СССР, позднее утвержденное коронным советом¹.

Политические руководители Венгрии втянули страну в позорную антинациональную авантюру.

ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИЙ ДОГОВОР

Немаловажное значение в дипломатической подготовке Германии к войне против СССР имела позиция Турции. Капитуляция Франции и военные поражения Англии, изменение положения на Балканах, захват гитлеровцами Югославии резко изменили курс турецкой внешней политики. От проанглийской ориентации Турция приходит к прогерманской.

Следуя новой линии, в середине мая 1941 г. Турция через германского посла в Анкаре фон Папена начинает переговоры о заключении герmano-турецкого договора о дружбе.

Стремясь к заключению этого договора, Гитлер надеялся обеспечить себе южный фланг при нападении на СССР. Турция, идя на этот сговор, надеялась воспользоваться агрессивной войной Германии против СССР для осуществления собственных планов в отношении Советской страны.

За четыре дня до нападения Германии на СССР, 18 июня 1941 г., Турция подписала с фашистской Германией договор о дружбе. Это было существенное звено в цепи дипломатической подготовки Германии к войне против Советского Союза. Германия стала получать из Турции продовольствие, важное стратегическое сырье.

Характеризуя подписание договора, английская газета «Манчестер гардиан» писала: «Одно несомненно — от Финляндии до Черного моря Гитлер сконцентрировал силы значительно более тех, которые необходимы для любых оборонительных нужд».

ИТАЛИЯ И ИСПАНИЯ СЛЕДУЮТ ЗА ГИТЛЕРОМ

Участие режима Муссолини в предстоящей войне с СССР не вызвало в Берлине никаких сомнений. И не только солидарность фашистских лидеров, но и поражения Италии в Греции и Африке все более и более способствовали втягиванию фашистской Италии в фарватер агрессивной политики Германии. Из союзника Германии — впрочем, это был всегда союз всадника и коня — Италия все более превращалась в ее сателлита.

¹ См.: Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 392.

Гитлер был настолько уверен, что Муссолини последует за ним в войне против СССР, что даже не считал нужным обещать Италии какие-либо территориальные приращения в уплату за участие в агрессии.

В антисоветский поход Гитлер надеялся вовлечь и франкистскую Испанию. После капитуляции Франции правительство Франко перешло от политики «нейтралитета» в войне на позицию «невоюющей стороны». Испания готова была вступить в войну на стороне стран «оси» при двух условиях: она должна получить Гибралтар, французское Марокко, Оран в Алжире; державы «оси» должны помочь Испании вооружением и продовольствием. Гитлер посчитал эти условия чрезмерными.

В ноябре 1940 г. испанский министр иностранных дел Серрано Суньер был приглашен в резиденцию Гитлера подписать документ о присоединении Испании к Тройственному пакту. Но несогласие Гитлера с требованиями Франко несколько изменило позицию каудильо. Франко стал убеждать Гитлера: Испания не может выдержать затяжную войну¹.

В феврале 1941 г. Гитлер направил письмо Франко, требуя его обязательства о вступлении в войну. Диктатор заверил Гитлера в своей преданности. Для участия в войне против СССР Франко обязался выставить 60 тыс. солдат².

В годы второй мировой войны франкистская Испания играла роль посредника в снабжении Германии рудами, нефтью, вольфрамом, марганцем, каучуком, которые закупались ею в США, Турции и в других странах.

Испания была полем деятельности для секретных переговоров гитлеровцев с эмиссарами Англии и США.

Гитлеровская Германия надеялась втянуть в войну против СССР правительство Петэна.

В конце октября 1940 г. этот вопрос обсуждался между Гитлером и Петэном в Монтуаре, близ Тура. Позднее, в мае 1941 г., в резиденцию фюрера в Берхтесгадене был вызван министр иностранных дел правительства Петэна адмирал Дарлан. Во время этих переговоров с «могильщиками Франции» Гитлеру без особого труда удалось добиться их согласия оказать Германии помощь в войне против СССР «добровольцами», сырьем, продовольствием и рабочей силой. Правительство Петэна обязалось послать на советско-германский фронт французский легион. Оно продолжало торговать и национальным достоинством Марианны, и жизнью французских солдат.

Таковы факты о соучастниках осуществления кровавого плана «Барбаросса».

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 2, p. 461, 468.

² См.: История дипломатии, т. 4, с. 108—109.

Глава V

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АГРЕССИИ

С началом второй мировой войны внешнеполитическая деятельность Советского государства направлялась прежде всего на обеспечение безопасности страны и ограничение сферы распространения фашистской агрессии. «В сложной обстановке Советский Союз проводил в жизнь политическую стратегию, которая имела целью максимально оттянуть нападение фашистской Германии, чтобы использовать выигранное время для укрепления обороноспособности страны и боеспособности Советских Вооруженных Сил»¹.

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ АКТИВНО ПРОТИВОДЕЙСТВУЕТ БЕРЛИНУ

Агрессивные замыслы фашистской верхушки не были тайной для Советского правительства. Сложившаяся на континенте Европы обстановка, особенно после разгрома и капитуляции

¹ Вторая мировая война. Краткая история, с. 109.

Франции, не оставляла сомнений, что рано или поздно гитлеровская Германия нападет на Советский Союз.

Перед советской внешней политикой стояла основная задача: как можно дольше остаться вне войны, использовать это время для подготовки отражения нападения фашистских агрессоров. «...Когда почти весь мир охвачен такой войной,— заявил 6 ноября 1940 г. М. И. Калинин в своем докладе на торжественном заседании в Большом театре,— быть вне ее — это великое счастье»¹.

Время от начала второй мировой войны до вероломного нападения фашистской Германии на СССР Советская страна использовала для укрепления своей боевой мощи, создания наиболее благоприятной международной обстановки. Важно было иметь предпосылки для создания антифашистской коалиции на случай военного столкновения с Германией, предотвратить единый антисоветский фронт капиталистических государств, обеспечить безопасность границ от Баренцева и Черного морей до Тихого океана.

Напомним в этой связи такие события, как разгром вылазки японских агрессоров на Дальнем Востоке в районе реки Халхин-Гол (август 1939 г.); освободительный поход Красной Армии с целью предотвратить захват гитлеровской Германией Западной Украины и Западной Белоруссии (сентябрь 1939 г.); заключение договоров о взаимной помощи между СССР и Эстонией, Латвией и Литвой (сентябрь—октябрь 1939 г.). В результате мирного договора СССР с Финляндией (12 марта 1940 г.) советско-финская граница была значительно отодвинута на северо-запад.

ЗАЩИТА ШВЕДСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА

Весной 1940 г., когда немецко-фашистские полчища вторглись в Данию и Норвегию, над Швецией нависла прямая угроза германской агрессии. Советское правительство выступило в защиту национальной независимости Швеции.

13 апреля 1940 г. германский посол в Москве Шуленбург был приглашен в Наркоминдел, где ему было решительно заявлено: Советское правительство «определенно заинтересовано в сохранении нейтралитета Швеции» и «выражает пожелание, чтобы шведский нейтралитет не был нарушен»². Москва серьезно предупредила Берлин. Из Берлина Шуленбургу сообщили: Германия будет соблюдать нейтралитет Швеции и не распространит на нее военные операции.

¹ Правда, 1940, 7 ноября.

² История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 348.

27 октября 1940 г. советский полпред в Стокгольме А. М. Коллонтай завершила шведское правительство в том, что безусловное признание и уважение полной независимости Швеции — неизменная позиция Советского правительства¹.

Шведский министр иностранных дел Гюнтер в беседе с А. М. Коллонтай «взволнованно благодарил и сказал, что эта акция со стороны Советского Союза укрепит установку кабинета и твердую волю Швеции соблюдать нейтралитет. Особенно его обрадовало, что Советский Союз сдерживает Германию»².

Премьер-министр Швеции Хансон в мае 1940 г. передал «глубочайшую благодарность» Советскому правительству за поддержку Швеции, подчеркнув, что «дружба с Советским Союзом является основной опорой Швеции»³.

Не подлежит сомнению: решительная поддержка нейтралитета Швеции Советским Союзом в момент вторжения вермахта в Скандинавские страны спасла ее от захвата немецкими фашистами.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СССР В ПРИБАЛТИКЕ И НА ЮГО-ЗАПАДЕ

Советское правительство приняло энергичные меры, чтобы не допустить создания очага агрессии против СССР в Прибалтийских странах — Эстонии, Латвии и Литве.

Англия и Франция стремились использовать Прибалтику в своих антисоветских целях. После начала второй мировой войны в Прибалтийских государствах усиливаются интриги гитлеровских политиков и военных. Генерал Гальдер, деятель немецкой разведки Пиккенброк, Бентивеньи договорились с буржуазными политиками Эстонии, Латвии, Литвы о превращении этих стран в плацдарм для нападения на Советский Союз. Советское правительство, народы Прибалтийских стран не могли допустить этого. Опираясь на поддержку прибалтийских народов, СССР добился в сентябре—октябре 1939 г. подписания договоров о взаимной помощи с Эстонией, Латвией и Литвой, предоставлявших советской стороне право иметь военные базы на их территории. Однако буржуазные правители Эстонии, Латвии и Литвы продолжали свой антисоветский курс, усиливали приготовления к войне с Советским Союзом, нарушали договоры о взаимопомощи, совершали провокации в отношении СССР, втягивая все более и более свои страны в фарватер политики фашистской Германии. В странах Прибалтики

¹ См.: История дипломатии, т. 4, с. 160.

² АВП СССР.

³ История дипломатии, т. 4, с. 160.

совершались убийства и похищения советских военнослужащих, готовились нападения на советские гарнизоны. Фактически в марте 1940 г. «оформился военный союз Латвии, Эстонии и Литвы, направленный против СССР»¹. Трудящиеся Прибалтийских стран решительно выступили против подобного, угрожавшего их жизненным интересам политического курса своих правительств. Они требовали установления подлинно народной власти, избавившей бы их страны от военных авантюр.

В июне 1940 г. буржуазные режимы в странах Прибалтики потерпели полный крах. К власти в этих странах пришли народные демократические правительства, 14—15 июля состоялись выборы в Народные сеймы Латвии, Литвы и Государственную думу Эстонии, восстановившие Советскую власть.

21—22 июля Народные сеймы Латвии и Литвы и Государственная дума Эстонии обратились к Верховному Совету СССР с просьбой принять их страны в состав Советского Союза. Верховный Совет СССР в начале августа 1940 г. удовлетворил эту просьбу. Эстония, Латвия и Литва стали равноправными союзными республиками. Попытки гитлеровской Германии создать здесь антисоветский плацдарм провалились.

Укреплению безопасности СССР способствовало мирное воссоединение Бессарабии, захваченной в январе 1918 г. буржуазно-помещичьей Румынией, и Северной Буковины. В августе 1940 г. они вошли в состав СССР. Историческая справедливость была восстановлена.

В целом границы СССР были отодвинуты на запад на 200—350 километров.

«Изменение границ принесло с собой определенные трудности. Большинство укрепленных районов, построенных вдоль старых границ, потеряли свое прежнее значение. Поэтому в 1939 г. были сокращены штаты их войск более чем на одну треть, в 1941 г. с второстепенных участков снята часть артиллерии... Ускоренными темпами началось создание укрепленных районов вдоль новых границ. На их строительстве ежедневно работало около 140 тыс. человек. Но все же оно к моменту нападения фашистской Германии на СССР не было закончено. Кроме того, на территории западных областей Белоруссии и Украины еще не было закончено переоборудование железных дорог с узкой европейской колеи на широкую союзную. Хуже, чем в старой приграничной полосе, были развиты здесь линии связи. А времени было мало. Незавершенность работ по укреплению наших западных границ к началу войны очень затруднила их оборону»².

¹ История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 367.

² Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 50.

МОСКВА ЗАЩИЩАЕТ БАЛКАНСКИЕ СТРАНЫ

Советская дипломатия активно противодействовала распространению фашистской экспансии на Балканы. Гитлеровская агрессия на Балканах представляла самую непосредственную угрозу интересам СССР, о чем Советское правительство не раз заявляло Берлину. В конце 1940 и начале 1941 г. Советское правительство вело с Германией переговоры о недопущении распространения ее экспансии на Балканы. Но результатов, подобных обеспечению нейтралитета Швеции, Советскому Союзу здесь не удалось достигнуть.

Известно, что болгарский народ всегда стремился к союзу с братским русским народом, освободившим его от пятивекового турецкого гнета. Но болгарская правящая клика династии Кобургов, будь то царь Фердинанд или Борис, придерживалась, вопреки воле болгар, политической ориентации на Австро-Венгрию и кайзеровскую Германию, а накануне и в период второй мировой войны — на гитлеровскую Германию.

Георгий Димитров говорил: «Одной из важнейших причин всех национальных несчастий и катастроф, которые постигали наш народ в последние десятилетия, является великоболгарский шовинизм, великоболгарская идеология... На этой почве у нас годами бесчинствовал фашизм. На этой почве германская агентура при царе Фердинанде и при царе Борисе продала Болгарию немцам и превратила ее в орудие немецкого империализма против наших освободителей»¹.

Разгром Франции, подписание Тройственного пакта держав «оси», стремительное наращивание военного потенциала фашистской Германии, новые акты агрессии — все это способствовало втягиванию тогдашних руководителей Болгарии в русло политики фашистской Германии.

Советское правительство стремилось закрыть агрессорам путь на Балканы, в Болгарию. Оно дважды в 1939—1940 гг. предлагало Болгарии подписать договор о взаимопомощи. Первый раз это предложение было сделано народным комиссаром иностранных дел СССР через болгарского посланника в Москве Антанова 20 сентября 1939 г. Но правительство Болгарии, испытывавшее сильное давление Германии, а также Англии, ответило отказом, заявив, что «этот пакт может вызвать осложнения». Советский Союз продолжил свои усилия, пытаясь убедить болгарских политиков в необходимости борьбы за независимость страны перед лицом угрозы фашистского порабощения. С этой целью в конце ноября 1940 г. в Софию была направлена советская делегация во главе с А. А. Соболевым, вновь предложившая Болгарии заключить пакт о взаимопомощи. СССР

¹ Димитров Г. Речи, доклады и статьи. София, 1947, т. 3, с. 40.

предлагал Болгарии оказать военную помощь в случае нападения на нее.

Советское предложение было обсуждено на узком заседании болгарского правительства с участием царя Бориса и отклонено¹. Причина все та же: болгарская верхушка ориентировалась на фашистскую Германию. Пронацистски настроенное правительство Филова уже тогда вело переговоры с Гитлером.

Царь Борис при встрече с Гитлером подобострастно заверял его: «Не забывайте, что там, на Балканах, вы имеете верного приятеля, не оставляйте его»².

17 января 1941 г. Советское правительство вновь заявило германскому правительству через Шуленбурга, что Советский Союз рассматривает восточную часть Балканского полуострова как зону своей безопасности и не может быть безучастным к событиям в этом районе³.

Советское правительство протестовало против намечавшегося ввода немецких войск в Болгарию.

Политика царского правительства Болгарии, проводимая вопреки воле народа, нашла свое роковое завершение: 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту и допустила оккупацию своей территории германскими войсками. 4 марта Советское правительство выступило с заявлением, разоблачив антинациональную политику болгарского правительства. Оно заявило, что этот акт «ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии»⁴. Советское правительство осуждало подобный курс внешней политики Болгарии, превращавшей ее в сателлита гитлеровской Германии со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями.

Весной 1941 г. для Советского правительства стало очевидным, что фашистская Германия готовит нападение на Югославию.

Хотя королевское югославское правительство проводило враждебную СССР политику, более 20 лет отказываясь установить дипломатические отношения с Советской страной, югославский народ всегда питал дружеские чувства к советскому народу. Он видел в лице СССР наиболее последовательного борца с фашизмом. Под давлением народа 25 июня 1940 г. югославское правительство установило дипломатические отношения с СССР. Тем не менее оно продолжало свой антинациональный, антисоветский политический курс.

В конце марта 1941 г. правительство Цветковича, присоединившееся к берлинскому Тройственному пакту и втягивавшее

¹ АВП СССР.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 1, с. 397.

³ См. там же.

⁴ Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1946, т. 4, с. 545.

Югославию в орбиту войны, было свергнуто. Обеспокоенный этим Берлин усилил подготовку к осуществлению агрессии против Югославии. СССР всячески противодействовал этим планам. 5 апреля 1941 г. в Москве был подписан советско-югославский Договор о дружбе и ненападении. Договор предусматривал политику дружественных отношений в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению¹. Но этот акт был, видимо, предпринят слишком поздно.

6 апреля 1941 г. гитлеровская Германия начала вторжение в Югославию. Осуждением агрессии Венгрии, присоединившейся к нападению на Югославию, явилось сообщение Наркоминдела от 13 апреля 1941 г. Хотя в нем осуждалась Венгрия, но фактически заявление было адресовано в Берлин, где находился истинный вдохновитель агрессии. Однако ни хортистская Венгрия, ни гитлеровская Германия не вняли этому предупреждению.

ШАТКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ ЯПОНИИ

После подписания берлинского Тройственного пакта японский кабинет министров принял в конце сентября 1940 г. решение об укреплении союза с Германией и Италией.

В марте 1941 г. Гитлер издает директиву № 24 о сотрудничестве с Японией, с тем чтобы заставить Японию как можно скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке.

Однако японское правительство помнило о предметном уроке Хасана и Халхин-Гола и считало необходимым урегулировать многие спорные вопросы с СССР. В начале июля 1940 г. японское правительство через своего посла в Москве предложило начать переговоры о заключении советско-японского пакта о нейтралитете, считая, что его подписание укрепит мир на Дальнем Востоке. Однако переговоры тормозились из-за нереальных требований Японии. Японцы требовали от СССР продажи им Северного Сахалина. СССР отверг это наглое предложение².

В течение февраля 1941 г. на заседании японского координационного комитета (главной ставки вооруженных сил и правительства) была утверждена программа внешней политики Японии, касавшаяся принципов ведения переговоров с рядом зарубежных государств. В программе было предусмотрено и заключение пакта с СССР³. Против этого выступали генералы Араки, Угаки, Койсо, министры внутренних дел и юстиции и другие деятели в кабинете Коноэ. Но их позиция не была

¹ См.: Известия, 1941, 6 апреля.

² См.: История внешней политики СССР, т. 1, с. 408—409.

³ См.: История войны на Тихом океане. М., 1958, т. 3, с. 211—212.

тогда решающей. Во время своего визита в Берлин и Рим, состоявшегося в марте—апреле 1941 г., японский министр Мацуока получил определенные инструкции правительства: не подписывать каких-либо договоров, связывающих действия Японии, не давать никаких обещаний. Напротив, во время пребывания в Москве ему давались полномочия подписать договор о нейтралитете.

Возникла довольно своеобразная ситуация — ярый сторонник войны с СССР Мацуока вынужден был подписать в Москве пакт, заключению которого он всячески противился.

Во время переговоров в Берлине с Гитлером и Риббентропом, начавшихся 26 марта, Мацуока усиленно убеждали в необходимости участия Японии в военных действиях против СССР, как только их начнет Германия.

«На Востоке,— говорил Риббентроп Мацуока,— Германия держит войска, которые в любое время готовы выступить против России». Мацуока в свою очередь заверил Гитлера и Риббентропа: Япония придет на помощь Германии в случае советско-германской войны, разорвет пакт о нейтралитете¹. Но это было скорее его личное обязательство, а не мнение кабинета.

На обратном пути из Берлина в Токио Мацуока снова остановился в Москве. Он заявил о согласии японского правительства подписать пакт о нейтралитете. Советское правительство, верное политике мира, пошло на этот шаг, хотя знало о вероломстве политиков типа Мацуока, Араки, рассматривавших пакт лишь как тактическое прикрытие подготовки войны с СССР.

В условиях приближающегося нападения Германии было бы неразумно отвергать подобное предложение Японии, и СССР подписал этот пакт.

Японо-советский пакт о нейтралитете (13 апреля 1941 г.), по которому обе стороны обязались «поддерживать дружественные отношения между собой и взаимно уважать целостность и неприкосновенность»², был важным звеном в цепи дипломатических мероприятий Советского правительства, направленных на подрыв планов агрессии фашистской Германии и милитаристской Японии. Он уменьшал для СССР угрозу войны на два фронта, поскольку, хотя бы на ближайшее время, Япония обязалась поддерживать мирные отношения с Советской страной.

В беседе, состоявшейся 16 апреля 1941 г. в Лондоне между министром иностранных дел Англии Иденом и советским послом И. М. Майским, последний отметил: «Пакт уменьшает опасность войны между СССР и Японией»³.

¹ См.: *Кутаков Л. Н.* Цит. соч., с. 285.

² Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. 4, с. 549—550.

³ PRO, FO 371/29465, p. 16.

Вместе с тем советско-японский пакт был свидетельством дипломатического поражения Германии, рассчитывавшей на вовлечение Японии в войну против СССР сразу же после ее начала.

Таким образом, в дипломатической битве между Берлином и Москвой преимущество было на стороне советской дипломатии. Главный итог этой борьбы — СССР удалось тогда сохранить мир, не допустить втягивания его в войну в крайне неблагоприятной международной обстановке 1939—1940 гг.

Перед нападением Германии на Советский Союз в нашей стране были созданы необходимые материальные и экономические предпосылки для максимального повышения обороноспособности Родины. Однако эти предпосылки не были в должной мере и своевременно использованы. Красная Армия не была приведена накануне войны в полную боевую готовность.

Между тем фашистская Германия, захватившая к началу войны против СССР многие европейские страны, располагала огромным военно-экономическим потенциалом и крупными вооруженными силами. «Отсутствие активных боевых действий (на Западе.— Ф. В.) позволило Гитлеру бросить основную массу своих войск и войск государств-сателлитов против СССР»¹.

И речь шла не только о вооруженных силах.

ГИТЛЕРОВСКИЕ РАЗВЕДСЛУЖБЫ ДЕЙСТВУЮТ

Небывалую по своим масштабам тайную войну против СССР вела германская разведка. В подготовке нападения гитлеровской Германии на СССР немалая роль принадлежала не только руководителям германской дипломатии, но и «двуликтому адмиралу» Канарису — начальнику абвера (военной разведки и контрразведки). Абвер являлся самостоятельным управлением при главном штабе вооруженных сил².

Активной разведкой ведал 1-й отдел, организацией саботажа и диверсий в тылу противника — 2-й отдел, контрразведкой — 3-й отдел.

Первоначально органы контрразведки были созданы при штабах военных округов и военно-морских баз. Позднее они были переданы корпусным штабам. В частности, отделения контрразведки в Кенигсберге и Бреслау занимались разведкой на Востоке, главным образом в СССР.

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 55.

² Служба разведки и контрразведки германских вооруженных сил, как свидетельствовал бывший сотрудник абвера Леверкюн, была известна в те годы под общим названием «контрразведка» (см. статью П. Леверкюна «Служба разведки и контрразведки» в книге «Итоги второй мировой войны». М., 1957, с. 268).

Начальники РСХА и гестапо Гиммлер и Гейдрих внесли свою лепту в организацию разветвленной системы разведки фашистской Германии: помимо абвера органы службы безопасности (СД) создали собственную разведывательную сеть за границей. От Гиммлера и Гейдриха не отставал Риббентроп, создавший дипломатическую разведку в министерстве иностранных дел. Дело и здесь было поставлено на широкую ногу: в штате ведомства состояли такие классные разведчики, как посол в Анкаре фон Папен, посол в Токио Эйген Отт и многие другие.

Впрочем, на поприще разведки подвизались не только послы, но и германские военные атташе, обменивавшиеся военной информацией с разведками фашистских и профашистских стран¹.

Правда, между абвером, СД и разведкой ведомства Риббентропа шла внутренняя, скрытая, но весьма острая борьба за «пальму первенства». В 1944 г. Гиммлер добился устранения адмирала Канариса (его повесили за участие в заговоре против Гитлера) и передачи всей разведывательной службы в руки имперского главного управления безопасности — РСХА. Военную разведку и контрразведку возглавил бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг.

Готовясь к войне против СССР, фашистская Германия усиливала органы разведки и контрразведки, расширяла шпионаж и другие формы подрывной деятельности.

По сравнению с 1939 г. количество забрасываемой в Советский Союз немецко-фашистской агентуры увеличилось почти в 4 раза². В августе—сентябре 1940 г. иностранный отдел генерального штаба Германии передал задания периферийным отделам абвера, всем разведорганам в армейских группах и армиях, нацеленных на Восток, — резко усилить разведывательную работу в СССР. Гиммлер, Гейдрих, Канарис, Риббентроп требовали от своих разведчиков до нападения на СССР собрать исчерпывающую информацию о военном и экономическом потенциале Красной Армии для общего планирования войны. Однако это оказалось весьма трудной задачей.

Немецкие генералы признавали особо сложные условия для деятельности западных разведок и контрразведок в СССР. По свидетельству Леверкюна, «Советская Россия еще до начала войны представляла в отношении разведки особо трудную проблему». «Засылка в Россию агентов из Германии, — сетует Леверкюн, — была возможна лишь в очень редких случаях. Контроль и проверка документов среди населения России как

¹ Важным источником разведанных были сообщения немецких дипломатов в СССР — посла фон Шуленбурга, советника посольства Хильгера, военных атташе — в Советской стране и государствах, граничащих с нею.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 6, с. 134.

в городах, так и на транспорте проводилась гораздо строже, чем в какой-либо другой европейской стране»¹.

Бдительность советских людей была серьезным препятствием, мешавшим проникновению в СССР фашистских разведчиков, засылавшихся из приграничных стран — Румынии, Венгрии, Польши, Финляндии и т. д.

Меры Советского правительства, в частности закрытие в 1938 г. немецких консульств в СССР, являвшихся рассадниками деятельности агентов абвера, СД и Риббентропа, нанесли серьезный удар по вражеской разведке.

И все же органам госбезопасности не удалось полностью очистить страну от фашистских шпионов и диверсантов. Абвер и другие разведслужбы засылали в СССР, особенно по мере приближения дня нападения на нашу страну, все новых и новых агентов.

В начале сентября 1940 г. Канарис получил приказ Йодля, намечавший основные меры по активизации проведения разведки и подрывной деятельности на территории СССР. Было приказано определить группировки, реальную силу советских войск, их вооружение и снаряжение, разведать советские укрепления на западной границе и полевые аэродромы, сообщить данные о работе и возможностях советской промышленности и транспорта².

В развитие этого приказа генерал-майор Лахузен — начальник 2-го отдела абвера, заместитель Канариса — приказал организовать специальную группу под условным наименованием «А», которая должна была заниматься подготовкой диверсий и работой по разложению советского тыла. В приказе Йодля указывалось, что в целях обеспечения молниеносного удара по Советскому Союзу «Абвер-2» при проведении подрывной работы против России должен максимально использовать свою агентуру³. Хотя многие фашистские шпионы и диверсанты были схвачены и обезврежены, часть из них проникла на советскую территорию. Немало шпионов и диверсантов, «консервированных» многие годы, было завербовано из числа немецких эмигрантов.

На содержании гитлеровской разведки находились и часть русской белогвардейщины, члены организации украинских буржуазных националистов (ОУН) вроде Бандеры, Мельника и главарей других националистических группировок. Им поручалось организовать сразу после нападения на СССР диверсионные выступления на Украине с целью подрыва советского тыла⁴.

¹ Итоги второй мировой войны, с. 273.

² См.: Проблемы истории второй мировой войны. М., 1959, с. 5.

³ См.: Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 380.

⁴ См. там же, с. 380—381.

В период войны украинские националисты, предавая свой народ, ревностно выполняли самые гнусные и кровавые поручения абвера и гестапо. Именно оуновцами укомплектовали особый карательный батальон «Нахтигаль», возглавленный сотрудником абвера обер-лейтенантом Теодором Оберлендером¹. Были подготовлены также специальные диверсионные группы, сформированные из националистических элементов, для проведения подрывной деятельности в Прибалтийских республиках. Отдел иностранной контрразведки 20 июня 1941 г. издал специальную директиву о подготовке восстания в Советской Грузии. Для этой цели в Румынии была создана диверсионная организация под кодовым названием «Тамара».

Гитлеровская разведка использовала для своих целей немецких граждан, проезжавших через советскую территорию. Группы немецких «туристов», в особенности в Прибалтике, Закарпатье, на Украине, в Молдавии, «альпинистов» в горах Кавказа занимались топографическими съемками, разведкой военных объектов. Участники Отечественной войны свидетельствуют: в период ожесточенных боев за перевалы Кавказа Марухский, Клухорский, у подножия Эльбруса и на других перевалах и в долинах у захваченных в плен, у убитых немецких офицеров находили самые подробные карты Кавказских гор.

В Бреслау был создан специальный институт, сотрудники которого занимались изучением военно-экономического потенциала СССР, вопросами пропускной способности железных и шоссейных дорог СССР. В институте усиленно исследовалась политическая жизнь страны, национальная проблема — отношения между национальностями, населяющими Советский Союз, с тем чтобы в период войны попытаться разжечь национальную рознь, использовать устремления националистов для ослабления Советской страны.

В конце 1940 г. из зарубежных немцев, хорошо знавших русский язык, был создан полк головорезов особого назначения — «Бранденбург-800». Для совершения диверсий в тылу Красной Армии, захвата мостов, туннелей, оборонных предприятий и удержания их до подхода авангардных частей германской армии солдаты этого полка, вопреки международным правилам ведения войны, надевали форму и пользовались оружием советских войск².

Гитлеровские разведслужбы готовили диверсии, саботаж, массовый террор, «повстанческие» выступления в тылу советских армий. В вермахте были созданы специальные «роты пропаганды». Солдаты этих рот должны были использовать любое

¹ После войны Оберлендер был министром в правительстве Аденауэра.

² См.: Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 381.

оружие из арсенала лжи, провокаций и насилий как средство своих войск, так и в лагере противника ¹.

Верховное командование германских вооруженных сил также требовало от разведки прикрыть развертывание германских армий у границ СССР.

В специальной директиве ОКВ вермахта, подписанной 6 сентября 1940 г. Йодлем, разведке давались следующие указания: общее количество германских войск на Востоке должно быть замаскировано путем распространения фальсифицированных сообщений о перемещении частей. Эти перемещения следовало, в частности, объяснять изменением дислокации лагерей обучения; разведке предписывалось создавать впечатление, что центр концентрации войск находится в южной части Польши, в протекторате Богемия и Моравия и в Австрии и что скопление войск в более северных районах сравнительно невелико. Что касается вооружения частей, в особенности бронетанковых дивизий, то немецкая разведка должна была создавать о нем как можно более внушительное впечатление, преувеличивать его.

Характерна и директива ОКВ от 15 февраля 1941 г. Цель дезинформации противника заключается в том, — указывалось в директиве, — «чтобы скрыть подготовку к операции «Барбаросса» ².

Накануне и в ходе войны против СССР немецко-фашистская агентура представляла командованию вермахта определенные данные о боевом составе, дислокации, передвижениях советских войск на западной границе, о советской экономике и транспорте.

Надо отметить, однако, что германский генеральный штаб не считал вполне достоверными данные разведки о советском военно-экономическом потенциале и о возможности эвакуации советской промышленности на восток. Фактически генштаб не рассчитывал, что Советское государство в короткое время сможет осуществить демонтаж и эвакуацию большого количества заводов и фабрик из центральной европейской части страны. Поступавшие в генеральный штаб некоторые сведения разведки об успехах СССР в области технического прогресса, по словам Леверкюна, не принимались во внимание ³. Для немецких генералов, да и для самого Гитлера, появление замечательных советских танков Т-34, новых типов самолетов, реактивных «катюш» оказалось неожиданностью ⁴.

Несмотря на то что гитлеровцы развернули накануне войны обширную шпионско-диверсионную сеть, создали более 130 разведывательных и контрразведывательных органов, около

¹ См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 134.

² См. там же, с. 241.

³ См.: Итоги второй мировой войны, с. 273.

⁴ См.: Международная жизнь, 1964, № 9, с. 125.

60 спецшкол по подготовке агенты, они так и не узнали в полной мере, какой реальной силой располагает СССР. Хотя многое им, разумеется, стало известно.

ТАЙНАЯ ВОЙНА

Кровавым битвам на полях сражений предшествовала упорная и драматическая борьба на «невидимом фронте».

Под руководством адмирала Канариса, Шелленберга, Гимлера накануне Отечественной войны немецкой разведкой и контрразведкой велась невиданная по масштабам и ожесточенности тайная война против советского народа.

Этим действиям противостояли действия советской разведки и контрразведки¹. Особенно усилилась деятельность наших разведывательных органов в 1940 г., когда становилась все более очевидной подготовка фашистской Германией нападения на СССР.

Из Токио, Берна, затем из Берлина, Лондона, Вашингтона, Варшавы, Анкары и других мест, из разных источников по разведывательным и дипломатическим каналам поступали данные, почерпнутые в высших политических и военных кругах.

Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии, начальником которого в июле 1940 г. был назначен генерал Ф. И. Голиков, располагало обширными сведениями о намерениях гитлеровской Германии в отношении Советского государства. В разведупре имелись материалы «о военном потенциале гитлеровской Германии, о ее мобилизационных мероприятиях, о новых войсковых формированиях, об общей численности вооруженных сил, о количестве и составе гитлеровских дивизий, их группировке на театрах военных действий, о стратегическом резерве главного командования»². С лета 1940 г. держались под контролем массовые переброски немецко-фашистских войск на Восток: из оккупированных стран Западной и Центральной Европы, из района Балкан, из самой Германии.

Советские разведчики сообщали в Центр о количестве, составе и дислокации гитлеровских армий, корпусов и дивизий по всей западной границе СССР — от Балтийского до Черного моря. Так, в сводке № 5 Главного разведывательного управления по состоянию на 1 июня 1941 г. «даются точные данные

¹ Накануне войны задачи по обеспечению государственной безопасности СССР были возложены на Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) и органы военной контрразведки (СМЕРШ) Народного комиссариата обороны и Народного комиссариата Военно-Морского Флота (см.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 6, с. 133).

² Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сборник документов и материалов. М., 1970, а также: Международная жизнь, 1969, № 9, с. 121.

о количестве немецких войск на востоке как в целом, так и против каждого нашего западного пограничного военного округа — Прибалтийского, Западного, Киевского — от самой нашей границы и в глубину до 400 километров». Было известно и количество немецких дивизий на территории Румынии и Финляндии¹.

Советская разведка знала, как свидетельствует маршал Г. К. Жуков, и об основных стратегических направлениях ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз и сроках этого нападения². В докладе начальника разведупра Ф. Голикова от 20 марта 1941 г., со ссылкой на сообщение военного атташе в Берлине, указано, что «начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года». Однако выводы из приведенных в докладе сведений фактически перечеркивали их значение. «Слухи и документы, — гласил главный вывод, — говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки»³.

Подобные неверные выводы не могли способствовать формированию правильных взглядов и руководства Наркомата обороны, И. В. Сталина, которому немедленно докладывалась информация, исходившая от начальника Главного разведывательного управления.

Маршал Г. К. Жуков, занимавший в то время пост начальника Генерального штаба Красной Армии, признает: «В период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И. В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость провести несколько раньше в жизнь срочные мероприятия, предусмотренные оперативно-мобилизационным планом». И хотя «эти мероприятия не гарантировали бы полного успеха в отражении вражеского натиска, так как силы сторон были далеко не равными», наши войска «могли бы вступить в бой более организованно и, следовательно, нанести противнику значительно большие потери»⁴.

ТРЕВОЖНЫЕ СООБЩЕНИЯ ИЗ ГЕРМАНИИ

С лета 1940 г. советские дипломатические представители, военные атташе и их сотрудники в разных странах систематически сообщали о подготовке Германии к войне с СССР. Такая информация поступала и из антифашистского подполья Европы, от коммунистов.

¹ См.: *Международная жизнь*, 1969, № 9, с. 123—124.

² См.: *Жуков Г. К.* Цит. соч., т. 1, с. 296.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 294.

Немецкие антифашисты, антифашисты Польши, Чехословакии и других стран считали своим интернациональным долгом помочь Советскому Союзу. Рискуя жизнью, преодолевая невиданные трудности, антифашисты в Германии, в оккупированных ею и нейтральных странах добывали ценнейшую информацию о военных планах гитлеровской Германии, о ее военно-экономическом потенциале и другие данные, могущие оказать помощь СССР, а тем самым и освобождению их народов от фашизма.

Большую помощь Советскому Союзу оказывала группировка антифашистского Сопротивления в Германии, которая проходила в документах гестапо под кодовым названием «Rote Kapelle» («Красная капелла»). Во главе этой самой значительной организации Сопротивления первых лет второй мировой войны «стояли ученый д-р Арвид Харнак, обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен и деятели КПГ Йон Зиг и Вильгельм Гуддорф»¹.

В состав этой организации входили коммунисты Ганс Коппи, Отто Грабовски, Герберт Грассе, Вальтер Хуземан, писатель Адам Кукхоф, врач Йон Риттмайстер. В нее входили социал-демократы и беспартийные, рабочие и ученые, учителя и артисты, художники и служащие, солдаты и офицеры. Это были отважные немецкие патриоты и убежденные интернационалисты, верные друзья Советского Союза, боровшиеся в глубоком подполье за свержение фашизма, за миролюбивую демократическую Германию. «Красная капелла» жила и боролась вплоть до августа 1942 г., пока не была разгромлена разведкой Гимmlера.

Преодолевая неимоверные трудности, в условиях жесточайшего террора, царившего в фашистской Германии, ежечасно, ежеминутно рискуя жизнью, немецкие антифашисты все же находили пути, чтобы сообщить советским людям в Германии об угрозе, нависшей над СССР. В середине февраля 1941 г. в советское консульство в Берлине пришел рабочий типографии. Он принес экземпляр русско-немецкого разговорника. В нем можно было прочесть русские фразы, набранные латинским шрифтом: «Ты коммунист?», «Руки вверх!», «Буду стрелять», «Сдавайся». Разговорник немедленно был направлен в Москву. «Начиная с марта, — писал В. Бережков, работавший в 1941 г. в советском посольстве в Германии, — по Берлину поползли настойчивые слухи о готовящемся нападении Гитлера на Советский Союз. При этом фигурировали разные даты... 6 апреля, 20 апреля, 18 мая и, наконец, правильная — 22 июня»².

¹ Бирнат К., Краусхаар Л. Организация Шульце-Бойзена — Хариака в антифашистской борьбе. М., 1974, с. 10.

² Бережков В. С дипломатической миссией в Берлине, с. 90.

К концу мая 1941 г. дипломатами посольства советником В. С. Семеновым и атташе И. С. Чернышевым был составлен подробный доклад. «Основной вывод этого доклада состоял в том, что практическая подготовка Германии к нападению на Советский Союз закончена и масштабы этой подготовки не оставляют сомнения в том, что вся концентрация войск и техники завершена. Поэтому следует в любой момент ждать нападения Германии на Советский Союз»¹.

Тревожные сообщения из Берлина поступали от советского военно-морского атташе в Берлине капитана 1-го ранга М. А. Воронцова. «Он не только сообщал о приготовлениях немцев, — писал в своих мемуарах народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов, — но и называл почти точную дату начала войны»².

Однако наркомом ВМФ не было дано должной оценки полученной информации. В одной из записок, направленной Кузнецовым Сталину, сведения, представленные Воронцовым из Берлина, были охарактеризованы как «ложные». Они, как и многие другие важные донесения, остались лишь предупреждениями «сомнительного» характера.

РАМЗАЙ РАДИРУЕТ ИЗ ТОКИО

Ценные сведения о подготовке фашистской Германией нападения на СССР передавал из Японии советский разведчик Рихард Зорге (Рамзай), закрепившийся на работе в немецком посольстве в Токио и имевший доступ к секретной переписке фашистского посла Эйгена Отта.

Первое донесение группы Рамзая об опасности для СССР со стороны Германии было получено ровно за месяц до подписания Гитлером плана «Барбаросса» — 18 ноября 1940 г.³ Ссылаясь на беседу с человеком, выбравшимся из Германии, Зорге сообщал о проводимых фашистской Германией мерах по подготовке нападения на Советский Союз. Через десять дней после подписания Гитлером плана «Барбаросса», 28 декабря 1940 г., Зорге радировал: «На германо-советской границе сосредоточено 80 немецких дивизий. Гитлер намерен оккупировать территорию СССР по линии Харьков—Москва—Ленинград»⁴.

В начале 1941 г. Зорге сообщал в Центр информацию, полученную через прибывших в Японию из Германии специальных эмиссаров, об усиленной концентрации германских войск на советской границе, переброске частей из Франции. Рамзай

¹ Бережков В. Цит. соч., с. 91.

² Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1966, с. 318—319.

³ См.: Корольков Ю. Человек, для которого не было тайн. М., 1965, с. 170.

⁴ Волков Ф. Подвиг Рихарда Зорге. М., 1981, с. 51.

доносил о завершении строительства немецких военных укреплений на восточной границе с СССР.

21 мая в Центр им было направлено сообщение: «Германия имеет против СССР 9 армий, состоящих из 150 дивизий». В конце мая Зорге передает заявление немецкого посла в Токио Отта: «Немецкое выступление против СССР намечается во второй половине июня»¹.

1 июня Рамзай радирует: «Начало советско-германской войны ожидается 15 июня... Наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии». «На восточной границе (Германии с СССР.— *Ф. В.*) сосредоточены от 170 до 190 дивизий. Главные направления (удара.— *Ф. В.*) будут обращены против Москвы и Ленинграда, а затем против Украины».

Но особенно ценны две радиограммы Рихарда Зорге, посланные в Центр 15 июня. Первая гласила: «Война будет начата 22 июня». Во второй говорилось: «Нападение произойдет на широком фронте на рассвете 22 июня. Рамзай»².

ДОРА СООБЩАЕТ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ

Информация о подготовке Гитлером нападения на СССР поступала и из Швейцарии.

В этой нейтральной стране была создана разведывательная организация Дора, возглавленная венгерским коммунистом Шандором Радо³. Одним из источников, из которого черпал ценнейшую информацию Ш. Радо, был немецкий антифашист Рудольф Рёсслер (Люци). С ним было связано несколько немецких генералов и офицеров, названных группой Викинг. Они действовали накануне и в период второй мировой войны в генеральном штабе вермахта и ОКВ. Рёсслеру через группу Викинг стал известен секретнейший план «Барбаросса» уже через 20 дней после его подписания⁴. Эти данные были немедленно сообщены в Москву.

Ш. Радо передавал точные сведения о переброске на Восток, к границам СССР немецко-фашистских армий, об их составе и вооружении.

В конце февраля 1941 г. Шандор Радо сообщил в Центр: «Германия имеет сейчас на Востоке 150 дивизий... Выступление Германии начнется в конце мая»⁵. В конце марта Дора уточняет: Гитлер отложил операцию («Барбаросса») на четыре недели⁶.

¹ Волков Ф. Цит. соч., с. 57.

² Там же, с. 58, 59.

³ См.: Бессмертие. Люди молчаливого подвига. Очерки о разведчиках. М., 1987, кн. 1, с. 143—144.

⁴ History of the Second World War. L., 1967, p. 1458.

⁵ Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М., 1976, с. 90.

⁶ См. там же, с. 91.

Особенно важной была радиограмма, переданная Шандором Радо в Москву 12 июня 1941 г.: «Общее наступление на СССР начнется на рассвете в воскресенье 22 июня»¹.

Тревожные сигналы об интенсивных военных приготовлениях фашистской Германии поступали также из Франции от советского посла А. Е. Богомолова и военного атташе И. А. Сулопарова.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИЗ ВАШИНГТОНА

Дальнейшее обострение японо-американских противоречий, усиление угрозы интересам США со стороны фашистской Германии и других стран «оси», поражение Франции и тяжелое положение Англии — все это тревожило Вашингтон. Увеличивавшаяся опасность для Соединенных Штатов толкала наиболее дальновидных политиков США искать пути к улучшению советско-американских отношений.

Министр внутренних дел в кабинете Рузвельта Гарольд Икес записывал в своем дневнике еще в конце сентября 1940 г.: «Для меня непонятно, почему мы не должны сделать все, чтобы быть по возможности в самых дружественных отношениях с Россией»².

27 июня 1940 г. заместитель госсекретаря США Сэмнер Уэллес в беседе с полпредом СССР в Вашингтоне К. А. Уманским заявил: «Пора обеим нашим странам подумать не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для обеих держав будут чреватые новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений». Полпред Уманский заявил со своей стороны, что улучшению советско-американских отношений способствовал бы «подход к отношениям между СССР и США как к отношениям между великими державами»³. Это были реалистические предвидения дипломатов.

Теплым августовским вечером 1940 г. в одном из берлинских театров состоялась встреча коммерческого атташе США Эдисона Вудса, связанного с разведкой США, с одним из подданных третьего рейха. Немец принадлежал к высшему свету, был связан с директором рейхсбанка Яльмаром Шахтом, имел доступ к верховному командованию вермахта, но что особенно важно — являлся членом антигитлеровской оппозиции. Во время секретной встречи немец незаметно передал американскому дипломату листок бумаги. Когда Вудс пришел домой и развернул записку, он прочел следующие слова: «В главной ставке Гитлера состоялись совещания относительно подготовки войны против России».

¹ History of the Second World War, p. 1458.

² The Secret Diary of Harold L. Ikes. N. Y., 1954, vol. 3, p. 340—341.

³ Севостьянов П. П. Цит. соч., с. 177.

Вудс немедленно направил эту информацию в госдепартамент США. Но к ней отнеслись, как писал тогдашний государственный секретарь США Корделл Хэлл, с недоверием, поскольку Гитлер вел ожесточенную войну против Англии¹.

В январе 1941 г., вскоре после принятия плана «Барбаросса», информатор Вудса передал ему копию документа. Тогдашний шеф ФБР Э. Гувер признал его подлинным. Госдепартамент получал подтверждение информации Вудса и по другим каналам. В январе 1941 г. К. Хэлл доложил информацию о подготовке фашистской Германией нападения на СССР президенту Ф. Д. Рузвельту.

После совещания со своими подчиненными Рузвельт дал указание сообщить советскому послу в Вашингтоне К. А. Уманскому об агрессивных планах Гитлера в отношении СССР. 1 марта 1941 г. заместитель госсекретаря Уэллес вызвал Уманского и познакомил его с материалами, полученными через Вудса. По сообщению Хэлла, посол молча выслушал его и после короткой паузы поблагодарил правительство США за исключительно ценную информацию, заявив, что он немедленно сообщит ее Советскому правительству².

20 марта С. Уэллес подтвердил К. Уманскому свое сообщение от 1 марта и дополнил его рядом новых сведений.

21 июня 1941 г. государственный департамент сформулировал президенту США программу будущего в советско-американских отношениях.

«Сообщения, которые поступают относительно положения в Восточной Европе, дают ясно понять: мы не должны исключать возможности возникновения войны между Германией и Советским Союзом в ближайшем будущем. В том случае, если вспыхнет война, мы считаем, что наша политика в отношении Советского Союза... должна быть следующей:

1) Мы не должны делать предложения Советскому Союзу или давать советы, если СССР не обратится к нам...

3) Если Советское правительство непосредственно обратится к нам с просьбой о помощи, нам следует... не нанося серьезного ущерба нашим усилиям по обеспечению готовности страны, ослабить ограничения на экспорт в Советский Союз, разрешив ему получать самые необходимые военные поставки...

6) Мы не должны давать заранее обещаний Советскому Союзу относительно помощи в случае германо-советского конфликта³.

Эта программа будет воплощаться в советско-американских отношениях в начальный период Великой Отечественной войны.

¹ Cordell Hull. Memoirs. N. Y., 1948, vol. 2, p. 967—968.

² FRUS, 1941, vol. 1, p. 714.

³ Ibid., p. 766—768.

ТЕНДЕНЦИИ К РЕАЛИЗМУ В ЛОНДОНЕ

В конце 1940 — начале 1941 г. в Англии усиливаются тенденции политического реализма, вылившиеся в англо-советское сближение и в немалой степени предопределившее в дальнейшем создание антифашистской коалиции.

В. И. Ленин характеризовал Черчилля как «величайшего ненавистника Советской России»¹. Черчилль был последовательным врагом коммунистической системы. Однако на спасение Британской империи — а ее положение летом и осенью 1940 г. было катастрофичным — можно было надеяться лишь при союзе с Советской страной. Без этого союза — и это прекрасно понимал Черчилль — Гитлер рано или поздно сокрушит Британскую империю. А раз так, надо идти на сближение с Советами, приглушив свою ненависть к социалистической стране.

Подобно Черчиллю, многие реалистически мыслящие деятели консервативной, лейбористской и либеральной партий Англии выступали за сближение с Москвой, за нормализацию англо-советских отношений, над максимальным ухудшением которых так много «поработали» Чемберлен, Галифакс, Астор и другие английские реакционеры.

12 июня 1940 г. в советскую столицу прибыл новый английский посол Стаффорд Криппс. Он был известен лейбористской партии как человек, стремившийся к улучшению отношений между Лондоном и Москвой. 1 июля 1940 г. Криппс был принят Сталиным. В беседе обсуждался вопрос о военном положении в Европе, о растущей угрозе для СССР со стороны немецких фашистов, о взаимоотношениях между СССР и Германией, англо-советских отношениях².

Криппс передал Сталину личное письмо Черчилля, датированное 25 июня 1940 г. Черчилль выразил готовность английского правительства обсудить с Советским правительством «любую из огромных проблем, возникших в связи с нынешней попыткой Германии проводить в Европе последовательными этапами методическую политику завоевания и поглощения»³.

15 июля 1940 г. в Москве начались торговые переговоры между СССР и Англией.

Английские политики внимательно следили за развитием советско-германских отношений, все более и более ухудшавшихся. В конце октября 1940 г. Стаффорд Криппс от имени британского правительства заверил советских политических

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 350.

² См.: Севостьянов П. П. Цит. соч., с. 160; PRO, FO 377/29464, p. 1.

³ Churchill W. Op. cit., vol. 2, p. 120.

руководителей: «Великобритания не будет участвовать в любом нападении на СССР»¹. Это был важный шаг на пути к англо-советскому сближению.

Однако линия на сближение с СССР имела немало противников в Англии, в самом Форин-офис. Так, 22 октября 1940 г. Криппс в беседе с первым заместителем наркома иностранных дел СССР от имени английского правительства предложил заключить торговое соглашение с Англией, а затем и пакт о ненападении. Хотя Криппс подчеркнул особую доверительность этого предложения, чиновники Форин-офис немедленно довели до сведения журналистов о демарше Криппса, тем самым дезавуировав его.

Впрочем, тенденции к англо-советскому сближению хотя и медленно, но пробивали себе путь. 27 декабря 1940 г. состоялась первая встреча нового министра иностранных дел Англии Идена, сменившего мюнхенца Галифакса, с советским полпредом в Лондоне. Иден заявил: между СССР и Англией нет непримиримых противоречий и хорошие отношения между обеими странами вполне возможны. Советский полпред отметил: если Иден действительно хочет содействовать улучшению отношений между СССР и Англией, то следует ликвидировать трения в вопросе о вхождении Прибалтийских республик в СССР².

3 января 1941 г. парламентский заместитель министра иностранных дел Р. Батлер сообщил советскому полпреду, что «Иден обдумывает сейчас вопрос о том, каким путем было бы лучше всего приступить к налаживанию англо-советских отношений»³.

Особенно усиливаются тенденции к лучшему взаимопониманию между Лондоном и Москвой в первой половине 1941 г.

«ВСПЫШКА МОЛНИИ»

17 января 1941 г. объединенному разведывательному управлению Англии (в него входили представители всех трех родов войск) были доставлены новые факты о подготовке нападения фашистской Германии на СССР:

«1) Имеется немало новых признаков, говорящих о намерении Германии напасть на Россию.

2) Военные намерения Германии подтверждаются тремя главными факторами: а) военной диспозицией, б) улучшением шоссежных дорог и железнодорожных коммуникаций, в) созданием полевых складов горючего, амуниции и т. д.

¹ Daily Telegraph, 16.XI 1940.

² См.: Севостьянов П. П. Цит. соч., с. 164.

³ Там же.

3) Что касается военной диспозиции, имеющей отношение к России, следует отметить:

Норвегия. В районе севернее Нарвика, как полагают, находятся 2 немецкие дивизии...

В Финляндии усиливаются немецкие войска. Финляндия — союзник Германии.

Польша. В течение июня—августа 1940 г. число германских дивизий на ее восточной границе было увеличено с 23 до приблизительно 70 (т. е. 1,5—2 млн человек). Ведутся фортификационные работы у русско-германской границы.

Словакия. Полагают, что здесь находятся 6 дивизий.

Румыния. Полагают, что здесь в настоящее время имеется 8 немецких дивизий, значительно усиливающихся.

4) Что касается коммуникаций, то усиленно осуществляется... улучшение дорог к границам Германии с Россией на территории Польши.

5) Идет подвоз горючего и вооружения с целью операций против России»¹.

Правда, британская разведка квалифицировала переброску германских войск, военные приготовления вблизи русских границ как «нормальные». Объединенное разведывательное управление считало, что главной целью Германии все еще является разгром Англии.

В конце марта 1941 г. военный атташе в Берне сообщал в Лондон:

«Подготовка (Германии.— *Ф. В.*) к нападению на Россию пойдет полным ходом, если (в Берлине.— *Ф. В.*) придут к заключению, что нападение на Англию не будет успешным.

1) Усиленно продолжается призыв новобранцев,

2) сообщают, что формируются 3 армейские группы с временными штабами в Гамбурге, Бреслау и Берлине,

3) продолжается мобилизация новых соединений, включая 6 моторизованных корпусов,

4) формируются новые танковые части и усиливается выпуск 36-тонных танков,

5) печатаются русские деньги,

6) строятся секретные аэродромы в окрестностях Варшавы,

7) идет картографирование русско-германской границы путем аэрофотосъемок от Варшавы до Словакии...

10) идет переброска командных кадров с Запада на Восток,

11) сделано заявление инженерного офицера о том, что он тренирует свою часть на строительстве 36-тонных мостов в Восточной Пруссии,

12) идет подготовка административного аппарата в Румынии для работы в России,

¹ PRO, FO 371/29479, p. 1—2.

13) идет строительство укреплений на польско-русской границе»¹.

Эта информация была получена от секретного британского агента в Берлине.

«Гитлером, по всей вероятности, — предполагала влиятельная газета «Таймс», — овладело сильное искушение использовать свою армию в нападении на Россию».

В Англии и других странах все более усиленно муссируются слухи: фашистская Германия концентрирует свои войска на границах с СССР, перебрасывая их с Запада, строит в Польше шоссейные и железные дороги, аэродромы, проводит тайственные военные приготовления в Румынии и Финляндии.

В конце марта 1941 г. Черчиллю было сообщено о переброске германских танковых сил из Бухареста в Краков. «Для меня, — писал он, — это было вспышкой молнии, осветившей все положение на Востоке. Внезапная переброска к Кракову столь больших танковых сил, нужных в районе Балкан, могла означать лишь намерение Гитлера вторгнуться в мае в Россию»².

7 апреля объединенное разведывательное управление донесло Черчиллю: «В Европе распространяются слухи о намерении немцев напасть на Россию», Германия «будет воевать с Россией»³.

Получив эти важнейшие сведения, У. Черчилль через Идена послал письмо английскому послу в Москве Криппсу, предложив ему немедленно сообщить о них Советскому правительству. Но... по неясным причинам с этим произошла задержка. Черчилль писал Идену: «Я придаю особое значение этому личному посланию от меня к Сталину. Я не понимаю, почему сопротивляются его отправке. Посол не понимает военной значимости этих фактов»⁴. Послание Черчилля Сталину было вручено ему лишь 22 апреля. Таким образом, были потеряны почти три недели. К тому же, как писал маршал Жуков, Сталин «к этому посланию отнесся с недоверием»⁵.

4 апреля Форин-офис направил Стаффорду Криппсу телеграмму о том, что «намерение Гитлера напасть на Югославию в настоящее время отодвигает его предыдущие планы угрозы (войны. — Ф. В.) Советскому правительству. А если так, то для Советского правительства создается возможность использовать эту ситуацию для усиления своих позиций. Эта отсрочка показывает, что силы врага ограничены... Пусть Советское правительство поймет... что Гитлер рано или поздно нападет (на СССР. — Ф. В.), как только он сможет»⁶. Форин-офис поручал

¹ PRO, FO 371/29479, 24.III 1941.

² Churchill W. Op. cit., vol. 3, p. 319.

³ Ibidem.

⁴ PRO, FO 371/29479, 16.IV 1941.

⁵ Жуков Г. К. Цит. соч., т. 1, с. 290.

⁶ PRO, FO 371/29479, 6562, p. 85.

послу довести эту важнейшую информацию до сведения Сталина.

16 апреля состоялась беседа А. Идена с советским полпредом в Лондоне И. М. Майским. Речь шла об улучшении англо-советских отношений в условиях растущей угрозы Советскому Союзу со стороны фашистской Германии.

«По нашему убеждению, — говорил Иден послу, — военные устремления Германии беспредельны и включают в себя нападение на Советский Союз или в настоящее время, или спустя несколько месяцев... Имеется большое количество доказательств, свидетельствующих о его (Гитлера. — Ф. В.) решимости уничтожить СССР, и перед лицом подобной ситуации весьма желательно обсудить по-дружески вопрос об отношениях между двумя нашими странами... с целью возможного сближения»¹.

Советский посол подтвердил желание Советского правительства улучшить отношения с Англией.

Английское правительство располагало обширными сведениями о подготовке нападения Германии на СССР, поступавшими от разведорганов и по другим каналам.

В беседах, состоявшихся между Иденом и Майским 5, 10 и 13 июня 1941 г., Иден предупреждал посла «об опасности, угрожающей его стране» со стороны гитлеровской Германии. В частности, в беседе от 13 июня Иден сообщил послу: если Германия нападет на СССР, английское правительство готово будет оказать помощь Советской стране, используя английскую авиацию против немцев, а также посылкой в Москву военной миссии и оказанием практически возможной военной помощи. В ноте, направленной Иденом Советскому правительству 14 июня, сообщалось «о концентрации германских войск на советских границах»².

ТРЕВОЖНЫЕ СИГНАЛЫ ИЗ ВАРШАВЫ, АНКАРЫ, РИМА...

5 мая Сталину было доложено сообщение из Варшавы о подготовке Германии к нападению на СССР. «Военные приготовления в Варшаве и на территории Польши проводятся открыто, — указывалось в сообщении, — и о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом немецкие офицеры и солдаты говорят совершенно откровенно, как о решенном уже деле. Война должна начаться после окончания весенних полевых работ»³.

6 июня 1941 г. Сталину были представлены разведывательные данные о сосредоточении на советско-германской границе

¹ PRO, FO 371/29465, p. 6, 8.

² АВП СССР.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 6, с. 135.

немецких и румынских войск численностью до 4 млн солдат и офицеров¹.

Из авторитетных источников Анкары сообщалось: «В турецкой печати и дипломатических кругах усиливаются слухи о войне Германии с СССР. Германия сосредоточила на границе СССР 120 пехотных дивизий. Проводится срочная мобилизация в Румынии и Финляндии»².

19 июня около 16 часов в советское полпредство в Риме позвонил американский корреспондент Кинего и попросил посла Н. В. Горелкина о срочной встрече. В 18 часов эта встреча состоялась.

«Кинего без всяких предисловий заявил, что срочность его визита вызвана чрезвычайными обстоятельствами, а именно тем, что ему, Кинего, только что сообщили из источников, заслуживающих абсолютного доверия, о том, что на границе с Советским Союзом в районе Бреста и других местах Германия сконцентрировала артиллерию, танковые дивизии, пехотные части и авиацию (было указано количество войск, танков, артиллерии, самолетов) и что нападение на СССР, по его сведениям, назначено на утро в воскресенье 22 июня 1941 года»³.

Сообщения компетентным советским органам о точном сроке нападения фашистской Германии на СССР поступали даже из немецкого посольства в Москве, в том числе от коммуниста-антифашиста Герхарда Кегеля⁴.

Есть данные, что и сам посол в Москве Шуленбург сообщил о «намерении фюрера развязать войну против СССР»⁵.

Однако все эти тревожные сигналы не были оценены должным образом, и мы еще не имеем достаточно четкого представления о причинах этого.

«ДИРЕКТИВА ПО СОСРЕДОТОЧЕНИЮ ВОЙСК»

А в это время маховик гигантской военной машины фашистской Германии раскручивался все более стремительно. 31 января 1941 г. главное командование сухопутных сил утвердило «Директиву по сосредоточению войск». Эта директива ставила ближайшую задачу вермахта: расколоть фронт главных сил Красной Армии, сосредоточенных в западной части России.

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 6, с. 135.

² Волков Ф. За кулисами второй мировой войны. М., 1985, с. 114—115.

³ Письменное свидетельство присутствовавшего на беседе первого секретаря посольства М. И. Иванова, данное автору 10 февраля 1988 г.

⁴ См.: Кегель Г. В бурях нашего века. М., 1987, с. 199—200.

⁵ «Неделя», № 42, 1988, с. 21.

Намечалось два основных направления в наступлении германских войск: южнее и севернее Полесья. Севернее Полесья главный удар должны были нанести две группы армий — «Север» и «Центр».

На совещании, состоявшемся в ставке Гитлера 3 февраля 1941 г., были уточнены некоторые детали плана «Барбаросса» и отдано распоряжение о развертывании вооруженных сил по этому плану. Гитлер отменил проведение операции «Атилла» — так была закодирована операция по захвату неоккупированной территории Франции. Отменялась и операция «Феликс» — по захвату Гибралтара. Все усилия сосредоточивались на завершении подготовки войны на Востоке.

Однако начало военных операций против СССР было отложено Гитлером на четыре-пять недель: фюрер сначала планировал «прыжок» на Югославию и Грецию. Оккупация этих стран стала прелюдией к нападению на СССР.

30 апреля 1941 г. Гитлер решил начать операцию «Барбаросса» 22 июня¹.

1 июня 1941 г. верховное командование утвердило календарный план последних военных приготовлений. Были отданы соответствующие приказы армии, военно-морскому флоту и авиации.

14 июня в имперской канцелярии состоялось совещание высшего командного состава вермахта. Командующими армейскими группами, военно-морскими и военно-воздушными силами были сделаны сообщения о готовности войск к началу боевых действий².

17 июня верховное командование вооруженных сил отдало окончательный приказ о начале осуществления плана «Барбаросса» 22 июня. По условному сигналу «Дортмунд» немецко-фашистские армии должны были напасть на Советский Союз.

К лету 1941 г. в рядах немецко-фашистских вооруженных сил насчитывалось свыше 8500 тыс. человек — почти вдвое больше численности Советских Вооруженных Сил. 1 июня мобилизация и развертывание сухопутных сил были завершены. Для осуществления плана «Барбаросса» предназначались 152 немецкие и 29 румынских и финских дивизий. Общая численность войск фашистской Германии и ее сателлитов на Востоке составляла 5,5 млн солдат и офицеров. На их вооружении находилось более 47 тыс. орудий и минометов, около 2800 танков, 4950 самолетов, сотни боевых кораблей³.

История войн не знала примера, когда бы к началу войны было сосредоточено такое колоссальное количество людей и техники!

¹ См.: Нюрнбергский процесс, 2-е изд., т. 1, с. 397.

² См. там же, с. 400.

³ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 34—35.

Накануне войны Коммунистическая партия и Советское правительство провели огромную работу по укреплению обороноспособности нашей Родины, подготовке к отражению фашистской агрессии. В короткие сроки были созданы практически заново тяжелая индустрия, включая машиностроение, оборонную промышленность, современное по тем временам химическое производство, выполнен план ГОЭЛРО.

«Индустриализация одним рывком вывела страну на качественно новый уровень. К концу 30-х годов Советский Союз по выпуску промышленной продукции вышел на первое место в Европе и на второе место в мире, став поистине великой индустриальной державой. Это был трудовой подвиг всемирно-исторического значения... подвиг партии большевиков»¹.

В 1940 г. в СССР выплавлялось 18,3 млн тонн стали (а за первое полугодие 1941 г. — 11,4 млн тонн), 14,9 млн тонн чугуна, добывалось 31,1 млн тонн нефти. Выработка электроэнергии по сравнению с 1913 г. увеличилась в 25 раз, составив 48,3 млрд киловатт-часов. Объем станкостроительной промышленности в 1940 г. превысил уровень 1913 г. в 39 раз².

Однако, поскольку гитлеровская Германия поработила к июню 1941 г. одиннадцать стран Европы и поставила их ресурсы на службу агрессии, соотношение сил между СССР и фашистским блоком складывалось не в пользу Советского государства.

В 1941 г. в Германии вместе с оккупированными территориями выплавлялось 31,8 млн тонн стали — почти вдвое больше, чем в СССР³.

Станочный парк Германии в три раза превосходил советский — в 1941 г. парк металлорежущих станков составил 1700 тыс.⁴

Несомненно, промышленность СССР могла полностью обеспечить Красную Армию оружием и снаряжением. Но разработанный и принятый Советским правительством мобилизационный план был рассчитан на перестройку промышленности на военный лад в течение второй половины 1941 г. и в 1942 г. Требовалось значительное время, чтобы превратить военный потенциал в военную мощь, перевести советскую промышленность на военные рельсы для производства всех видов вооружения и боевого снабжения.

За 1939 г. — первую половину 1941 г. советская промышленность произвела 17 тыс. боевых самолетов старых и новых

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 18.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 3, с. 376, 377.

³ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945, т. 1, с. 374.

⁴ См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 377.

типов — больше, чем Германия, 7600 танков, более 80 тыс. орудий и минометов¹. Правда, Германия выпускала самолеты новых типов.

По сравнению с 1938 г. к июню 1941 г. более чем в три раза увеличился численный состав Красной Армии. В условиях явно обозначившейся опасности нападения фашистской Германии на СССР численный состав наших Вооруженных Сил достиг к июню 1941 г. 4,6 млн человек².

Существовали мобилизационные планы и планы стратегического развертывания. Весной 1941 г. (в феврале—апреле) оперативный план был переработан, хотя и в нем наиболее опасным стратегическим направлением считалось юго-западное — Украина, а не западное — Белоруссия.

НАКАНУНЕ ВТОРЖЕНИЯ

Положение на советско-германской границе, особенно весной и в начале лета 1941 г., было крайне напряженным.

Советский Союз скрупулезно соблюдал договор о ненападении с Германией. Советское правительство добилось определенных успехов в разрешении некоторых проблем советско-германских отношений. 10 июня 1940 г. была подписана советско-германская конвенция о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов. К декабрю 1940 г. была завершена демаркация советско-германской границы. 11 января 1941 г. были подписаны труднообъяснимые соглашения между СССР и Германией о переселении из Прибалтики лиц немецкой национальности. По словам видного деятеля спецслужб Де Йонга, это означало ущемление интересов абвера³. Однако многие из высылаемых не имели никакого отношения к немецкой разведке.

Советско-германские отношения становились все более напряженными. Активизировали свою подрывную работу фашистские разведслужбы. Характерны такие данные: в течение года, предшествовавшего нападению гитлеровской Германии на СССР, пограничные войска в западных военных округах задержали около 5000 вражеских агентов и уничтожили немало хорошо вооруженных банд⁴.

С января 1941 г. до начала войны было зарегистрировано 152 случая нарушения советской границы немецко-фашистскими самолетами⁵. С 1 января по 10 июня 1941 г. было

¹ См.: Розанов Г. План «Барбаросса». М., 1970, с. 90.

² См.: 9 мая 1945 года. М., 1970, с. 19.

³ Де Йонг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958, с. 353.

⁴ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 1, с. 478.

⁵ См. там же, с. 479.

задержано 2080 нарушителей границы со стороны Германии¹. Советское правительство протестовало против этих нарушений, предупреждало о возможности серьезных последствий инцидентов.

В мае—июне 1941 г. в распоряжении советских разведорганов имелось большое количество неопровержимых фактов интенсивной подготовки фашистской Германии к нападению на СССР. Речь шла лишь о том, когда именно Гитлер совершит нападение. Весной 1941 г. Генеральным штабом РККА совместно со штабами военных округов и флотов был разработан План обороны государственной границы 1941 г. План был утвержден наркомом обороны и доведен до военных советов пограничных округов.

В феврале 1941 г. Советским правительством был утвержден план мобилизации Вооруженных Сил.

С начала мая 1941 г. происходило сосредоточение части сил Красной Армии ближе к западной границе. «Из глубины страны,— писал в своих мемуарах С. М. Штеменко,— на запад перебрасывалось пять армий: 22-я под командованием генерала Ф. А. Ершакова, 20-я под командованием Ф. Н. Ремезова, 21-я под командованием В. Ф. Герасименко, 19-я под командованием И. С. Конева и 16-я армия под командованием М. Ф. Лукина»².

Однако сосредоточение войск происходило недостаточно быстро. Маршал Жуков писал: «Нам было категорически запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи по плану прикрытия без личного разрешения И. В. Сталина»³.

Сыграли свою роль просчеты, допущенные в оценке возможного времени нападения на Советскую страну фашистской Германии. Сталин понимал: война неизбежна, но ошибался в сроках ее начала. Он «ошибочно полагал, что в ближайшее время Гитлер не решится нарушить договор о ненападении...»⁴.

Этим можно объяснить, что войска западных военных округов не были своевременно приведены в состояние полной боевой готовности. Сталин опасался дать германским фашистам предлог для нападения, рассчитывая оттянуть столкновение с Германией.

Позднее, в августе 1942 г., во время встречи с Черчиллем в Москве Сталин сказал: он знал, что война начнется, но «хотел получить еще шесть месяцев для подготовки к этому нападению»⁵.

¹ См.: Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941 года, с. 390.

² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1985, с. 26.

³ Жуков Г. К. Цит. соч., т. 1, с. 299.

⁴ История внешней политики СССР, 1917—1985, т. 1, с. 428.

⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1983, т. 1, с. 283.

Маршал А. М. Василевский пишет в своих воспоминаниях: «Оправданно поставить вопрос: почему Сталин, зная о явных признаках готовности Германии к войне с нами, все же не дал согласия на своевременное приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность?»

Он так отвечает на этот вопрос: «...хотя мы и были еще не совсем готовы к войне... но, если реально пришло время встретить ее, нужно было смело перешагнуть порог. И. В. Сталин не решился на это...»¹

Если бы к тем гигантским усилиям партии и народа по подготовке страны к отражению фашистской агрессии «добавить своевременное отмобилизование и развертывание Вооруженных Сил, перевод их полностью в боевое положение в приграничных округах, военные действия развернулись бы во многом по-другому»².

Только в мае 1941 г. Генеральный штаб РККА дал директиву выдвинуть значительные силы армии на запад. Перед самой войной около 170 дивизий (более половины численности всей Красной Армии) находилось в западных приграничных округах. Войска были рассредоточены на огромной территории: до 4,5 тыс. километров по фронту и до 400 километров в глубину. Дивизии вторых эшелонов находились от границы в 50—100 километрах, а соединения резерва — в 150—400 километрах. При этом все танковые дивизии входили в состав вторых эшелонов и резервов. В группировке советских войск слабым был первый эшелон, недостаточно нацеленными оказались резервы. Второй стратегический эшелон еще не был полностью развернут. Большое количество мобилизационных запасов находилось вблизи приграничной полосы и в первые дни войны неизбежно попадало под удары немецко-фашистских войск³.

Советское правительство прилагало все усилия, чтобы с помощью дипломатических средств затруднить нападение Германии на СССР, совершало политический зондаж, выясняя намерения Германии. С этой целью 14 июня 1941 г. было опубликовано сообщение ТАСС. В нем заявлялось, что распространяемые иностранной печатью слухи «о близости войны между СССР и Германией» не имеют никаких оснований. Далее в сообщении отмечалось: «Происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям»⁴.

¹ *Василевский А.* Дело всей жизни. М., 1978, с. 106.

² Там же, с. 107.

³ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 54.

⁴ Известия, 1941, 14 июня.

В сообщении Советский Союз ясно подтвердил свою верность пакту о ненападении с Германией. «СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными»¹.

Сообщение ТАСС не было опубликовано в немецкой печати, что явилось лишним подтверждением агрессивных планов Германии, закончившей подготовку войны с СССР.

К сожалению, сообщение ТАСС имело свои отрицательные последствия, ослабляя бдительность советского народа, командования Красной Армии. «Тревожное настроение, достигшее особой остроты к середине месяца,— писал Л. Сандалов,— как-то было приглушено известным заявлением ТАСС»².

Историю, как известно, «переиграть» нельзя. И факт остается фактом. Вплоть до рокового дня начала войны Советское правительство считало крайне важным соблюдать величайшую осторожность, предотвращать возможные провокации со стороны фашистской Германии, и меры по приведению Вооруженных Сил СССР в полную боевую готовность были приняты слишком поздно.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ПЕРЕД НАПАДЕНИЕМ

Вечером 21 июня состоялась беседа наркома иностранных дел СССР Молотова с немецким послом в Москве Шуленбургом³. Советское правительство сделало еще одну попытку добиться ясности в вопросе о состоянии отношений с Германией. Нарком снова говорил Шуленбургу о слухах о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом. Его интересовало: чем вызвано нынешнее положение в отношениях между Германией и СССР? Нарком также спросил, чем вызван массовый отъезд из Москвы в последние дни сотрудников германского посольства и их жен. Шуленбург, разумеется, знал, чем вызвано это положение, но, не имея инструкций из Берлина, на вопрос не ответил.

Поздно вечером 21 июня Шуленбург получил телеграмму от Риббентропа. В ней содержался приказ: «По получении этой телеграммы весь шифрованный материал... подлежит уничтожению. Радиостанцию привести в негодность».

В этот же день советский полпред в Берлине добивался приема у Риббентропа, но не был принят им. Вместо Риббентропа посла принял статс-секретарь Вейцзекер. Полпред вручил ноту

¹ Известия, 1941, 14 июня.

² Сандалов Л. Пережитое. М., 1960, с. 78.

³ См.: История дипломатии, т. 4, с. 180.

протеста против нарушения советской границы германскими самолетами. Вейцзер, прекрасно зная о близкой войне с СССР, упрямо отрицал очевидные факты.

До начала вероломного нападения Германии на СССР оставались считанные часы. Органы государственной безопасности, разведка и командование пограничных войск известили Сталина: «Нападение фашистской Германии на СССР произойдет 21—22 июня»¹.

В последние часы перед нападением Германии на СССР был получен ряд новых данных, неопровержимо свидетельствующих: события развернутся ранним утром 22 июня. Так, в 23 часа на 4-м участке, занимаемом Владимир-Волыньским погранотрядом, был задержан солдат 222-го саперного полка Альфред Лисков, добровольно перебежавший на нашу сторону. Он сообщил командованию отряда: в ночь с 21 на 22 июня немецкая армия перейдет в наступление². Об этом было немедленно доложено начальнику погранвойск Киевского военного округа, а также в штаб армии в Луцке. Тогда же начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант Пуркаев сообщил, что «немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня»³.

Поздно вечером командующему войсками Западного особого военного округа Д. Г. Павлову руководители разведки сообщили: немецкие войска на границе приведены в полную боевую готовность и даже начали обстрел отдельных участков нашей границы. Павлов не поверил этому сообщению⁴.

Подобно Альфреду Лискову, покинули свои воинские подразделения и сообщили о готовящемся фашистском нападении на СССР немецкие коммунисты Ганс Циппель, Макс Эммендорфер и Франц Гольд. О грозящей СССР опасности предупредили члены экипажа Ю-88 Герман, Кратц, Шмидт и Аппель, посадившие свой самолет на аэродром в Киеве за несколько часов до начала войны⁵.

О скором нападении Германии на СССР сообщали перебежчики, доставленные к командованию Дунайской военной флотилии⁶.

На рассвете 22 июня в воинских частях немецко-фашистской армии, стянутых к границам СССР, был зачитан приказ Гитлера о начале войны. Немедленно после этого унтер-офицер Вильгельм Шульц, коммунист из Эйзенаха, бросился вплавать через реку Буг к советским пограничникам. Гитлеровцы

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 6, с. 135.

² См.: Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941 года, с. 404.

³ Жуков Г. К. Цит. соч., т. 1, с. 299.

⁴ См.: Болдин И. В. Страницы жизни. М., 1961, с. 81.

⁵ См.: Абрахимов П. 300 метров от Бранденбургских ворот. М., 1983, с. 95.

⁶ См.: Военно-исторический журнал, 1962, № 2, с. 80.

открыли по нему огонь. Шульц был смертельно ранен, но нашел в себе силы выбраться на берег. «Друзья,— сказал он советским пограничникам,— я коммунист. Сейчас начнется война. На вас нападут, будьте бдительны, товарищи»¹. Шульц выполнил свой долг коммуниста-интернационалиста. Он умер за полчаса до агрессии.

Около 2 часов дня 21 июня И. В. Сталин позвонил командующему Московским военным округом генералу армии И. В. Тюленеву и потребовал повысить боевую готовность противовоздушной обороны². Тюленев отдал приказ генералу М. С. Громадину привести ПВО в полную боевую готовность. В 17 часов вечера нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г. К. Жуков были вызваны к Сталину. За одиннадцать часов до нападения фашистской Германии на СССР было решено: предупредить командование пограничных военных округов и военно-морских флотов о грозящей опасности и привести Вооруженные Силы в полную боевую готовность.

Директива гласила:

«1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко, Жуков»³.

¹ Розанов Г. Цит. соч., с. 81.

² См.: Кузнецов Н. Г. Цит. соч., с. 329.

³ Вторая мировая война. Краткая история, с. 117.

В тот момент, когда до нападения на СССР оставались считанные часы, советское военное командование приказывало «не поддаваться на провокации»...

Директива о приведении войск в полную боевую готовность поступила на телеграф в 23 часа 45 минут 21 июня, то есть за 4 часа 15 минут до начала войны¹.

Около 23 часов 30 минут по указанию наркома обороны нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов отдал приказ: объявить оперативную готовность № 1. В журнале боевых действий Балтийского флота записано: «23 часа 37 минут 21 июня объявлена оперативная готовность № 1». По Черноморскому флоту оперативная готовность № 1 была объявлена в 1 час 15 минут 22 июня². Северный флот перешел на оперативную готовность № 1 в 4 часа 25 минут утра 22 июня.

Ранним утром 22 июня 1941 года гитлеровская Германия без объявления войны, нарушив пакт о ненападении, вероломно напала на Советский Союз. Около четырех часов утра тысячи немецких орудий открыли огонь по советским пограничным заставам, по войсковым штабам, укреплениям, узлам связи и районам расположения частей и соединений Красной Армии. Одновременно тысячи бомбардировщиков со свастикой на крыльях вторглись в воздушное пространство СССР. Фашистские летчики, до этого бомбившие Лондон и Ковентри, Дюнкерк и Страсбург, Бирмингем и Кале, обрушили массированные бомбовые удары на города Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии — Киев, Минск, Ригу, Каунас, Севастополь, Житомир и многие другие советские города.

Лишь в 4 часа утра, когда фашистские войска уже вели бои на территории СССР, Риббентроп передал полпреду СССР в Берлине заявление об объявлении войны Германией. Посол твердо заявил: «Это наглая, ничем не спровоцированная агрессия. Вы еще пожалеете, что совершили разбойничье нападение на Советский Союз»³.

Вместе с гитлеровской Германией в войну против Советского Союза вступили ее союзники — Италия, Румыния, Финляндия, Венгрия. Правительство Виши разорвало дипломатические отношения с СССР. Милитаристская Япония, прикрываясь мнимым нейтралитетом, выжидала удобного момента для нападения на СССР.

Разбойничий план «Барбаросса» начал осуществляться на полях кровавых сражений.

Советский народ по призыву Коммунистической партии поднялся на справедливую Отечественную войну.

¹ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 60.

² См.: Кузнецов Н. Г. Цит. соч., с. 331, 333.

³ Абрахимов П. Цит. соч., с. 101—103.

Началась одна из самых тяжелых, кровопролитных войн, какие когда-либо пришлось пережить народам нашей великой Родины за всю ее многовековую историю.

«Главные итоги внешнеполитической деятельности Коммунистической партии и Советского правительства в первый период второй мировой войны — с сентября 1939 по июнь 1941 г. — состояли в том, что почти на два года удалось уберечь советский народ от урагана мировой войны и выиграть довольно значительное время, которое было использовано для укрепления обороноспособности страны, ограничения сферы германской агрессии и оказания братской интернациональной помощи народам, которым угрожало фашистское порабощение»¹.

¹ Вторая мировая война. Краткая история, с. 113.

Глава VI

ЗА СПИНОЙ СОЮЗНИКА

С КЕМ ПОЙДУТ АНГЛИЯ И США!

Сообщение о нападении фашистской Германии на Советский Союз было получено британским премьером Уинстоном Черчиллем в 8 часов утра 22 июня в его загородной резиденции Чекерс, куда он прибыл в субботу.

Уинстон Черчилль располагал неопровержимой информацией, поступавшей в середине июня по дипломатическим и разведывательным каналам: нападение Германии на СССР — вопрос дней.

За неделю до вторжения Германии «бывший военный моряк» — так Черчилль именовал себя в тайной переписке с президентом США Франклином Рузвельтом — писал ему: «Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе и из самых надежных, в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию. Главные германские армии дислоцированы на всем

протяжении от Финляндии до Румынии, и заканчивается сосредоточение последних авиационных и танковых сил»¹.

В субботу 21 июня в Чекерсе гостями У. Черчилля были американский посол в Англии Д. Уайнант, министр иностранных дел А. Иден. Здесь же был личный секретарь Черчилля Колвилл. За обедом Черчилль с таинственным видом сообщил гостям о неизбежности скорого нападения Германии на Советский Союз². Прогноз его оправдался через несколько часов.

После 22 июня миллионы людей десятков стран, и особенно советских людей, волновал вопрос: объединят ли военные усилия Англия и США с Советским Союзом в борьбе с фашистской Германией, или они вступят с ней в военную коалицию и создадут единый фронт капиталистических держав против социалистического государства?

Ни для кого не было секретом — британский премьер Уинстон Черчилль всегда был ярким противником Советской республики и всеми силами и средствами стремился уничтожить ее. Его личный биограф Льюис Брод признавал: «Ни один англичанин не воевал против большевизма с большей настойчивостью, чем Черчилль»³.

Об этой ненависти британского премьера к СССР было известно немецким и итальянским лидерам фашизма. Поэтому не случайно, совершив нападение на Советский Союз, фюрер надеялся, что ему удастся изолировать Советскую страну на международной арене и даже сколотить против нее единый блок капиталистических держав.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОСЧЕТ ГИТЛЕРА

Но здесь Гитлер совершил грубый политический просчет: противоречия между фашистской Германией, Италией, Японией и их соперниками, обостренные борьбой за передел мира, источники сырья и сферы приложения капитала, оказались непримиримыми.

Правящие круги Англии и США объективно сложившейся ситуацией подталкивались на союз с Советской страной, с теми самыми большевиками, которых так ненавидел Черчилль⁴. Реалист в политике, а он мог быть им, понимал, что Англия не могла одержать победу или просто выстоять после военного поражения под Дюнкерком, разгрома Франции, воздушных атак люфтваффе без решающей поддержки Советского Союза. Это

¹ *Churchill W.* Op. cit., vol. 3, p. 330.

² *Ibid.*, p. 331.

³ *Broad L.* Winston Churchill. L., 1945, p. 328.

⁴ *Churchill W.* Op. cit., vol. 3, p. 106; История второй мировой войны, 1939—1945, т. 4, с. 15.

признавалось в полуофициальных изданиях Королевского института международных отношений. «Сомнительно, чтобы Соединенное королевство смогло выжить, даже при поддержке всего Содружества наций и Соединенных Штатов»¹.

Непреложным было то, что судьбы Англии, Европы и всего мира зависела от исхода борьбы СССР с фашистскими государствами. «Нападение на СССР, — писала 23 июня «Таймс», — является дальнейшим мероприятием по подготовке решительного нападения на Англию. Германское вторжение в СССР является новым шагом на пути установления Гитлером мирового господства».

Смертельная опасность для самого существования Англии и всей Британской империи, для будущего США повелительно диктовала правительствам этих стран пойти на союз с социалистическим государством против капиталистических, но фашистских государств. СССР не представлял угрозы Англии и США (там это, вопреки пропагандистским кампаниям, хорошо понимали), а фашистские государства — Германия, Италия и Япония непосредственно угрожали им. Союз антифашистских государств был нужен всем, кто был заинтересован в разгроме фашизма. Диалектика и логика мирового общественного развития оказалась сильнее личных симпатий или антипатий буржуазных политиков.

Надежды Гитлера на сговор с Англией и нейтрализацию США потерпели крах. Это был крупнейший политический просчет стратегии фашистских политиков, стоивший им очень дорого, ставший для них роковым.

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Когда Черчиллю сообщили о вторжении Гитлера в Россию, это известие вызвало у премьера чувство облегчения, поскольку он понимал: после вступления в войну СССР Англия «уже больше не одинока»². Немедленно он вызвал к себе наиболее близких членов военного кабинета — Идена, министра военного снабжения, лорда Бивербрука, а также английского посла в Москве Стаффорда Криппса. На узком совещании было решено выступить с заявлением о поддержке СССР в войне с фашистской Германией.

Черчилль, Бивербрук, Криппс начали готовить заявление, с которым в 9 часов вечера премьер намеревался выступить по радио. В ходе его подготовки обнаружились расхождения в оценке способности Советской страны к отражению фашистской агрессии. Только за 20 минут до начала выступления Чер-

¹ United Kingdom Policy: Foreign, Strategic, Economic. L., 1950, p. 41.

² Thompson W. Assignment. Churchill. N. Y., 1961, p. 215.

чилля текст заявления был окончательно согласован¹. Черчилль умел говорить речи. Он захватывал аудиторию не цветистостью и образностью своей речи, а логикой, аргументированностью, сочностью. «Казалось, — вспоминал Эллиот Рузвельт, — стоило взять его слова в руки и сжать их, чтобы брызнул сок»². Во время речи Черчилль не расставался с неизменной сигарой, задорно торчащей кверху и ловко перебрасываемой из одного угла рта в другой; руки его выразительно рубили воздух, глаза сверкали.

У. Черчилль обрушился на «жестокий, алчный фашистский режим» с его стремлением к расовому господству. «Я вижу, — говорил он, — русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен... Я вижу десятки тысяч русских деревень... и как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина»³.

Черчилль и его наиболее дальновидные единомышленники понимали степень угрозы не только для СССР, но и для Англии и США, исходившей от фашистской Германии.

«Опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара... Его (Гитлера. — Ф. В.) вторжение в Россию — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова».

В сложившейся обстановке нацистская Германия представляла смертельную угрозу для Британии, а Советский Союз ни в малейшей степени не посягал на ее интересы. «У нас, — продолжал Черчилль, — лишь одна-единственная жизненная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима... Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, наши враги... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем»⁴.

Черчилль заключил свою речь словами о решимости Англии сражаться с Гитлером на суше, на море и в воздухе, извратить «землю от самой тени его», «бороться сообща, сколько хватит сил и жизни»⁵.

Помогая СССР, Англия спасала свою независимость и суверенитет, защищала себя от фашистского порабощения.

Подобные же мотивы определяли политику Соединенных Штатов в отношении Советского Союза. В день нападения Гер-

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 3, p. 331.

² Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947, с. 45.

³ Churchill W. Op. cit., vol. 3, p. 332.

⁴ Ibid., p. 332—333.

⁵ Ibid.

мании на СССР сенатор-демократ Пеппер заявил: «Мы должны уничтожить Гитлера, или он уничтожит нас». Военный министр США Стимсон предупреждал правительство после нападения фашистской Германии на СССР о возросшей для страны опасности. Президент Франклин Делано Рузвельт признавал: защита «СССР... является жизненной необходимостью для защиты Соединенных Штатов»¹.

Еще за несколько дней до нападения фашистской Германии на СССР Рузвельт известил Черчилля через посла Уайнанта о своем желании «приветствовать Россию как союзника»². Заявление о поддержке СССР Соединенными Штатами было сделано исполнявшим обязанности госсекретаря С. Уэллесом, подтвердившим: «Гитлеровские армии сегодня — главная опасность для американского континента». 24 июня президент Рузвельт заявил вслед за Черчиллем и С. Уэллесом, что США окажут помощь СССР в борьбе против Германии³.

АНГЛИЧАНЕ И АМЕРИКАНЦЫ ЗА ПОЛИТИКУ ПОМОЩИ СССР

Подобная позиция Черчилля и Рузвельта — о решимости вести борьбу с фашистской Германией, оказать помощь СССР — нашла поддержку у членов парламента, конгресса, в широких слоях английского и американского народа. 72 процента жителей США высказались за победу СССР над Германией.

24 июня в английском парламенте открылись специальные дебаты по вопросу «О германском вторжении в Россию». Открывая их, министр иностранных дел Иден сделал от имени правительства заявление: «Коварная атака на Советский Союз и нарушение неоднократных торжественных обещаний в конечном счете доказывают человечеству... наличие нацистских планов завоевания мирового господства... Все должны понимать... величайшую и непосредственную угрозу своей безопасности, пока существует нацизм». Иден призвал депутатов объединить с «русскими, борющимися за свою землю», усилия и «противостоять агрессии Гитлера»⁴. Выступивший вслед за Иденом депутат Ли Смит подчеркнул: «Нападение на Россию является частью единого плана нападения на Россию и на нашу страну»⁵.

Депутаты от всех партий почти единодушно поддержали позицию кабинета.

От имени рабочих страны выступил в парламенте лидер коммунистов Англии Уильям Галлахер. Он требовал, чтобы

¹ Documents on American Foreign Relations. Jule 1941 — June 1942. B., 1943, vol. 4, p. 607.

² Churchill W. Op. cit., vol. 3, p. 330.

³ Цит. по: Правда, 1941, 25 июня.

⁴ Parliamentary Debates. House of Commons, 1941, vol. 372, col. 975.

⁵ Ibid., col. 975, 977.

правительство «теснее и активнее сотрудничало с Советским Союзом, чтобы... уничтожить фашизм в любой форме и обеспечить длительный, демократический, народный мир»¹.

Героическая борьба советского народа против немецко-фашистских полчищ, начавшаяся в труднейшей обстановке, вызвала сочувствие и активную поддержку всего прогрессивного человечества. Трудящиеся всего мира понимали: на советско-германском фронте решается не только судьба СССР, но и их судьбы, дело национальной независимости и свободы всех народов. И они стремились своей поддержкой СССР выполнить интернациональный долг в отношении первого в мире социалистического государства.

Во главе борьбы против фашистских агрессоров шли коммунистические партии. Компартии Англии и США требовали от правительств своих стран немедленного создания мощной коалиции государств для совместной борьбы с гитлеровской Германией. «Дело Советского Союза, — гласила декларация Компартии Англии, — дело трудящихся народов всего земного шара, дело свободы и социализма».

Коммунисты США также выступили за «полное и неограниченное сотрудничество США, Англии и СССР».

Выступления трудящихся капиталистических стран в поддержку Советского Союза явились одним из решающих факторов, подготовивших создание антифашистской коалиции.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ПОСОБНИКИ ГИТЛЕРА

Думая об антифашистской коалиции, правящие круги Англии и США не переставали быть врагами социализма. Было бы наивно считать, что Черчилль, глубоко ненавидевший коммунистическую идеологию, в корне изменил свое отношение к Стране Советов.

Даже в речи, произнесенной 22 июня о намерении Англии помочь СССР, он не скрывал своей ненависти к коммунизму. «За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем»².

В ходе Великой Отечественной войны Черчилль последовательно осуществлял свой стратегический план — добиться максимального ослабления врага № 1 — фашистской Германии и истощения союзника военного времени — Советского Союза, с тем чтобы, придя к столу победы, продиктовать свою волю и победителям и побежденным.

¹ Parliamentary Debates. House of Commons, 1941, vol. 372, col. 988.

² Churchill W. Op. cit., vol. 3, p. 332.

Если официальное положение обязывало У. Черчилля быть сдержанным, его сын Рандольф заявил: «Идеальным исходом войны на Востоке был бы такой, когда последний немец убил бы последнего русского и растянулся мертвым рядом»¹.

В США подобное же высказывание принадлежит сенатору Гарри Трумэну, позднее ставшему президентом. «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше»².

Как сообщал советский посол в США К. Уманский, сам «Рузвельт, правительственный лагерь в целом и рузвельтовское большинство в конгрессе заняли сегодня по вопросам германского нападения на нас выжидательную позицию». Для Рузвельта «перспектива победы немцев... неприемлема, ибо угрожает Англии и в конечном счете планам США, перспектива же нашей «слишком» сокрушительной победы и влияние на всю Европу его пугает с классовых позиций»³.

В правительстве Черчилля, в администрации Рузвельта, в английском парламенте и конгрессе США, на ответственных дипломатических постах, в высших аристократических салонах Лондона и Вашингтона было немало людей, которые благословляли нападение Германии на Советский Союз, считая его «даром providения».

Поход Гитлера на СССР был давнишней мечтой всех пособников фашизма. Об этом откровенно писали в сотнях статей американский газетный король Вильям Рандольф Херст и его единомышленники Роберт Маккормик и Джозеф Паттерсон.

Известие о нападении Гитлера на СССР вызвало ликование в лагере изоляционистов США, видевших в бесноватом фюрере «единственный оплот против большевизма»⁴. Волна антисоветской истерии охватила созданный еще в 1940 г. изоляционистский комитет «Америка — прежде всего», возглавленный генералом Робертом Вудом, автомобильным королем Генри Фордом, сенаторами Бертоном Уилером, Джеральдом Наем, членами палаты представителей Гамильтоном Фишем, Клэром Гофманом и Стивеном Дэем. Ярым пронацистом был известный американский летчик, совершивший перелет через океан, Чарлз Линдберг, призывавший объединиться с фашистской Германией⁵.

Ч. Линдберг, Г. Фиш, Б. Уилер, Дж. Най — представители антирузвельтовской фашиствующей группировки и другие

¹ Краминов Д. Правда о втором фронте. Петрозаводск, 1960, с. 30.

² New York Times, 24.VI 1941.

³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1984, т. 1, с. 43.

⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. М., 1959, т. 1, с. 495.

⁵ См.: Русс К. Тотальный шпионаж, с. 416—418.

реакционеры энергично выступали против помощи Советскому Союзу в его трудной борьбе. Открытых и замаскированных агентов фашизма в США поддерживал сенатор Тафт.

Против помощи СССР активно выступали члены американской секции «международного комитета борьбы с мировой угрозой коммунизма» Уолтер Коул, Уолтер Стил, Арчибальд Стивенсон и другие. В публичной брани по адресу СССР изощрялся давний антисоветчик, верный Уолл-стриту профсоюзный босс — вице-президент Американской федерации труда Мэтью Уолл.

Бывший президент США Герберт Гувер цинично заявил: «Говоря по правде, цель моей жизни — уничтожение Советской России»¹.

Даже в самой администрации Рузвельта, в госдепартаменте США была довольно сильная группировка, выступавшая против любой американской помощи СССР².

Подобные взгляды всецело разделялись английскими реакционерами. Министр авиационной промышленности в правительстве Черчилля Мур-Брабазон заявил о заинтересованности Англии в обескровлении СССР и Германии, после чего Англия займет господствующее положение в Европе.

Антисоветские воззрения разделяли и активно поддерживали Гитлера посол Англии в США лорд Галифакс, посол во франкистской Испании Самуэль Хор, депутаты парламента Локкер Лэмпсон, генерал Альфред Нокс, члены махрово-реакционной «группы имперской политики», тесно связанные с фашистскими организациями в Англии, возглавленными Освальдом Мосли. Их поддерживали представители клайвденской клики и многие другие пронацистски настроенные деятели.

«Давние враги Советского Союза, — писал леволейбористский журнал «Трибюн», — все еще имеют силу и влияние в Англии»³. Именно поэтому депутат-коммунист У. Галлахер решительно требовал вывести из состава английского правительства «всех мюнхенцев и предателей».

КОАЛИЦИЯ НАРОДОВ И ГОСУДАРСТВ

Однако, как ни сочувствовали в душе подобным воззрениям профашистских элементов Черчилль и его единомышленники в Англии и США, политические соображения диктовали им в то время необходимость оказывать поддержку СССР. «Вынужденное вступление СССР в войну с Германией ускорило

¹ Русс К. Тотальный шпионаж, с 396.

² См.: Шервуд Р. Цит. соч., т. 1, с. 496.

³ Tribune, 23.X 1941.

объединение антифашистских сил. Советское правительство всемерно способствовало сплочению всех стран и народов для борьбы с агрессивным блоком»¹.

Под давлением народных масс и с учетом соотношения сил на мировой арене правящим кругам Англии и США, какими бы сильными ни были реакционные воззрения и корыстные расчеты некоторых империалистических политиков, все-таки пришлось встать на путь поддержки Советского Союза, пойти на создание антифашистской коалиции.

Созданию этой коалиции в весьма большой степени содействовала внешняя политика СССР накануне второй мировой войны. Сейчас появилось немало охотников утверждать, что СССР действовал как-то «не так» в конце 30-х годов. Но история выявила совершенно непреложный факт. Создание антифашистской коалиции подготовлялось неустанной борьбой СССР за мир и коллективную безопасность, против планов поборников «умиротворения агрессоров», фактически подталкивавших Гитлера на путь развязывания войны.

Антифашистская коалиция была, с одной стороны, союзом народов против фашистских государств, а с другой — союзом государств с различным социально-экономическим строем. Социалистическое государство — СССР вступил в военный союз с капиталистическими государствами — США, Англией и другими странами. Благодаря Советскому Союзу антифашистская коалиция стала союзом миллионов людей, поднявшихся на борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Краеугольным камнем этой коалиции явилось подписанное в Москве в июле 1941 г. по инициативе Советского правительства «Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии». В нем предусматривалось: оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии (простые люди СССР и Англии видели в этом реальную возможность заставить Германию воевать на два фронта). Стороны торжественно обязались не вести переговоров, не заключать перемирия или мирного договора без обоюдного согласия.

«Великая коалиция, — писал американский военный историк Мэтлофф, — выкованная в войне и для войны, сложилась в 1941—1942 годах. Это был военный союз, напоминавший «брак по расчету». Общая опасность объединила в 1941 году Соединенные Штаты, Англию и Советский Союз, но из-за различий в традициях, политике, интересах, географическом положении и ресурсах каждая страна — участница коалиции смотрела на войну в Европе по-своему»².

¹ История второй мировой войны, 1939—1945, т. 4, с. 163.

² Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». М., 1964, с. 22.

Дело, конечно, не в «традициях» или «географическом положении». Разногласия возникали из-за различных политических интересов, классовых противоречий, различия целей войны ее участников с германским фашизмом.

Главной целью Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровских агрессоров являлся разгром фашизма, ликвидация смертельной угрозы, нависшей над Советской страной. Речь шла о том, быть или не быть Советской власти, быть или не быть народам СССР свободными или попасть под тяжкое иго варварского фашизма. Но речь шла также и об освобождении народов Европы, изнывавших под гнетом фашизма.

Цели правящих кругов Англии и США были иными. Они стремились не к освобождению поработенных народов Европы, освобождению колониальных стран. Их первостепенной задачей было сохранение классовых интересов Британской империи, Соединенных Штатов Америки, устранение Германии, Японии как опасных конкурентов на мировых рынках.

Различие в целях войны породило немало трудностей в антифашистской коалиции, противоречий между ее участниками, которые не согласовывались с общесоюзническими задачами. А нередко народы СССР и Англии, США и Франции дорого платили за политические интриги иных западных политиков.

Если центростремительные тенденции коалиции, определяемые общностью борьбы с фашистской опасностью, вели к совпадению военно-политических целей ее участников, а следовательно, к укреплению коалиции, то центробежные тенденции, наоборот, мешали проведению согласованной политики союзниками СССР, координации военных действий против фашистских государств. Хотя центростремительные тенденции в антифашистской коалиции оказались сильнее центробежных — иначе не было бы такого сотрудничества, — присущие коалиции противоречия оказались весьма значительными.

«РОССИЯ УДЕРЖИТСЯ ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ...»

В начале войны в Лондоне и Вашингтоне не верили в способность Советского Союза к длительному сопротивлению. Споры шли лишь о том, продержится ли СССР несколько дней, недель или месяцев. Сам премьер-министр Англии неоднократно заявлял о близком разгроме СССР. В начале Великой Отечественной войны в Лондоне находился австралийский премьер-министр Кэртен. Черчилль доверительно сообщил ему: будет чудом, если Россия удержится шесть недель¹.

¹ См.: Краминов Д. Цит. соч., с. 30.

В беседах с президентом Рузвельтом, а их первая личная встреча состоялась в августе 1941 г. на борту линкора «Принц Уэльский» в бухте Ардженшия у Ньюфаундленда, Черчилль твердил: «Когда Москва падет... как только немцы войдут в Закавказье... когда сопротивление русских прекратится»¹.

Этой же точки зрения придерживался британский генеральный штаб, определявший срок сопротивления СССР в три-четыре недели. Военные эксперты на совещаниях, пресс-конференциях в военном министерстве и ведомстве информации заявляли, не делая из этого особого секрета: «Россия вскоре потерпит поражение».

Недалеко ушли от своих английских коллег и американцы. Военный министр Стимсон, сотрудники отдела военного планирования генерального штаба считали: «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России»².

Через пять дней после вторжения гитлеровских полчищ в СССР Флетчер Пратт писал в «Нью-Йорк пост»: «Чтобы спасти красных от предстоящего им в самом близком времени разгрома, необходимо чудо, подобное библейским чудесам»³. Однако в это «чудо» на Западе, разумеется, не верили. Стратеги Пентагона и британского генерального штаба во главе с Алланом Бруком верили в широко разрекламированный Берлином «блицкриг».

«СОВЕТСКИЙ НАРОД СЛОМАЕТ ШЕЮ ГИТЛЕРУ»

Однако в Англии и США было немало трезво мыслящих людей, веривших в победу советских людей, несмотря на временные неудачи Красной Армии. Об этом говорили руководитель Компартии США Уильям Фостер, руководители Компартии Англии и других стран. Из фашистских застенков доходил голос мужественного сына немецкого народа Эрнста Тельмана: «Советский народ сломает шею Гитлеру».

Среди немногих официальных лиц — буржуазных дипломатов и военных, веривших в силу Советского Союза, были английский посол в Москве Стаффорд Криппс, глава английской военной миссии в СССР генерал Майсон Макфарлан. Когда положение на советско-германском фронте было весьма серьезным, они заявляли: «Красную Армию не удастся сломить, какой бы отчаянный оборот ни принимали события иной раз»⁴.

¹ Рузвельт Э. Цит. соч., с. 46.

² Шервуд Р. Цит. соч., т. 1, с. 495.

³ New York Post, 27.VI. 1941.

⁴ Верт А. Цит. соч., с. 127.

В конечной победе советского народа был убежден всемирно известный писатель Бернард Шоу, веривший в неисчерпаемые силы СССР с первых дней после победы Великого Октября. В конце июня 1941 г., в разгар временных успехов фашистского вермахта, Бернард Шоу писал в редакцию «Таймс»: раз Россия на стороне Англии, «мы наверняка выиграем войну»¹.

Веру в непобедимость Советского государства разделяли известный английский историк Бернард Пэрс, журналист Александр Верт, в годы войны находившийся в Москве на посту корреспондента газеты «Санди таймс» и Би-би-си и рассказывавший правду о мужественной борьбе советского народа с фашистскими ордами.

К концу июля 1941 г. в Москву был направлен ближайший советник президента Рузвельта, его доверенное лицо Гарри Гопкинс. Помимо других задач он должен был доложить Рузвельту и Черчиллю точные данные о силе сопротивления Советского Союза. Гопкинс хотел знать, действительно ли положение СССР столь катастрофично, как об этом сообщал военный атташе США в Москве майор Итон. Гопкинс встречался с руководителями Советского правительства, из разных источников, и в частности от американского полковника Феймонвилла, он получил подробные данные о военном потенциале СССР. Еще из Москвы Гопкинс сообщал Рузвельту: «Здесь существует безграничная решимость победить»².

По возвращении в Америку, а это совпало со встречами Рузвельта и Черчилля в бухте Арджентия, закончившейся принятием «Атлантической хартии», Гопкинс сделал объективное сообщение и рассеял иллюзии многих политиков и военных США и Англии, надевавшихся на скорый крах СССР.

Вслед за наиболее дальновидными политиками и военными, верившими в силу СССР, англо-американским стратегам пришлось «увеличить» возможные сроки сопротивления Красной Армии фашистским армиям с трех-четырёх до восьми—десяти месяцев, потом перейти на годичное исчисление и, наконец, обеспокоиться о том, что Англия и США могут вообще опоздать на локомотив Победы.

Но в первые дни и месяцы войны Черчилль, английские генералы и многие военные руководители США, противореча собственным заявлениям, считали: вооружение, посланное Англией и США в СССР, попадет в руки фашистов, что «помощь Советам приведет лишь к затяжке войны», но не предотвратит их поражение.

Когда Красная Армия, советский народ своим героическим сопротивлением опрокинули не только планы «блицкрига», но и прогнозы политиков и военных Лондона и Вашингтона,

¹ *Вепр А.* Цит. соч., с. 95.

² *Feis H.* Roosevelt, Churchill, Stalin. L., 1957, p. 13.

военная помощь Англии и США усиливается. Появляются новые установки в их военной стратегии. В том числе стратегическая концепция «двухфазной войны». «Первую фазу» войны в Европе политики и стратеги Лондона и Вашингтона рассматривали как истребительную борьбу между СССР и фашистской Германией. Сын президента Рузвельта Эллиот признавал: Британская империя стремится к тому, «чтобы нацисты и русские уничтожали друг друга, пока Англия будет накапливать силы»¹. К этому же стремились и влиятельные круги США.

В период наиболее тяжелой для СССР «первой фазы» войны стратеги Лондона и Вашингтона твердо намеревались отсиживаться за Ла-Маншем, за Атлантикой и наблюдать, как СССР и Германия взаимно ослабляют друг друга. Черчилль, следуя своей концепции, придерживался мнения: «Чем большие потери нанесут немцы красным, тем лучше будет для Англии»².

Союзники СССР намечали решительные действия на «второй фазе» войны — в период максимального ослабления Советской страны и фашистской Германии, чтобы продиктовать в момент победы свои условия мира. А пока военная стратегия, разработанная и применявшаяся на практике, отражавшая политический курс Англии и США, была стратегией «малых дел» и «не прямых действий» против фашистской Германии.

Во внешней политике Черчилля, особенно в первый период Отечественной войны, были четко намечены два курса: один — официальный, с открытыми декларациями, заявлениями о необходимости «сокрушительного разгрома фашистов», выражением восхищения «доблестными русскими армиями»; другой курс тайный: руками фашистской Германии ослабить СССР, а затем нанести Германии решающий удар, устранить ее как конкурента Англии и США.

Такая тактика западных держав создавала серьезные трудности в межсоюзнических отношениях, мешала укреплению антифашистской коалиции. Именно она породила саботаж открытия второго фронта в Европе, попытки сепаратного сговора Англии и США с фашистской Германией, другие акции, совершавшиеся за спиной союзника.

ЛИССАБОНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ЭЙТКЕНА — КЕБЕРА

В самый разгар ожесточенных сражений на советско-германском фронте, когда гитлеровские полчища рвались к Москве, на другом конце Европы, в Португалии, Лиссабоне, начались секретные переговоры между гитлеровским агентом Г. К. и

¹ Рузвельт Э. Цит. соч., с. 50.

² Сквайрс Р. Дороги войны. М., 1952, с. 15—16.

м-ром Э. Тайнственным Г. К. был венгерский «дипломат», депутат Государственного собрания Густав фон Кевер, занимавший в Женеве скромный пост главы «Центрального бюро меньшинств». Это был человек, способный устанавливать связи, авантюрист и интриган.

Тайнственным м-ром Э. оказался офицер английской армии, позднее ставший членом парламента Эйткен. Незадолго до переговоров с Кевером он сопровождал лорда Бивербрука в Америку и посетил Канаду.

В донесении посланника Венгрии в Берне Яноша Веттштейна премьер-министру Венгрии Ласло Бардоши 10 ноября 1941 г. указывалось: попытка переговоров, по-видимому, санкционирована Черчиллем. О встрече был поставлен в известность Гитлер через советника германского посольства в Берне Кордта и генерального консула в Женеве Крауля, сообщивших о переговорах статс-секретарю Вейцзекеру.

Первая встреча, происходившая 13 сентября 1941 г. в машине, принадлежавшей Эйткену, состоялась близ Лиссабона по инициативе англичанина. Во время переговоров Эйткен откровенно спросил Кевера: «Он и его друзья были бы рады узнать, не является ли настроение в Европе благоприятным для компромиссного мира». Эйткен предлагал «использовать наступающую зиму и весну для закулисного обсуждения возможностей мира»¹.

Переговоры не носили частного характера. Об этом свидетельствует тот факт, что Эйткен пригласил Кевера прибыть для переговоров в Англию. Эйткен указывал: «Известная часть английских кругов с беспокойством наблюдает за развитием дружбы с Россией»². Пригласить Кевера без санкции ответственных политиков Англии Эйткен безусловно бы не осмелился.

Кевер не принял предложения Эйткена о поездке в Лондон, не получив санкции своих хозяев. Советник германского посольства Кордт выехал в Берлин и запросил санкции Вильгельмштрассе на продолжение Кевером переговоров в Лондоне. На Вильгельмштрассе запросили личного разрешения Гитлера, заинтересовавшегося английской инициативой. Однако фюрер дал указание «не реагировать на нее до наступления решительного поворота на русском фронте»³. Было решено пока не посылать Кевера в Лондон. Гитлер надеялся на успех нового наступления под Москвой и намеревался разговаривать с англичанами с позиций победителя. В свою очередь венгерский премьер Ласло Бардоши советовал своему посланнику в Берне всячески помогать немцам использовать установленные Кевером связи с англичанами⁴.

¹ Международная жизнь, 1964, № 2, с. 152.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. там же, с. 153.

Англичане на этом не успокоились. В январе 1942 г. Эйткен написал Кеверу через женевскую почту о своем желании снова встретиться с ним в Лиссабоне. Немногие немецкие политики, посвященные в секретные переговоры после неудач на советско-германском фронте, а также выходу лорда Бивербрука из правительств, проявили гораздо большую заинтересованность в том, чтобы Кевер откликнулся и на это английское приглашение¹.

Чтобы Кеверу было удобнее ехать в Лиссабон, было решено назвать его другим именем: из главы «Центрального бюро меньшинств» сделать его «представителем венгерского Красного Креста в Женеве». Для разведчика Кевера подобное прикрытие было более подходящим, поскольку требовалось получить французскую, испанскую и португальскую визы.

В свою очередь Крауль, Кордт, Кевер ждали новых инструкций с Вильгельмштрассе. Инструкции из Берлина пришли в августе 1942 г. и были переданы Кеверу одним немецким дипломатом.

«Господин рейхсминистр иностранных дел, — сообщил устно немецкий дипломат, — проявляет большой интерес к встрече господина Кевера с м-ром Э.»². Риббентроп полностью полагался на «лояльность и дипломатическую ловкость» Кевера. Получив новое благословение Берлина, разведчик Кевер направился в Португалию. По прибытии в Лиссабон 30 января 1943 г. Кевер отправил телеграмму Эйткену: он сообщал о своем приезде и предложил встретиться. Ответа на телеграмму не было получено. Тем не менее 3 февраля Кеверу позвонили по телефону и спросили, смог ли бы он у себя в гостинице принять друга м-ра Э. Согласие было дано. В тот же день появился таинственный м-р С., представившийся другом м-ра Э. Состоялась дружественная беседа, в ходе которой первый сообщил Кеверу: Эйткен не смог прибыть в Лиссабон, но спустя некоторое время он сообщит, когда смогут состояться переговоры.

В ходе беседы было установлено: «Принимая во внимание решения, принятые в Касабланке, момент для переговоров выбран неудачно»³.

По-видимому, на этом безрезультатно закончились переговоры между эмиссаром Лондона Эйткеном и гитлеровским агентом Кевером.

Однако имеющиеся документы неоспоримо доказывают, что реакционные круги Англии почти с первых же дней нападения гитлеровской Германии на СССР вели переговоры за спиной своего союзника по антифашистской коалиции с представителями гитлеровской дипломатии и разведки о заключении сепаратного мира.

¹ См.: Международная жизнь, 1964, № 2, с. 155.

² Там же, с. 158.

³ Там же, с. 159.

ДЕЙСТВИЯ «ВЕРХУШЕЧНОЙ ОППОЗИЦИИ»

В этих переговорах участвовали и члены «верхушечной оппозиции» германских генералов и дипломатов во главе с Герделером — Беком — Витцлебенем. У них крепло желание спасти германский милитаризм путем устранения Гитлера от власти и замены его более подходящим лицом, с которым можно было бы заключить сепаратный мир. Это должно было произойти в момент, когда западные державы установили бы свой контроль в Европе. Усилиями английской и американской разведок в Германии была создана заговорщическая организация, имевшая целью свергнуть или убить Гитлера и сформировать новое правительство.

В ноябре 1941 г. эта группа заговорщиков развивает активную дипломатическую деятельность. Карл Герделер стал ведущей фигурой тайной дипломатии, находясь на посту руководителя «бюро планирования» немецкого генерального штаба. Группа Герделера — Бека направляет в США через журналиста Луиса Лохнера меморандум с запросом об условиях сепаратного мира ¹.

В феврале 1942 г. в Швейцарии появился один из видных деятелей «верхушечной оппозиции» Гитлеру, германский посол в Италии Ульрих фон Хассель. Он встретился с Карлом Буркхардом — посредником между Берлином и Лондоном ².

В апреле 1942 г. контакт с представителями англосаксонских стран устанавливает сам Карл Герделер, вынашивавший планы внутривосточных реформ в Германии, которые являлись «подрумяненным» вариантом программы нацистской партии. Герделер избирает в качестве своих посредников в переговорах между английскими правящими кругами и «верхушечной оппозицией» видных шведских банкиров Якоба и Маркуса Валленбергов. Они были тесно связаны с английскими, немецкими, американскими банками и фирмами. В апреле 1942 г. Валленберги встретились с представителями правящих кругов Англии и Германии. Они неоднократно ездили в Лондон и Берлин.

Герделер просил Валленбергов узнать в Лондоне, что получила бы оппозиция в случае государственного переворота в Германии.

ПОСОБНИЧЕСТВО ЕПИСКОПОВ И БАНКИРОВ

Ответ на этот вопрос «верхушечная оппозиция» пыталась получить и другим путем.

¹ См.: *Безыменский Л.* Цит. соч., с. 210.

² См.: *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 г. в Германии, с. 81.

В мае 1942 г. состоялась встреча между епископом Чичестерским, президентом Всемирного совета церквей Джорджем Беллом, связанным с правящими кругами Англии, и двумя немецкими священниками: доцентом Берлинского университета агентом абвера Дитрихом Бонхефером и пастором Гансом Шенфельдом. Протестантский священник занимался не только церковными делами, но и «делами» германской разведки и был близок к деятелям «верхушечной оппозиции». Три дня продолжались переговоры между Беллом, Бонхефером и Шенфельдом. После войны в гестаповских архивах были обнаружены подробные отчеты об этой встрече. О них писал сам епископ Чичестерский¹. Из программы Герделера — Бека — Витцлебена, изложенной агентами абвера, явствует: речь шла о выработке условий сепаратного мира между Англией и Германией. Об условиях этого мира были осведомлены через посла Англии в Швеции Виктора Маллета руководящие английские государственные деятели. Белл также проинформировал о них посла США в Англии Дж. Кеннеди.

Весной 1942 г. в Швейцарии оживились переговоры о сепаратном мире между Англией и Германией. С немецкой стороны в них принимал участие верховный гитлеровский комиссар в Голландии Зейсс-Инкварт и начальник политического отдела германского министерства иностранных дел Ринтелен. По свидетельству итальянского посланника в Берне, англичане, принимавшие участие в переговорах, также были высокого ранга.

Важную роль в переговорах Германии с Англией и США играл фашистский банкир Яльмар Шахт. Он поддерживал тесные связи с английскими правящими кругами через своего личного друга крупного финансиста Монтегю Нормана.

Итак, не успели просохнуть чернила под англо-советским договором о взаимопомощи и военном сотрудничестве, недопущении ведения переговоров о сепаратном мире, как Лондон нарушает свои обязательства по общей борьбе с фашизмом. Черчилль и Иден не прекращали восхищаться героической борьбой Красной Армии, заверять в верности союзническому долгу и одновременно пытались найти общий язык с деятелями фашистской Германии.

НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ АЛЛЕН ДАЛЛЕС

Особый размах секретная деятельность влиятельных кругов западных держав приобретает после приезда в Швейцарию А. Даллеса.

...В конце ноября 1942 г. в одном из уютных особняков на тихой бернской улице Херренгассе появился плотный

¹ Contemporary Review, Oct. 1945, p. 205—206.

рослый человек лет сорока пяти. Это был Аллен Уэлш Даллес, европейский уполномоченный управления стратегических служб (УСС)¹ американской разведки, руководимой генералом Уильямом Доновеном. На горизонте главных действующих лиц империалистических разведок появилась звезда первой величины. Аллен Даллес стал оказывать большое влияние не только на разведку США, но и на разведывательные службы союзников в Европе. Его контора становится крупнейшим центром шпионажа, средоточием наиболее яростных противников коммунизма. Зловещие фигуры братьев Даллесов — старшего Джона Фостера и младшего Аллена Уэлша — вошли в историю борьбы империалистических держав против Советского Союза в 40—50-х годах.

Джон Ф. Даллес и Аллен У. Даллес содействовали приходу Гитлера к власти, помогли создать военную машину фашизма. Именно через фирму Аллена Даллеса и банковскую корпорацию Шредера Гитлер получал деньги, необходимые ему для подготовки агрессивных войн.

К началу второй мировой войны Джон Ф. Даллес прошел путь от мелкого клерка до поста директора 19 промышленных предприятий. В это время Аллен Даллес, сменивший дипломатическую и разведывательную службу на пост дельца, становится компаньоном фирмы «Салливен энд Кромвелл» и директором банка «Дж. Генри Шредер корпорейшн». Братья были тесно связаны с крупнейшими германскими монополиями — Стальным трестом, «ИГ Фарбениндустри», «Бош»².

В 1942 г. братья Даллесы получили задание своих хозяев — попытаться убрать Гитлера, не затрагивая политическую систему третьего рейха. За исполнение этих планов энергично принялся Аллен Даллес. Аллен приехал в Швейцарию не один, а вместе с солидным штатом сотрудников — опытных разведчиков. Его правой рукой был вице-консул США в Цюрихе Ладомокарский — молодой дипломат, но весьма опытный финансист нью-йоркского филиала корпорации Генри Шредера. В штате А. Даллеса были и другие авторитетные лица: сыновья всемогущих воротил Уолл-стрита Меллона и Моргана и другие. Пожалуй, самым опытным разведчиком у А. Даллеса был Геро фон Шульце-Гевеверниц — зять рурского стального короля Гуго Стиннеса-старшего, связанный с гросс-адмиралом Деницем³. Он был ближайшим помощником и экспертом Даллеса по германскому вопросу.

Появление А. Даллеса в Швейцарии немедленно было зарегистрировано в германской разведке: в ведомстве Канариса — абвере, гестапо и разведке министерства иностранных дел.

¹ С 1947 г. — шеф Центрального разведывательного управления США.

² См.: *Безыменский Л.* Цит. соч., с. 215.

³ См. там же, с. 218.

Службе разведки СС удалось расшифровать депеши, посылаемые Даллесом в Вашингтон. Поэтому она была в курсе его дел.

Начав свою деятельность в Берне, А. Даллес постарался установить связи с «верхушечной оппозицией» Герделера—Бека—Витцлебена через Ганса Гизевיוуса, работавшего резидентом немецкой военной разведки под видом вице-консула в немецком консульстве в Цюрихе и игравшего роль главного связующего звена между заговорщиками и западными державами. Он также установил связи с шефом гестапо Гиммлером и Кальтенбруннером — руководителем СД.

Аллен Даллес вел переговоры с Гизевיוусом о заключении сепаратного мира между США и Англией, с одной стороны, и новым германским правительством, которое бы заменило Гитлера после переворота, назначенного на январь 1943 г.

Однако покушение на Гитлера, состоявшееся позже, чем было задумано, 13 марта 1943 г., не удалось. Бомба — это было изобретение Интеллидженс сервис, — имевшая вид нескольких бутылок коньяка, положенная в самолет Гитлера, летевший из Смоленска в его ставку Растенбург в Восточную Пруссию, не взорвалась¹.

ПЕРЕГОВОРЫ БАЛЛ — ПАУЛЬС

С середины января по 3 апреля 1943 г., сразу после разгрома 6-й немецкой армии на Волге, в Швейцарии — в Берне и Женеве — интенсивно происходили тайные переговоры между Алленом Даллесом, имевшим «особые полномочия» Вашингтона, и гитлеровским эмиссаром князем Гогенлоэ. Историкам стало точно известно: инициатива переговоров исходила от руководителя гестапо Гиммлера². Даллес фигурировал под конспиративным именем Балл. Гогенлоэ — под кличкой Паульс. Прежде чем приступить к переговорам, А. Даллес выяснил через швейцарского министра иностранных дел, франкистских дипломатов все, что касалось личности Паульса. После их рекомендации он решил его принять. Позже в руки советских войск в Германии попали некоторые документы, зафиксировавшие ход бесед А. Даллеса и его помощника-референта по европейским вопросам, выступившего под кличкой Робертс, с гитлеровскими партнерами. В курсе этих бесед был посланник США в Швейцарии Гаррисон, заявивший Паульсу, что он находится с м-ром Баллом, имеющим особые полномочия, в наилучших отношениях и получил из Вашингтона указание оказывать ему всяческое содействие.

¹ Dulles A. German's Underground. N. Y., 1947, p. 67.

² См.: Безыменский Л. Цит. соч., с. 225.

Из документов явствует: в беседе были затронуты вопросы о заключении сепаратного мира с Германией, а также проблемы, касавшиеся Австрии, Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии.

Касаясь будущего мира в Европе и места Германии в этом мире, м-р Балл говорил Паульсу: «Германское государство должно остаться существовать как фактор порядка и восстановления»¹.

Какая же роль отводилась «великой Германии»? Идея Даллеса состояла в том, чтобы «путем расширения Польши в сторону Востока и сохранения Румынии и сильной Венгрии поддержать создание санитарного кордона против большевизма и панславизма».

Какой же, по мнению А. Даллеса, должна была стать государственная и экономическая организация Европы? Он отвергал «старомодные планы» Англии реорганизовать Европу «на базе исторических тенденций» и создать различные монархии. Даллес и его хозяева хотели видеть будущую Германию без Гитлера как оплот борьбы с Советским Союзом, с большевизмом. А. Даллес и его подручные выражали сожаление, что дело дошло до столкновения между Западом и Германией. Даллес и его подручные втолковывали гитлеровцам: если бы они в 1939 г. не совершили ошибки, разорвав с западными державами, а повернули бы фронт против СССР, то США и Англия не воевали бы с Германией и «подарили» бы ей Европу в качестве цены за борьбу против СССР.

Швейцарские переговоры А. Даллеса велись, естественно, без ведома СССР — союзника Англии и США по коалиции, ибо они имели под собой явную антисоветскую подоплеку. Если называть вещи своими именами, разговор шел о сговоре за счет и против СССР. Это было не только элементарное нарушение союзнического долга и союзнических обязательств, но и прямое предательство.

Необходимо отметить: переговоры с А. Даллесом вели не только агенты Гимmlера, но и уполномоченные Кальтенбрунера — начальника РСХА. В Нюрнберге он признавал, что поддерживал связь с А. Даллесом через Вильгельма Хеттля, заместителя начальника отдела Юго-Восточной Европы в VI управлении имперской безопасности, «специалиста» по Балканам и связям с католической церковью — Ватиканом и иезуитами².

Хеттль длительное время выступал связным между разведкой СС и А. Даллесом, подобно Гансу Гизевиусу, осуществлявшему связь между «верхушечной оппозицией», абвером, с одной стороны, и Алленом Даллесом — с другой.

¹ Полный текст секретных документов см.: Новое время, 1960, № 27, с. 12—15.

² См.: *Безыменский Л.* Цит. соч., с. 226.

Однако победы Красной Армии, военные усилия народов Англии и США сорвали эти и другие попытки сепаратного сговора за спиной СССР.

АРЕНА ТАЙНОЙ ДИПЛОМАТИИ В МАДРИДЕ

Ареной тайной дипломатии, особенно активизировавшейся в 1943 г., была не только Швейцария. Еще одна возможность переговоров использовалась в Мадриде, на территории союзника Гитлера Франко.

Здесь, в Испании, при посредстве английских мюнхенцев, Ватикана и франкистов была предпринята еще одна попытка договориться о сепаратном мире между Англией, США и Германией. Особую роль играл посол Англии в Мадриде Самуэль Хор, ярый мюнхенец, друг Галифакса и Невилля Чемберлена. В январе 1943 г. Франко предложил Хору услуги «честного маклера» для ведения переговоров о мире между Англией и Германией. Каудильо заявил Хору: «Я считаю роковой ошибкой Англии то, что она продолжает поддерживать Советскую Россию... Я полагаю, что было бы единственно правильным, если бы Англия своевременно вступила на путь к компромиссному миру с Германией»¹.

С. Хор с большим интересом отнесся к высказываниям Франко и пожелал продолжать переговоры. 4 февраля франкистский министр иностранных дел Хордана передал в Лондон предложение Франко.

22 февраля Хордана вновь встретился с Хором. Беседы «завершились *настойчивым призывом Испании, обращенным к Англии...* не оставлять без внимания ни единой возможности образования общего европейского фронта против большевизма»². Призыв был встречен сочувственно. Испанское министерство иностранных дел получило из Лондона сведения, гласившие: «...в Англии имеются ответственные лица и даже один член кабинета, защищающие идею мирного посредничества и всеобщего европейского фронта против большевизма»³.

Это были воззрения клайвденской клики, и не только ее одной.

16 апреля 1943 г. Хордана официально предложил посредничество Испании для заключения соглашения между Англией, США и фашистским блоком. Речь, по существу, шла о создании союза капиталистических государств против СССР.

¹ Документы МИД Германии. М., 1964, вып. 3, с. 151—152.

² Там же, с. 161—162.

³ Там же.

В мае 1943 г. в Лиссабоне и Мадриде появлялся руководитель «ИГ Фарбениндустри» Шницлер. Он вел переговоры с представителями монополистических кругов Англии и США. Его визиту предшествовало совещание у Круппа, в котором участвовали Шредер и другие влиятельные промышленники и банкиры. На совещании было признано: война, по видимому, проиграна Германией и Италией и необходимо вступить в переговоры с Англией и США. Шницлер стремился при переговорах в Лиссабоне и Мадриде «возобновить связи с иностранными промышленниками в целях послевоенного сотрудничества стран-противников».

КОНТАКТЫ ПАПЫ РИМСКОГО И КАРДИНАЛА СПЕЛЛМАНА

Одним из основных центров международных контактов с гитлеровскими эмиссарами был Ватикан. В начале 1943 г. немецким послом в Ватикан был назначен Вейцекер, бывший статс-секретарь, давно и активно занимавшийся тайными англо-германскими интригами. Вместе с тем особенно много внимания уделял Вейцекер установлению связей в США.

В начале 1943 г. из Вашингтона в Ватикан прибыл кардинал Спеллман — лицо, близкое к Даллесам и Уолл-стриту. Вейцекер быстро нашел с кардиналом общий язык. Спеллман также встречался в Риме с Риббентропом. Его принимал папа римский Пий XII. Из Рима Спеллман направился в Мадрид, где в марте 1943 г. вел переговоры с Франко и Хордана. Затем Спеллман вылетел в Вашингтон с письмом папы римского к президенту США. Папа, Спеллман, представители правящих кругов Англии и США понимали: фашистский режим Муссолини обречен. Они «пришли к соглашению, по которому Муссолини должен быть низвергнут, но общая структура существующего режима... должна остаться нерушимой»¹.

После обсуждения в Вашингтоне итогов визита Спеллмана в Испанию и Ватикан он вновь вернулся в Европу. Здесь он в конце марта встретился с Черчиллем, продолжая закулисные антисоветские маневры.

Группе Шандора Радо удалось выяснить через осведомленных лиц: римский папа посоветовал итальянскому королю обратиться к английскому королю и президенту Рузвельту с просьбой о заключении перемирия. «Согласно письму, полученному из Ватикана от государственного секретаря Маглиони и адресованному швейцарским иезуитам, — сообщал Ш. Радо в Москву 22 июня 1943 г., — Италия пытается уже сейчас создать атмосферу, в которой ее позиция в будущих мирных

¹ Манхэттен А. Ватикан, с. 133.

переговорах должна быть лучшей, чем позиция Германии... Сам Муссолини якобы считает войну проигранной и готов вместе с королем создать новый режим»¹.

Крах фашистского режима в Италии был неизбежен, и Муссолини перед самым падением фашистской диктатуры искал выхода в сговоре с западными державами.

ШВЕДСКОЕ «ОКНО» В ГЕРМАНИЮ

В 1942—1943 гг. происходили тайные встречи представителей английской и американской разведок с шефами фашистских разведывательных служб Гиммлером и Шелленбергом.

В декабре 1942 г. адвокат Карл Лангбен, бывший юрисконсульт Гиммлера, активно сотрудничавший в гестаповской разведке и абвере, встретился в Стокгольме с агентом американской разведки Брюсом Хоппером, известным специалистом по русским делам. После беседы с Хоппером Лангбен сообщил Хасселю о возможности заключения мира между Германией, США и Англией на антисоветской основе и при условии замены Гитлера.

В конце 1943 г. происходили переговоры между представителями немецкой «верхушечной оппозиции» и Лондоном. Англичане толкали оппозицию на решительные действия против Гитлера. Через Швецию Герделером и Гиммлером были получены достоверные сообщения об обещании Черчилля в случае удачи переворота в Германии найти общий язык с заговорщиками. Черчилль просил передать Герделеру через шведского банкира Валленберга, «что новая система в Германии (то есть правительство Герделера.— Ф. В.) будет принята благосклонно». Черчилль заявлял о готовности вступить с ним в переговоры.

Переговоры агентов Шелленберга с Англией и США проходили в Швеции в октябре 1943 г., куда прибыл личный врач Гиммлера Феликс Керстен. Он встретился с американским дипломатом, назвавшим себя Абрахамом Хьюиттом. После нескольких встреч Хьюитт заявил Керстену о своей готовности быть посредником между правительством США и Гиммлером. Условия, предложенные им для соглашения, сводились к следующему: эвакуация Германией оккупированных территорий, восстановление границ 1914 г., роспуск нацистской партии и СС, выборы в Германии под контролем Англии и США, сокращение вермахта и наказание военных преступников, полный контроль над военной промышленностью Германии. Хьюитт говорил об опасности, «угрожающей с Востока»². Переговоры

¹ Радо Ш. Цит. соч., с. 264.

² Kersten F. Memoirs, 1940—1945, p. 192.

развивались столь успешно, что 9 ноября в Стокгольм счел необходимым приехать для их продолжения сам Шелленберг. Приняв все меры предосторожности, Шелленберг встретился с Хьюиттом в одном из крупнейших отелей Стокгольма. Он передал, что Гиммлер принял все условия мира, за исключением пункта о наказании военных преступников. В декабре Керстена уполномочили сообщить Хьюитту, что принимается вся программа. Позднее Гиммлер сообщил Шелленбергу о своей готовности лично встретиться с Хьюиттом¹. Но эта встреча в силу ряда причин не состоялась.

К 1943 г. относится и план заключения мира между западными державами и Германией, выдвинутый бывшим президентом германского Рейхсбанка Яльмаром Шахтом. В своем плане Шахт просит Англию и Францию разрешить Германии сохранить вооруженные силы «для защиты Европы от большевизма». В качестве залога выполнения этого плана Шахт предлагал им часть акций немецкой промышленности, включая индустрию Рура.

«ОПОРНЫЙ ПУНКТ» ШПИОНАЖА В АНКАРЕ

Одним из крупнейших пунктов международного шпионажа был Ближний и Средний Восток. Здесь противодействовали агенты Интеллидженс сервис, американского управления стратегических служб с агентами абвера, разведки Гиммлера, Риббентропа и других фашистских спецслужб.

Особенно активная шпионская деятельность разведок развивалась в их важнейшем опорном пункте — Анкаре.

В апреле 1939 г. германским послом в Анкару был назначен старый разведчик фон Папен. Вместе с ним в Турцию прибыла большая группа псевдодипломатов — агентов абвера и гестапо. Величественное здание германского посольства на улице Агас паши Кедесси превратилось в центр фашистского шпионажа. «Паутина, в центре которой — в Анкаре — находился Папен, — тянулась от Черного моря до Индийского океана, от пустынь Аравии до берегов Алжира и Марокко»².

Фон Папен «работал» не только на фашистскую разведку. Как и его шеф Канарис, он давно был завербован Интеллидженс сервис, а также американской разведкой и поддерживал с ними самую тесную связь. В частности, с разведкой США фон Папен и Канарис были связаны в Анкаре через американского военно-морского атташе в Стамбуле Джорджа Эрла, прибывшего в Турцию в январе 1942 г.³

¹ *Shellenberg W.* Op. cit., p. 329.

² *Кукридж Е. Х.* Тайны английской секретной службы. М., 1954, с. 241.

³ *J. Colvin.* Master SPU. N. Y., 1948, p. 191.

Разведчики Канариса посол фон Папен, уполномоченный абвера в Турции Пауль Левекюн, Лерснер незамедлительно связались с Эрлом. С Эрлом встречались не только они. Однажды визит ему нанес и сам адмирал Канарис. Состоялась длительная беседа. Канарис предлагал Эрлу помочь ему добиться сепаратного мира с США и Англией при условии отказа от требований о безоговорочной капитуляции. Канарис обещал американскому правительству отстранить Гитлера от руководства вермахтом, казнить его, а армию сдать союзникам.

«Канарис и фон Папен, — писал американский генерал Ведемейер, — поставили лишь одно условие: сдача немецких войск должна быть основана на предотвращении совместными усилиями Германии, Англии и США вступления советских войск в Центральную Европу». Эрл немедленно передал эти предложения в Вашингтон. Не дождавшись ответа, он направился в США для личного свидания с Рузвельтом. Здесь он получил полную поддержку Форрестола и Буллита. Однако Рузвельт не принял германское предложение.

СОЮЗНИЧЕСКАЯ ВЕРНОСТЬ СССР

В то время как правящие круги Англии и США неоднократно предпринимали попытки заключения сепаратного мира, Советский Союз всегда скрупулезно и честно выполнял свои союзнические обязательства, не допускал никаких тайных махинаций за спиной союзников.

Об этом свидетельствует, в частности, французский историк М. Мурэн, выпустивший книгу о попытках мирных переговоров в период второй мировой войны.

«Правители фашистской Германии, — свидетельствует Мурэн, — несколько раз пытались зондировать почву в отношении заключения сепаратного мира с Советским Союзом. Однако гитлеровцы всегда получали от СССР решительный отпор и отказ»¹.

Такие попытки предпринимались фашистской дипломатией через Японию в тот момент, когда положение немецко-фашистских армий на советско-германском фронте становилось все более тяжелым.

Японское правительство стремилось играть посредническую роль не только потому, что хотело облегчить положение Германии. Оно заботилось о своих интересах: прекращение войны между СССР и фашистской Германией означало бы переброску всех немецких войск на фронт борьбы с Англией и США, что

¹ Mourin M. Les Tentatives de Paix dans Seconde Cuerre Mondiale (1939—1945). P. 1949, p. 45.

снизило бы напряженность военных действий между этими странами и Японией.

Японская дипломатия вела активную работу в этом направлении через «информационные отделы», имевшиеся при японских посольствах во всем мире. Особенно высокая активность проявлялась Японией в Турции. В январе 1943 г. в Анкаре состоялось совещание руководителей японских «информационных отделов» в Европе, определившее их основную задачу. Она должна была заключаться в том, чтобы содействовать прекращению войны между СССР и Германией. На следующем совещании его участники пришли к выводу: Германия, по-видимому, проиграла войну и ее поражение — лишь дело времени. Поэтому было решено всячески раздувать вражду между СССР и их союзниками¹.

Япония намеревалась послать в Москву дипломатическую миссию, чтобы после этого сообщить, что СССР ведет тайные переговоры с Японией и Германией. 10 сентября 1943 г. японский посол в Москве Сато заявил наркому иностранных дел СССР о желании японского правительства «послать в Москву высокопоставленное лицо, представляющее непосредственно японское правительство»². Советское правительство учитывало: японские предложения могли быть использованы для подрыва единства в антифашистской коалиции — и ответило Японии: «При существующей обстановке в условиях нынешней войны Советское правительство считает возможность перемирия или мира с гитлеровской Германией или ее сателлитами в Европе совершенно исключенной»³. Японское предложение было отвергнуто.

Советское правительство всемерно препятствовало всем попыткам раскола антифашистской коалиции.

«Неоднократно попытки немцев, — свидетельствует М. Мурэн, — с помощью японцев завязать секретные переговоры с СССР терпели неудачу, так как СССР, всегда честно и добросовестно относившийся к своим союзническим обязательствам, отвергал эти попытки и немедленно информировал об этом союзников»⁴.

Позиция Советского правительства в вопросе о соблюдении союзнического долга была отражена в первомайском приказе 1943 г., подписанном Верховным Главнокомандующим. В нем говорилось: «Болтовня о мире в лагере фашистов говорит лишь о том, что они переживают тяжелый кризис. Но о каком мире может быть речь с империалистическими разбойниками из немецко-фашистского лагеря, залившими кровью Европу и

¹ См.: *Кутаков Л. Н.* Цит. соч., с. 405, 406.

² АВП СССР.

³ Там же.

⁴ *Mourin M.* Op. cit., p. 181.

покрывшими ее виселицами? Разве не ясно, что только полный разгром гитлеровских армий и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут привести Европу к миру?»¹

Советский Союз скрупулезно и честно выполнял дух и букву межсоюзнических договоров и соглашений.

Это был вынужден признать У. Черчилль, писавший в 1943 г. главе Советского правительства: «...на основании моего опыта, Союз Советских Социалистических Республик никогда не нарушал ни обязательств, ни договоров»².

КРАХ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА МУССОЛИНИ

Победы Красной Армии вызвали кризис в гитлеровском блоке, проявившийся с особой силой в Италии. Итальянская армия была полностью разгромлена на советско-германском фронте, потерпела поражение в Северной Африке, в Сицилии.

Развал фашистской «оси» был неизбежен. Муссолини отказывался посылать на советско-германский фронт новое «пушечное мясо», о чем Ш. Радо сообщил в Москву в июне 1943 г.

«На встрече между Гитлером и Муссолини, — говорилось в радиোগрамме, — последний категорически отказался посылать войска на Восточный фронт... После встречи с Муссолини Гитлер поторопился установить контакт с другими сателлитами, чтобы помешать им пойти по пути Италии»³.

Однако главы правительств Болгарии, Венгрии, Румынии при своем посещении Берлина также «отказывались от дальнейшего активного участия в войне»⁴.

Но особенно накаленной обстановка была в Италии. В результате резкой активизации действий сил Сопротивления, поддержанных народом, фашистский режим Муссолини потерпел крах. 24 июля 1943 г. Муссолини получил отставку в «большом совете» фашистской партии, не созывавшемся несколько лет. После заседания совета он был вызван к королю Виктору Эммануилу. Когда Муссолини узнал о назначении начальника генерального штаба маршала Бадольо премьер-министром, он беспомощно пробормотал: «Что же теперь будет со мной?» У итальянского дуче, долгие годы державшего в страхе итальянский народ, опоры не оказалось. При выходе из королевской виллы Муссолини был арестован.

¹ Цит. по: Правда, 1943, 1 мая.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (далее — Переписка...). М., 1976, т. 1, с. 109.

³ Радо Ш. Цит. соч., с. 205.

⁴ Там же.

Вновь сформированное правительство во главе с маршалом Пьетро Бадольо — душителем народа Эфиопии — пыталось сохранить реакционный монархический режим. Маршал клялся в верности Гитлеру, итало-германскому союзу. Фактически английские и американские политики, опасаясь победы прогрессивных сил в Италии, стремились сохранить фашистскую диктатуру без Муссолини. Этот план был разработан правящими кругами Англии, США, Италии и Ватикана¹.

Правительство Бадольо пыталось продолжать войну, подавлять движение трудящихся масс, расстреляв демонстрации в Милане и Турине. Но подъем борьбы народных масс вынудил правительство Бадольо пойти на разрыв с Германией и начать переговоры о перемирии. Однако Англия и США начали эти тайные переговоры с Италией за спиной СССР.

3 августа Италия выступила с первым мирным предложением, связавшись с английским послом в Лиссабоне Кемпбеллом. Контакты были установлены также 15 августа 1943 г. в Мадриде между английским послом в Испании Хором и представителем Бадольо генералом Кастельяно. Италия заявляла о своей готовности «безоговорочно капитулировать при условии, что она сможет присоединиться к союзникам»².

Советское правительство располагало информацией об англо-американских переговорах с итальянцами. Оно настаивало на создании военно-политической комиссии из представителей СССР, США и Англии для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами государств, отпадающих от блока с фашистской Германией. «До сих пор,— писал И. В. Сталин Рузвельту и Черчиллю,— дело обстоит так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдающего»³. Советское правительство заявило, что не намерено дальше терпеть такое положение.

Рузвельт и Черчилль, встретившиеся в Квебеке, решили: командующий войсками союзников в Европе Эйзенхауэр должен послать начальника штаба генерала Беделла Смита и руководителя английской разведки генерала Стронга в Лиссабон и начать там переговоры с эмиссаром Бадольо. Они повезли с собой окончательные условия капитуляции Италии, обсужденные Рузвельтом и Черчиллем на конференции «Квадрант»⁴.

19 августа стороны встретились в английском посольстве в Лиссабоне. Смит заявил генералу Кастельяно, что он уполномочен обсуждать лишь вопрос о безоговорочной капитуляции. Всю ночь шли переговоры. Кастельяно ставил вопрос, как

¹ См.: Манхэттен А. Цит. соч., с. 133.

² Цит. по: Переписка..., т. 1, с. 173.

³ Там же, с. 179.

⁴ Кодовое название Квебекской конференции.

Италия может начать сражаться против Германии. Задержавшись еще на несколько дней, чтобы замаскировать свою поездку в Португалию, он вернулся в Рим, привезя с собой военные условия капитуляции, радиостанцию и коды союзников для поддержания связи со штаб-квартирой союзников в Алжире¹.

В конце августа переговоры Смита и Кастельяно продолжались. Последний согласился на «краткие условия» перемирия.

Советское правительство получило от союзников полный текст условий перемирия с Италией лишь 26 августа. Оно изучило сообщенные союзниками документы и уполномочило генерала Эйзенхауэра подписать условия капитуляции Италии и от его имени.

3 сентября 1943 г. в оливковой роще близ Сиракуз Беделлом Смитом от имени всех Объединенных Наций и генералом Кастельяно от имени Италии были подписаны «краткие условия» безоговорочной капитуляции Италии. В тот же день началась высадка английских войск на юге Италии.

8 сентября Эйзенхауэр заявил о предстоящей безоговорочной капитуляции Италии. В ночь на 9 сентября гитлеровские войска заняли Неаполь, начали окружение Рима и разоружение итальянской армии, оккупировали все основные центры страны. После полуночи пять автомашин проскользнули через восточные ворота Рима к адриатическому порту Пескара. Здесь два английских корвета приняли на борт группу людей, в состав которой входили Бадольо и члены его правительства, королевская семья. Они укрылись в тылу англо-американских войск в Бриндизи. 24 сентября на острове Мальта Эйзенхауэром и Бадольо были подписаны «исчерпывающие условия» капитуляции Италии. 13 октября под давлением народа правительство Бадольо объявило войну гитлеровской Германии. Правительства СССР, Англии и США признали Италию совместно воюющей стороной.

ОПЕРАЦИЯ «АЙХЕ»

Англо-американские войска, высадившиеся в Южной Италии и насчитывавшие более полумиллиона солдат, медленно продвигались на север. Медлительность войск союзников дала возможность гитлеровцам разоружить итальянскую армию, занять Северную и Среднюю Италию вплоть до Неаполя.

В воскресенье утром 12 сентября 90 немецких парашютистов, осуществляя операцию «Айхе» («Дуб») под руководством полковника Отто Скорцени, высадилась близ отеля «Кампо императоре», расположенного на горной вершине Сассо в Центральной Италии, где был заключен Муссолини, и похитили фашистского диктатора². На легком немецком самолете «физе-

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 5, p. 113.

² См.: Подковинский М. Цит. соч., с. 122—127.

лер-шторхе» Муссолини был доставлен в Вену, потом в Мюнхен и наконец в ставку Гитлера «Вольфшанце» («Волчье логово») в Восточной Пруссии. Через несколько дней Муссолини по приказу Гитлера образовал в Северной Италии под охраной эсэсовцев на берегах озера Гарда, близ курорта Сало, «неофашистское правительство», насмешливо названное итальянцами «Республикой Сало». Начался период, названный Черчиллем «периодом 100 дней» Бенито Муссолини.

Немцы командовали новоявленным «правительством» дуче, проводя политику жестокого террора. Но было ясно: ни террор, ни насилия не могли затормозить развитие партизанского движения, руководимого коммунистами, и спасти фашистского диктатора¹ и немецких оккупантов — их дни в Италии были сочтены.

А в это время англо-американские войска топтались на полпути между Неаполем и Римом. Операции союзников в Италии, вопреки заявлениям английских и американских руководителей, не могли считаться вторым фронтом. Они не отвлекли ни одной дивизии с советско-германского фронта. Более того, Гитлер продолжал перебрасывать войска с Запада на Восток. В планы Черчилля входило превращение Италии в плацдарм для прыжка на Балканы — продвижение в Югославию, Албанию, Грецию.

Крах германо-итальянского военно-политического союза, обусловленный в первую очередь победами Красной Армии, имел большое международное значение. Фашистская «ось» Берлин — Рим была сломана. Капитуляция Италии была началом развала всего фашистского блока. На очереди стояли Финляндия, Венгрия, Румыния и другие вассалы Гитлера, стремившиеся покинуть тонущий фашистский корабль.

* * *

Исторические документы и факты неопровержимо свидетельствуют: в годы войны правящие круги Англии и США неоднократно нарушали союзнические договоры и соглашения, совме-

¹ Бенито Муссолини был арестован на рассвете 27 апреля 1945 г. близ местечка Донго у озера Комо в Северной Италии бойцами 52-й Гарибальдийской бригады. Помимо Муссолини в здании муниципалитета Донго под охраной партизан были собраны «министры» фашистского правительства, партийные чиновники и военные.

Комитет национального освобождения Северной Италии принял специальный декрет — расстрелять Муссолини и членов его правительства. Исполнение приказа было возложено на представителя главного командования партизан Италии полковника Валерио Гундо. 28 апреля 1945 г. в 16 часов 10 минут Муссолини был расстрелян. На площади Донго, по приговору партизан, были расстреляны и другие фашистские преступники. Трупы Муссолини и его приспешников были подвешены вниз головой на металлических опорах бензозаправочной станции на одной из площадей Милана. Таков был позорный конец фашистского диктатора (см.: Новая и новейшая история, 1965, № 3, с. 57).

стно принятые решения. В то время как Советский Союз один на один вел кровопролитную борьбу с фашистскими армиями, западные разведки вели «тайную войну», плели сеть антисоветских интриг. Характерной чертой сепаратных переговоров западных держав, где бы они ни происходили: в Берне или Цюрихе, Риме или Мадриде, Стокгольме или Стамбуле, была их антисоветская направленность. Об этом свидетельствуют и попытки создания блока капиталистических государств, направленного против СССР, с участием национал-социалистической Германии, и попытки осуществления черчиллевских проектов «Соединенных Штатов Европы», или федераций государств, направленных своим острием против советского народа.

Если бы была использована благоприятная обстановка, созданная разгромом немецко-фашистской армии на Волге, под Белгородом и Курском, и Англией и США были бы нанесены совместные удары по фашистской Германии, война могла закончиться в 1943 г. или в начале 1944 г. «Имеется полная возможность того,— писал Рузвельт главе Советского правительства 5 мая 1943 г.,— что историческая оборона русских, за которой последует наступление, *может вызвать крах в Германии следующей зимой*»¹. (Курсив автора.— Ф. В.) Миллионы человеческих жизней могли быть спасены совместными усилиями союзников.

Однако Англия и США вместо открытия второго фронта предпочли политику выжидания. Вместо разработанной совместно коалиционной стратегии Черчилль и его единомышленники предпочитали попытки сговора с фашистской Германией, рассматривая ее скорее как потенциального союзника, нежели врага.

И если реакционерам в Англии и США не удалось осуществить сговор за спиной СССР, это объяснялось прежде всего историческими победами Красной Армии, действиями советской дипломатии.

Глубокие англо-германские, американо-германские противоречия также стали непреодолимым препятствием для заключения сепаратного мира между ними.

¹ Переписка..., т. 2, с. 62.

Глава VII

ТЕГЕРАНСКАЯ ВСТРЕЧА

Старинный восточный город Тегеран, столица Ирана, расположен на безлесной возвышенности у южного склона невысоких Эльбурсских гор.

В центре города — старинная цитадель с шахским дворцом. От него, подобно лучам солнца, обильно согревающего город, расходятся улицы. Город, а он принял современный облик в конце XVIII в., имеет как бы два лица: одно, составляющее северную часть, напоминает европейские столицы. Прямые, обсаженные каштанами и платанами улицы, сады, парки с правильными квадратами кварталов, застроенных домами европейского образца, дворцами знати, иностранными посольствами и миссиями. Однако более колоритна азиатская, или южная, часть города с кривыми, грязными и пыльными улицами, домиками, спрятавшимися за высокими глинобитными стенами, потрескавшимися, облупившимися от времени. Здесь располагаются мусульманские мечети, вонзающие в небо остроконечные минареты, медресе (духовные семинарии), восточные бани,

караван-сарай, а главное, многочисленные своеобразные восточные базары — эти маленькие Сити, отражающие не только экономическую, но и политическую конъюнктуру страны. Самый крупный из них близ площади Туп-Хане — крытый базар «Эмир». Множество мелких и покрупнее частных лавчонок, едва освещаемых дневным светом, наполняемых истошными криками зазывал, кустарных мастерских, из которых несется неистовый перестук молоточков чеканщиков по серебру и меди, составляет восточное лицо города.

Через Тегеран проходит Трансиранская железная дорога — от Каспийского моря до Персидского залива. По ней, по автомобильным дорогам в годы второй мировой войны от Персидского залива шел поток американского и английского вооружения, амуниции и продовольствия, направляемого Советскому Союзу, героически сражавшемуся против фашистской Германии.

За городом, на склонах Эльбурса, располагаются роскошные дворцы бывшего шаха, летние резиденции иностранных посольств и миссий, виллы местной знати.

Здание советского посольства — основное служебное помещение и небольшой двухэтажный особняк — квартира посла в Тегеране, когда-то принадлежавшие богатому придворному вельможе, располагались на улице Фирдоуси за забором в обширном тенистом парке со столетними платанами, грустными ивами, как бы купающими свои ветви в зеркальных прудах и быстрых водах протекавшего арыка.

Здесь, в Тегеране, в здании советского посольства в конце ноября — начале декабря 1943 г. произошла первая встреча руководителей трех держав антифашистской коалиции: главы Советского правительства И. В. Сталина, президента Соединенных Штатов Америки Франклина Делано Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Это было историческое событие второй мировой войны, обозначившее новый этап в международной жизни, в развитии межсоюзнических отношений.

Решения Тегеранской конференции явились важным вкладом в международное сотрудничество, в разгром фашистской Германии.

ЭХО СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

До конца 1943 г. не произошло ни одной встречи руководителей трех основных держав антифашистской коалиции — СССР, США и Великобритании. В 1941—1943 гг. имели место лишь встречи дипломатов и политиков этих стран в Москве, Лондоне, Касабланке, Вашингтоне, Квебеке на уровне послов, министров. В Касабланке, Вашингтоне, Квебеке в январе—августе 1943 г. встречались Рузвельт и Черчилль. Эти совещания проходили

без участия советских представителей, что обуславливалось не только занятостью главы Советского правительства и Верховного Главнокомандующего Сталина руководством военными операциями Красной Армии и невозможностью покинуть пределы СССР, но и отсутствием единой коалиционной стратегии трех держав — СССР, США и Англии, стремлением политических и военных руководителей западных держав решать международные дела, военные проблемы, самым тесным образом касающиеся Советской страны, без ее участия, а порой и вопреки ее национальным интересам.

Однако многие важнейшие проблемы военного времени требовали безотлагательного решения. Поэтому необходимость встречи руководителей СССР, США и Англии становилась все более и более настоятельной.

К этому политических руководителей США и Англии вынуждали крупнейшие победы Красной Армии, одержанные в конце 1942 и в 1943 г. под Сталинградом и Курском. Эти победы, добытые ценой огромных жертв, создавшие коренной перелом в Великой Отечественной и во всей второй мировой войне, были достигнуты советским народом, его доблестной армией в условиях, когда правящие круги США и Англии грубо нарушали союзнические обязательства, и в частности обязательство об открытии второго фронта в Европе в 1942 г.

Выдающиеся победы Красной Армии вынудили правительства США и Англии пересмотреть некоторые аспекты своей стратегии и тактики. Политические руководители этих стран поняли: Советский Союз может своими силами, без помощи США и Англии выиграть войну, освободить страны Европы от фашистского порабощения. Недаром Рузвельт говорил осенью 1943 г. сыну полковнику Эллиоту Рузвельту: «Ведь если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится»¹.

Рузвельта и Черчилля беспокоило не только устранение германского конкурента, но и то, как бы этот разгром не повлек за собой освобождение народов Европы, которые могли бы пойти по пути коренных демократических преобразований в государственной, экономической и культурной жизни.

СКАПА-ФЛОУ ИЛИ АСТРАХАНЬ, ФЕРБЕНКС ИЛИ ТЕГЕРАН!

Идея встречи Большой тройки — глав правительств СССР, США и Англии исходила от Черчилля и Рузвельта. Она была выдвинута в августе 1943 г. во время Квебекской конференции.

¹ Рузвельт Э. Цит. соч., с. 161.

7 августа 1943 г. британский премьер Черчилль в послании, направленном главе Советского правительства, предлагал организовать встречу трех в Скапа-Флоу на Оркнейских островах Англии¹.

В июле того же года президент США Рузвельт предлагал Сталину организовать двустороннюю встречу².

Сталин сообщил Рузвельту о своем желании превратить «совещание представителей двух государств... в совещание представителей трех государств»³. Местом встречи он предлагал Астрахань или Архангельск. Аналогичный ответ был направлен Черчиллю.

Рузвельт и Черчилль, находившиеся в это время на Квебекской конференции, 19 августа 1943 г. направили главе Советского правительства совместное послание, гласившее: «Мы снова желаем обратить Ваше внимание на важность встречи всех нас троих. В то же время мы полностью понимаем те веские причины, которые заставляют Вас находиться вблизи боевых фронтов»⁴. Черчилль и Рузвельт считали подходящим для встречи Большой тройки город Фербенкс на Аляске.

Если невозможна встреча глав трех правительств, Рузвельт и Черчилль предлагали созвать в ближайшем будущем конференцию министров иностранных дел.

В ответном послании Рузвельту и Черчиллю глава Советского правительства поддержал их мнение о важности встречи Большой тройки. Однако в момент, когда советские армии «с исключительным напряжением ведут борьбу с главными силами Гитлера»⁵, он не мог выехать в столь отдаленный пункт, как Фербенкс. Сталин считал возможной встречу представителей СССР, США, Англии, ведающих иностранными делами, в близком будущем. Глава Советского правительства считал необходимым заранее определить круг вопросов, подлежащих обсуждению представителями трех государств.

В послании Рузвельта главе Советского правительства президент выдвинул идею встречи Большой тройки в Северной Африке между 15 ноября и 15 декабря. В ответе президенту глава Советского правительства считал приемлемой датой созыва конференции Большой тройки в ноябре—декабре. «Местом же встречи,— писал он,— было бы целесообразно назначить страну, где имеется представительство всех трех государств,

¹ См.: Переписка..., т. 1, с. 171.

² Письмо Рузвельта главе Советского правительства от 16 июля 1943 г. в «Переписке...» не опубликовано. Но о нем упоминается в ответе Сталина Рузвельту от 8 августа 1943 г. (см.: Переписка..., т. 2, с. 78—79).

³ Переписка..., т. 2, с. 79.

⁴ Там же, т. 1, с. 177; т. 2, с. 83.

⁵ Там же, т. 1, с. 179; т. 2, с. 86.

например Иран»¹. Так впервые появилось предложение о встрече Большой тройки в Иране.

Через два дня Черчилль ответил согласием отправиться на конференцию в Тегеран, правда предпочитая встречу на Кипре или в Хартуме. От встречи Большой тройки, патетически заявлял Черчилль, будет зависеть не только быстреее окончание войны, но и будущее всего мира.

МИНИСТРЫ СОВЕЩАЮТСЯ В МОСКВЕ

В конце октября — с 19 по 30-е — в Москве впервые за годы второй мировой войны состоялась встреча министров иностранных дел СССР В. М. Молотова, США К. Хэлла и Англии А. Идена. На конференции, проходившей в Доме приемов на Спиридоновке (ныне ул. Алексея Толстого) помимо 12 пленарных заседаний имели место узкие встречи министров иностранных дел.

Главное внимание на конференции было уделено вопросу военного сотрудничества трех держав, тому, какие меры должны быть приняты «для сокращения сроков войны против Германии и ее сателлитов в Европе»². Советская делегация четко поставила вопрос: будут ли в 1944 г. выполнены повторные обещания Черчилля и Рузвельта, данные в начале июня 1943 г., относительно вторжения англо-американских сил в Северную Францию? ³ Опасения Советского правительства, как показал опыт, не были беспочвенными.

Черчилль инструктировал находящегося на конференции Идена — поставить операцию «Оверлорд» в зависимость от «нужд итальянской кампании»; он намеревался по-прежнему пребывать с английскими и американскими армиями в узком «голенище» итальянского сапога ⁴, не выходить в долину реки По. Однако выполнение этого решения не зависело от Черчилля, ход событий определялся успехами Красной Армии, неуклонно продвигавшейся на запад.

В конце концов министры иностранных дел США и Англии подтвердили решение Квебекской конференции об открытии второго фронта в 1944 г.

Важным решением конференции явилась Декларация по вопросу о всеобщей безопасности, позднее легшая в основу Устава Организации Объединенных Наций. Державы, участвующие в войне против гитлеровской Германии, условились вести ее до победы и продолжать сотрудничество после войны. Для этого «они признают необходимость учреждения в возможно

¹ Переписка..., т. 2, с. 91, 92—93.

² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1944, т. 1, с. 358.

³ См.: Переписка..., т. 2, с. 68.

⁴ Churchill W. Op. cit., vol. 5, p. 524.

короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности...»¹.

Декларация об Италии, принятая конференцией, определяла основной принцип политики правительств СССР, США и Англии, направленной на полное уничтожение фашизма в стране и установление демократического режима.

Декларация об Австрии предусматривала необходимость восстановления «свободной и независимой Австрии». В то же время в документе говорилось об ответственности Австрии за участие в войне на стороне гитлеровской Германии и необходимости собственного австрийского вклада в дело освобождения страны.

В Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства главы трех великих держав заявляли и предупреждали: «...те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны...»² Декларация не затрагивала вопроса о главных нацистских военных преступниках, подлежавших наказанию совместным решением правительств союзников.

Таким образом, по некоторым вопросам Московской конференцией министров иностранных дел трех держав были приняты важные решения, по другим — определены основные принципы, по третьим вопросам произошел лишь обмен мнениями.

После завершения конференции во время беседы И. В. Сталина с К. Хэллом, состоявшейся 30 октября, он заявил о готовности СССР принять участие в войне против Японии после разгрома Германии³.

Покидая гостеприимную Москву и высоко оценивая итоги встречи министров трех стран, Иден говорил: «Пока мы все трое вместе — нет ничего, что мы не могли бы осуществить. Если мы не будем вместе, то не будет ничего, что мы сможем осуществить»⁴. Это была справедливая оценка значения совместного сотрудничества СССР, США и Англии. О ней после войны многие американские и английские политики постарались забыть.

Московская конференция способствовала созыву Тегеранской конференции, «явилась, — писал А. Верт, — ее репетицией»⁵.

¹ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.). Сборник документов. М., 1984, с. 321.

² Там же, с. 325, 328, 337.

³ FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran. 1943. Wash., 1961, p. 147.

⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 365.

⁵ Верт А. Цит. соч., с. 542.

Вернувшись из квебекской Цитадели и вашингтонского Белого дома в Лондон, Черчилль снова занялся вопросом о встрече глав трех правительств.

В конце сентября он писал главе Советского правительства: «Я обдумывал нашу встречу глав правительств в Тегеране». Что же надумал беспокойный английский премьер?

Условным обозначением этой операции Черчилль предлагал древнегреческое слово «Эврика» («я нашел»); а вместо слова «Тегеран» использовать шифр «Каир III»¹. Черчилль, очевидно, отождествлял себя со знаменитым Архимедом, открывшим важнейший закон гидростатики. Правда, он намеревался совершить в Тегеране не «открытие», а «закрытие» второго фронта. Для охраны делегатов и участников конференции Черчилль предлагал перебросить в Тегеран английскую и русскую бригады. Были и предложения по деталям маскировки операции.

В ответном послании глава Советского правительства выразил согласие на все условные наименования в переписке, на все отвлекающие маневры, кроме переброски английской и русской бригад в район «Каир III», то есть в Тегеран. Сталин предлагал ограничиться солидной внутренней охраной².

Однако против места созыва конференции трех в Тегеране выступил Рузвельт, ссылаясь на некоторые особенности конституции США и предстоящую сессию конгресса. Вместо Тегерана Рузвельт предложил Каир или столицу бывшей итальянской колонии Эритреи Асмару. Рузвельт любезно предлагал главе Советского правительства американский военный корабль для встречи в каком-нибудь порту в восточной части Средиземного моря. Назывались для проведения конференции и окрестности Багдада. Датой встречи предлагалось 20—25 ноября³.

Соглашаясь с датой встречи, глава Советского правительства настаивал на проведении ее в Тегеране, чтобы по телеграфу и телефону продолжать руководить военными операциями Красной Армии.

В конце октября Рузвельт направил главе Советского правительства новое послание, продолжая настаивать на созыве конференции в окрестностях Багдада, Асмаре, в Анкаре или Басре, на берегу Персидского залива. «Будущие поколения сочли бы трагедией тот факт,— писал Рузвельт,— что несколько сот миль помешали Вам, г-ну Черчиллю и мне встретиться»⁴.

¹ См.: Переписка..., т. 1, с. 188—190.

² См.: Переписка..., т. 1, с. 204—205.

³ См. там же, т. 2, с. 102—103.

⁴ Переписка..., т. 2., с. 107.

Государственный секретарь Хэлл и Иден, в это время находившиеся на Московской конференции министров иностранных дел, убеждали главу Советского правительства выехать на встречу в один из городов, предлагаемых Рузвельтом.

Поскольку Сталин, как Верховный Главнокомандующий, не мог направиться на конференцию дальше Тегерана, он предложил послать в любое место своего представителя. Рузвельт отступил и дал согласие на встречу Большой тройки в Тегеране, намереваясь прибыть туда 26 ноября и работать на конференции в течение 27—30 ноября.

Глава Советского правительства принял этот план организации встречи.

В свою очередь Черчилль выразил готовность встретиться «в любом месте, в любое время».

Черчилль предлагал пригласить в Тегеран Чан Кайши, но глава Советского правительства настаивал на встрече руководителей только трех правительств — СССР, США и Англии¹.

ПЛАНЫ КАИРСКОЙ ВСТРЕЧИ

В тот момент, когда происходила горячая полемика между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным о месте и дате созыва конференции руководителей трех великих держав, британский премьер вновь обдумывал планы сепаратной встречи с президентом США. Он предлагал президенту организовать совещание руководителей военных штабов США и Англии, затем присоединиться к их совещанию и после принятия соответствующих решений совместно отправиться в Тегеран².

Рузвельт предлагал встретиться с Черчиллем в Африке, у Пирамид, с тем чтобы к концу встречи был приглашен на совещание Чан Кайши³.

Однако, когда Рузвельт предложил пригласить и советского военного представителя на совещание руководителей англо-американских военных штабов, чтобы он мог принять участие в их решениях, это всполошило Черчилля. Он категорически высказался против этой идеи, мотивируя свой отказ тем, что приглашение русского военного представителя на совещание англо-американских штабов задержало бы их работу⁴. При этом Черчилль пустил в ход и такой аргумент — русские военные не знают английского языка!

Дело было, конечно, не в том, знают или не знают советские офицеры или генералы английский язык (нашлись бы десятки

¹ Переписка..., т. 1, с. 210—211.

² Churchill W. Op. cit., vol. 5, p. 277.

³ Ibid., p. 279.

⁴ Ibid., p. 279—280.

подходящих людей). В действительности Черчилль хотел продолжать тактику сепаратных действий за спиной союзника. Британский премьер понимал: советские представители мешали бы английским генералам и адмиралам осуществлять его планы в отношении дальнейшего саботажа открытия второго фронта и в 1944 г., несмотря на решения, принятые в Квебеке.

Правда, Черчилль и Рузвельт проформы ради пригласили советских военных представителей прибыть в Каир, где была намечена их встреча перед Тегераном. Черчилль надеялся, что советские делегаты приехать не смогут. Так это и произошло. Советская сторона воздержалась от участия в Каирской конференции потому, что там должен был присутствовать представитель гоминьдановского Китая Чан Кайши и участие в ней представителя СССР могло повлечь осложнения в японо-советских отношениях¹. Советские политики сосредоточили все усилия на подготовке к Тегеранской конференции.

Вечером 11 ноября 1943 г. Рузвельт покинул Белый дом и отправился в сопровождении Гопкинса, Леги, Болена на морскую базу Куантико в Виргинии. Здесь они вступили на борт яхты «Потомак». Затем Рузвельт прибыл в порт Хемптон-Роуд, где его и сопровождающих президента лиц ожидал линейный корабль «Айова». Здесь к президенту присоединились генерал Маршалл, адмирал Кинг, генерал Арнольд — до 60 политиков, дипломатов и военных.

13 ноября линкор «Айова», эскортируемый эсминцами, вышел в Атлантический океан, взяв курс к берегам Европы. В пути Рузвельт продолжал усиленную подготовку к «Эврике». В океане не обошлось без инцидента: один из сопровождавших «Айову» эсминцев по ошибке выпустил в линкор торпеду, прошедшую от него в двухстах метрах².

Утром 20 ноября линкор «Айова» пришвартовался в алжирском порту Оран. Здесь Рузвельта встретили его сыновья — полковник Эллиот Рузвельт и лейтенант Франклин Рузвельт, а также генерал Дуайт Эйзенхауэр. В тот же день вечером самолет президента «Дуглас С-54», за которым неофициально закрепилось название «Священная корова», вылетел в Тунис. На тунисском аэродроме Эль-Ауина самолет президента приземлился поздно ночью. Рузвельт направился в «виллу № 1» в Карфагене, на берегу живописного Тунисского залива. До него здесь жил немецкий генерал, командовавший фашистскими частями в Африке до того, как их разгромили англо-американские войска.

¹ См.: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978, с. 67. (Далее — Тегеранская конференция...)

² См.: *Шервуд Р.* Цит. соч., т. 2, с. 458.

Рузвельт осмотрел развалины древнего Карфагена, знаменитый Амфитеатр, Акведук. Он видел недавние поля сражений, сожженные немецкие танки, обломки самолетов эскадрилий поверженного «тигра пустыни» Роммеля, инспектировал воинскую часть летчиков, где служил Эллиот Рузвельт.

Поздно ночью самолет президента взял курс на Каир. Рано утром 22 ноября «Дуглас С-54» коснулся колесами бетонной дорожки каирского аэродрома английских военно-воздушных сил. Рузвельт, Гопкинс, Леги разместились в вилле американского посла Александра Кэрка в западном пригороде Каира Менд.

Черчилль отправился из Плимута на корабле «Ринаун» в путешествие, длившееся почти два месяца: после Тегерана он заболел в Тунисе и пробыл там до половины января 1944 г. Корабль прошел мимо высоких скал Гибралтара, пересек голубую гладь Средиземного моря и утром 21 ноября бросил якорь в Александрии. Небольшой перелет — и вскоре Черчилль и сопровождавшие его лица, среди них и дочь Сара Оливер, ставшая его адъютантом, расположились в вилле английского посла в Египте в нескольких километрах от Каира. Недалеко от его виллы уже обосновались Чан Кайши и его супруга.

Операция «Секстант» — так была зашифрована каирская встреча Рузвельта, Черчилля и их штабов — должна была начаться около 22 ноября 1943 года.

ПЕРЕД КАИРСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ

Как стало известно из рассекреченных английских документов, английское правительство тщательно готовилось к Тегеранской конференции, вырабатывало планы предварительного сговора с США, с тем чтобы продиктовать советской делегации свою программу, связанную со средиземноморско-балканской стратегией Черчилля, с саботажем открытия второго фронта.

За десять дней до открытия Тегеранской конференции У. Черчилль дал задание генералу Исмэю, начальнику штаба министра обороны, подготовить вопросы повестки дня в Тегеране «для наших переговоров с дядей Джо (то есть со Сталиным. — Ф. В.) так же как для заседаний на конференции военных представителей трех держав»¹.

Буквально через день генерал Исмэй подготовил проект повестки дня конференции в Тегеране. Главной проблемой он считал обсуждение военных планов на 1944 г. «Главы английских и американских штабов, — гласил документ, — представят на рассмотрение главе советского Генерального штаба военные

¹ PRO, Series D(S), 6/3.

планы англо-американских сил на 1944 г.». Поэтому «объектом дискуссий должен быть вопрос о помощи друг другу».

Была выражена надежда на новое наступление войск Красной Армии на советско-германском фронте. Предлагалось также обсудить в Тегеране вопрос о вступлении Турции в войну против фашистской Германии.

У. Черчилль продолжал развивать свой неизменный план балканской стратегии. Он считал: «Новые усилия должны быть предприняты, чтобы установить контроль в Адриатике. Необходимо, чтобы были предприняты операции на Балканах»¹. Стрелка компаса стратегии Черчилля неизменно показывала на Балканы!

В то же время в меморандуме, направленном 20 ноября 1943 г. английскому Комитету начальников штабов, Черчилль стремился пересмотреть принятое в Квебеке решение об открытии второго фронта в Европе. «Над нами,— писал Черчилль в меморандуме,— нависла тень «Оверлорда»... Ныне мы стоим перед лицом фиксации цели и даты «Оверлорда», что будет мешать планам военной кампании в Средиземном море».

Для будущей дискуссии в Тегеране, по заданию Черчилля, ему был представлен доклад отдела планирования операций при адмиралтействе, в котором изобретались аргументы в защиту тезиса для откладывания операции «Оверлорд» (плохая погода и т. д.)².

В свою очередь в записке английского посольства в Каире, направленной Черчиллю по вопросу повестки дня в Тегеране, предполагалось рассмотреть вопросы: о вовлечении Турции в войну путем давления на президента Иненю; о работе Европейской консультативной комиссии; проблему Польши, ее будущих границ. На документе посла стоит резолюция Идена: «Я согласен с этим»³.

Таким образом, английские политики еще накануне Каирской встречи с делегацией США готовились навязать в Тегеране свою точку зрения по важнейшим проблемам межсоюзнических отношений.

ОПЕРАЦИЯ «СЕКСТАНТ»: ИТОГИ

Каирская встреча Рузвельта и Черчилля, проходившая 22—26 ноября 1943 г., была генеральным смотром «боевых порядков»⁴ политиков и военных США и Англии перед Тегераном.

Делегация США в Каире намеревалась также обсудить положение на Дальнем Востоке для нанесения решающего удара

¹ PRO, Premier 3/136/5, vol. 1. COS «Sextant».

² Ibid., p. 50, 51.

³ PRO, Premier 3/136/5, 26.XI. 1943.

⁴ См.: Мэтлофф М. Цит. соч., с. 421.

по Японии¹. Чан Кайши «сильно мешал, — по словам Черчилля, — переговорам английских и американских штабов», пытаясь выдвинуть на первое место в переговорах «китайский вопрос». Черчилль пытался убедить генералиссимуса и его жену подольше осматривать Пирамиды, Сфинкс и другие достопримечательности Египта. Но недогадливый Чан, а главное, его решительная супруга — подшучивали, что не он, а она возглавляла китайскую делегацию — хотели играть первую скрипку в большом политическом трио.

Первое пленарное заседание Каирской конференции, где присутствовали Рузвельт, Черчилль, Чан Кайши, сопровождаемые Гопкинсом, Леги, Маршаллом, Кингом, Арнольдом (от США), Бруком, Порталом, А. Кеннингхэмом (от Англии), состоялось на вилле президента утром 23 ноября. Оно было коротким. Речь шла о повестке дня Тегеранской конференции. По указанию Рузвельта адмирал Маунтбэттен сообщил Чан Кайши план намеченных в Квебеке операций в Юго-Восточной Азии, о ходе военных действий в Бирме. Когда Чан Кайши попытался обсуждать этот вопрос, Черчилль бесцеремонно оборвал его².

На следующий день Рузвельт созвал второе пленарное заседание, избавившись от участия чанкайшистской делегации. Главной проблемой, обсуждавшейся на заседании, был вопрос о военных операциях англо-американских войск в Европе и Средиземном море; обсуждался план «Оверлорд».

Несмотря на решение Квебекской конференции открыть второй фронт в мае 1944 г., Черчилль вновь ратовал за свой излюбленный балканский вариант, забыв, кстати говоря, о недавней неудаче английских войск по захвату Додеканезских островов — Кос, Самос, Лерос. Он доказывал необходимость дальнейшего наступления на Адриатическом побережье (якобы для помощи армии Тито)³.

Черчилль рисовал мрачную картину трудностей, связанных с осуществлением операции «Оверлорд», и заявил, что Англия может выделить для этой цели не более 16 дивизий. Черчилль ставил осуществление «Оверлорда» в зависимость от операций в Средиземном море, то есть вновь отстаивал балканский стратегический вариант.

Поясняя свою позицию, Рузвельт отмечал: «премьер Сталин придает «Оверлорду» величайшее значение, как единственной операции, заслуживающей внимания... Но логичной является проблема — в состоянии ли мы сохранить «Оверлорд» во всей его целостности и в то же время вести операции в Средиземном море»⁴.

¹ История второй мировой войны 1939—1945, т. 8, с. 27.

² FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, p. 305.

³ PRO, Premier 3/136/5, p. 25—27.

⁴ Ibidem.

Рузвельта, как и Черчилля, беспокоило быстрое продвижение Красной Армии на Балканы. Тем не менее президент занял в Каире позицию относительно Балкан, не соответствующую расчетам британского премьера.

Президент и премьер вновь поручили своим штабам изучить проблему масштабов и сроков военных операций в Европе и на Средиземном море в 1944 г.¹

Окончательные решения по вопросам союзной стратегии в Европе на Каирской конференции не были приняты.

На Каирской конференции обсуждался также вопрос о вовлечении Турции в войну на стороне союзников. (Однако более детально эта проблема рассматривалась на второй Каирской конференции, проходившей в начале декабря 1943 г., после окончания Тегеранской конференции.)

Вторая встреча Рузвельта, Черчилля и Чан Кайши состоялась 26 ноября. Была выработана заключительная декларация. Правда, было решено не публиковать ее до завершения тегеранской встречи Большой тройки и одобрения документа Советским Союзом. Декларация, принятая США, Англией и Китаем, гласила:

«Три великих союзника ведут эту войну, чтобы остановить и покарать агрессию Японии... Их цель заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила после начала войны... чтобы территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза (Тайвань. — *Ф. В.*) и Пескадорские острова были возвращены Китайской республике»².

Завершив конференцию в Каире, а она вновь выявила различие точек зрения США и Англии по ряду вопросов глобальной военной стратегии между американскими и английскими политиками, Рузвельт и Черчилль направились в Тегеран.

ФАШИСТСКАЯ РАЗВЕДКА ГОТОВИТСЯ...

Около трех часов дня, после более чем шестичасового беспосадочного полета, самолет президента приземлился на тегеранском аэродроме. Американская служба безопасности, заботясь о строжайшей секретности, быстро доставила Рузвельта в миссию США в Иране, где он стал гостем американского посланника Луиса Дрейфуса.

Черчилль направился из Каира в Тегеран своим путем. В Тегеране его встретили с большой помпой, по пути его следования

¹ PRO, Premier 3/136/5, p. 28.

² *Эрман Дж.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М., 1958, с. 145.

через каждые 40—50 метров были выставлены иранские конные патрули, а впереди мчалась, громко сигнали, полицейская машина.

Черчилль остановился в здании британской миссии, почти примыкавшей к территории советского посольства в Тегеране. С помощью охраны индийской бригады и советских частей безопасности создавалась как бы единая изолированная «зона безопасности» для участников конференции.

Американская миссия находилась на окраине города, в нескольких километрах от советского посольства и британской миссии. Это означало, что Рузвельту пришлось бы два-три раза в день ездить в советское посольство, где были намечены пленарные заседания конференции, подвергаясь опасности нападения агентов фашистской разведки.

Накануне и в начале второй мировой войны гитлеровская Германия превратила Иран в плацдарм для враждебных действий против СССР и Англии. Германия наводнила страны Ближнего и Среднего Востока, и особенно Иран, тайными агентами, «инструкторами», число которых к августу 1941 г. достигло 4 тыс.

Большая часть их действовала на границе с СССР. Практически они создавали «пятую колонну» в Иране¹.

В¹ правительственных учреждениях Ирана подвизались германские «советники» — агенты абвера и гестапо, стремившиеся вовлечь Иран в войну против СССР. Гитлеровцы имели в стране тайные аэродромы в пустынях, склады оружия и боеприпасов, организовывали и обучали диверсионные группы, перебрасываемые в СССР. Создалась угроза фашистского переворота в Иране, серьезная опасность для СССР и всей антифашистской коалиции. Неоднократные попытки Советского правительства повлиять на правительство прогермански настроенного Реза шаха оказались безрезультатными.

В целях предотвращения враждебных СССР и его союзникам происков германской агентуры и в соответствии со статьей 6 советско-иранского договора 1921 г. СССР к августу 1941 г. ввел свои войска в Северный Иран. Одновременно на юг Ирана были введены английские войска. Реза шах отрекся от престола и выехал в Южную Африку.

Хотя Иран был основательно очищен от фашистской агентуры, агенты секретных служб Канариса и Шелленберга, гестапо, ведомства Риббентропа, руководимые на Востоке германским послом в Турции фон Папеном, в глубоком подполье продолжали свою подрывную работу. Перед немецким шпионско-диверсионным центром в Иране была поставлена главная задача — нарушать коммуникации, идущие от Персидского залива к границам СССР, по которым США и Англия поставляли вооруже-

¹ Parliamentary Debates. House of Commons, 1943, vol. 373, col. 79.

ние и снаряжение для Красной Армии. Немецкие диверсанты неоднократно взрывали мосты, туннели, рельсовый путь Транс-иранской магистрали¹.

На севере Ирана тайно подвизался под видом муллы бывший германский генеральный консул в Тавризе эсэсовский агент Юлиус Шульце. В 1943 г. Юлиус Шульце скрывался в районе Исфагана — бывшей столице Ирана. Он поддерживал радиосвязь с Берлином. В районе Тегерана орудовал резидент гестапо некий Майер, замаскировавшийся под «могильщика» на армянском кладбище, поддерживавший связь с Шульце². Хотя иранское правительство приняло некоторые меры в отношении группы Майера и выслало некоторых лиц из Ирана, его агенты еще скрывались в Тегеране³.

Накануне Тегеранской конференции фашистской разведке стало известно о подготовке встречи Большой тройки (очевидно, сведения об этом просочились через английского посла в Турции Хьюджессена, камердинером у которого, как оказалось, служил агент фашистской разведки).

Фашистская разведка разрабатывала сверхсекретный план, зашифрованный кодовым названием «Дальний прыжок», предусматривавший убийство Сталина, Рузвельта и Черчилля, намереваясь тем самым изменить весь ход второй мировой войны. Осуществление этого плана было поручено убийце бывшего австрийского канцлера Дольфуса и похитителю Муссолини штурмбанфюреру СС Отто Скорцени. Это был любимец Гитлера и Кальтенбруннера.

Незадолго до Тегеранской конференции на помощь Шульце и Майеру из копенгагенской школы диверсантов Отто Скорцени в район Шираза были десантированы самые опытные диверсанты-убийцы во главе со штурмбанфюрером Мерцем. Вместе с диверсантами были сброшены радиопередатчики, большое количество оружия, бомбы. Диверсанты были укрыты в надежном убежище⁴. Однако Отто Скорцени и другим немецким агентам не удалось осуществить свой гнусный замысел — советские чекисты раскрыли планы фашистской разведки.

Из ровенских лесов временно оккупированной территории Советской Украины, из партизанского отряда, возглавляемого полковником Дмитрием Медведевым, в Москву поступил сигнал о подготовке покушения на членов Большой тройки в Тегеране. Раскрыть намерения фашистской разведки удалось легендарному советскому военному разведчику Николаю Кузнецову, действовавшему под прикрытием документов немецкого оберлейтенанта Пауля Зиберта.

¹ См.: *Кукридж Е. Х.* Цит. соч., с. 238.

² См.: *Бережков В.* Цит. соч., с. 21.

³ См.: *Тегеранская конференция...*, с. 76.

⁴ См.: *Кукридж Е. Х.* Цит. соч., с. 237—238.

Кузнецову удалось вывести эти важнейшие разведывательные данные через штурмбанфюрера СС Ортеля, с которым он познакомился в оккупированном Ровно. Ортель агитировал Зиберта — Кузнецова перейти на службу в СС и сделать «блестящую карьеру». Для начала он предложил ему «рисковать жизнью» — поехать в Тегеран. В Тегеране, проболтался Кузнецову Ортель, «соберется в ноябре Большая тройка: Сталин, Рузвельт и Черчилль. Ортель недавно вернулся из Берлина и получил задание от главы гестапо Мюллера «ликвидировать Большую тройку»¹.

Кузнецов немедленно сообщил эту информацию в отряд Медведева. Радиограмма полетела в Москву, куда и по другим каналам поступили аналогичные сведения. Срочно были приняты все необходимые дополнительные меры, обеспечивавшие безопасность Большой тройки. Отто Скорцени не удалось осуществить «Дальний прыжок». Многие немецкие агенты в Иране были обезврежены.

РУЗВЕЛЬТ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ В СОВЕТСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Органы безопасности СССР, США и Англии должны были принять все возможные меры, чтобы обезопасить участников Тегеранской конференции от немецких шпионов и диверсантов.

Одной из таких мер было переселение Рузвельта в здание советского посольства или британской миссии в Тегеране. Однако Рузвельт, недооценивая грозившую ему опасность, сначала отказался от этого предложения, сделанного ему еще перед отъездом из Каира. Он, естественно, не хотел быть в какой-либо степени связанным, чувствовать себя «гостем» на частице советской или английской земли в Иране.

Однако, когда руководителям Советского правительства стало доподлинно известно о подготовке покушения на членов Большой тройки, нарком иностранных дел СССР пригласил в советское посольство в Тегеране посла США в Москве Гарримана. Он сообщил ему о подготовке покушения на Рузвельта и других членов Большой тройки и посоветовал убедить президента остановиться в советском посольстве в Тегеране².

Гарриман, встретившись с Рузвельтом в миссии США, убеждал его: Тегеран кишит немецкими шпионами и диверсантами. На советского или английского представителя по пути в миссию США или, наоборот, на дороге в посольство СССР или миссию Англии может быть организовано покушение. Поэтому он настоятельно рекомендует Рузвельту занять подготовленную

¹ Медведев М. Сильные духом. М., 1958, с. 329.

² См.: Тегеранская конференция..., с. 75.

в советском посольстве резиденцию. Президент согласился и 28 ноября переехал вместе с Гопкинсом, Леги в главное здание советского посольства, туда, где проходили пленарные заседания конференции¹.

Рузвельту были оборудованы кабинет; столовая, спальня, кухня. Апартаменты президента сообщались прямо с большим залом, где встречалась Большая тройка. Они были гораздо удобнее помещений миссии США, имели центральное отопление (что для Тегерана было большой редкостью), а главное, надежно обеспечивалась безопасность участников конференции.

После окончания тегеранской встречи и возвращения в Вашингтон Рузвельт сделал специальное заявление на пресс-конференции, почему он остановился в Тегеране в советском посольстве, а не в американской миссии. (Желтая пресса США охарактеризовала этот шаг Рузвельта как «похищение президента советским ГПУ».)

Рузвельт заявил: главе Советского правительства «стало известно о германском заговоре», о возможности покушения. Поэтому он просил президента «остановиться в советском посольстве, чтобы избежать необходимости поездок по городу».

Для немцев было бы довольно большим успехом, добавил Рузвельт, «если бы они могли разделиться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана»². Остальные члены американской делегации и технический персонал размещались в миссии США и за городом, в Кэмп-парке, где находился американский штаб войск в Иране.

Члены советской делегации разместились близ главного здания посольства в небольшом доме, занимаемом советским поверенным в делах в Иране М. А. Максимовым. Советское посольство в Тегеране, по свидетельству Черчилля, на несколько дней превратилось «в центр всего мира».

РАБОТА «ЭВРИКИ» НАЧАЛАСЬ

В воскресенье 28 ноября 1943 г., в 4 часа дня, открылось первое пленарное заседание Тегеранской конференции, продолжавшееся три с половиной часа. В большом зале стилиа ампир за круглым столом, покрытым сукном кремового цвета, впервые за два с половиной года Великой Отечественной войны и за все годы второй мировой войны собрались руководители трех союзных держав: И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль. В состав советской делегации входили народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов и маршал К. Е. Ворошилов.

¹ См.: Тегеранская конференция..., с. 76.

² Правда, 1943, 19 декабря.

В составе делегации США были: специальный помощник президента Г. Гопкинс, посол в СССР А. Гарриман, начальник штаба армии США генерал Д. Маршалл, главнокомандующий военно-морскими силами США адмирал Э. Кинг, начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Г. Арнольд, начальник снабжения армии США генерал Б. Сомервелл, начальник штаба президента адмирал У. Леги.

В делегацию Великобритании входили: министр иностранных дел А. Иден, начальник имперского генерального штаба генерал А. Брук, посол в СССР А. Керр, фельдмаршал Д. Дилл, первый морской лорд-адмирал Э. Кеннингхэм, начальник штаба военно-воздушных сил Великобритании главный маршал авиации Ч. Портал, начальник штаба министра обороны генерал Х. Исмэй¹.

За одним столом в Тегеране встретились профессиональный революционер Сталин, родовитый аристократ из древнего английского рода герцогов Мальборо Черчилль, всю свою жизнь посвятивший борьбе с коммунизмом, и, наконец, аристократ, защитник интересов финансового капитала США Франклин Делано Рузвельт.

При полной противоположности политических взглядов представителей двух общественных систем — системы социализма и системы капитализма, при самом различном понимании целей войны у них была и общая задача — разгром фашистской Германии и ее союзников.

Поскольку в Тегеране не было утвержденной повестки дня, дискуссии велись свободно, подчас недостаточно систематично, затрагивая разные проблемы. По взаимной договоренности Рузвельт был избран председателем конференции, что он и осуществлял на всех четырех пленарных заседаниях с большим тактом, искусством и хладнокровием.

Рузвельт, открывая заседание, сказал:

— Я хочу заверить членов новой семьи — собравшихся за этим столом участников настоящей конференции — в том, что мы все собрались здесь с одной целью, с целью выиграть войну как можно скорее...²

Рузвельт предлагал обсудить и другие проблемы, например проблемы послевоенного устройства.

Черчилль, взявший слово за Рузвельтом, так обрисовал значение встречи:

— Это — величайшая концентрация мировых сил, которая когда-либо была в истории человечества. В наших руках решение вопроса о сокращении сроков войны, о завоевании победы, о будущей судьбе человечества...³

¹ См.: Тегеранская конференция..., с. 156.

² Там же, с. 82.

³ Там же, с. 82—83.

Если бы Черчилля по-настоящему беспокоили судьбы человечества, британские и американские армии сделали бы все возможное, чтобы своевременно открыть второй фронт, спасти тем самым сотни тысяч, миллионы человеческих жизней. А пока это были лишь хорошие слова.

Глава советской делегации, приветствуя участников конференции, выразил надежду на ее успех, пожелав «в должной мере, в рамках сотрудничества, использовать ту силу и власть, которую нам вручили наши народы»¹.

ВОКРУГ ОПЕРАЦИИ «ОВЕРЛОРД»

Важнейшими вопросами, обсуждавшимися в Тегеране, были проблемы дальнейшего ведения войны, и прежде всего вопрос о втором фронте.

На первом же заседании глав правительств в Тегеране советская делегация настойчиво добивалась от правительств США и Англии точного выполнения принятых обязательств и осуществления крупных военных операций в Северной Франции.

— По-моему, было бы лучше, — указывал глава советской делегации, — чтобы за базу всех операций в 1944 году была взята операция «Оверлорд». Если бы одновременно с этой операцией был предпринят десант в Южной Франции, то обе группы войск могли бы соединиться во Франции. Поэтому было бы хорошо, если бы имели место две операции: операция «Оверлорд» и в качестве поддержки этой операции — высадка в Южной Франции².

Советская делегация считала: наибольший результат с военной точки зрения дал бы удар по врагу в Северной или Северо-Западной Франции, являвшейся наиболее слабым местом германской обороны.

Черчилль продолжал отстаивать свою «средиземноморско-балканскую стратегию», настойчиво добивался принятия плана вторжения англо-американских войск на Балканы, в Восточное Средиземноморье, даже если это задержит осуществление операции «Оверлорд» на два-три месяца³.

До начала операций по форсированию Ла-Манша Черчилль убеждал провести операцию на итальянском фронте по занятию Рима. Он предлагал выделить из 22—23 дивизий, которые находятся в районе Средиземного моря, лишь «достаточное количество» частей для удара во Франции, а «остальные дивизии

¹ Тегеранская конференция..., с. 83.

² Там же, с. 89.

³ См. там же, с. 121.

будут держать фронт в Италии»¹. Нетрудно было понять: стремление Черчилля атаковать Германию не с запада, а с юга или с юго-востока, склонить союзников предпринять основные операции на Балканах или в восточной части Средиземного моря неминуемо повело бы к отсрочке, если не к срыву «Оверлорда». Эти операции, как известно, не могли бы заменить второго фронта во Франции и преследовали не столько военные, сколько политические цели.

Черчилль, говорил Рузвельт своему сыну Эллиоту, «смертельно боится чрезмерного усиления русских»².

Советская делегация, не допуская отсрочки операции «Оверлорд» до июля—августа 1944 г., что было бы равносильно ее срыву, настаивала, чтобы май был предельным сроком для осуществления этой операции.

Черчилль вновь был готов сорвать сроки операции «Оверлорд», зафиксированные в Квебеке.

— Мы не можем гарантировать, — запальчиво говорил британский премьер, — что будет выдержана точно дата 1 мая. Установление этой даты было бы большой ошибкой. Я не могу пожертвовать операциями в Средиземном море...³

Нежелание английской делегации назвать точную дату открытия второго фронта вынудило главу советской делегации поставить перед англичанами вопрос: «Верят ли они в операцию «Оверлорд», или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских»⁴.

Черчилль снова не дал точного ответа. Не было дано ответа главе советской делегации и на вопрос, кто несет ответственность за проведение операции «Оверлорд», то есть кто назначен ее главнокомандующим?

— Этот вопрос еще не решен, — сказал Рузвельт.

— Тогда ничего не выйдет из операции «Оверлорд», — резонно заметил Сталин⁵.

«На Тегеранской конференции подтвердилась обоснованность существовавших еще до ее созыва опасений Сталина относительно того, что западные союзники хотели бы выхолостить либо вообще свести на нет идею открытия второго фронта против гитлеровской Германии. Маневры, предпринимавшиеся вокруг этой идеи, особенно английским премьером Черчиллем, а также постоянный перенос руководством США и Англии сроков начала военных действий в Западной Европе вызывали в Москве законное недоверие к политике наших партнеров по антигитлеровской коалиции»⁶.

¹ Тегеранская конференция..., с. 123.

² Рузвельт Э. Цит. соч., с. 187.

³ Тегеранская конференция..., с. 90.

⁴ Там же, с. 119.

⁵ Там же, с. 110.

⁶ Грамыко А. А. Памятное. М., 1988, кн. 1, с. 173.

В работе конференции наступил кризис.

Во время встречи главы советской делегации с Черчиллем, состоявшейся 30 ноября до общего заседания, он снова поставил вопрос, когда состоится операция «Оверлорд», отметив: «Если этой операции в мае месяце не будет, то ее не будет вообще, так как через несколько месяцев погода испортится и высадившиеся войска нельзя будет снабжать в должной мере»¹.

Далее было заявлено: в случае осуществления союзниками десанта в Северной Франции Красная Армия перейдет в наступление, подготовив «не один, а несколько ударов по врагу». Это заявление выбило у Черчилля основу для дальнейшей оттяжки решения об открытии второго фронта, хотя он и уклонился от конкретного ответа.

Позиция Рузвельта в поддержку «Оверлорда» была усилена принципиальным согласием Советского правительства вступить в войну против Японии после окончания войны в Европе. Это в значительной степени предопределило его позитивное решение по вопросу об открытии второго фронта в Нормандии, рекомендованное его военными советниками.

ВТОРОЙ ФРОНТ БУДЕТ ОТКРЫТ... НО КОГДА!

Когда руководители трех держав собрались 30 ноября на третье пленарное заседание, Сталину было сообщено решение Рузвельта и Черчилля, подготовленное на совещании Объединенного комитета начальников штабов США и Англии. «Операция «Оверлорд», — гласило решение, — состоится в течение мая месяца. Эта операция будет поддержана операцией против Южной Франции» (операция «Энвил»). Предварительно это решение было сообщено главе советской делегации Рузвельтом на завтрак, предшествовавшем заседанию Большой тройки².

Черчилль на сей раз выступил как ярый приверженец координации операций союзников, «чтобы по врагу был нанесен одновременно удар с обеих сторон».

Для предотвращения переброски немецких войск с Восточного фронта на Западный, что затруднило бы осуществление «Оверлорда», СССР, верный союзническому долгу, согласился к моменту начала десантных операций во Франции «подготовить сильный удар по немцам».

Рузвельт сообщил: главнокомандующий операцией «Оверлорд» будет назначен «в ближайшее время».

Важной причиной, повлиявшей на позицию правительства США в вопросе об открытии второго фронта, являлась, как уже

¹ Тегеранская конференция..., с. 124.

² См. там же, с. 126.

отмечалось, боязнь опоздать с вторжением в Западную Европу. Рузвельт опасался, как бы вся Германия, Дания, Нидерланды, Бельгия, а возможно, и Франция не были освобождены Красной Армией¹. Он считал: перенесение акцента военных действий на Балканы может отрицательно сказаться на операции «Оверлорд», поставить ее под угрозу. Поэтому он снова, как и в Каире, недоброжелательно отнесся к «балканскому варианту» Черчилля. План британского премьера был отклонен также благодаря энергичным возражениям делегации СССР.

В Тегеране, впервые в истории межсоюзнических отношений в период второй мировой войны, были согласованы совместные действия и операции армий СССР, Англии и США. Численность армии вторжения во Францию должна была составить 35 дивизий, из них 16 британских и 19 американских. За этими силами последовали бы главные силы — около 1 млн человек², поддержанные мощным военно-морским флотом и авиацией.

По предложению Черчилля штабы союзников сотрудничали в деле маскировки операции «Оверлорд». «В военное время, — говорил Черчилль, — правда является такой драгоценностью, что ее всегда должен охранять целый отряд лжи»³.

В Декларации трех держав, опубликованной после окончания Тегеранской конференции, руководители СССР, США и Англии заявили: «Мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга».

Руководители союзных держав твердо заявили: «Никакая сила в мире не может помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим»⁴.

Тегеранские решения определили основы тройственной коалиционной стратегии. Вскоре фашистская Германия ощутила на себе мощные удары союзников не только с востока, но с запада и юга.

О БУДУЩЕМ ГЕРМАНИИ

В Тегеране главы трех правительств обсудили не только военные, но и политические вопросы. Одной из таких проблем было будущее Германии. На заключительном заседании конференции, состоявшемся 1 декабря, Рузвельт изложил составленный им

¹ См.: История второй мировой войны, т. 8, с. 31.

² См.: Тегеранская конференция..., с. 88.

³ Churchill W. Op. cit., vol. 5, p. 338.

⁴ Тегеранская конференция..., с. 157.

план расчленения Германии на пять автономных государств: Пруссию (в уменьшенных размерах); Ганновер и северо-западные районы; Саксонию и район Лейпцига; Гессенскую провинцию, Дармштадт, Кассель и районы к югу от Рейна; Баварию, Баден, Вюртемберг. Кильский канал, Гамбург, а также Рур и Саарская область должны быть поставлены под контроль Объединенных Наций¹. Таким образом, Рузвельт предлагал расчленить Германию на пять государств и две территории под опекой ООН.

Черчилль выдвинул план расчленения Германии на три части: Пруссию, Южную Германию (Бавария, Баден, Вюртемберг, Палатинат (Рейнский Пфальц.— *Ф. В.*) и Рур². Черчилль считал возможным сохранить Пруссию в качестве национального государства, а южногерманские государства включить в состав некой «Дунайской конфедерации» — воссоздать нечто подобное Австро-Венгерской империи.

Советская делегация возражала против расчленения Германии, включения ее в какую-либо конфедерацию³; СССР боролся за превращение Германии в единое, миролюбивое, демократическое государство. Позиция СССР по германскому вопросу была выражена в приказе народного комиссара обороны СССР 23 февраля 1942 г. «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством... гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается»⁴.

«ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ, ЗА УСИЛЕНИЕ ПОЛЬШИ»

В Тегеране состоялся предварительный обмен мнениями по вопросу о будущем Польши, проблеме ее границ.

Говоря о будущем Польши, ее отношениях с СССР, Сталин отметил: «Россия не меньше, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы — за восстановление, за усиление Польши»⁵.

Но Советское правительство отделяло демократическую Польшу от эмигрантского правительства в Лондоне, с которым СССР в 1943 г. порвал дипломатические отношения, поскольку оно продолжало и усиливало антисоветскую линию в своей политике.

¹ См.: Тегеранская конференция..., с. 149.

² См. там же.

³ См. там же, с. 149. Черчилль в своих мемуарах фальсифицирует точку зрения Советского правительства, утверждая, что Сталин якобы был за расчленение Германии. (W. Churchill. Op. cit., vol. 5, p. 354).

⁴ Правда, 1942, 23 февраля.

⁵ Тегеранская конференция..., с. 147.

Черчилль говорил о Польше как «инструменте в оркестре Европы», что Англия желает «существования сильной и независимой Польши, дружественной по отношению к России». Черчилль хотел играть свои мелодии на польской скрипке. В складывающихся условиях руководящие круги Англии и США стремились к тому, чтобы послевоенное развитие в Польше пошло по старому, буржуазно-помещичьему пути. Но это, разумеется, маскировалось.

Излагая свою идею о будущих границах Польши, Черчилль показал ее на трех спичках, одна из которых представляла Германию, другая — Польшу и третья — Советский Союз. По мнению Черчилля (о степени его искренности можно только догадываться), все три спички должны быть передвинуты на запад с целью «обеспечения безопасности западных границ СССР».

Черчилль внес предложение по польскому вопросу, гласившее: «В принципе было принято, что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции...»

СССР выступил за возвращение Польше земель на западе, вплоть до линии Одера. На востоке линию границы предлагалось провести по «линии Керзона».

Согласно советской точке зрения по вопросу будущих границ Польши украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские — к Белоруссии, то есть между СССР и Польшей должна существовать граница сентября 1939 г.

«Наша страна неизменно выступала за обеспечение для Польши справедливых, исторически обоснованных границ, за то, чтобы ее границы, спор из-за которых не раз бывал в прошлом поводом для конфликтов и войн, превратились в фактор безопасности и устойчивого мира в Европе»¹.

В Тегеране между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным предварительно был обсужден вопрос о создании международной организации безопасности.

На конференции была принята Декларация трех держав об Иране. В ней подтверждалось желание трех держав «сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана»².

«ЛЮДЯМ СО СТАЛЬНЫМ СЕРДЦЕМ»

В Тегеране проходили не только пленарные заседания глав трех правительств. Имели место официальные двусторонние встречи между Сталиным и Рузвельтом, Сталиным и Черчил-

¹ Громыко А. А. Цит. соч., кн. 1, с. 177.

² Тегеранская конференция..., с. 158.

лем, между министрами иностранных дел. Эти двусторонние совещания способствовали сближению точек зрения, сглаживали серьезные трения, горячие споры по важнейшим военным и политическим проблемам.

Ежедневно проходили совещания военных представителей трех держав на конференции или заседания начальников штабов США и Англии, готовивших вопросы для обсуждения Большой тройки.

Рузвельт обсуждал военные и политические вопросы со своими дипломатическими и военными советниками — Гопкинсом, приехавшим вместо государственного секретаря Хэлла, Леги, Маршаллом, Арнольдом, Кингом. Британский премьер обсуждал проблемы, рассматриваемые на конференции, с Иденом, Керром, Бруком и другими советниками.

Накануне пленарного заседания конференции 29 ноября состоялась торжественная церемония, символизировавшая крепнущее единство английского, американского и советского народов в борьбе с общим врагом.

Члены делегаций СССР, Англии и США, генералы, адмиралы, дипломаты собрались в конференц-зале советского посольства на церемонию вручения премьер-министром Черчиллем почетного меча жителям Сталинграда от имени короля Георга VI и английского народа. Это было выражение восхищения героической борьбой, бессмертным подвигом защитников волжской твердыни, окончательно похоронивших миф о непобедимости немецкой армии.

Около половины четвертого в зал вошли руководители трех держав. Сталин был в маршальской форме, Черчилль облачился в мундир высшего офицера военно-воздушных сил Англии. Рузвельт был в штатском.

Оркестр исполнил советский и английский гимны.

Черчилль достал меч, спрятанный в ножнах, и, придерживая его на весу, сказал, обращаясь к главе Советского государства: «Этот почетный меч, изготовленный английскими мастерами, я вручаю для передачи гражданам Сталинграда». На лезвии меча была выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда — людям со стальными сердцами — дар короля Георга VI в знак уважения английского народа».

Приняв меч и вынув его из ножен, Сталин ответил:

«От имени граждан Сталинграда я хочу выразить мою глубокую благодарность за подарок короля Георга VI. Граждане Сталинграда высоко оценят этот подарок».

Затем Сталин показал меч Рузвельту, тихо сказавшему:

— Действительно, у граждан Сталинграда стальные сердца!¹

Меч со звоном вернулся в ножны. Маршал Ворошилов в сопровождении почетного караула красноармейцев-автомат-

¹ См.: *Рузвельт Э.* Цит. соч., т. 185.

чиков перенес меч в соседнюю комнату (ныне этот меч хранится в Государственном музее обороны Волгограда). Сталин, Рузвельт и Черчилль сфотографировались на террасе посольства с министрами, генералами, адмиралами.

ИТОГИ КОНФЕРЕНЦИИ

Вечером 30 ноября британский премьер Уинстон Черчилль праздновал в английской миссии свой шестидесятидевятiletний юбилей. Главы трех держав провозглашали тосты за крепнущее единство союзников в войне и мире.

— Встреча в Тегеране,— говорил Рузвельт,— укрепила надежды на то, что будущий мир будет лучшим миром... Мы доказали здесь, в Тегеране, что различные идеалы наших наций могут быть гармоничны в стремлении к единству¹.

Заключительный тост Черчилля был за «большой прогресс в международных делах, достигнутый в Тегеране»².

Поздним вечером 1 декабря, после заключительного пленарного заседания, спешно была согласована Декларация трех держав. Рузвельт и Черчилль, намеревавшиеся остаться на конференции до 3 декабря, изменили решение — в горах Хузистана выпал снег и резко ухудшившаяся погода могла задержать их отлет в Каир, где намечалась встреча с президентом Турции Исметом Инёню.

Декларация гласила:

«Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время... Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения...

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели»³.

Великие державы — СССР, США и Англия сделали еще один важный шаг на пути к победе над силами нацизма, в укреплении антифашистской коалиции. Боевое сотрудничество великих держав росло и крепло.

¹ FRUS The Conferences at Cairo and Tehran, p. 585.

² Ibid., 584.

³ Тегеранская конференция..., с. 157.

Впервые в истории антифашистской коалиции в Тегеране были согласованы стратегические планы союзников для борьбы с фашистскими державами, принято окончательное решение об открытии второго фронта в Европе.

Оценивая итоги Тегерана, Рузвельт подчёркивал: конференция «является историческим событием, подтверждающим не только нашу способность вести войну, но также работать для дела грядущего мира в полнейшем согласии»¹.

Черчилль отмечал: «Это — историческая встреча, и многое в будущем будет зависеть от дружбы глав трех государств и принятых на конференции решений»².

Выступая в английском парламенте, Иден говорил: «Первым результатом Тегеранской конференции является то, что сроки войны сократятся»³.

Тегеран показал всю иллюзорность интриг и надежд фашистских политиков, стремившихся внести раскол среди союзников.

После успешного завершения Тегеранской конференции Рузвельт выехал в американский военный лагерь в Амирабаде, где выступил перед американскими солдатами. На следующее утро, 2 декабря, он вернулся в Тегеран.

Рузвельта провожали на аэродром Сталин и Черчилль. Два рослых сержанта перенесли президента в «виллис», четверо охранников, картинно выхватив автоматы, вскочили на подножии автомобиля, быстро рванувшегося вперед. Рузвельт успел поднять правую руку, изобразив пальцами английскую букву «V» — «виктори» — победа. Вскоре самолет президента взял курс на Каир.

В тот же день в Каир прилетел и Черчилль.

Советская делегация вылетела из Тегерана в середине дня. Из Баку отправились специальным правительственным поездом в Москву.

7 декабря в советской печати было опубликовано, как это было заранее оговорено, сообщение о состоявшейся в Тегеране конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Англии.

ПОПЫТКА ЧЕРЧИЛЛЯ РЕВИЗОВАТЬ ТЕГЕРАНСКИЕ РЕШЕНИЯ

С 4 по 7 декабря в Каире состоялась вторая англо-американская конференция с участием Рузвельта и Черчилля. Вскоре к ним присоединился президент Турции Исмет Иненю, но сначала обсуждение только что принятых в Тегеране решений шло между президентом США и британским премьером и начальниками их штабов.

¹ Переписка..., т. 2, с. 116.

² PRO, W. P., 44/8.

³ Parliamentary Debates. House of Commons, 1943, vol. 395, col. 1429.

По сути дела, в Каире Черчиллем и его советниками была предпринята очередная попытка ревизовать согласованные планы ведения войны в Европе, отложить операцию «Оверлорд»¹ и сосредоточить усилия на осуществлении плана балканской стратегии.

Утром 4 декабря состоялось совещание Черчилля и Рузвельта с руководителями Объединенного комитета начальников штабов, на котором британский премьер говорил о гигантских трудностях предстоящей операции «Оверлорд», рисовал мрачные картины «жесточайшей битвы огромных масштабов». Он вновь отстаивал мысль об осуществлении наряду с операцией «Оверлорд» крупной десантной операции на Балканы по захвату острова Родос. С захватом этого острова он связывал вступление Турции в войну, что также являлось важным звеном в планах балканской стратегии Черчилля. Премьер заявил: «Оверлорд» надо предпринять не в мае, как это было решено в Тегеране, а в июле, усилить операцию «Энвил». Чтобы успешнее осуществить планы балканско-средиземноморской стратегии и для этого высвободить десантные суда, Черчилль и его штабы предлагали американцам отказаться от плана «Бакэнир» — военных операций в Бирме — по захвату ее побережья и Андаманских островов².

Однако Рузвельт помешал Черчиллю ревизовать только что подписанные в Тегеране решения об «Оверлорде». Резюмируя свои предложения, президент твердо подчеркивал: «Ничего не будет предпринято, чтобы помешать осуществлению операции «Оверлорд». Ничего не будет предпринято, чтобы помешать операции «Энвил»³.

Черчилль был вынужден отступить. «Родосский вариант» его балканской стратегии был снова отвергнут. Правда, Рузвельт пошел на уступки Черчиллю: в записке, посланной премьеру, он лаконично сообщал: «С операцией «Бакэнир» покончено».

В Каире был наконец решен вопрос о назначении командующего операцией «Оверлорд». Первоначально на этот пост предполагалось назначить генерала Джорджа Маршалла — начальника штаба армий США. Однако Рузвельт, вопреки советам Гопкинса и Стимсона, назначил генерала Дуайта Эйзенхауэра, полагая, что Маршалла целесообразнее оставить в Вашингтоне⁴.

На следующем заседании штабов США и Англии вновь подверглась обсуждению операция «Рэнкин» — занятия Германии в случае ее внезапного поражения. Обсуждалась также проблема оккупации других стран Европы⁵.

¹ См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 8, с. 39.

² Churchill W. Op. cit., vol. 5, p. 362—363.

³ FRUS The Conferences at Cairo and Tehran, p. 680.

⁴ См.: Шервуд Р. Цит. соч., т. 2, с. 498.

⁵ FRUS The Conferences at Cairo and Tehran, p. 688.

Сообщая главе Советского правительства об итогах военных переговоров в Каире, Рузвельт и Черчилль писали:

«...Мы достигли следующих решений относительно ведения войны против Германии в 1944 году в дополнение к соглашениям, к которым мы пришли втроем в Тегеране.

В целях... подготовки к операции форсирования Канала (Ла-Манша.— *Ф. В.*) наибольший стратегический приоритет будет предоставлен бомбардировочному наступлению против Германии... Мы распорядились о том, чтобы были приложены величайшие усилия к расширению производства десантных средств в Соединенных Штатах и Великобритании в целях усиления предстоящих операций по форсированию Канала...»¹

Однако, если Черчиллю не удалась прямая лобовая атака на тегеранские решения в отношении «Оверлорда» и балканского варианта второго фронта, он предпринимает ее с фланга, через Турцию.

ИНЕНЮ МАНЕВРИРУЕТ

Во время второго каирского совещания состоялись переговоры Рузвельта и Черчилля с президентом Турции Исметом Иненю.

Еще из Тегерана президент США и британский премьер телеграфировали послам в Турции о том, чтобы они сообщили Иненю о желании Рузвельта и Черчилля встретиться с ним в Каире 4 и 5 декабря². В сферах американских и английских дипломатов гадали: приедет в Каир Иненю или срочно «заболеет».

Вопрос о вступлении Турции в войну на стороне союзников обсуждался еще в Тегеране. Известно, что турецкое правительство в период временных успехов фашистской Германии занимало отнюдь не нейтральную позицию, а помогало ей. Немецкие военные корабли, подводные лодки, вопреки конвенции в Монтрё, свободно проходили в Черное море, совершали варварские обстрелы Севастополя, Одессы и других черноморских портов СССР.

Турецкое правительство вынашивало планы вступить в войну на стороне германских фашистов после падения Москвы. После сокрушительного провала операции «Тайфун» — разгрома немцев под Москвой — турецкое правительство собиралось объявить войну СССР после падения Сталинграда. Выдающиеся победы Красной Армии на Волге и под Курском, победы армий США и Англии в Африке и на юге Европы постепенно ведут к тому, что позиция турецкого правительства меняется: чаша весов склоняется в сторону великих держав. Однако ту-

¹ Переписка..., т. 2, с. 117—118.

² FRUS The Conferences at Cairo and Tehran, p. 633.

рецкие руководители еще находились под впечатлением былых успехов немецкой военной машины. Поэтому они не решались сделать коренной поворот в политике «нейтралитета» и вступить в войну на стороне армий СССР, США и Англии. Они хотели играть в военной политике наверняка. Неудачный опыт первой мировой войны, когда Энвер-паша и его сторонники выступили на стороне австро-германской коалиции, дорого обошелся Турции. Она была значительно урезана Англией и Францией по Севрскому и Лозаннскому миру.

Прибыв в Каир на встречу с Рузвельтом и Черчиллем, Имет Иненю сделал все возможное, чтобы продолжать турецкую политику балансирования, не допустить немедленного втягивания Турции в войну на стороне союзных держав. Какой-то шутник в Каире комментировал: турки носят хорошо настроенные слуховые аппараты, немедленно отключающиеся при каждом упоминании о возможности вступления Турции в войну¹.

На первом совещании Рузвельта, Гопкинса, Черчилля, Идена с Иненю, состоявшемся на вилле Рузвельта 4 декабря, британский премьер усиленно доказывал:

— Турция должна вступить в войну, присоединиться к нациям, говорящим на английском языке².

Настойчивость и активность Черчилля обуславливались все тем же желанием — протащить «балканский вариант» открытия второго фронта при активном участии Турции, использовать ее для борьбы с демократическими силами в Греции, Румынии, Болгарии. «Мне кажется, — говорил Ф. Д. Рузвельт сыну Эллиоту в Каире, — это была в некотором роде последняя попытка Черчилля настоять на наступлении союзников с юга, со стороны Средиземного моря»³.

Однако, демонстрируя нежелание турецкого правительства вступать в войну, Иненю заявил:

— Турция не готова вступить в войну, военные действия могут закончиться и без сотрудничества с ней⁴.

На следующий день Иненю продолжал тоскливо тянуть о необходимости тщательной подготовки к войне, но, когда Турция будет готова, он, Иненю, не знает⁵.

Рузвельт не был настойчив в попытках вовлечь Турцию в войну, сочувствовал турецким политикам, их точке зрения «не быть застигнутыми в тот момент, когда у них спущены брюки»⁶.

6 декабря, на третьей встрече с Рузвельтом и Черчиллем, Иненю снова подтвердил отказ Турции от вступления в войну. Турецкий президент лишь заверил Рузвельта и Черчилля в

¹ См.: Шервуд Р. Цит. соч., т. 2, с. 494—496.

² PRO, Premier 3/136/8, p. 26.

³ Рузвельт Э. Цит. соч., т. 205.

⁴ FRUS The Conferences at Cairo and Tehran, p. 692—694.

⁵ Ibid., p. 714.

⁶ Шервуд Р. Цит. соч., т. 2, с. 495.

«лояльном отношении Турции» к союзникам, полагая, что война продлится еще не менее года и Турция будет «осуществлять период подготовки» и иметь возможность помочь им¹.

При личной встрече с Черчиллем, состоявшейся 7 декабря (Рузвельт уже вылетел рано утром в Тунис и оттуда возвратился в Вашингтон), Иненю заявил ему, что остается при своем мнении.

Конференция в Каире закончилась безрезультатно.

Увертки турецких руководителей, их нежелание вступить в войну объяснялись тем, что они продолжали поддерживать тесный политический контакт с Германией. Турки дали понять немецкому послу в Анкаре фон Папену, что «Турция воздержится от активного участия в войне на стороне союзников»².

Позиция Турции вольно или невольно способствовала похоронам балканской стратегии Черчилля. Его последняя попытка открыть «второй фронт» на «южном подбрюшье» Европы провалилась.

Только тогда, когда разгром фашистской Германии стал очевидным и Красная Армия начала освобождать народы Балканского полуострова, а союзники открыли 6 июня 1944 г. второй фронт в Европе, турецкое правительство сделало новый шаг по пути сближения с США и Англией и 2 августа 1944 г. разорвало дипломатические и экономические отношения с фашистской Германией.

По мере новых военных успехов Красной Армии и армий США и Англии в Европе, все более опасаясь опоздать к столу мирной конференции, Турция 23 февраля 1945 г. объявила войну фашистской Германии. К этому времени советско-германский фронт отодвинулся от Турции на сотни километров — Красная Армия освободила Болгарию, Румынию, Югославию, часть Чехословакии, Венгрии, и турки могли не опасаться ни «захвата Истанбула» воздушным десантом, ни немецких бомбардировщиков.

ОПЕРАЦИЯ «ЦИЦЕРОН»

После завершения Тегеранской конференции фашистская разведка сделала все возможное, чтобы разузнать о важнейших решениях, принятых руководителями СССР, Англии и США.

Часть этой информации, имевшей в то время важнейшее государственное значение, стала известна эмиссарам секретной службы гестапо и абвера, работавшим в аппарате посольства и военного атташе в Турции, через их тайного агента Эльяса Базну. Базна — он получил от Папена кличку «Цицерон» —

¹ PRO, Premier 3/136/8, p. 36.

² Papen F. Memoirs. L., 1952, p. 507.

устроился камердинером к английскому послу в Турции Нэтчбэllu Хьюджессену.

Министерством иностранных дел Англии ему были направлены в Анкару для информации резюме решений, принятых Большой тройкой в Тегеране и Рузвельтом и Черчиллем в Каире¹. Хьюджессен халатно отнесся к хранению документов большой государственной важности.

Факт утечки секретной информации из английского посольства в Турции был признан тогдашним министром иностранных дел лейбористского правительства Эрнестом Бевином, сменившим после выборов Идена. В ответ на запрос в английском парламенте, сделанный 18 октября 1950 г., о краже секретных документов, включая документы об операции «Оверлорд», из английского посольства в Турции Бевин ответил:

«...Никакие документы фактически не были украдены во время войны из посольства ее величества в Анкаре... Но следствие по этому делу показало, что камердинер посла сфотографировал в посольстве несколько секретных документов и продал пленку немцам. Он не мог бы сделать это, если бы посол соблюдал предписания, относящиеся к хранению секретных документов».

Один из депутатов задал Бевину вопрос: «С какой целью весьма секретные детали о военных операциях предоставляются послам в странах, подобных Турции?»². Вопрос остался без ответа.

Несомненно, английский посол в Турции не мог получить для информации полный текст решений Тегеранской и Каирской конференций. Форин-офис мог направить ему только краткое сообщение о принятых решениях. Базне удалось сфотографировать это резюме о решениях, принятых в Тегеране и Каире, и продать фотопленки за 300 тыс. фунтов стерлингов (они оказались фальшивыми) Л. Мойзишу, секретному агенту гестапо в Анкаре, занимавшему пост коммерческого атташе германского посольства в Турции.

Проявив эти фотопленки, Мойзиш, как он писал в своей книге, вообразил, что в его руках «оказались все протоколы (курсив мой. — Ф. В.) Каирской и Тегеранской конференций»³.

Мойзиш никак не мог получить все протоколы Каирской и Тегеранской конференций. Не мог хотя бы потому, что их не существовало в природе. В Тегеране и Каире были лишь записи заседаний, составленные представителями делегаций СССР, Англии и США, которые велись отдельно.

¹ См.: *Мойзиш Л.* Операция «Цицерон». М., 1965, с. 30, 79—80; *Базна Э.* Я был «Цицероном». М., 1965.

² *Parliamentary Debates. House of Commons, 1950, vol. 478, col. 2023—2024.*

³ *Мойзиш Л.* Цит. соч., с. 79—80.

Тем не менее фон Папен, которому Мойзиш показал фотографии документов, переданных Базной и направленных в Берлин, вполне обоснованно писал в своих мемуарах: «Информация «Цицерона» была весьма ценной по двум мотивам. Английскому послу были направлены резюме решений, принятых на Тегеранской конференции. Это раскрыло намерение союзников относительно политического положения Германии после ее поражения... Но еще большее и непосредственное значение его информации состояло в том, что в наше распоряжение поступили секретные данные об оперативных планах (курсив мой. — Ф. В.) противника»¹.

Итак, Мойзиш не мог иметь все протоколы Тегеранской конференции. Если бы он их имел, он бы знал, что операция «Оверлорд» — это высадка войск союзников в Нормандии. Об операции «Оверлорд» говорили Рузвельт и Черчилль в Тегеране, называли ее срок — май 1944 г., указывали о переброске через канал полуторамиллионной армии! Мойзиш пишет в своей книге: он «ломал себе голову над тем, что могло бы означать слово «Оверлорд»², что лишь из более поздних документов Э. Базны он узнал точнее об этом.

Непонятно, почему в Берлине отнеслись с равнодушием к такой, казалось бы, ценнейшей информации и не приняли соответствующих мер. Почему полученные секретные данные об оперативных планах противника никогда не были использованы фашистскими политиками, генералами.

Папен высказывал мысль о том, что Риббентроп и другие политики и военные третьего рейха «скрывали от Гитлера плохие новости»³. Конечно, решения, принятые в Тегеране, о новых ударах по фашистской Германии, о договоренности союзников добиться ее безоговорочной капитуляции вряд ли могли понравиться фюреру. Но с другой стороны, вряд ли Риббентроп, Кальтенбруннер, через которого шла информация об операции «Цицерон», осмелились скрыть от Гитлера столь важные сведения.

Отсутствие должных мер по предотвращению операции «Оверлорд» можно объяснить тем, что нацистские руководители не верили в подлинность информации «Цицерона», считали ее провокацией, делом «английской секретной службы» или «ловкой хитростью со стороны врага». Тот же Папен указывал: «Гитлер и Риббентроп знали о решениях, принятых в Тегеране и Каире... но особый склад ума помешал им прийти к соответствующим выводам»⁴.

¹ *Papen F.* Op. cit., p. 517.

² *Мойзиш Л.* Цит. соч., с. 112—113.

³ *Papen F.* Op. cit., p. 518.

⁴ *Ibid.*, p. 517

Дело, конечно, не в складе ума, а в ошибочности концепции Гитлера, Риббентропа, надеявшихся на то, что противоречия между СССР, Англией и США будут расти и второй фронт не будет открыт и в 1944 г., как это уже было в 1942—1943 гг.

Отсутствие соответствующих шагов со стороны фашистских политиков и генералов объяснялось, по-видимому, и тем, что германский генеральный штаб не знал об операции «Оверлорд» очень много. В частности, точное место высадки союзных войск не было известно немцам.

Впрочем, даже если бы фашистские генералы и располагали достаточными данными об «Оверлорде», они не смогли бы помешать открытию второго фронта в Северной Франции, так как не имели там достаточных сил для противодействия широким десантным операциям американских и английских войск. Германское командование имело в Северной Франции, Бельгии и Голландии лишь 40 дивизий неполного состава, укомплектованных в основном семнадцатилетними юнцами и солдатами старших возрастов, плохо вооруженными, без достаточного количества транспортных средств¹.

К 1 июня 1944 г. 179 немецко-фашистских дивизий находилось на Восточном фронте².

Красная Армия на полях сражений на деле воплощала в жизнь решения, принятые в Тегеране, беспощадно громила врага, создавая предпосылки для успешного наступления армий США и Англии, нанесения ударов по фашистской Германии с востока, запада и юга.

* * *

Тегеранская конференция, одно из крупнейших дипломатических событий военных лет, имела большое значение для хода и исхода второй мировой войны. Впервые за время существования антифашистской коалиции были согласованы планы ведения войны против общего врага, тем самым создавались условия для победоносного ее завершения.

Встреча в Тегеране убедительно показала: несмотря на различия в социально-политическом строе СССР, с одной стороны, и США и Англии, с другой, эти государства могут успешно сотрудничать в борьбе с общим врагом, искать и находить взаимоприемлемые решения спорных вопросов в межсоюзнических отношениях при наличии доброй воли.

«Боевое и политическое сотрудничество Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в годы второй мировой войны является одним из величайших уроков истории, который нельзя предать забвению»³.

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 5, с. 524.

² См. там же, т. 6, с. 26.

³ Тегеранская конференция..., с. 5.

В докладе главы Советского правительства, посвященном 27-й годовщине Великого Октября, указывалось: «Решение Тегеранской конференции о совместных действиях против Германии и блестящая реализация этого решения представляют один из ярких показателей упрочения фронта противогитлеровской коалиции»¹.

Решения конференции встретили горячее одобрение трудящихся СССР, США, Англии и других стран, видевших в укреплении сотрудничества трех великих держав верный путь к разгрому фашистских государств и установлению мира.

Решения, принятые в Тегеране, свидетельствовали о возросшей мощи и международном влиянии СССР, успешно выполнявшего свою освободительную миссию.

«Непреодолимое значение решений, принятых в Тегеране, — отмечено в журнале «Коммунист», — как они видятся сегодня, с дистанции четырех десятилетий и в обстановке резко возросшей угрозы миру и самому существованию человечества, заключается прежде всего в том, что они позволили во имя достижения гуманных, общечеловеческих целей преодолеть барьеры отчуждения в отношениях между тремя великими державами, принадлежащими к противоположным общественным системам. Трехстороннее согласование военных планов, осуществленное впервые за годы второй мировой войны, способствовало значительному приближению ее окончания и тем самым спасению тысяч и тысяч человеческих жизней. В то же время одобренные на конференции основные принципы послевоенного миропорядка... явились весомым вкладом в дело конкретного воплощения принципов мирного сосуществования в форму межгосударственных договоренностей»².

Тегеранская конференция открыла «зеленый свет» дальнейшим межсоюзническим встречам Большой тройки, состоявшимся в 1945 г., — Крымской и Берлинской конференциям.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 47.

² Коммунист, 1983, № 17, с. 112.

Глава VIII

ВТОРОЙ ФРОНТ:

1942-й!.. 1943-й!.. 1944-й!

С первых дней Великой Отечественной войны советско-германский фронт приковал к себе основные силы гитлеровской Германии.

На СССР было брошено 153 немецкие и 37 дивизий ее сателлитов — до 5,5 млн человек¹.

По размаху и жесточести гигантских военных сражений, забушевавших на земле Белоруссии и Украины, Прибалтики и Молдавии, по количеству участвовавших в них людей и боевой техники советско-германский фронт стал решающим фронтом второй мировой войны.

В то время как Красная Армия один на один сражалась с гитлеровскими полчищами, на территории Западной Европы военные действия почти не велись. Лучшим способом помощи

¹ См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 21.

Советскому Союзу со стороны Англии, а затем, со времени вступления в войну США, и с их стороны было бы открытие второго фронта в Европе.

В то время на советско-германском фронте находилось 75 процентов войск фашистской Германии и ее сателлитов, на Западе насчитывалось всего 38 неполных немецких дивизий. Непосредственно на побережье Франции, Бельгии и Голландии располагалось всего 19 дивизий¹. Все это создавало благоприятные условия для открытия второго фронта. Однако союзники с самого начала заняли позицию максимальных затяжек с решением этого вопроса.

Летом 1941 г. Уинстон Черчилль язвительно характеризовал идею создания второго фронта «абсурдом и глупостью», обусловливаемыми «абсолютной безграмотностью русских» в военной стратегии, непониманием ими «характера десантной операции», «непреодолимых трудностей» для высадки «огромной армии на вражеском побережье»².

Конечно, легче всего было, находясь за Ла-Маншем или за Атлантикой, спокойно взирать на то, как советский народ в тяжелой, неимоверно трудной борьбе с захватчиками проливал море крови, и не подвергать риску ни английские, ни американские вооруженные силы, наращивавшие мощь, оброставшие «крепкими мускулами».

Черчилль в Чекере любил разглагольствовать о стратегии, расхаживая по комнате, окутанный сигарным дымом. Великий грузинский поэт Шота Руставели писал: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой издалека». Черчилль был именно «стратегом боя издалека».

О ПОНЯТИИ «ВТОРОЙ ФРОНТ»

Английские и американские военные и политики приложили немало усилий, чтобы создать самое превратное представление о самом понятии «второй фронт». Анализируя их аргументы, Советское правительство не считало вторым фронтом бомбардировки Германии союзной авиацией, борьбу ВМС Англии и США в Атлантике с немецким флотом или последующие операции союзников в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Сицилии.

Второй фронт по советским представлениям, а они были глубоко обоснованы, — это фронт войны в Европе, точнее — в Северной Франции, который стратегически дополнял бы русский фронт, отвлекая на себя около 60 немецких дивизий и

¹ См.: Кулиш В. Раскрытая тайна. М., 1965, с. 84.

² Churchill W. Op. cit., vol. 3, p. 339—340.

20 дивизий союзников Германии¹. Этот фронт должен был угрожать жизненным центрам фашистской Германии и поставил бы ее в чрезвычайно сложное стратегическое положение.

Германия, как показывал исторический опыт, всегда проигрывала войну на два фронта. Гитлер, следуя заветам Бисмарка, Мольтке, Шлиффена, страшившихся войны на два фронта, стремился бить противника поодиночке. И это долгое время ему удавалось.

Были ли осуществим второй фронт в Европе в тогдашней ситуации? Исходя из военно-стратегической обстановки на советско-германском фронте, когда подавляющие силы фашистской Германии были заняты на Востоке, Советское правительство считало вполне реальным создание второго фронта на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика), что значительно улучшило бы военное положение как СССР, так и Великобритании. Эти соображения были высказаны английскому правительству еще в июле 1941 г.² Советское военное командование хорошо понимало трудности создания второго фронта, сознавало и то, что это сопряжено со значительными потерями. Но ради дела борьбы с общим врагом, ради интересов самой Англии его следовало создать, и как можно скорее.

Черчилль сразу же отклонил советские предложения о скорейшем создании второго фронта, категорически заявив: «Предпринять десант большими силами означало бы потерпеть кровопролитное поражение»³.

3 сентября 1941 г. Советское правительство указало на необходимость создать уже в этом году второй фронт. «Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого фронта на Западе нет и не будет»⁴.

Черчилль и на этот раз ответил отказом, заявив о невозможности создать в такие сроки второй фронт. Английское правительство уклонилось от обязательства сделать это и в 1942 г.

В послании Черчиллю 13 сентября 1941 г. Советское правительство вновь указало: «Отсутствие второго фронта льет воду на мельницу наших общих врагов»⁵.

Английские трудящиеся настойчиво добивались от правительства Черчилля немедленного открытия второго фронта. В сильнейшем раздражении британский премьер назвал это требование «печальным и постыдным», а тех, кто требовал его открытия, «глупцами или мошенниками»⁶. Однако постыдным

¹ См.: Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1947, т. 5, с. 247.

² См.: Переписка..., т. 1, с. 19.

³ Там же, с. 20.

⁴ Там же, с. 28—29.

⁵ Там же, с. 30.

⁶ Churchill W. Op. cit., vol. 3, p. 339.

и печальным по отношению к союзнику — СССР было поведение самого Черчилля. Премьер предпочитал взывать к советским руководителям «продолжать сражаться» и «наголову разбить этих мерзавцев» — гитлеровцев, восхищаться «мужеством, отвагой и упорством советского народа», «великолепной борьбой русских армий в защите родной земли... против нацистских преступников». В то же время практическое бездействие английских вооруженных сил на фронтах войны и отсутствие должной помощи Советскому Союзу он «старался заполнить пустыми, напыщенными фразами»¹, проводил стратегию «мнимого союза с СССР».

Правящие круги Англии, а позднее США не спешили с открытием второго фронта не потому, что для этого у них не было реальных возможностей, военных сил, вооружения и снаряжения. По словам де Голля, в их тайные расчеты не входило устремиться навстречу опасности в тот момент, когда враг с каждым днем все более истощал силы на русском фронте².

Де Голль не расшифровал очевидную истину: с истощением врага — нацистов У. Черчилль добивался и истощения союзника — СССР.

ВОЗМОЖНОСТИ БЫЛИ

Были ли у Англии и США реальные возможности для создания второго фронта в Европе в конце 1941 — начале 1942 г.? Безусловно, да! Это подтверждают даже некоторые буржуазные политики, военные, и среди них министр в кабинете Черчилля лорд Бивербрук, члены английского парламента Эньюрин Бивен и Грэнвил, военный обозреватель Макс Вернер и многие другие.

На совещании в Вашингтоне, состоявшемся в конце мая 1942 г., Рузвельт, его главный советник Гарри Гопкинс, начальник штаба американской армии Джордж Маршалл, главнокомандующий военно-морским флотом Кинг заявляли советскому представителю о возможности открыть второй фронт в 1942 г. Общая численность экспедиционных сил для десанта должна была составить 1—1,5 млн человек.

Отметим, что к началу 1942 г. вооруженные силы США считывали свыше 2100 тыс. человек³. К сентябрю 1941 г. Англия, оправившись от поражения под Дюнкерком, имела в сухопутных войсках свыше 3291 тыс. солдат. В военно-воздушных силах было 750 тыс. человек и 500 тыс. во флоте. В течение 1942 г. Англия совместно с доминионами планировала развернуть и оснастить 99 дивизий.

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 3, p. 340, 345; Переписка..., т. 1, с. 23, 27.

² De Gaulle Ch. Memoires de Guerre. Paris, t. 2, p. 3.

³ См.: Мэтлофф М. Цит. соч., с. 39.

Объединенные военно-воздушные силы Англии и США могли прикрыть высадку англо-американского десанта на побережье Франции. Сил было достаточно. Только за 1941 год Англия произвела более 20 тыс. боевых самолетов, а также свыше 15 тыс. танков. В США за вторую половину 1941 г. было произведено 23 тыс. боевых самолетов и 12 тыс. танков¹.

Вопреки утверждениям Черчилля уже тогда Англия и США имели достаточный тоннаж военно-морских и десантных судов для высадки десанта в Северной Франции.

Английский и американский флот был способен обеспечить высадку на континенте от 60 до 100 дивизий. США предоставили Англии суда торгового флота водоизмещением 12 млн тонн. Если англичане смогли в течение семи дней под жестокой немецкой бомбежкой эвакуировать из Дюнкерка армию в 338 тыс. человек, то почему объединенный англо-американский флот под мощным прикрытием с воздуха не мог высадить 30—40 дивизий первой очереди десанта в любом месте европейского побережья от Ютландии до Бискайского залива? Немецкие ВМС в силу своих возможностей не могли бы воспрепятствовать этой операции.

После московских переговоров в октябре 1941 г. государственный министр Бивербрук подверг критике британскую стратегию, считая вполне возможным и даже настоятельно необходимым открытие второго фронта, не дожидаясь, «пока на последнюю гетру будет пришита последняя пуговица», призывал не игнорировать «нынешнюю благоприятную возможность». «С нашей стороны,— заявлял Бивербрук,— ждать сейчас — это безумие»².

Однако подобные заявления Бивербрука шли вразрез со стратегической концепцией Черчилля, проводившего «периферийную стратегию», активно поддерживаемую имперским генеральным штабом. Черчилль предпочел отделаться от своего «закадычного друга», выведя его из состава правительства.

Видный политический деятель США Уэндел Уилки также заявлял в сентябре 1942 г.: «Я лично убежден сейчас, что мы можем помочь русским, установив вместе с Великобританией действительный второй фронт в Европе в кратчайшие сроки»³.

На совещании в Вашингтоне в январе 1942 г. был создан Объединенный англо-американский комитет начальников штабов — постоянный орган для повседневного руководства войной и выработки коалиционной стратегии⁴. На деле политические руководители Англии и США создавали отдельный военный

¹ См.: *Мэтлофф М.* Цит. соч., с. 39.

² *Шервуд Р.* Цит. соч., т. 1, с. 613.

³ *McNeill W. H.* *America, Britain and Russia, Their Cooperation and Conflict. 1941—1946.* L., 1953, p. 211.

⁴ См.: *Мэтлофф М.* Цит. соч., с. 27.

орган внутри антифашистской коалиции, осуществлявший, без согласования с советским военным командованием, свои стратегические планы. Представители СССР в комитет не были допущены.

Объединенный комитет, заседания которого проходили в Вашингтоне, Квебеке, Тегеране, Каире, вырабатывал стратегию, согласовывал планы и сроки проведения операций, утверждал общие планы материально-технического снабжения, распределение боеприпасов и транспортных средств, сопоставлял задачи и ресурсы. Выработанные рекомендации, а они обычно принимались единодушно, «в дальнейшем, — по словам Мэтлоффа, — утверждались президентом США и премьер-министром Англии, которым он был подотчетен. Рузвельт и Черчилль несли ответственность за все военные решения»¹. Несли они, следовательно, ответственность и за затягивание сроков открытия второго фронта.

Если Черчилль открыто срывал открытие второго фронта, то американские политики и генералы проводили ту же линию более замаскированно. Делая время от времени заявления об открытии второго фронта в Европе, о готовности «послать американские войска в Англию»², политические и военные руководители США на деле отказывались от осуществления разрабатываемых ими стратегических планов, носивших весьма туманный и неконкретный характер и изобилующих бесчисленными английскими «if» (если. — *Ф. В.*).

Правящие круги Англии и США рассматривали второй фронт как завершающий удар для окончания войны в Европе, чему должна была предшествовать борьба на периферии, вдали от важных стратегических центров фашистской Германии. Они стремились переложить на плечи советского народа всю тяжесть борьбы с гитлеровской Германией.

ЛЕГЕНДА ОБ «АТЛАНТИЧЕСКОМ ВАЛЕ»

Чтобы как-то оправдать перед мировым общественным мнением саботаж открытия второго фронта в Европе, английские и американские политики, пресса этих стран создают легенду об «Атлантическом вале», который якобы был возведен гитлеровцами на западном побережье Франции. При этом их высказывания «о вале» были удивительно схожи с утверждениями геббельсовской пропаганды. Черчилль восклицал: «Атлантический вал Гитлера неприступен, и нужно позаботиться о том, чтобы волны не покраснели от крови американских и ан-

¹ Мэтлофф М. Цит. соч., с. 28.

² История внешней политики СССР, т. 1, с. 434.

лийских юношей и чтобы побережье не было завалено их трупами»¹.

Заботы Черчилля осуществить операции по открытию второго фронта малой кровью можно понять, но насколько обоснован был его страх перед «огромными потерями»?

В письме главе Советского правительства в июне 1941 г. Черчилль писал: все побережье Франции «ощетинилось орудиями, колючей проволокой, укрепленными огневыми точками и береговыми минами»².

Так ли было на самом деле? Действительно ли столь неприступным был «Атлантический вал», или его «неприступность» была плодом геббельсовской пропаганды, повторяемой политиками, военными и журналистами англосаксонских стран в оправдание предательства своего союзника?

Создать сплошной оборонный вал на европейском побережье протяженностью 5 тыс. километров было практически невозможно. Для этого потребовались бы астрономические ресурсы: 170 пехотных дивизий, а с резервами — 220 дивизий, в том числе 10—15 танковых дивизий. Такого количества вооруженных сил Германия на Западе выставить не могла, хотя в 1942 г. германская армия насчитывала 267 дивизий, около 70 процентов ее наиболее боеспособных частей находились на советско-германском фронте³. Во Франции, Бельгии и Голландии находилось лишь 15 процентов дивизий гитлеровцев, укомплектованных пожилыми солдатами и необстрелянными юнцами, слабо вооруженными трофейным французским и польским оружием⁴. Почти все боеготовые дивизии воевали на советско-германском фронте.

Бывший начальник штаба группы армий «Запад» Блюментрит вспоминал: вдоль побережья Нормандии, западнее реки Сены, на 200 миль было всего шесть дивизий. «Командиру роты приходилось колесить весь день по побережью, чтобы осмотреть сектор, занимаемый его ротой». Некоторые дивизии обороняли полосу протяженностью до 200 километров. Средняя оперативная плотность составляла не более одной дивизии на 100 километров побережья⁵.

Кроме обороны побережья немецкие войска во Франции, Бельгии, Голландии несли оккупационную службу и были расредоточены в глубине этих стран.

В 1942 г. немецкие военно-воздушные силы на Западе насчитывали всего 400 бомбардировщиков и 200 боеспособных истребителей⁶.

¹ *Eisenhouer D. Cruside in Europe.* N. Y., 1948, p. 194.

² Переписка..., т. 1, с. 20.

³ См.: Проблемы истории второй мировой войны. М., 1959, с. 40.

⁴ *Liddel Hurt.* Op. cit., p. 241.

⁵ См.: *Кулиш В.* Цит. соч., с. 84.

⁶ *Ryan C. The Longest Day.* London, 1960, p. 78.

Неприступность укреплений «Атлантического вала» была иллюзией. Не случайно бывший главнокомандующий группой немецких армий «Запад» Рундштедт после войны разоблачил миф об «Атлантическом вале».

Немецкие военнопленные, в частности лейтенант отряда связи 28-го армейского корпуса Георг Гудзент, признавали: «На Востоке много наших войск... Запад полупуст, и беда, если «томми» (англичане.— *Ф. В.*) в этом своевременно убедятся»¹.

Однако политики, военные, пресса Англии и США твердили: высадка войск в Европе, во Франции, слишком рискованное, требующее больших жертв и не сулящее удачи дело. Конечно, жертвы и риск были бы. Но какая война ведется без потерь и риска?

РЕЙД НА ДЬЕПП

Чтобы доказать всю трудность захвата плацдарма в Европе, по инициативе Черчилля в 1942 г. был произведен ряд рейдов на побережье Франции, в частности операция «Джибути» — рейд на порт Дьепп, совершенный под командованием адмирала Маунтбэттена. Перед высадкой десанта в Дьеппе английское радио передало сообщение об ограниченности его цели. Нетрудно понять: это предупреждение лишило рейд внезапности и было, по существу, адресовано не французским патриотам (как объясняли в Англии), готовым поднять преждевременное восстание, а немцам и имело целью дать им возможность подготовиться к встрече десанта. Немцы понимали: создается угроза сектору Дьепп — и усилили оборону этого района. Если в обычное время в районе Дьеппа был всего один батальон немецких войск, насчитывавший вместе со вспомогательными частями 1400 человек, то после любезного предупреждения английского радио здесь была сосредоточена дивизия полного состава. Черчилль готов был жертвовать жизнями английских и канадских солдат, лишь бы доказать невозможность создания второго фронта.

Смелчаки из английских отрядов «коммандос», команды десантных судов и сопровождавших их кораблей, канадские солдаты проявили исключительное мужество и преданность делу. Участники рейда выгрузили на берег танки, продвинулись с боями на несколько миль и, продержавшись около суток, пробивались к своим судам.

Операция, предпринятая небольшими силами и локально, утратившая элемент внезапности, естественно, сопровождалась значительными потерями — из 5 тыс. человек погибло около

¹ См.: Правда, 1942, 7 октября.

1 тыс., 2 тыс. были захвачены в плен¹. После этого печать Англии открыла шумную дискуссию, усиленно доказывая невозможность широкой высадки во Франции. Если на объединенных военных совещаниях некоторые американские офицеры проявляли оптимизм, говоря о реальности открытия второго фронта, английские офицеры вводили в зал раненых ветеранов Дьеппа, напоминая о «непреодолимых трудностях» десанта. Не случайно американский журналист Ральф Ингерсолл усомнился в реальной цели рейда: «Не был ли рейд задуман с единственной целью — служить англичанам аргументом против всяких дальнейших попыток вторгнуться на континент»².

Тем не менее офицеры США, изучавшие отчет о рейде на Дьепп, пришли к выводу: фактически, несмотря на крайне неблагоприятные условия, операция не провалилась, а была успешной. Сравнительно небольшим ударным силам англичан и канадцев удалось закрепиться на берегу, а значительные потери объяснялись в первую очередь тем, что штурм не имел дальнейшей поддержки. Вторжение большего масштаба, обеспеченное притоком новых сил, имело бы, таким образом, все шансы на успех.

Но для Черчилля, английских генералов и адмиралов эти соображения не имели веса. Политические соображения у них по-прежнему превалировали над соображениями военной стратегии и союзнического долга.

* * *

Выжидательная линия проводимой Черчиллем политики касалась не только проблемы открытия второго фронта. К числу важных политических вопросов межсоюзнических отношений относилась проблема войны с сателлитами фашистской Германии.

В вероломном нападении на Советский Союз приняли участие наряду с Германией и Италией Румыния, Финляндия, Венгрия. Финские, румынские, венгерские захватчики творили вместе с гитлеровцами кровавые злодеяния на территории СССР.

Но Англия объявила войну Финляндии, Венгрии, Румынии и Болгарии лишь в декабре 1941 г. Фактически же она не воевала с ними.

ПОСЛЕ ПРОВАЛА ОПЕРАЦИИ «ТАЙФУН»

Совершая нападение на Советский Союз, Гитлер хвастливо заявлял: через две-три недели он будет в Москве и молниеносно закончит восточный поход. Красная Армия в кровопролитных

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 4, p. 459.

² Ингерсолл Р. Совершенно секретно. М., 1947, с. 102.

боях под Ленинградом, Смоленском, Ельней опрокинула эти прогнозы.

Верховное главнокомандование немецкой армии тщательно разработало операцию «Тайфун» — план стремительного захвата Москвы. В конце сентября — начале октября Гитлер начал мощное наступление на Москву, заявив о начале «последнего большого решающего сражения». Для этого было сосредоточено 74,5 дивизии, из них 14 танковых и 8 моторизованных, 1700 танков, 14 тыс. орудий и минометов.

Гитлеровцы составили план варварского уничтожения советской столицы. Фюрер приказал: «Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть огромное море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа».

Для Советского Союза создалось самое опасное за все время войны положение. Однако бои приняли затяжной характер, и к концу октября первое генеральное наступление немецко-фашистских армий на Москву захлебнулось¹.

7 ноября 1941 г., когда враг находился на подступах к столице, советский народ отмечал 24-ю годовщину Октябрьской революции. 6 ноября в метро на станции «Маяковская» состоялось торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся. В докладе Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин отметил: одна из причин неудач Красной Армии состояла в отсутствии второго фронта в Европе; его создание в ближайшее время существенно облегчило бы положение советских войск в ущерб немецким².

Несмотря на близость фронта, 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад советских войск. Прямо с парада войска уходили в бой.

Фашистские генералы остервенело рвались к Москве. В середине ноября германские фашисты начали второе генеральное наступление на Москву. На столицу было брошено 51 дивизия, в том числе 31 пехотная, 13 танковых и 7 моторизованных³. Немецкие генералы сообщали, что они уже рассматривают внутреннюю часть города «в сильный полевой бинокль».

Главный квартирмейстер германской армии планировал, в каких казармах и зданиях размещать немецкие войска в Москве и Подмосковье. Но операция «Тайфун» провалилась. Героические защитники столицы ценой величайших жертв сорвали ее. Враг был остановлен на линии Калинин—Яхрома—Лобня—Крюково—Звенигород, Наро-Фоминск, западнее Тулы — Елец. В начале декабря Красная Армия под Москвой

¹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, 5-е изд. М., 1983, т. 2, с. 207.

² См.: Правда, 1941, 7 ноября.

³ См.: Жуков Г. К. Цит. соч., с. 213.

на фронте протяженностью 800 километров от Калинина до Ельца перешла в решительное контрнаступление.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой явился решающим военным событием первого года Отечественной войны, первым крупным поражением фашистов во второй мировой войне. На полях Подмосковья дивизии Красной Армии развеяли миф о «непобедимости» фашистских армий, похоронили план «блицкрига». «Немецкая армия, — писал гитлеровский генерал Вестфаль, — ранее считавшаяся непобедимой, оказалась на грани уничтожения»¹.

Победа Красной Армии под Москвой имела огромное международное значение. Она, в частности, предотвратила нападение Японии и Турции на СССР. Япония уведомила Гитлера: ее нападение на СССР откладывается на 1942 год.

Победа под Москвой усилила международный авторитет СССР.

У. Черчилль вынужден был признать: «Сопrotивление русских сломало хребет германской армии»².

Ф. Рузвельт писал главе Советского правительства «о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах» по поводу побед Красной Армии и успехов в защите «великой нации»³. Но по-прежнему реальной военной помощи СССР союзниками не было оказано.

КАТАСТРОФА В ПЕРЛ-ХАРБОРЕ

В самый разгар успешного наступления Красной Армии на Восточном фронте разразились трагические события на Дальнем Востоке.

В воскресенье 7 декабря 1941 г. в 7 часов 55 минут японские бомбардировщики, поднявшиеся с авианосцев, нанесли массированный удар по флоту США, сосредоточенному на военно-морской базе в Перл-Харборе. В это раннее утро в гавани стояло 94 американских военных корабля всех классов — больше половины Тихоокеанского флота. Как на учении, волна за волной, шли на бомбежку японские самолеты. Из восьми линкоров три были потоплены, а пять серьезно повреждены. Американцы потеряли 19 боевых кораблей. На аэродромах было уничтожено 272 американских самолета⁴. Погибло более 2400 военнослужащих. В тот же день японцы напали на другие территории, контролируемые США, — острова Гуам, Уэйк, Мидуэй.

¹ Роковые решения. М., 1958, с. 63.

² Переписка..., т. 1, с. 49.

³ Там же, т. 2, с. 12.

⁴ См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 4, с. 387.

По требованию президента Рузвельта 8 декабря 1941 г. конгресс США объявил войну Японии. В тот же день и Англия объявила войну Японии. 11 декабря Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам. В ответ на это конгресс США принял решение об объявлении войны этим странам.

Вступление США в войну расширило ее зону. В 1941—1942 гг. вторая мировая война захватила четыре пятых населения земного шара.

Поражение США в Пёрл-Харборе временно изменило соотношение сил на море в пользу Японии и создало благоприятные условия для расширения ее агрессии в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. Вскоре японские войска захватывают Гонконг, Малайю, Сингапур, Бирму, Индонезию, Фидиппины — территории с населением 150 млн человек. Успехи японских милитаристов в бассейне Тихого океана в немалой степени обуславливались тем, что Англия и США, проводя политику поощрения японской агрессии против СССР, не подготовились к защите своих владений. Английский бумеранг, брошенный к границам СССР, вернулся во владения США и Англии в Юго-Восточной Азии.

Тем не менее, когда Черчилль, в воскресенье вечером находившийся в Чекерсе с американским послом Уайнантом и Авереллом Гарриманом, услышал по радио о нападении японцев на Гавайи, он воспринял это известие «с величайшей радостью».

Рузвельт позвонил Черчиллю и ошеломленно заявил: «Японцы атаковали нас в Пёрл-Харборе. Мы все теперь связаны одной веревочкой»¹.

Президент понимал: нападение Японии должно многое изменить в стратегических планах Англии и США.

Для трезвомыслящих английских и американских политиков стало еще более ясно: без решающей помощи СССР они не могут одержать победу над Германией и Японией.

«ЗАПУСТИТЬ КОГТИ В АФРИКУ...»

После разгрома немецких войск под Москвой и зимнего наступления Красной Армии необходимость открытия активных военных действий в Западной Европе стала очевидной не только профессиональным военным. Слова «1942 год должен быть годом открытия второго фронта» стали широко распространенными в Англии и США. Требование простых людей открыть второй фронт звучало все более настоятельно.

Лейбористский депутат Ст. Криппс, вернувшийся из СССР и занявший пост лорда-хранителя печати в кабинете Черчилля, заявлял:

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 3, p. 538.

«Русские армии, несущие огромные жертвы и удерживающие сегодня большое количество немецких армий... прямо охраняют нас от опасности нападения и вторжения в Англию. Поэтому... никакая цена не может быть высокой, чтобы поддерживать замечательные усилия русских»¹.

В начале апреля 1942 г. Рузвельт писал Черчиллю:

«Дорогой Уинстон!.. Ваш народ и мой требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские убивают сегодня больше немцев... чем мы с вами, вместе взятые»².

Совместные военные усилия СССР, Англии и США, успешное осуществление коалиционной стратегии, к чему стремился генеральный штаб РККА, могли сломить силы общего врага, и 1942 год мог стать решающим в борьбе с гитлеризмом. Если гитлеровцы делали ставку на «сверхчеловеческие» усилия в 1942 г., чтобы достичь победы в войне против Советской страны, то, вполне логично, подобные усилия должны были бы совершить и союзники.

Необходимо было в ускоренном темпе подготовить и провести совместные удары по Германии с Запада и Востока, поставив ее в безвыходное положение. Однако стратегия правительств Англии и США сводилась к тому, чтобы всемерно затягивать открытие второго фронта.

В начале апреля 1942 г. в Лондон прибыла миссия Маршалла и Гопкинса. Черчиллю был представлен, правда довольно схематичный, план вторжения во Францию не позднее 1 апреля 1943 г. Англия должна была выставить основные силы: американских войск на Британских островах было недостаточно.

Черчилль на словах признал план «величественным», предлагаемые операции «великими», но на деле не собирался осуществлять его. Черчилль обманывал не только СССР, но и своего более близкого союзника — США.

Британский премьер фактически выступал даже против локальной операции — атаки на Брест и Шербур. Он считал более целесообразным «запустить когти нашей правой лапы во французскую Северную Африку, рвануть левой лапой по Нордкапу и подождать год, не рискуя сломать свои зубы об укрепленный германский фронт по ту сторону Ла-Манша»³.

Черчилль любил красивые слова, прикрывавшие неблагоприятные дела. Он лицемерно призывал американских «собратьев по оружию» двинуться в Европу «плечом к плечу в великий крестовый поход за освобождение терпящих муки народов». В действительности ему были безразличны и страдания народов Европы, и муки советских людей.

¹ Parliamentary Debates. House of Commons, 1942, vol. 380, col. 337.

² Churchill W. Op. cit., vol. 3, p. 281.

³ Ibid., vol. 4, p. 289.

**«ДОСТИГНУТА
ПОЛНАЯ ДОГОВОРЕННОСТЬ...»**

20 мая 1942 г. по приглашению американского и английского правительств в Лондон и Вашингтон направилась советская делегация в составе наркома иностранных дел В. М. Молотова и военного представителя генерал-майора Ф. М. Исаева. Самолет, летевший из Москвы в Лондон, пересек линию фронта, Данию и благополучно приземлился на одном из английских аэродромов. Делегация была торжественно встречена в Лондоне — Черчилль предоставил ее главе свою резиденцию Черкерс, на время переселившись в Стори-Гейт-Аннекс.

Главными задачами советской делегации было согласование единой коалиционной стратегии — обсуждение жизненно важной проблемы открытия второго фронта в 1942 г., укрепление антифашистской коалиции.

Во время переговоров в Черкерсе, начавшихся 21 мая, советская делегация охарактеризовала положение на советско-германском фронте и сообщила об ожидающихся летом крупных сражениях. Немцы, сосредоточившие основные силы и ресурсы на советско-германском фронте, могли добиться перевеса. Поэтому, говорил Молотов, Советское правительство интересовало: «Могут ли союзники СССР, и в первую очередь Великобритания, оттянуть с нашего фронта летом и осенью 1942 года хотя бы 40 германских дивизий и связать их боями в Западной Европе. Если это будет сделано, тогда вопрос разгрома Гитлера был бы решен в 1942 году... Могут ли это сделать союзники?»¹

У. Черчилль усиленно доказывал невозможность открыть второй фронт в 1942 г., аргументируя это то недостатком десантных судов, то силой фашистской авиации. Он ограничился общими фразами о том, что будет сделано все возможное, чтобы «оказать необходимую помощь доблестным русским войскам».

Во время пребывания в Лондоне советская делегация вела также переговоры о заключении англо-советского союзного договора. 26 мая 1942 г. в здании министерства иностранных дел Англии был подписан Договор между Советским Союзом и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны.

Приветствуя договор в парламенте, лидер либералов Ллойд Джордж заявил: «Если бы этот договор был подписан несколько лет тому назад, война не могла бы вспыхнуть!»

— Договор, — восклицал Черчилль, — порука разгрома наших врагов!

¹ Земсков И. Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982, с. 71.

После заключения договора советская делегация вылетела в Вашингтон. 29—30 мая во время переговоров в Белом доме с Рузвельтом и его советниками глава советской делегации поставил прямой вопрос об открытии второго фронта.

В ответ президентом было заявлено: «Мы хотим открыть второй фронт в 1942 году. Это наша надежда. Это наше желание». Но дальше шли оговорки о трудностях с транспортировкой войск и т. д. В том же духе высказался и генерал Маршалл. Сообщая в Москву о результатах переговоров с американцами, Молотов писал: «Рузвельт и Маршалл заявили, что они всячески хотят создать второй фронт, но пока дело упирается в недостаток судов для переброски войск во Францию. Ничего конкретного они мне не заявили»¹.

Переговоры продолжались. 3 июня удалось согласовать предложенный советской стороной проект советско-американского коммюнике, и он был одобрен президентом Рузвельтом. Коммюнике было опубликовано 11 июня 1942 г. в Вашингтоне и 12 июня 1942 г. в Москве. В нем указывалось, что «при переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»².

11 июня 1942 г. госсекретарь США и посол СССР в США подписали соглашение между Советским Союзом и США «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии»³.

При вторичном посещении советской делегации Лондона Черчилль вручил ее главе памятную записку. Пункт 5 ее гласил: «Мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года». Но далее Черчилль оговаривался: многое будет зависеть от обстановки и «мы не можем дать никакого обещания» (о сроках вторжения)⁴. Английские власти — в отличие от американских — открыто уклонялись от каких-либо определенных обязательств.

Выступая в конце июля 1942 г. в английском парламенте, Черчилль заявил: «Было бы безумием предполагать, что Россия или США собираются выиграть войну за нас. Наступает сезон вторжения. Все вооруженные силы предупреждены о том, чтобы быть наготове к 1 сентября и сохранять впредь величайшую бдительность»⁵. Это было довольно внушительное заявление. Но и оно не было подкреплено практическими действиями.

Подписание англо-советского союзного договора от 26 мая 1942 г. и соглашения с США от 11 июня 1942 г. было крупным

¹ Земсков И. Н. Цит. соч., с. 80.

² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 247.

³ Там же, с. 248.

⁴ См.: Переписка..., т. 1, с. 451—452.

⁵ Цит. по: Правда, 1942, 30 июля.

успехом советской внешней политики. Договор сыграл важную роль не только в истории советско-английских отношений, но и в становлении всей антифашистской коалиции. Этим договором, а также соглашением была оформлена правовая основа антифашистской коалиции народов СССР, Англии и США. Соглашения были также ударом по тем силам на Западе, которые надеялись внести раскол в антифашистскую коалицию.

НОВЫЕ ЗАБОТЫ ЧЕРЧИЛЛЯ

Однако не успели просохнуть чернила подписей политических руководителей Англии и США под соглашением об открытии второго фронта в Европе в 1942 г., как Черчилль начинает усиленно трудиться над срывом этой межсоюзнической клятвы.

Военная обстановка на советско-германском фронте создавала союзникам реальные возможности для открытия второго фронта. Советский Союз по-прежнему оттягивал на себя основные военные силы фашистской Германии. Гигантские битвы на юге СССР сковали фашистские армии. Англия располагала в то время 99 дивизиями, из них 45 дислоцировались в метрополии. США имели 73 дивизии. Эти огромные силы практически бездействовали — военными операциями были заняты только 23 американские и английские дивизии.

Отсутствие второго фронта давало возможность фашистскому командованию безбоязненно перебрасывать свои войска с Запада на Восточный фронт: генералы были уверены, что в ближайшее время Англия и США не нанесут Германии удар с тыла. Более того, немцам через различные каналы прямо давалось это понять. «Члены военного кабинета, — заявил в парламенте лейбористский депутат Эньюрин Бивен, — без всяких причин периодически заверяют противника, что он ни на одном участке атакован не будет»¹.

Что касается Черчилля, то он, упорно проводя свою стратегическую линию, считал открытие второго фронта в Европе преждевременным. Удары по врагу планировались на других участках.

Английская разведка 9 июня 1942 г. доносила Черчиллю: «Положение на Восточном фронте таково, что можно ожидать любого исхода, и поэтому трудно сказать, какой из противников потерпит поражение. Если немцы поймут, что, с одной стороны, им угрожает новая зимняя кампания в России, с другой — англо-американское вторжение на западе, то катастрофа может, как и в 1918 г., разразиться с потрясающей быстротой»². Этот прогноз был полностью проигнорирован.

¹ Parliamentary Debates. House of Commons, 1941, vol. 374, col. 1240—1241.

² Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг. М., 1955, с. 276.

В июне 1942 г., едва успела вылететь из Лондона советская делегация, Черчилль выдвигает один за другим свои проекты борьбы с фашистской Германией. Здесь была — для отвода глаз — и операция «Юпитер» — план вторжения в Северную Норвегию — как альтернатива плану «Слэджджэммер» («Кузнечный молот») ¹, и его излюбленный план «Джимнаст», предусматривающий операции во французской Северной Африке.

Для осуществления этих замыслов в ход были пущены и дипломатическое искусство Черчилля, и усилия имперского генерального штаба.

«ФАКЕЛЬ» ЗАПЫЛАЕТ В АФРИКЕ

17 июня 1942 г. летающая лодка «Боинг» — на ее борту находились британский премьер Уинстон Черчилль и начальник имперского генерального штаба Алан Брук — вылетела в Вашингтон. 19 июня начались секретные переговоры английского и американского руководителей. На следующий день Черчилль передал Рузвельту меморандум. Лейтмотивом его были доводы о том, что второй фронт во Франции не может быть открыт в 1942 г. Правда, Черчилль писал о необходимости подготовки плана «Болеро» ². Но в заключение он вновь подчеркнул: «Английское правительство не одобряет операцию, которая наверняка приведет к катастрофе, ибо это не поможет России... Мы твердо придерживаемся точки зрения, что в этом году не должна быть осуществлена высадка во Франции» ³.

В меморандуме Рузвельту довольно цинично признавалось: английские штабы не смогли составить план вторжения в Европу в 1942 г. Черчилль осведомился, есть ли такой план у американцев (зная, что дальше общих наметок дело не пошло), и если нет, то какие операции следует провести в 1942 г.? Он предложил вернуться к плану высадки войск в Северной Африке («Джимнаст») ⁴. Черчиллю было совершенно ясно: план высадки англо-американских войск в Северной Африке сорвет операцию по открытию второго фронта во Франции. Но этого-то и добивались Черчилль и его военные советники.

«Я уверен, — считал Черчилль, — что французская Северная Африка («Джимнаст») является гораздо лучшей возможностью оказать помощь русскому фронту в 1942 году» ⁵.

Черчилля не смущали заявления начальников штабов США, указывавших на основной «недостаток плана «Джимнаст»:

¹ Это был план десанта на Брест или Шербур в 1942 г.

² «Болеро» — условное обозначение плана постепенного накопления сил и средств в Англии для высадки на Северном побережье Франции.

³ Churchill W. Op. cit., vol. 4, p. 342.

⁴ Ibid., p. 345.

⁵ Ibid., p. 392.

«Даже его успешное выполнение не заставит немцев перебросить с русского фронта ни одного солдата, танка или самолета»¹.

Британскому премьеру не составило большого труда убедить Гопкинса и Маршалла, прибывших в Лондон на совещание, продолжавшееся с 20 по 25 июля, заменить план операций в Европе в 1942 г. на план вторжения в Северную Африку. Новым названием этого плана стал «Торч» («Факел»). Операция «Торч» должна была, по мысли Черчилля, стать факелом, освещающим путь не только в Северную Африку, но и на Балканы.

Усилия Черчилля дали свои результаты. Рузвельт телеграфировал Гопкинсу: надо немедленно приступить к осуществлению планов в Северной Африке.

После этого штабы Англии и США начали детально планировать вторжение в Северо-Западную Африку. Вопрос об открытии второго фронта в Европе в 1942 г. практически снимался с повестки дня. Англия и США аннулировали их торжественное обязательство, принятое всего лишь месяц тому назад.

«НЕ БУДЕТ ВТОРОГО ФРОНТА В 1942 ГОДУ...»

В один из теплых июльских вечеров 1942 г. Уинстон Черчилль давал обед членам военного кабинета в зимнем саду на Даунинг-стрит, 10. После обильной трапезы премьер пригласил министров в зал заседаний и проинформировал их о своей предстоящей поездке в СССР. Он направляет Сталину послание, в котором выразил желание лично встретиться с ним.

Черчилль хотел сообщить главе Советского правительства о решении, только что принятом в Лондоне: второй фронт не будет открыт в 1942 г. Но не только поэтому Черчилль ехал в Москву — он мог уведомить главу Советского правительства о решении и в личном послании. Премьер хотел получить из первых рук сведения о том, сможет ли Красная Армия отбить новое мощное наступление фашистских войск и удержать Кавказ (откуда в случае успеха немцы могли прорваться в Иран, Ирак, Египет и Индию).

Советское правительство пригласило Черчилля.

Утром 12 августа Уинстон Черчилль с группой военных и политических советников вылетел в Москву. Это был первый визит Черчилля в СССР. «Я размышлял, — писал британский премьер в пути из Тегерана в Москву, — о моей миссии в это... большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задуть при его рождении»².

¹ Мэтлофф М., Снелл Э. Цит. соч., с. 282—283.

² Churchill W. Op. cit., vol. 4, p. 428.

Наедине с собой Черчилль был откровенен. Сам факт полета Черчилля в «большевистское государство» был знаменателен, вне зависимости от того, с какими намерениями он прибывал в СССР. Визит его был признанием силы и влияния Страны Советов, признанием провала планов реакции, направленных на его сокрушение. Генерал Уэйвелл, обладавший некоторыми литературными способностями, суммировал намерения Черчилля, связанные с визитом в СССР, в стихотворении, каждая последняя строка четверостишия которого звучала: «Не будет второго фронта в 1942 году»¹.

12 августа Черчилль прибыл в Москву. В тот же вечер состоялась его встреча с советскими руководителями. На совещаниях США представлял Аверелл Гарриман.

Премьер-министр стал пространно рассуждать о невозможности и невыгодности в военном отношении для союзников высадки своих войск во Франции в 1942 г. При этом он сослался на недостаточное количество сконцентрированных в Англии десантных судов и войск, на трудности десантных операций в районе Ла-Манша и Па-де-Кале, а также на то, что высадка войск на побережье Франции прервала бы большие приготовления к операциям в 1943 г. и отвлекла бы ведущих специалистов от этих приготовлений.

В то же время Черчилль заверял главу Советского правительства, что «Англия и США готовятся к большим операциям в 1943 году», для чего на Британские острова должен прибыть один миллион американских солдат. Таким образом, американские экспедиционные силы должны были насчитывать весной 1943 г. 27 дивизий, к которым англичане планировали прибавить 21 собственную дивизию, причем почти половину этих сил составляли бы танковые дивизии².

И. В. Сталин спросил, правильно ли он понял, что второго фронта в 1942 г. не будет и что английское правительство также отказывалось от операции по высадке шести—восьми дивизий на французском побережье в 1942 г.

Черчилль подтвердил, что открыть второй фронт в Европе в 1942 г. англичане не в состоянии. Что касается операции по высадке шести—восьми дивизий на французском побережье, то, по мнению английского правительства, эта операция принесла бы больше вреда, чем пользы.

Для того чтобы продемонстрировать согласованность английских и американских позиций, Черчилль обратился к Гарриману с просьбой высказать свое мнение. В ответ Гарриман ограничился лишь заверением, что он полностью присоединяется к соображениям премьер-министра.

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 4, p. 428.

² Ibidem.

Глава Советского правительства вынужден был заметить, что он не может согласиться с аргументами, выдвинутыми Черчиллем, и «несколько иначе смотрит на войну». По его убеждению, тот, кто «не хочет рисковать, никогда не выиграет войны»¹.

Явно не желая продолжать разговор об открытии второго фронта в Европе, Черчилль сообщил, что союзниками принято решение о проведении другой операции — «Торч» («Факел»), имеющей целью захват побережья французской Северной Африки. Расхваливая этот план, премьер указывал на возможность получить базы для бомбардировок Италии, а также дополнительные пути для вторжения на Европейский континент в 1943 г.

На следующий день во время второй беседы Сталин вручил Черчиллю и Гарриману меморандум, в котором излагалась советская позиция по вопросу о втором фронте. В нем говорилось, что в результате обмена мнениями 12 августа было установлено, что Черчилль «считает невозможной организацию второго фронта в Европе в 1942 году». Напомнив, что вопрос об организации второго фронта в Европе в 1942 г. был фактически решен во время визита Молотова в Лондон, советская сторона указывала, что целью этой операции являлось «отвлечение немецких сил с Восточного фронта на Запад, создание на Западе серьезной базы сопротивления немецко-фашистским силам и облегчение таким образом положения советских войск на советско-германском фронте в 1942 году». «Вполне понятно, — подчеркивалось в меморандуме, — что Советское Командование строило план своих летних и осенних операций в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году», и поэтому отказ правительства Великобритании от ранее согласованного плана действий «наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования»².

По мнению советских военных руководителей — и об этом было прямо сказано англичанам и американцам, — в 1942 г. существовали весьма благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, поскольку основные силы немецких войск, и притом лучшие силы, были отвлечены на Восточный фронт, а в Европе оставались значительно меньшие по количеству войска, которые к тому же имели слабую боевую подготовку.

После внимательного ознакомления с меморандумом английский премьер-министр пообещал дать на него письменный ответ, отметив одновременно, что решения, приня-

¹ Земсков И. Н. Цит. соч., с. 124.

² Переписка..., т. 1, с. 74.

тые Англией совместно с США, являются окончательными и будут, по его мнению, «лучшей помощью русским союзникам».

С учетом союзнических обязательств Сталин обстоятельно проинформировал Черчилля о советских планах по обороне Кавказа.

В мемуарах Черчилля о второй мировой войне эта часть беседы описывается следующим образом: «Наконец я задал вопрос по поводу Кавказа. Намерен ли он (Сталин.— *Ф. В.*) защищать горную цепь и каким количеством дивизий? При этом вопросе он послал за наглядной моделью и совершенно откровенно и с явным знанием дела разъяснил прочность этого барьера, для защиты которого, по его словам, имеется 25 дивизий. Он указал на различные горные проходы и сказал, что они будут обороняться. Он сообщил, что им придется держаться в течение двух месяцев, пока снег сделает горы непроходимыми. Он заявил, что вполне уверен в том, что они смогут это сделать»¹.

В конце беседы Сталин вновь поднял вопрос о вторжении союзников на побережье Франции при использовании их превосходства в воздухе на западе Европы. Черчилль повторил, что он считает вторжение невозможным.

Информируя президента Рузвельта о второй встрече с главой Советского правительства, Черчилль писал, что получился «крайне неприятный разговор», во время которого Сталин высказал «очень много неприятных вещей, особенно о том, что мы слишком боимся сражаться с немцами... что мы нарушили наше обещание относительно «Слэджхэммера», что мы не выполнили обещаний в отношении поставок России и посылали лишь остатки после того, как взяли себе все, в чем мы нуждались. По-видимому, это было адресовано в такой же степени Соединенным Штатам, как и Англии». По словам Черчилля, он отвел все утверждения главы Советского правительства, полагая, что, во всяком случае, «лучше было объясниться так, а не как-либо иначе». Но самое главное, что волновало Черчилля и что он спешил довести до сведения американского президента, была вынесенная из бесед в Москве уверенность, что Советский Союз будет продолжать сражаться даже без открытия второго фронта в 1942 г.²

Это, разумеется, вполне устраивало британского премьера.

25 августа 1942 г. Черчилль сделал краткое сообщение о своих переговорах со Сталиным на заседании военного кабинета. «Нет никакого сомнения в решимости русских продолжать сражаться,— сказал он.— Хотя они и оказывают на нас сильное давление, с тем чтобы мы открыли второй фронт, однако они не кричат о своих несчастьях»³.

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 4, p. 489.

² Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence, p. 237—239.

³ PRO, Cab, 65/31.

Продолжая нарушать межсоюзнические обязательства, правительство Черчилля приняло в разгар ожесточенных боев на советско-германском фронте новое решение: отказаться от отправки военных грузов в СССР Северным морским путем до 1943 г. ввиду трудностей проведения конвоев в период полярного дня. Взамен было дано туманное обещание усилить снабжение Советского Союза «трансиранским путем» (имевшим по сравнению с Северным второстепенное значение).

Об этом Черчилль, «примирившись со своей совестью», сообщил Советскому правительству¹. Черчилль наносил все новые и новые удары, но не по врагу, а по своему союзнику. Советский Союз продолжал нести основное бремя войны с фашистской Германией и ее сателлитами.

«БАЛКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ» ЧЕРЧИЛЛЯ

Зажигая «факел» в Африке, упорно отказываясь открыть фронт в Северной Франции в условленные сроки, Черчилль одновременно развивал идею «балканской», или «средиземноморской», стратегии.

В Средиземноморье, по меткому выражению де Голля, «Англия защищала уже завоеванные позиции как в Египте и вообще в арабских странах, так и на Кипре, на Мальте, в Гибралтаре; предполагалось овладеть новыми позициями в Ливии, Сирии, Греции, Югославии. Вот почему Великобритания старалась направить англо-американское наступление в сторону этого театра»².

Настойчиво выступая за «балканский вариант» открытия второго фронта, Черчилль руководствовался не военными, а политическими соображениями. Он стремился преградить путь Красной Армии на Балканы, не допустить здесь роста демократических движений, укрепить позиции Англии в Средиземном море, сохранить ее господство на Ближнем Востоке.

«Всякий раз, когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы,— говорил Ф. Рузвельт своему сыну Эллиоту,— всем присутствующим было совершенно ясно, чего он хочет. Он хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию»³.

Впрочем, и сам Черчилль не скрывал, что он рассчитывал на Балканах вбить «клин союзных армий между Европой и Советской Россией».

¹ См.: Переписка..., т. 1, с. 87.

² Де Голль Ш. Военные мемуары. М., 1960, т. 1, с. 12.

³ Рузвельт Э. Цит. соч., с. 186—187.

По образному выражению американского журналиста Ральфа Ингерсолла, «Балканы были тем магнитом, на который, как бы ни встряхивали компас, неизменно указывала стрелка британской стратегии»¹.

Выдвижение «балканской стратегии» обуславливалось и тем, что Англия, действуя на второстепенных направлениях, накапливала силы для наступления на Германию на заключительном этапе войны.

Конкретизируя свою «балканскую стратегию», Черчилль — а вашингтонские политики поддерживали его — выдвигал планы создания Балкано-Дунайской федерации — блока балканских и придунайских стран, направленного против СССР. Во главе федерации должна была стоять болгарская династия Кобургов. В состав федерации должны были войти Болгария, Югославия, Турция, Греция, Албания. Федерация была бы внешне самостоятельной государственной единицей, фактически руководимой Англией. Этапом в создании федерации явился договор о политическом союзе, подписанный в январе 1942 г. между греческим и югославским эмигрантскими правительствами. Тогда же в Лондоне было подписано польско-чехословацкое соглашение о создании другого антисоветского блока — Центральноевропейского союза.

Новый «санитарный кордон» вокруг СССР — эта идея не покидала умы лондонских политиков. То, что развитие событий делало ее абсолютно несбыточной, их не обескураживало. Идея обрастала все новыми вариантами.

ВНОВЬ «СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ»!

В октябре 1942 г. Черчилль разослал членам кабинета секретный меморандум, в котором говорилось:

«Мои мысли сосредоточены в первую очередь на Европе — на возрождении величия Европы, колыбели современных наций и цивилизации. Было бы неизмеримой катастрофой, если бы русское варварство подавило культуру и независимость древних государств Европы. Как это ни трудно сейчас сказать, я думаю, что европейская семья народов может действовать единодушно под руководством Совета Европы. Я надеюсь в будущем на создание Соединенных Штатов Европы»².

Идея Черчилля не была оригинальной. Нечто подобное выдвигалось еще в годы первой мировой войны графом Куденгове Каллерги. В своей работе «О лозунге Соединенных Штатов Европы» Ленин раскрыл реакционную сущность подобных планов³.

¹ Ингерсолл Р. Цит. соч., с. 94.

² Churchill W. Op. cit., vol. 4, p. 504.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 353—354.

Во главе «Соединенных Штатов Европы» британский премьер предлагал поставить «европейское правительство» — региональный «Совет Европы» в составе 10—12 членов. Этот совет должен был располагать международными военными силами, международной полицией, иметь верховный суд. Нетрудно понять: руководящая роль и в «Соединенных Штатах Европы», и в «Совете Европы» отводилась Англии.

Развивая свои планы на вашингтонском совещании «Трай-дент» в мае 1943 г., Черчилль выдвинул идею создания «Всемирной ассоциации держав» под главенством Англии и США. Вместе с Китаем они должны были создать всемирное правительство, «Верховный всемирный совет». В подчинении этого совета должны были находиться три региональных совета: один для Европы, один для американского полушария и один для Тихого океана.

О том, что все эти планы Черчилля были направлены против СССР, говорит, помимо всего прочего, и тот факт, что Советский Союз не был упомянут в числе держав, входящих в «Соединенные Штаты Европы». Позднее, при встрече с турецкими руководителями в Адене, Черчилль откровенно говорил о необходимости «организовать самое тесное объединение против СССР»¹.

Однако «Соединенные Штаты Европы» были бы направлены не только против СССР, но и против господства США в Европе. Между тем империалисты США твердо намеревались захватить политические и экономические позиции на Европейском континенте. Поэтому, разделяя антисоветские устремления английской реакции, они весьма сдержанно относились к планам Черчилля по созданию «Соединенных Штатов Европы».

Выступая во многом воедино, правящие круги США резко расходились в вопросе о будущих послевоенных планах со своим капиталистическим партнером — Англией.

Провал антисоветских планов Черчилля объяснялся и тем, что народы Европы и всего мира поддерживали Советский Союз, видели в Красной Армии освободительницу от фашистского рабства.

ОПЕРАЦИИ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

В начале ноября 1942 г. Англия и США высадили свои войска, насчитывающие около 500 тыс. человек — всего 13 дивизий, в Северной Африке — в Алжире и Марокко.

Союзники заняли порты Алжир, Оран, Касабланку и начали наступление против гитлеровцев, продвигаясь на восток,

¹ Churchill W., Op. cit., vol. 4, p. 636.

навстречу 8-й английской армии, наступавшей из Египта. Англия и США стремились превратить Северную Африку в плацдарм для дальнейших военных операций в Средиземном море и на Балканах. Политики Англии и США пытались изобразить операции в Северной Африке как «второй» или «третий» фронт. В действительности, как указывало Советское Верховное Командование, операции в Африке не являлись вторым фронтом и отвлекали лишь незначительные силы немцев: итало-немецкая армия Роммеля и Арнима насчитывала в своем составе всего лишь 4 немецкие и 11 итальянских дивизий. Десант и операции в Северной Африке не оказали и не могли оказать существенного влияния на события, происходившие на советско-германском фронте, на исход второй мировой войны.

ВСТРЕЧИ В КАСАБЛАНКЕ И В ВАШИНГТОНЕ

В январе 1943 г. в недавно освобожденной Касабланке¹ в условиях строжайшей секретности встретились «адмирал» и «г-н Р». «Адмиралом» был президент Соединенных Штатов Ф. Д. Рузвельт и «г-ном Р» — британский премьер-министр Уинстон Черчилль. В лагере «Анфа» с 14 по 25 января проходили их совещания с участием генерала Маршалла, адмирала Кинга, генерала Арнольда — со стороны США, генерала Аллана Брука, адмирала Паунда, маршала авиации Портала — со стороны Англии.

Совещание проходило в те дни, когда Красная Армия, измотав и обескровив войска генерала Паулюса в ожесточенной битве на Волге, одной из величайших битв Отечественной войны, перешла в решительное контрнаступление, окружив 22 вражеские дивизии. В момент, когда открылась конференция в Касабланке, войска Донского фронта приступили к ликвидации окруженной вражеской группировки и успешно завершили ее к 2 февраля.

Окружение и разгром войск противника под Сталинградом были теми самыми классическими Каннами, о которых мечтали немецкие стратеги Клаузевиц, Мольтке и Шлиффен, но Каннами... для 6-й германской армии.

Контрнаступление на Волге переросло в общее наступление Красной Армии по всему фронту — от Ленинграда до Азовского моря.

Победа под Сталинградом «внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в Великой Отечественной войне и оказала определяющее влияние на дальнейший ход всей мировой войны»².

¹ Касабланка — по-испански Белый дом.

² История второй мировой войны, 1939—1945, т. 6, с. 81.

Поражение фашистской Германии на Волге было величайшим поражением германской армии за всю историю ее существования. Здесь был предопределен разгром Германии во второй мировой войне. В Германии был объявлен трехдневный траур, раздавался погребальный звон колоколов. Грозный призрак поражения впервые возник в сознании немцев.

Казалось бы, разгром немецкой военной машины в боях под Сталинградом должен был побудить западных союзников к скорейшему открытию второго фронта в Европе.

Но этого не произошло.

В Касабланке Черчилль еще более активно выступает за осуществление своей «балканской стратегии», чтобы опередить Красную Армию. Предполагалась высадка войска в районе Югославии, Греции и Турции.

Другой задачей, которую ставил Черчилль на совещании в «африканском Белом доме» — и в этом он преуспел, — был новый перенос сроков открытия второго фронта в Европе, хотя правительства Англии и США после невыполнения обязательств открыть второй фронт в 1942 г. дали СССР твердое обещание сделать это в 1943 г. (Об этом Черчилль и Гарриман заявили Советскому правительству в августе 1942 г. в Москве.)¹

В Касабланке руководителями Англии и США было решено: по завершении операции в Северной Африке провести операцию «Хаски» — высадку англо-американских войск в Сицилии, вывести из войны Италию и осуществлять последующие операции в Средиземном море. Тем самым высадка англо-американских войск в Северной Франции и, следовательно, создание реального второго фронта вновь откладывались.

В основных вопросах союзной стратегии во второй мировой войне конференция в Касабланке была совершенно бесплодной. По словам Ральфа Ингерсолла, «конференция в Касабланке мучительно тужилась... и наконец родила сицилийскую мышь»².

Уже в момент принятия весьма скромных планов военных операций в Италии было ясно, что они недостаточны.

11 мая 1943 г. состоялась новая встреча Черчилля и Рузвельта в Вашингтоне. На следующий день начались совещания. Главная задача, поставленная Черчиллем и его советниками, заключалась в том, чтобы окончательно похоронить план высадки английских и американских войск в Западной Европе в 1943 г. Без особого труда англичанам удалось убедить в этом своих американских собеседников, тем более что предварительная договоренность уже была достигнута в Касабланке.

В Вашингтоне принимается решение, «откладывающее англо-американское вторжение в Западную Европу на весну

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 4, p. 588.

² Ингерсолл Р. Цит. соч., с. 88.

1944 года»¹. Объединенный комитет начальников штабов запланировал открытие второго фронта в Европе на 1 мая 1944 г. Вашингтонские решения позволяли фашистской Германии по-прежнему держать основные силы на Восточном фронте и пополнять их.

Это ваше решение, указывалось в послании главы Советского правительства Рузвельту, «создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил...»².

Советское правительство энергично протестовало против нового грубого нарушения межсоюзнических обязательств. «Нельзя забывать того, — указывалось в послании главы Советского правительства Черчиллю, — что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»³.

Подобная политика Англии и США — политика саботажа уже принятых решений — подвергала серьезному испытанию доверие Советского правительства к союзникам и могла «иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны»⁴.

Советское правительство не могло примириться с игнорированием жизненных интересов советского народа в войне против общего врага. Оно временно отозвало в тот период своих послов из Лондона и Вашингтона, что было расценено в Англии и США как протест против политики руководителей этих стран⁵.

10 июля 1943 г. начались англо-американские операции в Сицилии. Они были сугубо локальными: здесь находились всего две немецкие и четыре итальянские дивизии. При высадке 8-й британской армии и 7-й армии США итальянцы практически не оказывали сопротивления. По свидетельству Черчилля, при занятии острова Пантеллерия пострадал только один солдат, да и то от укуса мула. Итальянский гарнизон острова Лампедузы сдался одному союзному летчику, приземлившемуся на острове из-за нехватки бензина. Тем не менее кампания в Сицилии тянулась целых 38 дней.

«ПУШКИ НАВЕДЕНЫ, ЛЮДИ ГОТОВЫ...»

Если политические деятели Англии и США грубо нарушали межсоюзнические обязательства по отношению к СССР, всячески оттягивая открытие второго фронта в Европе, предприни-

¹ Переписка..., т. 1, с. 159.

² Там же, с. 159.

³ Там же, с. 167.

⁴ Там же, с. 159.

⁵ См.: Кулиш В. Цит. соч., с. 329.

мая в то же время попытки сепаратного сговора с фашистской Германией, то народы этих стран требовали от своих правительств немедленно согласовать политическую и военную стратегию стран — участниц антифашистской коалиции и открыть второй фронт в Европе. Трудящиеся Англии, США, руководимые компартиями, понимали: каждый день отсрочки открытия второго фронта влечет за собой новые и новые человеческие жертвы, новые страдания советского народа и всех поработанных фашизмом народов.

Движение за оказание помощи советскому народу путем открытия второго фронта получило такое развитие в Англии и США, что его можно назвать всенародным. Английские и американские солдаты горели желанием сражаться с врагом, и «не только ради русских, но и ради самих себя».

В Лондоне и Вашингтоне, Ливерпуле и Нью-Йорке, Бирмингеме и Чикаго, Глазго и Бостоне и во многих других городах и селениях Англии и США проводились массовые митинги, руководимые компартиями и другими рабочими организациями.

«Открытие второго фронта в Западной Европе,— говорилось в резолюции английской компартии,— является прямой обязанностью английского и американского народов... Народ требует от правительства наступательной стратегии и смелого руководства...»¹ Во время посещения Черчиллем авиационного завода в Дэхевилленде рабочие вручили ему заявление: «Рабочие нашего завода хотят, чтобы второй фронт был открыт без задержки... Мы считаем: против второго фронта возражают определенные реакционные элементы, занимающие высокие посты и стремящиеся к сделке с Гитлером»². Заявление свидетельствовало о политической зрелости рабочих, понимавших, кто и почему саботировал второй фронт.

Особенно усиливается борьба трудящихся Англии и США за открытие второго фронта в Европе летом и осенью 1943 г. в связи с успешным наступлением Красной Армии и операциями союзников в Средиземноморском бассейне. «Совместный удар,— писала английская газета «Рейнольдс ньюс»,— обеспечил бы победу в этом (1943.— *Ф. В.*) году»³.

Даже консервативная печать Англии и США признавала вопреки заявлениям Черчилля: все готово для открытия второго фронта. «Четыре армии ожидают момента для нанесения решающего удара...— писала газета «Дейли мейл».— Планы разработаны, материалы сконцентрированы, пушки наведены, люди готовы. Все обеспечено для самой грандиозной экспедиции в истории»⁴.

¹ Daily Worker, 1943, 25 February.

² Ibid., 1943, 16 April.

³ Reynolds News, 1943, 10 August.

⁴ Daily Mail, 1943, 7 June.

Советское правительство считало: «Условия для открытия второго фронта в Западной Европе на протяжении 1943 года не только не ухудшились, а, напротив, значительно улучшились»¹.

СПОРЫ В КВЕБЕКЕ

Зимнее наступление Красной Армии 1942/43 г. поставило немецко-фашистские армии на грань катастрофы. Однако, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, летом 1943 г. гитлеровское командование, сосредоточив в районе Орла и Белгорода 38 дивизий, надеялось в ходе стремительного наступления окружить и уничтожить советские войска на Курской дуге, а затем начать наступление на Москву. Ставка Советского Верховного Главнокомандования своевременно получила информацию об этих замыслах.

Отбив наступление противника, советские войска перешли в решительное контрнаступление и 5 августа 1943 г. освободили от захватчиков Орел и Белгород.

Победа под Курском и выход советских войск к Днепру завершили коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. К ноябрю 1943 г. было освобождено почти две трети советской земли, захваченной гитлеровцами. Победа под Курском предвещала военную катастрофу фашистской Германии.

По мере того как ширилось наступление Красной Армии, в правящих кругах Англии и США росло беспокойство, что СССР и без их помощи сможет разгромить фашистскую Германию и освободит народы Европы. Теперь уже они стали опасаться, как бы не опоздать со вторым фронтом².

В августе 1943 г. в Квебеке (Канада) открылась очередная конференция политических руководителей Англии и США.

Важнейшим вопросом, рассматривавшимся в Квебеке, был вопрос о втором фронте. Черчилль снова настаивал на своем «балканском варианте», требуя сначала взять Рим, продвинуться на север Италии, затем высадиться на Балканах, в Югославии, Албании и Греции. Говоря о перспективах кампании в Италии, Черчилль неустанно повторял: «Зачем карабкаться, подобно пауку, по голенищу итальянского сапога от самой щиколотки? Давайте лучше ударим под коленку».

Однако, как писала газета «Нью-Йорк таймс» 14 февраля 1943 г., страх перед «неумолимым продвижением русских на запад», боязнь, что они первыми войдут в Берлин, вынуждали Ф. Рузвельта, военных стратегов США все более определенно высказываться за открытие второго фронта в Западной Европе, чтобы продвигаться в Германию более коротким и стратегиче-

¹ Переписка..., т. 1, с. 165.

² См.: *Шервуд Р.* Цит. соч., т. 2, с. 385.

ски более благоприятным путем. Путь в Берлин и в другие важнейшие экономические центры Германии из Северо-Восточной Франции составил бы всего 600—700 километров, в то время как из Италии союзным войскам нужно было пройти до границ Германии 1200 километров, а от Балкан 1700 километров. Наступление на Балканах и в Италии шло бы вдалеке от важнейших политических, экономических и военно-стратегических центров Германии. Наконец, географические и топографические условия в Западной Европе были гораздо более благоприятны для военных действий, чем в Италии и на Балканах, — густая сеть дорог Северной Франции, Бельгии, Голландии давала возможность успешно маневрировать войсками.

После ожесточенных споров был принят стратегический план «Оверлорд», предусматривавший высадку союзных войск в Нормандии 1 мая 1944 г. Кроме того, намечалась вспомогательная операция «Энвил» — высадка в Южной Франции близ Тулона и Марселя.

Но и этот план открытия второго фронта в Нормандии был снабжен по инициативе Черчилля многими оговорками. Вторжение во Францию по плану «Оверлорд» могло осуществиться только в том случае,

- « — Если ветер будет не слишком сильный.
- Если прилив будет как раз такой, как нужно.
- Если луна будет именно в той фазе, какая требуется.
- Если предсказание погоды на то время, когда луна и прилив будут подходящие, тоже окажется подходящим.
- Если всех этих условий не будет, вторжение автоматически откладывается на месяц, когда луна снова должна оказаться в надлежащей фазе...
- Если у немцев к этому времени окажется в Северо-Западной Европе не более 12 подвижных дивизий резерва и при условии, что немцы не смогут перебросить с русского фронта более 15 первоклассных дивизий»¹.

Стоило ветру быть чуть-чуть сильнее, погоде не совпасть с фазой луны, стоило немцам иметь не 12, а 13 подвижных дивизий резерва, как весь план открытия второго фронта мог быть сорван!

Всякому здравомыслящему человеку было ясно: совпадение всех этих условий для успешной высадки было не только маловероятно, но и невысказано. Но это как раз и нужно было английским политикам. Не случайно ими был разработан план «Рэнкин», предусматривавший чрезвычайную высадку десанта в Европе после внезапного прекращения войны Германией. В случае капитуляции Германии англо-американские войска должны были немедленно оккупировать всю страну.

¹ Ингерсолл Р. Цит. соч., с. 43—44.

В Квебеке также обсуждались вопросы создания атомного оружия. Проект «Тьюб-Эллойз» — создания атомной бомбы — осуществлялся полным ходом. 19 августа Рузвельт и Черчилль подписали соглашение о сотрудничестве США и Англии в атомных исследованиях.

Решения Касабланкской, Вашингтонской и Квебекской конференций, самым непосредственным образом касавшиеся Советского Союза, по-прежнему противостоявшего главным силам гитлеровской Германии и ее сателлитам, были приняты в нарушение союзнической солидарности в борьбе с общим врагом, без участия советских представителей.

«Тень пустующего кресла», места делегации СССР, как отмечала «Таймс», «падала на все эти переговоры»¹.

Победы Красной Армии, одержанные в 1942—1943 гг. над фашистской Германией и ее сообщниками, создали возможности для того, чтобы полностью очистить советскую землю от фашистских захватчиков, восстановить государственные границы СССР от Черного до Баренцева моря. Перед советским народом стояла далее задача освобождения от фашизма народов Восточной и Юго-Восточной Европы — Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии, Албании и других стран, разгром Германии и ликвидация фашистского «нового порядка» в Европе.

1944 год вошел в историю как год решающих побед Красной Армии над гитлеровской Германией и ее союзниками. Красная Армия осуществила выдающиеся военные операции, имевшие не только огромное военно-стратегическое, но и международное значение. В итоге зимней и летне-осенней кампании Советских Вооруженных Сил 1944 г. советская земля была очищена от захватчиков и военные действия были перенесены за пределы государственных границ СССР². Были выведены из строя союзники Германии. Началось освобождение стран Восточной Европы.

ЧТО БЫЛО РЕШАЮЩИМ ФАКТОРОМ ОТКРЫТИЯ ВТОРОГО ФРОНТА ?

Блистательные победы Красной Армии в 1944 г. коренным образом изменили политическую и военно-стратегическую обстановку в Европе. Они явились решающим фактором, способствовавшим открытию второго фронта в Европе.

«Когда весь ход второй мировой войны коренным образом изменился, когда события повернулись для западных стран так, что если бы они опоздали с открытием второго фронта,

¹ Times, 1943, 16 August.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945 гг. М., 1962, т. 4, с. 499.

то советские войска могли оказаться не только в Берлине, но и в Париже, тогда наши союзники стали поспешно действовать. Тогда-то и был открыт второй фронт»¹.

Открывая второй фронт в Европе, они стремились не допустить освобождения Красной Армией народов Франции, Бельгии, Голландии и других стран.

Под влиянием побед Красной Армии в европейских странах росло и ширилось движение Сопrotивления, руководимое коммунистами. Это серьезно тревожило западных политиков. Особенно опасались они размаха освободительной борьбы французского народа.

Кроме того, влиятельные круги Англии и США не были заинтересованы в окончательном крахе германских монополий, с интересами которых они были самым тесным образом связаны.

Определенную роль играли и следующие соображения: дальнейшая затяжка с открытием второго фронта могла бы привести к тому, что Англия стала объектом массовой бомбардировки снарядами «фау-1» и «фау-2», пусковые площадки которых находились на северном побережье Франции. «Если бы мы не вторглись в Северную Европу летом 1944 г., — писал профессор Гарвардского университета Моррисон, — то Лондон был бы сровнен с землей снарядами «фау-1» и «фау-2».

Все это и заставило Англию и США открыть второй фронт в Европе.

«ОБЕРЛОРД»

12 февраля 1944 г. Объединенный комитет начальников штабов вооруженных сил союзников дал директиву верховному командующему союзными экспедиционными силами в Западной Европе генералу Эйзенхауэру осуществить «вторжение на Европейский континент и, совместно с другими объединенными нациями, предпринять операции, имеющие целью выход к сердцу Германии и уничтожение ее вооруженных сил»².

10 апреля 1944 г. глава английской военной миссии в Москве генерал Барроуз и глава военной миссии США генерал Дин уведомили начальника Генерального штаба Красной Армии маршала А. М. Василевского о решении английского и американского военного командования начать 31 мая 1944 г. операцию по форсированию Ла-Манша. Учитывая условия погоды и приливы, отклонения могли составить два-три дня в ту или иную сторону. В соответствии с договоренностью в Тегеране Красная Армия к моменту высадки союзников готовилась оказать «максимальную поддержку англо-американским операциям»³.

¹ Правда, 1959, 27 марта.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945 гг., т. 4, с. 523—524.

³ Переписка..., т. 1, с. 257.

Для проведения десантных операций в Западной Европе на Британских островах было сосредоточено четыре армии (две американские, одна английская и одна канадская), имевшие в своем составе 37 дивизий¹. Кроме того, в США в состоянии готовности к переброске в Европу имелось 50 дивизий².

Союзная авиация насчитывала около 11 тыс. боевых и свыше 2300 транспортных самолетов. Военно-морские силы десанта имели 6 линкоров, 22 крейсера, 93 эсминца, 255 минных тральщиков, свыше 6000 транспортных и десантных судов. Общая численность экспедиционных сил составила 2876 тыс. человек³.

Германское командование имело на Западе к началу июня 1944 г. 61 дивизию, в том числе 10 танковых. Однако эти дивизии были неполного состава, насчитывали от 8 до 11 тыс. человек* и были недостаточно укомплектованы и плохо вооружены. Они были рассредоточены на огромном пространстве. В Нормандии в районе высадки морского десанта на фронте в 70 километров оборонялись всего две немецкие дивизии. Вся немецкая авиация на Западе не превышала 500 боевых самолетов.

К моменту высадки англо-американских войск во Франции союзники превосходили противников по людям в 2,1 раза, по танкам — в 2,2, по самолетам — почти в 23 раза⁴.

Следует учесть и тот факт, что к лету 1944 г. внутренние силы Спротивления Франции, насчитывавшие до 400 тыс. человек, развернули активную борьбу и отвлекали значительные силы немецких оккупантов. Все это обеспечило успех десантных операций союзников во Франции.

ВТОРЖЕНИЕ НАЧАЛОСЬ

Вторжение войск Англии и США на северо-западном побережье Франции началось рано утром 6 июня. Первыми высадились три воздушно-десантные дивизии, затем морские десанты. Это была наиболее крупная десантная операция второй мировой войны, знаменовавшая открытие второго фронта в Европе.

Высадка союзных английских и американских войск в Нормандии прошла благополучно. Вторжение оказалось гораздо более легким, чем предполагалось. Союзники переправились со сравнительно небольшими потерями и сразу же прочно

¹ См.: Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история, с. 429.

² См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 6, с. 638.

³ См.: Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история, с. 429—430.

* Численность английской пехотной дивизии составляла 18 тыс. человек, американской — 14 тыс.

⁴ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 4, с. 525; Кулиш В. История второго фронта. М., 1971, с. 355.

закрепились на трех плацдармах. 8 июня они слились в один общий.

Темп продвижения англо-американских войск составлял поначалу в среднем около 4 километров в сутки.

К 12 июня союзники высадили во Франции до 400 тыс. солдат и много техники. Плацдарм был расширен до 80 километров в ширину и 17 километров в глубину. Через месяц после десанта, к началу июля 1944 года, на континенте во Франции было сосредоточено 25 дивизий союзников, которым противостояли 23 немецкие дивизии¹.

Открытие второго фронта в Европе было серьезным ударом по гитлеровской коалиции.

Советское правительство считало вторжение союзников крупнейшей операцией. «История войн не знает другого подобного предприятия с точки зрения его масштабов, широкого замысла и мастерства исполнения»².

При вторжении на континент не были использованы все имеющиеся резервы. В частности, не был использован такой важный резерв увеличения сил вторжения, как французские войска. Английские политики, и в частности Черчилль, противились переброске на континент пехотных дивизий Франции.

Французские патриоты развернули широкую борьбу против немецких оккупантов. Бойцы движения Сопротивления успешно громили врага, освобождая города и целые департаменты страны.

18 августа 1944 г. компартия Франции призвала парижан поднять восстание против немецких оккупантов. Париж был освобожден восставшими 25 августа 1944 г. Английские и американские войска вошли в освобожденный французскими патриотами город.

«Установлено, что французское Сопротивление,— писал Р. Ингерсолл,— заменило нам лишние два десятка дивизий, а может быть, и больше... Немецкий гарнизон Парижа был разбит еще до появления первого союзного солдата»³. Силами французских патриотов были освобождены Бордо, Марсель, Ницца и другие крупные города.

Почти одновременно с началом союзнических операций во Франции советские войска 10 июня 1944 г. начали первый этап летнего наступления на Ленинградском фронте, прорвав долговременную оборону финнов на Карельском перешейке. Грандиозное наступление советских армий на Карельском перешейке и в Белоруссии в немалой степени способствовало успеху союзников во Франции.

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 4, с. 521.

² Переписка..., т. 1, с. 271.

³ Ингерсолл Р. Цит. соч., с. 246—247.

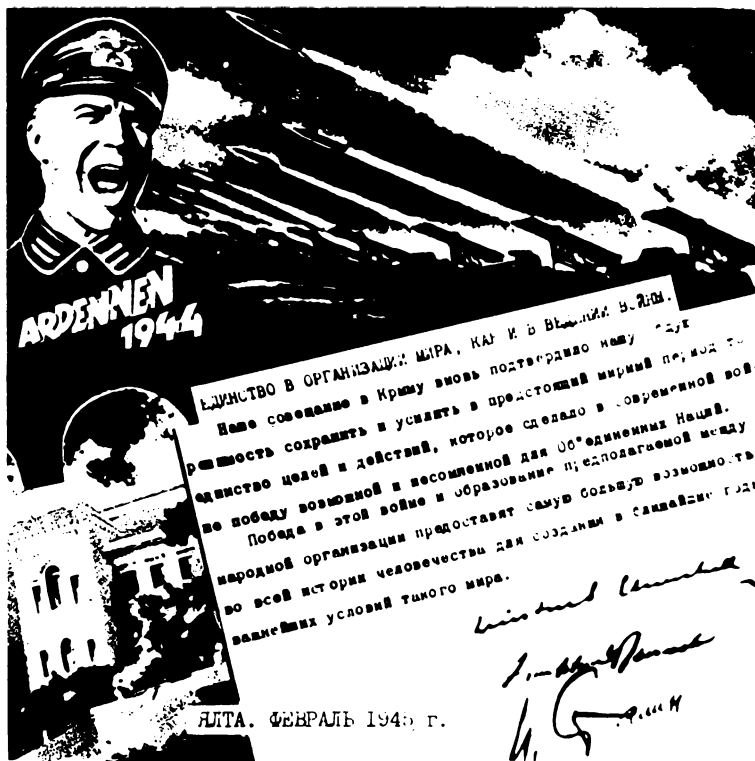
Второй фронт, открытый союзниками, сковал немецко-фашистские войска в Западной Европе. Вооруженные силы Англии и США оттянули на себя часть стратегических резервов Германии, ранее беспрепятственно перебрасываемых на Восток, против СССР. К концу года союзникам на Западе противостояли 73 немецкие дивизии¹.

Советско-германский фронт по-прежнему оставался главным фронтом второй мировой войны. Тем не менее открытие второго фронта в Европе, согласованные операции советских и англо-американских войск, предпринятые против фашистских агрессоров с востока, запада и юга, дали свои положительные результаты. Германия наконец была зажата в тисках между двумя фронтами.

Открытие второго фронта было встречено с большим удовлетворением трудящимися всех стран, поскольку это приближало сроки окончания второй мировой войны. На многочисленных митингах и собраниях трудящиеся СССР, Англии, США и других стран приветствовали укрепление боевого сотрудничества государств антифашистской коалиции.

Открытие второго фронта усилило борьбу народов Европы против фашистского ига, приблизило день их освобождения.

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 4, с. 657.

Глава IX

ОТ «КРИКЕТА» ДО «АРГОНАВТА»

С МАЛЬТЫ В ЯЛТУ

Ночь на 3 февраля 1945 г. была на мальтийском аэродроме «Лука» беспокойной. Через каждые десять минут с бетонной дорожки аэродрома поднимались в воздух английские и американские военно-транспортные самолеты, бравшие курс на Афины. Далее их путь лежал севернее Босфора и Дарданелл, через Черное море, в Крым.

Около полуночи взлетел самолет «Дуглас С-54» — «Священная корова». На борту его находился президент Соединенных Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт.

В воздух поднялся и самолет английских ВВС «скаймастер» премьер-министра Соединенного Королевства Уинстона Черчилля.

В Афинах к самолетам Рузвельта и Черчилля пристроились шестерки истребителей дальнего действия военно-воздушных

сил США и Англии — правда, один из самолетов, сопровождавших президента, вернулся на аэродром из-за неисправности мотора. В какой-то точке заоблачной трассы над Черным морем советские истребители составили почетный эскорт самолетам президента и премьера.

Около полудня самолет британского премьера Черчилля коснулся бетонной полосы сакского аэродрома, преодолев расстояние более 2000 километров.

Едва заглохли моторы самолета, как на трапе показалась коренастая, тучная фигура премьера. Он был в черном драповом пальто, на голове — полувоенная флотская фуражка «старого морского волка». Поприветствовав встречавших, Черчилль скрылся в палатке, раскинутой на поле аэродрома, чтобы отвезти русской водки и икры.

Вскоре в небе показался С-54 президента Рузвельта. Все, включая У. Черчилля, вышли на летное поле¹.

Когда Рузвельта спустили с помощью кабины-лифта с самолета и два рослых человека перенесли в «виллис», президент и премьер двинулись мимо выстроенного почетного караула. Оркестр исполнил государственные гимны США, Великобритании и Советского Союза.

Сталин не встречал Рузвельта и Черчилля, хотя в это время и был уже в Ялте². Неоднократные нарушения оговоренных сроков открытия второго фронта, попытки сепаратного сговора за спиной СССР наложили свой отпечаток на межсоюзнические отношения. Президента и премьера встречали нарком иностранных дел В. М. Молотов, его заместители, адмирал флота Н. Г. Кузнецов, послы СССР в США А. А. Громыко и в Англии Ф. Т. Гусев.

Вскоре длинный кортеж автомашин двинулся через Симферополь, Алушту на Ялту. В машине вместе с президентом сидела его дочь Анна Беттигер. Черчилля сопровождала его дочь Сара Оливер — командир отделения женского вспомогательного корпуса военно-воздушных сил.

Крым зимы 1945 г. носил на себе следы тяжелых ран войны, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами. Город-герой Севастополь, освобожденный в мае 1944 г., Симферополь, Керчь, Феодосия, Судак, Евпатория и многие другие города, селения и поселки Крыма лежали в развалинах. Фашистские захватчики разрушили более 300 промышленных предприятий, сожгли сотни школ, клубов, больниц, музеев. По обочинам крымских шоссе Рузвельт и Черчилль видели незалеченные раны войны — разрушенные дома и символы поверженного врага — обгорелые немецкие танки, остовы автомашин и вагонов.

¹ Feis H. Roosevelt, Churchill, Stalin. L., 1951, p. 497.

² См.: 9 мая 1945 года, с. 220.

Операция «Аргонавт» — так была зашифрована по предложению Черчилля, принятому Рузвельтом и Сталиным, встреча Большой тройки в Ялте — вступила в стадию практического воплощения.

ЗАНИМАЛАСЬ ЗАРЯ ПОБЕДЫ...

Если вам посчастливилось быть на высокой, чудной вершине гряды Крымских гор — красавице Ай-Петри и любоваться восходом солнца, когда голубое небо пронизывают первые золотистые лучи, эта картина никогда не изгладится из вашей памяти.

Так же как солнце наступающей весны восходило над освобожденным Крымом, так и первые признаки зари Победы над фашистской Германией появлялись на политическом горизонте.

Выдающиеся победы Красной Армии в 1943—1944 гг. имели не только огромное военно-стратегическое, но и международное значение. Одержанные над немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками, они привели к освобождению советской земли, вызвали развал гитлеровского блока и выход из войны Румынии, Финляндии, Болгарии, Венгрии. Фашистская коалиция терпела крах. Народы Румынии, Болгарии, а затем и Венгрии вступили в войну против гитлеровской Германии бок о бок с Красной Армией.

Победы советского народа создали решающие предпосылки для полного и окончательного разгрома гитлеровской Германии, освобождения Европы. Они предопределили исход второй мировой войны, показав политикам и военным США и Англии, что СССР способен своими собственными силами, без помощи союзников одержать победу над гитлеровской Германией и ее сателлитами и освободить народы Франции, Бельгии, Норвегии и других стран Европы от фашистского рабства.

Коренное изменение всего хода войны, вызванное победоносным наступлением Красной Армии, вынудило политических деятелей западных держав поспешить с открытием второго фронта в Европе.

На рассвете 6 июня 1944 г. заговорили орудия, тысячи самолетов Англии и США начали ожесточенную бомбардировку побережья Нормандии. Операция «Оверлорд» — вторжение войск Англии и США во Францию — началась. Это была наиболее крупная десантная операция второй мировой войны, знаменовавшая, правда с опозданием на два года, открытие второго фронта в Европе.

Наконец-то удары союзников по фашистской Германии и ее сателлитам стали наноситься одновременно с востока, запада, севера и юга, как это было предрешено на Тегеранской конференции глав трех великих держав.

Силы французского Сопротивления оказали огромную помощь успешному наступлению союзных армий на Западе — 25 августа 1944 г. патриоты Франции освободили Париж, куда затем вошли английские и американские войска. К началу 1945 г. армиями союзников были освобождены значительная часть Франции, Бельгия. Англо-американские войска переносят военные действия все ближе к западным границам Германии.

Красная Армия вступила в пределы Германии и Венгрии, готовясь к решающему удару по фашистским армиям, насчитывавшим на Восточном фронте 204 дивизии.

ПРОРЫВ НЕМЦЕВ В АРДЕННАХ

На Западе наступавшим англо-американским войскам противостояло менее 70 дивизий. Фашистский зверь бешено метался, зажатый в тисках двух фронтов. Иногда ему удавалось собрать свои силы в мощный кулак и наносить английским и американским армиям, задержавшимся на границах Германии и Голландии, сильные удары. Таким неожиданным и самым драматичным для союзников ударом оказался прорыв Рундштедта в Арденнах (Бельгия).

В ночь на 16 декабря 1944 г. 250-тысячная армия фельдмаршала Рундштедта, имевшая в своем составе 5-ю и 6-ю танковые и 7-ю армии (14 пехотных и 10 танковых дивизий), в глубоком секрете двинулась в контрнаступление в Арденнах по дорогам и тропинкам, устланном соломой для уменьшения шума¹. Немцы прорвали фронт союзников на протяжении 40 километров, разъединили силы англичан и американцев, наступая к Намюру и Льежу на Антверпен и намереваясь отрезать от основных сил три армии союзников. Сам Гитлер руководил военными действиями, отдавая приказы по радио.

К концу декабря прорыв немецко-фашистских войск был расширен до 80 километров по фронту и до 100 километров в глубину.

В Вашингтоне и Лондоне политики и военные были чрезвычайно встревожены создавшимся тяжелым положением — многие участники боев, особенно французские и английские офицеры, слишком хорошо помнили трагические события мая — июня 1940 г., развернувшиеся у Дюнкерка. «Под угрозой провала оказались все оперативные планы союзников в Европе»².

В Вашингтоне состоялось секретное совещание, в котором участвовали лишь президент, военный министр Стимсон и гене-

¹ См.: Фуллер Дж. Цит. соч., с. 455.

² Эрман Дж. Цит. соч., с. 53.

рал Гроувз¹. Рузвельт заявил о своем решении начать подготовку к применению атомной бомбы против Германии².

Эйзенхауэр приказал прекратить атаки по всему фронту и двинул все резервы на ликвидацию прорыва армий Рундштедта. Немецкое наступление замедлилось, тем более что ОКВ не могло перебросить для развития наступления новые дивизии с Восточного фронта.

Однако в ночь на 1 января 1945 г. гитлеровское командование нанесло еще один удар по армиям союзников в Эльзасе, в лесистых Вогезах. Гитлеровцы стремительно продвинулись на несколько десятков километров и севернее Страсбурга форсировали Рейн.

Ожесточенные бои продолжались и в Арденнах.

Англия и США оказались не в состоянии своими силами приостановить вражеское наступление, несмотря на трехкратное превосходство в пехоте, преимущество в танках и авиации. За месяц ожесточенных боев армии союзников потеряли 120 тыс. человек, 600 танков³.

ТАК ДЕЙСТВОВАЛ НАСТОЯЩИЙ СОЮЗНИК

В этот критический для западных держав период Рузвельт и Черчилль решили обратиться за срочной военной помощью к своему союзнику — СССР. Лишь новое наступление советских войск на Востоке привело бы к ослаблению немецкого пресинга на Западе.

В Москву был направлен полномочный представитель Рузвельта и Черчилля, заместитель Эйзенхауэра главный маршал авиации Теддер. Однако нелетная погода задержала его в Каире. Время не ждало. Обстановка на фронте для армий союзников катастрофически ухудшалась. Тогда Черчилль, по согласованию с Рузвельтом и Эйзенхауэром, 6 января 1945 г. обратился к И. В. Сталину со специальным посланием:

«На Западе идут очень тяжелые бои... Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельд-

¹ Гроувз — шеф «Манхэттенского проекта», в соответствии с которым осуществлялось производство американской атомной бомбы.

² См.: Кузнец Ю. От Пёрл-Харбора до Потсдама. М., 1970, с. 201.

³ PRO, CCS, 761, p. 67—88.

маршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне»¹.

Когда армии Англии и США оказались в критическом положении, а точнее, под угрозой разгрома, Черчилль не спрашивал: готова или не готова Красная Армия к наступлению после ожесточенных летне-осенних боев 1944 г. в Прибалтике, между Тисой и Дунаем в Венгрии и в Северной Финляндии. Когда союзникам стало трудно — Черчилль ставил вопрос о немедленных военных действиях со стороны союзника, забыв, как он саботировал открытие второго фронта в самые тяжелые дни боев на Востоке.

Советское правительство сразу же откликнулось на обращение союзников. И хотя советские армии еще не полностью были подготовлены к наступлению и погода не благоприятствовала этому, глава Советского правительства сообщил в ответном послании Черчиллю:

«...Учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам»².

Решение Советского Верховного Главнокомандования вызвало восхищение Черчилля. «Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание... — писал он 9 января 1945 г. главе Советского правительства... — Мы и американцы бросаем в бой все, что можем. Весть, сообщенная Вами мне, сильно ободрит генерала Эйзенхауэра, так как она даст ему уверенность в том, что немцам придется делить свои резервы между нашими двумя пылающими фронтами»³.

Верное своему союзническому долгу, Советское Верховное Главнокомандование передвинуло сроки наступления против немцев на Восточном фронте с 20 на 12 января 1945 г., хотя «согласно решениям, принятым на Тегеранской конференции, Советское правительство не было обязано предпринимать зимнее наступление»⁴.

12 января Красная Армия перешла в небывалое по своим масштабам наступление на фронте в 1200 километров — от Балтики до Карпат. Были задействованы 150 советских пехотных и танковых дивизий. Мощная оборона гитлеровцев, созданная

¹ Переписка..., т. 1, с. 348—349.

² Там же, с. 349.

³ Там же, с. 350.

⁴ Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М., 1979, с. 61. (Далее — Крымская конференция...)

ими в течение нескольких лет, была взломана. Армии сделали гигантский бросок от Вислы до Одера, создали плацдарм для наступления на Берлин. Была полностью освобождена Польша. Развернулись бои на территории Германии.

Мощные удары советских войск сорвали зимнее наступление немцев на Западе — их продвижение в Арденнах и Эльзасе полностью прекратилось. Гитлеровское командование было вынуждено в спешном порядке перебросить 5-ю и 6-ю танковые армии на Восточный фронт — против наступающих советских войск, а вскоре и еще 16 дивизий. Январское наступление Красной Армии дало возможность армиям наших союзников оправиться от ударов немцев, перейти 8 февраля в наступление и сомкнуть операции на Западе с наступлением Красной Армии на Востоке.

Прорыв немецко-фашистских армий в Арденнах задержал наступление армий США и Англии на Рур и Саар на шесть недель. Однако разгром войск союзников был предотвращен¹.

Так действовал настоящий союзник в общей борьбе с фашизмом. СССР еще раз подтвердил свою верность союзническому долгу. Советское правительство руководствовалось не какими-либо конъюнктурными соображениями, а интересами народов антифашистской коалиции, стремясь к быстрейшему разгрому фашистской Германии.

Черчилль в своих мемуарах был вынужден признать, что решение Советского правительства об ускорении наступательных действий против немецких армий в январе 1945 г. для оказания срочной помощи англо-американским войскам явилось образцом выполнения союзнического долга. Позднее, выступая в английском парламенте, премьер заявил: «Никогда никакое правительство не выполняло точнее свои обязательства даже в ущерб самому себе, нежели русское советское правительство»².

Этого нельзя было сказать о Черчилле и выполнении им союзнических обязательств. Советское командование показало пример осуществления подлинно коалиционной стратегии, способствовавшей сохранению жизней тысяч и тысяч солдат в армиях стран антифашистской коалиции.

ШОТЛАНДИЯ, АФИНЫ, РИМ, МАЛЬТА...

Чем явственнее чувствовалось дыхание весны Победы, тем более необходимым становился созыв новой конференции руководителей трех союзных держав, Большой тройки, как это было в Тегеране. Необходимость ее созыва обуславливалась политической и военной ситуацией того периода. Конференция должна

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 6. L., 1954, p. 244.

² Parliamentary Debates. House of Commons. 1945, vol. 468, 27. III.

была обсудить военные вопросы, связанные с окончательным разгромом фашистской Германии и ее безоговорочной капитуляцией. Требовали безотлагательного решения проблемы будущего устройства Германии. Вопрос о том, как быть с Германией после победы, вставал во главу угла. Установить основы длительного послевоенного мира, выработать общую линию в отношении освобожденных стран Европы — такова была вторая важнейшая задача предстоящей конференции.

Вторая мировая война — событие гигантских масштабов — породила и целый ряд других политических, экономических, военных проблем, требовавших срочного решения. В частности, Англия и США хотели выяснить и договориться о сроках и масштабах участия СССР в войне против милитаристской Японии.

С лета 1944 г. руководители государств антифашистской коалиции — Советского Союза, США и Англии были единодушны в необходимости созыва новой конференции Большой тройки. Стояли лишь вопросы: когда и где?

Еще 19 июля 1944 г. Рузвельт писал главе Советского правительства: «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, Премьер-Министром (Черчиллем.—Ф. В.) и мною»¹.

Рузвельт предлагал организовать эту встречу между 10 и 15 сентября на севере Шотландии — на полпути расстояния от США и СССР.

В ответном послании Рузвельту от 22 июля 1944 г. глава Советского правительства разделял его мысль «о желательности встречи между Вами, г. Черчиллем и мною»². Однако в период, когда советские армии вели ожесточенные бои на широком фронте, Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР не считал возможным покинуть страну и отойти хотя бы на время от руководства военными делами.

Поскольку в тот период не удалось осуществить созыв конференции руководителей трех держав, были проведены двусторонние переговоры между Черчиллем и Рузвельтом в сентябре 1944 г. в Квебеке, а главой Советского правительства с Черчиллем и Иденом — в октябре 1944 г. в Москве. Посол США Аверелл Гарриман представлял в московских переговорах Рузвельта. Основными задачами, поставленными Черчиллем во время этих переговоров, были: установить границы, за которые бы не распространялось влияние СССР на Балканах и в Дунайской зоне Европы, добиться соглашения по польской проблеме.

Именно во время переговоров со Сталиным, состоявшихся 9 октября 1944 г., Черчилль заявил, что «он подготовил довольно

¹ Переписка..., т. 2, с. 158.

² Там же, с. 159.

грязный и грубый документ, в котором показано распределение влияния Советского Союза и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии, Болгарии»¹. Однако этот «грязный и грубый документ» не только не был принят советской стороной, но даже не обсуждался.

После московской встречи продолжались поиски места для проведения будущей конференции и намечались ее новые сроки.

Близкий друг и советник президента Рузвельта Гарри Гопкинс подсказал ему идею: создать конференцию в Крыму. Гопкинс беседовал об этом с послом СССР в Вашингтоне А. А. Громыко.

Глава Советского правительства готов был на «встречу трех» в конце ноября 1944 г. «на советском черноморском побережье»... «чтобы рассмотреть накопившиеся после Тегерана вопросы»².

Когда Гопкинс поставил этот вопрос перед правительством США, на него обрушились большинство советников президента, доказывавших: Рузвельту незачем выезжать на край света для встречи со Сталиным. Масла в огонь дебатов подливали английские политики и дипломаты. Рузвельт отступил от первоначального намерения и, посоветовавшись с Черчиллем, предложил созвать конференцию в Афинах или на Мальте. Он предложил местом встречи Большой тройки также греческие порты Пирей, Салоники, турецкий Константинополь³. Однако Черчилль считал порты Черного моря и Пирей не подходящими для конференции и предложил для ее созыва Иерусалим, Порт-Саид или Александрию. Если туда не приедет глава Советского правительства, Черчилль готов был провести новую «конференцию... двух в Великобритании».

Откладывалось и время встречи Большой тройки, поскольку Рузвельт после переизбрания на пост президента официально вступал в эту должность лишь 20 января 1945 г. Поэтому президент предлагал «встречу трех» примерно 28—30 января в Риме.

Глава Советского правительства подтвердил свою готовность встретиться с Рузвельтом и Черчиллем в конце января — начале февраля на черноморском побережье.

Когда выяснилась невозможность поездки главы Советского правительства за пределы СССР, Рузвельт в письме Черчиллю 24 декабря 1944 г. сообщил: «Я готов поехать в Крым и встретиться в Ялте»⁴. На поездку в Крым, в Ялту, согласился и Черчилль.

¹ См.: Вопросы истории, 1967, № 9, с. 58—59.

² Переписка..., т. 2, с. 174.

³ FRUS The Conferences at Malta and Yalta, 1945. Wash, 1955, p. 10.

⁴ Ibid., p. 21.

ОПЕРАЦИЯ «АРГОНАВТ»

Любитель кодовых названий, Черчилль постарался придумать шифр для предстоящей конференции. «Назвали ли Вы как-то эту операцию, — писал он Рузвельту 31 декабря. — Если нет, я предлагаю «Аргонавт»¹.

Британский премьер, видимо, проводил параллель с греческими аргонавтами, отправившимися за золотым руном в Колхиду. Черчилль уподоблял себя Язону или Гераклу и собирался добывать «золотое руно» — помощь СССР в войне против милитаристской Японии. И не только это.

Рузвельт ответил Черчиллю: «Ваше название «Аргонавт» приветствую. Мы с вами — их прямые потомки»².

Путь от США до Мальты Рузвельт предполагал совершить на военном корабле, а от Мальты до Ялты — на самолете.

Когда о конференции был извещен глава Советского правительства, он ответил Черчиллю согласием, чтобы слово «Аргонавт» служило ее кодом для сообщений, касающихся встречи, местом встречи считать Ялту, а датой — 2 февраля. Позднее на заседании министров иностранных дел СССР, США, Англии было решено назвать конференцию «Крымская»³.

Шли ли «потомки аргонавтов» на Крымскую конференцию с чистым сердцем, с желанием сделать все для разгрома фашизма, прочного обеспечения мира в послевоенный период? Впрочем, не станем забегать вперед.

НО ПРЕЖДЕ — «КРИКЕТ»

Так же как Тегеранской конференции 1943 г. предшествовало Каирское совещание Рузвельта и Черчилля, так и перед конференцией руководителей трех союзных держав в Крыму британский премьер предложил провести совещание политических и военных руководителей Англии и США на Мальте (операция «Крикет»).

Различие взглядов между СССР, с одной стороны, Англией и США, с другой, по некоторым политическим, военным и послевоенным проблемам отражало различие целей войны и послевоенного устройства мира, о которых мы уже упоминали ранее.

Не случайно накануне конференции Черчилль писал Рузвельту: «Конференция соберется в момент, когда великие союзники так разобщены (are so divided) и тень войны перед нами становится все длиннее и длиннее»⁴.

¹ FRUS The Conferences at Malta and Yalta, p. 24.

² Ibid., p. 27.

³ Переписка..., т. 1, с. 350.

⁴ FRUS The Conferences at Malta and Yalta, 1945, p. 31.

Британский премьер предложил Рузвельту заранее, без участия союзника — СССР, рассмотреть ряд политических и военных вопросов, выработать повестку дня конференции. «Не можете ли Вы, — телеграфировал он президенту, — провести 2—3 вечера на Мальте, чтобы предоставить начальникам штабов возможность собраться для общего неофициального разговора?.. По нашему мнению, было бы очень важно обсудить некоторые вопросы»¹. (Разумеется, считал Черчилль, «без русских».)

Первоначально Рузвельт не считал возможным провести предварительное совещание на Мальте, за спиной союзника. Поэтому он сообщил Черчиллю 6 января, что рассчитывает прибыть на Мальту 2 февраля и в тот же день самолетом вылететь в Ялту, чтобы не нарушать договоренности с главой Советского правительства. Он выразил сожаление о невозможности личной встречи или совещания начальников штабов на Мальте до начала операции «Аргонавт»².

Однако не таков был Черчилль, чтобы отступить от задуманного им плана. Он настаивал на необходимости двусторонней личной встречи, предварительного совещания начальников английских и американских штабов. В итоге «Рузвельт дал указание начальнику штаба американской армии Маршаллу, а также Кингу и Арнольду приехать на Мальту для совещания с представителями английских штабов утром 30 января»³.

Черчилль продолжал настаивать и на встрече Идена и Стеттиниуса на Мальте, с тем чтобы без участия советского представителя они предварительно обсудили повестку дня предстоящей конференции.

Рузвельт уступил и в этом вопросе, пообещав направить Стеттиниуса на Мальту 31 января. Кроме того, президент направил в Лондон своего советника Гарри Гопкинса. Во время встречи Гопкинса с Черчиллем они предварительно обсудили ряд политических вопросов, подлежавших рассмотрению на предстоящей конференции. Особенно детально рассматривался польский вопрос⁴.

Черчилль не преминул съязвить по поводу якобы неудачно выбранного места конференции в Ялте. Правда, он утешил себя, заявив, что «выживет», захватив достаточное количество виски.

¹ FRUS The Conferences at Malta and Yalta, 1945, p. 28.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 32.

⁴ Позднее, на Крымской конференции, Иден заявил Молотову, что якобы на Мальте не было никаких переговоров между Англией и США (См.: Крымская конференция..., с. 48). Однако Черчилль говорит о переговорах на Мальте вполне определенно.

СПОРЫ «МАЛЬТИЙСКИХ РЫЦАРЕЙ»

В конце января 1945 г. президент Рузвельт и его группа отплыли из Соединенных Штатов на крейсере «Куинси». Крейсер пересек Атлантический океан, миновал Гибралтар. Его путь лежал к гавани Ла-Валетта на острове Мальта.

А 29 января с английского аэродрома Норхольт поднялся самолет «скаймастер», на котором вылетел на Мальту британский премьер Черчилль. Самолет совершил посадку на мальтийском аэродроме. Полет несколько утомил премьера и по рекомендации личного врача лорда Морана он перешел в апартаменты на корабле «Орион».

Около 9 часов утра 2 февраля в гавань Ла-Валетты вошел в сопровождении эскорта «спитфайеров», под гром салюта и музыку корабельных духовых оркестров американский крейсер «Куинси».

В 6 часов вечера на борту «Куинси» состоялись официальные переговоры Рузвельта и Черчилля, продолжавшиеся более четырех часов.

Рузвельт и Черчилль, а до их совещания Объединенный комитет начальников штабов в составе генерала Маршалла, адмиралов Леги, Кинга, начальника имперского генерального штаба А. Брука, маршала авиации Портала, фельдмаршала Вильсона, генерала Исмэя, дипломатов Стеттиниуса и Идена, заседавший в «Монтгомери хауз», детально обсуждали военные и политические проблемы, стоявшие перед США и Англией.

На заседаниях комитета начальников штабов выявились серьезные разногласия по многим вопросам военной стратегии на завершающем этапе войны против фашистской Германии. Военная стратегия определялась большой политикой. Одним из важнейших английские политики и военные считали вопрос о роли Англии в послевоенной Европе.

Английские начальники штабов А. Брук, Ч. Портал, адмирал флота Э. Кеннингхэм и другие предложили свой стратегический план окончательного разгрома Германии, предусматривавший очищение западного берега Рейна, форсирование его в нижнем течении, продвижение в глубь Германии на Берлин до того, как германская столица будет освобождена Красной Армией¹.

Черчилль снова выдвинул свой план «балканской стратегии», поставив перед Рузвельтом вопрос о наступлении союзных войск из Италии в Австрию; он был против отправки дивизий с итальянского фронта на запад, во Францию².

В политическом отношении этот план Черчилля преследовал цель в ходе ударов с юга не допустить освобождения Западной Европы Красной Армией. Британский премьер продолжал

¹ FRUS The Conferences at Malta and Yalta, p. 469.

² PRO, Cab. 99/31, p. 155—156.

ратовать за оставление английских дивизий в Греции, чтобы подавить национально-освободительное движение в этой стране.

Американские штабы, Эйзенхауэр и представлявшие его на совещании на Мальте генералы Маршалл и Беделл Смит считали необходимым вести наступление англо-американских войск на Западе в пределах территорий, согласованных в созданной союзниками Европейской консультативной комиссии.

Стремясь к вовлечению СССР в войну с Японией и облегчению бремени войны на Западе — а они несли его более, чем англичане, — американские политики и военные не хотели до поры до времени усугублять разногласия с Советской страной. Арденнские события показали, насколько может быть ценна и своевременна помощь Красной Армии. Споры о политике и стратегии войны принимали порой ожесточенный характер.

Генерал Маршалл пригрозил: если английский план будет утвержден Черчиллем и Рузвельтом, Эйзенхауэр уйдет в отставку с поста главнокомандующего¹. Вмешательство Рузвельта, поддержавшего Маршалла и Эйзенхауэра, решило спор в пользу американцев.

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА С ГЕРМАНИЕЙ И ЯПОНИЕЙ!

На совместном заседании начальников штабов А. Бруксом был представлен британский меморандум «Планируемая дата окончания войны с Германией».

Предусматривался наиболее благоприятный, средние и менее благоприятный случаи разгрома Германии.

При наиболее благоприятном случае в результате наступления русских армий на Востоке и армий союзников на Западе «разгром Германии, — отмечалось в меморандуме, — может произойти в середине апреля 1945 года». При среднеблагоприятном варианте капитуляция немцев наступит «в середине мая — начале июня». Если же немцам удастся остановить наступление советских армий в Силезии (сохранить главные промышленные районы Силезию и Рур), если весеннее наступление союзников потерпит неудачу, летнее наступление русских армий и армий союзников «поведет к разгрому Германии к началу ноября» 1945 г.

На совещании штабов, на совещании у Рузвельта с Черчиллем рассматривались вопросы войны против Японии. Начальники штабов США и Англии, Рузвельт и Черчилль считали: «После разгрома Германии, в союзе с государствами Тихого океана и России бросить все ресурсы Соединенных Штатов и Великобритании как можно быстрее с целью достижения более быстрой безоговорочной капитуляции Японии»².

¹ См.: *Шервуд Р.* Цит. соч., т. 2, с. 563.

² PRO, CCS, 772, p. 107—110.

Начальники штабов делали прогнозы окончания войны с Японией:

«а) Ближайшая дата — 1 июня 1945 г.

б) Дата, после которой война, вероятно, не будет продолжаться, — 31 декабря 1945 г.».

Однако они считали наиболее вероятным, что «планируемая дата окончания войны с Японией должна быть установлена в 18 месяцев после разгрома Германии»¹. Американские генералы информировали своих английских коллег о планируемом вторжении на остров Кюсю только в сентябре 1945 г., а в район Токийского залива — в декабре 1945 г., если война в Европе закончится летом. Американцы склонялись к мысли: война с Японией закончится в 1947 г. Это еще раз подтверждало необходимость для США и Англии привлечения СССР к участию в войне с Японией. При этом английские и американские политики, в частности Иден, боялись «продешевить», предложить СССР «слишком высокую цену» за участие в войне с Японией.

Помимо военных проблем на Мальтийской конференции рассматривались политические вопросы. Политические руководители Англии и США, министры иностранных дел Иден и Стеттиниус, по существу, попытались выработать общую программу по важнейшим вопросам.

Утром 1 февраля состоялась встреча Стеттиниуса с Иденом. Министры подвергли детальному обсуждению германскую проблему — будущее политическое и экономическое положение Германии.

«Русские так близко от Берлина», — с беспокойством заявлял Иден, и поэтому «настоятельно необходимо достижение соглашения по Германии». Английский министр говорил: «Нам следует договориться о том, чтобы собрать воедино все, чего мы хотим, и все, что нам придется отдать»². Стеттиниус в свою очередь отмечал важность достижения между США и Англией соглашения по вопросу о зонах оккупации Германии, «поскольку русские могут быть скоро в Берлине»³.

Детальному обсуждению на конференции подвергнулся польский вопрос. Важнейшая политическая дилемма означала: пойдет ли развитие освобожденной Польши по демократическому пути, или в стране будет реставрирован буржуазно-помещичий строй. Эти различные силы представляли Лондонское эмигрантское правительство Арцишевского и Польский Комитет Национального освобождения, реорганизованный 31 декабря 1944 г., несмотря на противодействие Англии и США, во Временное правительство Польши в освобожденном Люблине.

¹ PRO, CCS, 772, p. 109.

² FRUS The Conferences at Malta and Yalta, p. 501, 503.

³ PRO, Cab. 99/31, 20-A, p. 115.

На совещании Стеттиниуса и Идена было решено не признавать люблинского Временного правительства, не признавать «русский вариант» решения польского вопроса, угрожая СССР разрывом. Была выдвинута идея создания коалиционного правительства Польши из лондонских поляков, люблинского Временного правительства и других польских элементов. Они также предлагали учредить «президентский совет» в составе бывшего премьера Польши Витоса, архиепископа Салеги, Жулавского, известных своими антисоветскими воззрениями.

Что касается будущей польско-германской границы, то англичане соглашались на «линию Керзона», а американцы выступили за пересмотр ранее согласованных решений о восточных границах Польши. Что касается западных границ Польши, то на Мальте было решено не принимать границу по Одру — Нейсе, предоставив ей лишь «некоторые территории по Одру»¹.

На Мальте политическим руководителям Англии и США, военным и дипломатам удалось, несмотря на серьезные разногласия, договориться по ряду вопросов и прийти на Крымскую конференцию с согласованной программой, противопоставив ее позиции Советского Союза. Однако программа Мальты была на Крымской конференции коренным образом пересмотрена.

НА КРЫМСКОЙ ЗЕМЛЕ

Когда машины Рузвельта и Черчилля миновали Крымские горы и спустились на Южный берег Крыма, почувствовалось теплое дыхание весны. Вскоре показалась Ялта, раскинувшаяся на склонах горного амфитеатра у подножия Дарсана, по долинам речек Быстрая и Водопадная, одно из самых живописных мест на Южном берегу Крыма.

Гитлеровские оккупанты нанесли городу-курорту огромный ущерб, разрушив и разграбив здравницы, промышленные предприятия, жилые дома, порт, погубили знаменитые массандровские виноградники и сады.

Ялта была освобождена от немецко-фашистских оккупантов 16 апреля 1944 г. Поэтому проблема размещения многочисленных делегаций США, Англии, насчитывавших вместе со вспомогательным персоналом около 700 человек, была весьма сложной. Правда, к началу конференции на рейде Ялты и Севастополя бросили якоря американские и английские корабли «Риннакль», «Имплицит» и другие суда разного назначения. От Ялты до Севастополя был проложен телеграфный кабель, соединенный с судном американского военно-морского флота «Кэтоктин», поддерживавшим прямую связь с Вашингтоном (провести

¹ FRUS The Conferences at Malta and Yalta, p. 499, 501, 508, 509, 510.

корабль в Ялту не решились из-за опасности столкновения с блуждающими немецкими минами).

Вместе с командами этих судов, лицами технических служб (американцы привезли с собой даже типографию), многочисленной охраной число иностранцев, прибывших в Крым, составляло около 2500 человек.

Для приема делегатов и обслуживающего персонала конференции нужно было восстановить, отремонтировать, привести в порядок многие дворцы, дома и помещения. Для этой цели в Крым было доставлено более 1500 вагонов дефицитных в годы войны строительных материалов, оборудования. Только на реставрацию одного Ливадийского дворца (оккупанты сожгли Малый и разграбили Большой дворец, спальные корпуса) было затрачено 20 тыс. рабочих дней¹.

Безопасность конференции обеспечивали советские воины. Хотя угрозы немецкого нападения с воздуха практически не было, все же были приняты меры предосторожности. Круглые сутки дежурили расчеты зенитных батарей; радиолокаторы готовы были зафиксировать приближение любого самолета, корабли и подводные лодки зорко охраняли морские подступы к Ялте. Опыт Тегерана, когда вражеская разведка готовила покушение на Рузвельта, Черчилля и Сталина, был учтен.

Резиденциями для трех делегаций, собравшихся на конференцию, были отведены три дворца — Ливадийский, Воронцовский и Юсуповский.

Американская делегация разместилась в трех километрах от Ялты в Большом ливадийском дворце — бывшей летней резиденции Николая II — в главном и в двух вспомогательных корпусах. Рузвельт расположился в нижнем этаже дворца — здесь были его приемная, кабинет, спальня, легко сообщавшиеся с большим залом, где проходили пленарные заседания конференции.

В Ливадийском дворце разместились некоторые другие члены американской делегации — Гарри Гопкинс со своим сыном Робертом, Стеттиниус, Леги, Маршалл, дочь Рузвельта Анна. Гопкинс был сильно болен и часто отсутствовал на заседаниях конференции. Иногда члены американской делегации устраивали заседания в спальне Гопкинса — врач запрещал ему покидать постель.

Английская делегация на конференции заняла отведенную ей резиденцию — Воронцовский дворец в Алушке. Этот великолепный дворец был построен в первой половине XIX в. по проекту английского архитектора Эд. Блора графом М. С. Воронцовым — новороссийским генерал-губернатором, получившим воспитание на берегах Темзы. Англофильство графа отразилось

¹ См.: Новое время, 1965, № 9, с. 19.

на архитектуре дворца — северный фасад его, гармонирующий с общим фоном окружающих гор, выстроен в стиле поздней английской готики и напоминает средневековый замок английского лендлорда; южный, обращенный к морю, был выдержан в мавританском стиле. Особенно понравилась эта резиденция главе английской делегации Черчиллю, увидевшему в далекой России кусочек Англии. С Черчиллем находились в Воронцовском дворце его дочь Сара, А. Иден, А. Кадоган, А. Брук, Э. Кеннингхэм, Ч. Портал, посол в СССР Арчибальд Керр и другие лица. Некоторые члены делегации были размещены в помещениях санатория.

Советская делегация, прибывшая в Ялту в полном составе к 2 февраля, заняла Кореизский (бывший Юсуповский) дворец, наиболее скромный и по архитектуре, и по размерам. В самом дворце жили глава советской делегации и нарком иностранных дел; другие члены делегации разместились в тесных подсобных помещениях дворца. Часть советников и экспертов делегации остановилась в Ялте. Гостеприимные хозяева предоставили гостям лучшие помещения, создали все возможные в условиях войны удобства, принимая к сведению любые, даже случайные пожелания. Когда маршал авиации Портал увидел в Воронцовском дворце большой аквариум, в котором росли растения, и заметил, что там нет рыбок, — золотые рыбки появились как по мановению волшебной палочки¹.

«АРГОНАВТ» НАЧИНАЕТ РАБОТУ

В ясный солнечный день 4 февраля 1945 г., в 17 часов вечера, в Большом зале Ливадийского дворца началась вторая встреча руководителей трех великих держав — открылось первое пленарное заседание Крымской (Ялтинской) конференции. За большим круглым столом посредине зала разместились делегации СССР, США и Англии. Ярко горел камин, как бы создавая теплую атмосферу конференции. В состав делегации США входили помимо возглавлявшего ее Ф. Д. Рузвельта Э. Стеттиниус, государственный секретарь, Г. Гопкинс, специальный помощник президента, адмирал У. Леги, начальник штаба президента, генерал Дж. Маршалл, начальник штаба американской армии, адмирал Д. Кинг, главноком ВМС, А. Гарриман, посол США в Москве, и другие лица. Чарлз Болен, помощник госсекретаря, был официальным переводчиком.

Английскую делегацию возглавил семидесятилетний премьер У. Черчилль (даже за столом конференции попыхивавший своей неизменной сигарой). В составе делегации были: А. Иден, министр иностранных дел, А. Кадоган, постоянный заместитель

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 303.

министра иностранных дел, фельдмаршал А. Брук, начальник имперского генерального штаба, генерал Х. Исмэй, начальник штаба министра обороны, маршал авиации Ч. Портал, начальник штаба ВМС, адмирал флота Э. Кеннингхэм, первый лорд адмиралтейства.

В состав советской делегации входили ее глава И. В. Сталин, председатель Совнаркома, В. М. Молотов, народный комиссар иностранных дел, его заместители, Н. Г. Кузнецов, народный комиссар ВВС, А. И. Антонов, заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии, С. А. Худяков, маршал авиации, А. А. Громыко, советский посол в США, Ф. Т. Гусев, советский посол в Англии. Военными и дипломатическими советниками, экспертами делегации являлись А. А. Арутюнян, Г. П. Аркадьев, С. А. Виноградов, С. И. Кавтарадзе, Б. Ф. Подцероб, К. В. Новиков, Ф. Ф. Молочков и другие.

По долгу гостеприимства глава советской делегации предложил избрать на пост постоянного председателя конференции Ф. Д. Рузвельта. Черчилль поддержал это предложение. Рузвельт сказал, что «считает для себя большой честью открыть... совещание». «Руководители трех держав, — заявил президент, — уже хорошо понимают друг друга, и взаимопонимание между ними растет. Все они хотят скорейшего окончания войны и прочного мира»¹.

Как и при встрече в Тегеране, на конференции в Крыму не было строго ограниченной повестки дня — каждая делегация могла по своему усмотрению выдвинуть любые интересующие ее вопросы.

Советская и американская делегации прибыли в Ялту с тщательно разработанными программами. Английская делегация выглядела гораздо хуже подготовленной. По английской версии, это объяснялось тем, что часть досье делегации была утрачена при происшедшей по пути на Мальту гибели одного из английских самолетов.

Советская делегация ставила на конференции главной задачей обеспечить быстрейший разгром фашистской Германии и добиться такого мирного урегулирования, чтобы в будущем обезопасить Советский Союз и другие страны от повторения агрессии. Для достижения этой цели необходимо было разрешить кардинальные вопросы, связанные с политическим устройством послевоенной Европы и Германии, с тем чтобы обеспечить всеобщую безопасность.

Главная задача, которую ставила себе на конференции делегация США, заключалась в том, чтобы добиться от Советского Союза конкретной помощи в войне против Японии. Американцы хотели также получить согласие СССР на создание Организации Объединенных Наций.

¹ Крымская конференция..., с. 53.

Госдепартамент разработал для Рузвельта специальные «черные книги» — рекомендации, в которых излагалась позиция США по политическим вопросам и пути их реализации¹.

Делегация Англии ставила основной задачей укрепление своего влияния в Европе, обеспечение «баланса сил», сохранение Британской империи.

УДАРЫ БУДУТ НАНЕСЕНЫ С ВОСТОКА, ЗАПАДА, СЕВЕРА И ЮГА

Конференция — а ее работа в течение недели проходила с утра до поздней ночи — началась с обзора положения на советско-германском фронте.

Доклад сделал заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии генерал армии А. И. Антонов. Он говорил об успехах январского наступления на фронте от Немана до Карпат протяжением 700 километров. Главный удар наносили армии маршалов Рокоссовского, Жукова и Конева.

К 1 февраля, за 18 дней наступления, советские войска на варшавско-берлинском направлении главного удара продвинулись до 500 километров и находились в 60 километрах от Берлина, вышли на реку Одер, перерезали основные пути, связывавшие восточнопрусскую группировку противника с центральными районами Германии, прорвали сильно укрепленные позиции немцев в Восточной Пруссии — на кенигсбергском и летценском направлениях². Наши войска в основном завершили освобождение Польши, значительной части Чехословакии и вывели из войны Венгрию. Поскольку на Восточный фронт было переброшено 16 немецких дивизий, а к ним могло быть добавлено еще 35—40 дивизий, советское командование высказало желание «ускорить переход союзных войск в наступление на западном фронте, чему сейчас обстановка очень благоприятствует»³. Со своей стороны советские представители заверили, что Красная Армия будет продолжать наступление.

Генерал Маршалл сделал подробное сообщение о положении дел на Западном фронте. Он заявил, что «последствия немецкого наступления в Арденнах ликвидированы» и готовятся наступательные операции союзников, первую из которых намечено начать 8 февраля.

Глава Советского правительства говорил о необходимости более тесной координации операций союзных войск, недопущении разнобоя.

¹ См.: *Борисов А.* СССР и США — союзники в годы войны 1941—1945. М., 1983, с. 204.

² См.: *Крымская конференция...*, с. 55.

³ Там же, с. 56.

Черчилль вновь, как это было и на Мальте, пытался протащить свой «балканский вариант» — удар по Германии через Адриатическое море, Люблянский перевал. Однако его предложение не было поддержано даже Рузвельтом.

В дальнейшем обсуждение военных вопросов было перенесено на регулярно собиравшиеся совещания представителей штабов СССР, Англии и США. Эти совещания привели к более тесной координации военных усилий трех союзных держав, чем это было раньше. В коммюнике об итогах конференции говорилось:

«Были полностью согласованы и детально спланированы сроки, размеры и координация новых и еще более мощных ударов, которые будут нанесены в сердце Германии нашими армиями и военно-воздушными силами с востока, запада, севера и юга... Нацистская Германия обречена»¹.

Первое пленарное заседание конференции окончилось около 8 часов вечера.

Президент Рузвельт дал в Ливадийском дворце обед в честь членов конференции. Блюда готовили повара-филиппинцы, но из русских продуктов. На этом обеде было произнесено много тостов за укрепление сотрудничества между союзниками в войне и в послевоенный период. В пылу самокритичности Черчилль выразил мысль: почему его называют реакционером? Он заверил присутствующих, что он демократ и может быть снят с поста в любое время². (Прогноз, кстати говоря, вскоре оправдался.)

На следующий день утром в Кореизском дворце состоялось совещание министров иностранных дел. В ходе конференции министры и их советники ежедневно собирались на совещание в Ливадии, Кореизе или Алушке. Было достигнуто соглашение о создании постоянного механизма для регулярной консультации между министрами иностранных дел СССР, Англии и США. Их совещания должны собираться каждые три-четыре месяца в трех столицах — Москве, Лондоне, Вашингтоне³.

ВОПРОС О БУДУЩЕМ ГЕРМАНИИ

Второе пленарное заседание конференции состоялось 5 февраля в 4 часа дня.

Один из очевидцев совещания Большой тройки — кинооператор Кричевский (корреспонденты, по взаимной договоренности, не были допущены в Ялту) так описывает прелюдию заседаний: «Ровно без пяти минут четыре сперва показывалась огромная сигара, а уже за ней — Уинстон Черчилль, сопровождаемый

¹ Крымская конференция..., с. 265.

² См.: *Шерауд Р.* Цит. соч., т. 2, с. 569.

³ См.: Крымская конференция..., с. 271.

адъютантом и дочерью Сарой...» Затем к залу заседаний медленно подходил Сталин. «Последними раскрывались створки двери из апартаментов президента США, и выезжало кресло-каталка, подталкиваемое лакеем-негром. Улыбающийся Рузвельт пожимал руки Сталину и Черчиллю, и они скрывались в зале заседаний»¹.

Второе и последующие пленарные заседания конференции — а всего их было восемь — были посвящены обсуждению политических вопросов. Здесь уже не было того единодушия, которое обнаружилось при рассмотрении военных задач. Разгорались острые споры, дискуссии, в первую очередь между главой советской делегации и Черчиллем. Были моменты расхождения во взглядах и между англичанами и американцами.

Но важнейшей чертой Крымской конференции был дух сотрудничества, согласованных решений, которые при наличии доброй воли сторон, государств двух общественных систем могли быть достигнуты союзниками.

Немалую роль в успешной работе конференции играл Рузвельт, спокойно, с большим тактом выполнявший функции председателя, умевший предложить формулу, примирявшую спорящие стороны. Поражала его энергия, хотя шестидесятитрехлетний президент был тяжело болен, о чем свидетельствовало усталое лицо с покрытыми желтизной щеками, дрожащие руки.

Одной из важнейших политических проблем, обсуждавшихся на конференции, был вопрос о будущем Германии. Необходимо было договориться о контроле над Германией после ее капитуляции, о демилитаризации и денацификации страны. Главы трех держав договорились об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии после ее разгрома. В соответствии с согласованным планом предусматривалось создание оккупационных зон в Германии, определенных в сентябре 1944 г. Европейской консультативной комиссией. Советская зона оккупации устанавливалась к западу от реки Одер; Англия оккупировала Северо-Западную Германию, США — Юго-Западную. По инициативе СССР был также решен вопрос о привлечении Франции к оккупации Германии и контролю над ней. «Черчилль и Иден, — писал американский автор о Крымской конференции, — были полны решимости возродить Францию в качестве главной силы в (континентальной) Европе как для защиты против Германии, так и для участия в западноевропейском блоке»². В район Большого Берлина, оставшегося в советской зоне, предполагалось ввести войска трех держав.

Верховную власть в Германии после капитуляции должны были осуществлять главнокомандующие вооруженными силами

¹ Литературная газета, 1968, 24 января.

² Clemens D. Yalta, N.-Y., 1970, p. 42.

СССР, США и Англии, каждый в своей зоне оккупации. Все вопросы общегерманского характера должны были решаться Центральной контрольной комиссией (позднее она называлась Союзным контрольным советом для Германии).

Как и на Тегеранской конференции, правительства США и Англии в Крыму выдвинули свои планы расчленения Германии, устранения ее как опасного конкурента на мировых рынках. Еще накануне Ялты одним из ближайших сотрудников Рузвельта министром финансов Моргентау был разработан план аграризации Германии, имевший целью превращение ее в страну «полей и пастбищ», то есть страну земледелия и скотоводства. «Моя программа ликвидации угрозы германской агрессии, — указывал Моргентау, — заключается в своей простейшей форме в лишении Германии всей ее тяжелой промышленности»¹. В Квебеке Рузвельт и Черчилль одобрили план Моргентау. Черчилль предлагал разделить Германию на Северную, включая Пруссию, и Южную, включая Баварию, с тем чтобы Рур и Вестфалия находились под международным контролем².

Советская делегация воспрепятствовала принятию решения о расчленении Германии как экономического и политического целого. Заметим, что в конце марта 1945 г. Советское правительство добилось в ЕКК снятия вопроса о расчленении Германии с повестки дня межсоюзнических переговоров³.

Важнейшими постановлениями Крымской конференции были решения об уничтожении германской военной машины и фашизма.

Главы трех держав решили: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира»⁴.

На конференции было решено: разоружить и распустить все германские вооруженные силы; раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб; изъять или уничтожить германские вооружения; взять под контроль всю германскую промышленность; подвергнуть всех преступников войны справедливому наказанию.

Определялись меры по уничтожению фашизма: стереть с лица земли нацистскую партию, все ее организации и учреждения, отменить все нацистские законы. Союзники подтвердили: «Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций»⁵.

¹ *Morgentau H.* Germany is our Problem. N.-Y., 1945, p. 16.

² *Churchill W.* Op. cit., vol. 6, p. 307.

³ См.: Правда о политике западных держав в германском вопросе. М., 1959, с. 13.

⁴ Крымская конференция..., с. 266.

⁵ Там же.

Это была четкая программа ликвидации опаснейшего очага милитаризма и фашизма в Европе.

Однако германский вопрос для политиков США и Англии имел в перспективе и другую сторону — возможность использования Германии для борьбы с СССР путем включения ее в военный западноевропейский блок. Начальник имперского генерального штаба Англии Алан Брук писал в своем дневнике: «Расчленим ли Германию или постепенно превратим ее в союзника, чтобы через двадцать лет дать отпор угрозе со стороны русских, существующей уже сейчас?»¹

В Крыму было принято решение о репарациях с Германии. Советский Союз понес огромные потери в войне — около 20 млн человек. Прямой ущерб, нанесенный фашистскими захватчиками в оккупированных районах страны, составил 679 млрд рублей. Советское правительство было заинтересовано, чтобы Германия хотя бы частично возместила материальный ущерб, причиненный ею союзным державам. Между делегациями США и СССР было достигнуто соглашение: учрежденная в Москве Межсоюзническая комиссия по репарациям примет предложение Советского Союза о том, что общая сумма репараций с Германии «должна составить 20 миллиардов долларов и что 50% этой суммы идет Советскому Союзу»².

Черчилль ожесточенно возражал против этого плана, намереваясь использовать Германию в качестве противовеса возросшему могуществу Советского Союза.

Таким образом, если между союзниками на конференции не было существенных расхождений в вопросе о поражении Германии, эти расхождения обнаружились в определении ее судьбы. СССР стоял за создание единой, миролюбивой, демократической Германии. Западные державы выступали за расчленение Германии, за ее политическое и экономическое закабаление и использование в дальнейшем в антисоветских целях.

Напряженная политическая борьба развернулась по вопросу об Организации Объединенных Наций. Если СССР стремился к тому, чтобы ООН стала эффективным органом борьбы за мир и безопасность народов, то политики США и Англии хотели видеть в этой организации учреждение для осуществления своих планов.

Основы ООН были заложены в 1944 г. на конференции в Думбартон-Оксе. Однако там не был решен вопрос о применении принципа единогласия великих держав в Совете Безопасности, подчеркивавшего особую ответственность ведущих держав за поддержание всеобщего мира и безопасности. По предложению Рузвельта в Ялте была принята формула: при решении

¹ Крымская конференция..., с. 19.

² Там же, с. 272.

вопросов, касающихся поддержания мира, постановления Совета Безопасности считаются принятыми, если за них поданы голоса семи членов Совета (из 11), включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета (СССР, Англии, США, Франции и Китая) ¹.

Главы правительств трех держав условились созвать в апреле 1945 г. конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско, чтобы подготовить и принять Устав ООН ².

Важное значение имела принятая на конференции Декларация об освобожденной Европе. Она подтверждала право всех освобожденных народов уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору, то есть свободно избрать для себя форму правления.

Декларация подчеркивала необходимость сохранения единства трех великих держав в решении международных проблем после войны, провозглашала их решимость «создать... построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества» ³.

К сожалению, в последующем эти обязательства были западными державами нарушены.

О БУДУЩЕЙ ПОЛЬШЕ

Острейшая борьба велась на конференции при обсуждении вопроса о Польше. И это понятно: речь шла о политической ориентации возрождавшегося польского государства, находящегося в стратегически важном районе Европы.

Польский вопрос обсуждался в Крыму на шести из восьми пленарных заседаний. Разгорелись споры о будущем Польши, ее правительстве, границах на западе и востоке. В это время существовало два польских правительства: Временное национальное, практически осуществлявшее власть в стране, и эмигрантское в Лондоне.

При обсуждении польской проблемы Рузвельт как-то, схватив за голову, воскликнул: «Вот уже 500 лет, как Польша доставляет головную боль Европе!»

Черчилль назвал польский вопрос делом чести для Англии, вступившей «в войну, чтобы защитить Польшу от германской агрессии» ⁴. (Как «защищала» Англия Польшу, мы уже рассказали.)

¹ См.: Крымская конференция..., с. 104.

² См. там же, с. 267.

³ Там же, с. 268—269.

⁴ Там же, с. 98.

«Для русских, — заявил Сталин, — вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства... Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства»¹.

Демократическая, дружественная Советскому Союзу Польша не устраивала Англию и США, они стремились восстановить буржуазно-помещичью Польшу, которая бы стала фактически вассалом Англии в Восточной Европе. Единственно законным правительством Польши они считали правительство Арцишевского — Рачкевича, занимавшее враждебную СССР позицию.

Правящие круги Англии и США добивались роспуска Временного правительства Польши во главе с президентом Крайовой Рады Народовой Берутом и премьер-министром Осубкой Моравским, созданного демократическими силами страны. Английские и американские политики пытались помешать определению справедливых границ новой Польши. Но их усилия оказались тщетными.

Благодаря усилиям СССР было решено сформировать на базе польского Временного правительства Временное правительство национального единства путем включения в него демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы². В дальнейшем этот вопрос был решен в соответствии с волей польского народа, что создало условия для свободного, демократического развития Польши.

Что касается будущих границ Польши на Востоке и Западе, по настоянию советской делегации было решено: восточные границы Польши должны идти по «линии Керзона», с отступлением от нее в некоторых районах на 5—8 километров в пользу Польши. Тем самым Англия и США признавали воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР.

По вопросу о западных границах Польши СССР выступал за границу по Одере и Западной Нейсе, — договориться не удалось. Главы трех правительств лишь признали, что Польша должна получить «существенные приращения территории на Севере и на Западе»³, то есть было подтверждено то, что обсуждалось США и Англией на Мальте. Позднее, на Берлинской конференции 1945 г., проходившей уже после разгрома Германии, западная граница Польши была определена по Одере —

¹ Крымская конференция..., с. 99—100.

² См. там же, с. 269.

³ Там же, с. 270.

Нейсе. Ныне эта граница, как граница мира между Польской Народной Республикой и ГДР, признана договором, заключенным 12 августа 1970 г. между СССР и ФРГ, а затем договором об основах нормализации взаимных отношений между ПНР и ФРГ, заключенным 7 декабря 1970 г.

Конференция рассмотрела вопрос о Югославии, рекомендовав маршалу Тито и Шубашичу ввести в действие заключенное между ними соглашение и образовать Временное объединенное правительство¹.

Наконец, на Крымской конференции был единогласно принят документ «Единство в организации мира, как и в ведении войны». Главы трех держав подтвердили общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций. «Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир»².

ВЕРНОСТЬ СОЮЗНИЧЕСКОМУ ДОЛГУ

В период Крымской конференции Советский Союз вновь продемонстрировал свою верность союзническому долгу, подписав 11 февраля 1945 г. соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока. В частности, заявлено о вступлении СССР в войну против Японии «через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе»³.

Соглашение не обсуждалось на пленарных заседаниях конференции, а было достигнуто в ходе секретных переговоров глав правительств.

Англия и США стремились привлечь СССР к войне с Японией, поскольку это создавало решающие предпосылки для скорейшего разгрома империалистического конкурента на Дальнем Востоке. Политики и военные США особенно настойчиво добивались решающей помощи СССР в войне с Японией, поскольку считали, что война в Европе затянется до лета или даже до осени 1945 г., а «война с Японией, — по словам Черчилля, — будет продолжаться 18 месяцев после конца войны с Германией»⁴. Черчилль оценивал возможные потери английских и американских войск во время вторжения в Японию в 1,5 млн

¹ См.: Крымская конференция..., с. 270.

² Там же, с. 271.

³ Там же, с. 273.

⁴ Правда, 1946, 11 марта.

человек. Советский Союз, вступив в войну, спас бы жизни многих американских и английских солдат. В свою очередь СССР, вступив в войну с Японией, добился бы ликвидации опасного очага агрессии на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Поэтому, верный союзническому долгу, а также стремясь обезопасить свои дальневосточные границы, СССР согласился вступить в войну против Японии.

Условиями вступления СССР в войну с Японией были:

1) сохранение status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики); 2) ...возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов; интернационализация торгового порта Дайрена и восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР; 3) передача Советскому Союзу Курильских островов¹.

СССР выполнил взятое им обязательство. Он начал военные действия против Японии ровно через три месяца после победы над Германией.

Молниеносный разгром отборной Квантунской армии, осуществленный Красной Армией, явился решающим фактором капитуляции милитаристской Японии.

11 февраля состоялось восьмое, заключительное заседание Крымской конференции. Было выработано коммюнике о конференции руководителей трех союзных держав — СССР, Великобритании и США. Главы правительств согласились передать текст коммюнике по радио 12 февраля 1945 г. в 23 часа 30 минут по московскому времени одновременно в Москве, Лондоне и Вашингтоне. На следующий день коммюнике было опубликовано в центральной прессе СССР.

«Документы (Крымской.—Ф. В.) конференции свидетельствуют о настойчивой борьбе советской дипломатии за обеспечение подлинной безопасности первого в мире социалистического государства — Советского Союза, так же как и безопасности народов Европы и всего мира; за тесное сотрудничество трех держав в ведении войны... за создание эффективной международной организации... за право польского, югославского и других народов Восточной и Юго-Восточной Европы на социальный прогресс и демократическое развитие»².

ПОСЛЕ ЯЛТЫ

В тот же день, 11 февраля, около 16 часов дня Рузвельт в сопровождении Гарримана выехал в Севастополь. Дорога, изобиловавшая крутыми поворотами над обрывами пропастей, проходила

¹ См.: Крымская конференция..., с. 273.

² Там же, с. 6.

через Байдарские ворота, мимо Сапун-горы, где героически сражались советские воины при освобождении города от фашистов. Были сумерки, но Рузвельт поехал осматривать Севастополь, выдержавший 250 дней тяжелой осады и превращенный захватчиками в развалины — из тысяч домов только шесть были пригодными для жилья. Однако город возродился, как феникс из огня и пепла, и израненный севастиопольский порт вновь жил напряженной жизнью, сверкая огнями.

Рузвельт переночевал на американском корабле связи «Кэтоктин». Рано утром президент выехал на сакский аэродром и после торжественных проводов самолет «Дуглас С-54» взял курс на Египет, где у Рузвельта было намечено совещание с королем Фаруком, королем Саудовской Аравии Ибн-Саудом и императором Эфиопии Хайле Селассие. Переговоры проходили на борту крейсера «Куинси» на Горьком озере. После их завершения Рузвельт отбыл на родину.

Черчилль задержался в Севастополе на два дня. Ему хотелось посмотреть не только на разрушенный Севастополь тех дней, но и, как потомку герцога Мальборо, на места боев английских интервенционистских войск в период Крымской войны 1853—1856 гг.

Прибыв в Севастополь, Черчилль осмотрел «английское кладбище», долину под Балаклавой, где русские войска разбили английскую кавалерийскую бригаду. Сопровождавший Черчилля офицер военного министерства рассказывал ему об отваге английских войск, а командующий Черноморским флотом напомнил британскому премьеру, как под Балаклавой и Севастополем доблестно бились с фашистами советские воины, в том числе моряки, которых гитлеровцы с ужасом называли «черной смертью».

Утром 14 февраля Черчилль выехал в Саки, где его ожидал самолет. На аэродроме был выстроен почетный караул. Черчилль обошел строй, пристально заглядывая в глаза советским воинам, как будто пытаясь разгадать источник мужества советского народа, Красной Армии.

Самолет Черчилля взял курс на Афины: премьер спешил дать новые директивы послу Липеру и генералу Скоби, всего семь недель тому назад потопившему в крови освободительное движение греческих патриотов. Из Афин Черчилль вылетел в Египет. В Александрии на борту американского крейсера произошла его последняя встреча с Рузвельтом. После совещаний с Ибн-Саудом Черчилль вернулся в Англию.

Оценивая результаты Крымской конференции, Черчилль признавал: «Ни одна из предыдущих встреч не показала с такой ясностью тех результатов, которые могут быть достигнуты, когда главы трех правительств встречаются друг с другом с твердым намерением смело встретить трудности и преодолеть их. Я исполнен решимости... не допустить после победы

ослабления столь прочно установившихся уз дружбы и сотрудничества»¹.

Черчилль отмечал необходимость тесного единства Англии, СССР и США, которые «могут вести мир к процветанию и счастью». «Судьба человечества,— говорил он,— не была бы прочной в случае возникновения какого-либо ужасного раскола между западными демократиями и Советским Союзом»².

Подобные же мысли высказывал и Рузвельт.

«Как будто предвидя возможность появления в будущем наветов на Крымскую конференцию, президент Рузвельт, оценивая встречу в Крыму, заявил в конгрессе США:

— Эта конференция означает конец системы односторонних действий, замкнутых союзов, сфер влияния и всех других политических интриг, к которым прибегали на протяжении столетий...»³

Рузвельт назвал решения Крымской конференции «поворотным пунктом истории», событием, «продемонстрировавшим редко встречающееся в истории единство» ее участников.

И тем не менее уже чуть ли не с 1945 г. начались назойливые попытки опорочить Крымскую конференцию, извратить смысл ее решений. Попытки ревизии Ялты имеют и своих дирижеров, и своих фанатичных исполнителей.

Такие оценки итогов Крымской конференции, как «Ватерлоо», «предательство» западных держав, интересов США, стран Восточной Европы, как «раскол Европы», появившиеся в период «холодной войны», в модифицированном виде муслируются многие годы. С критикой решений Ялты выступали сенатор Артур Ванденберг, политолог Роберт Тафт, «охотник за ведьмами» Джозеф Маккарти (опубликовавший книгу «Америка отступает от победы»), Хэнсон Болдуин, посчитавший решения в Ялте «крупной ошибкой», и другие.

В противовес фальсификаторам истории, в 70—80-х годах в США, Англии и других странах появилась прогрессивная, так называемая «ялтинская школа» международников. Они выступали и выступают в поддержку принятых в Крыму решений, за нормализацию отношений между СССР, США, Англией, ФРГ, они сходятся на том, что решения в Ялте представляют альтернативу политике «холодной войны», «позиции силы».

«Если бы мы не пришли к соглашению (в Крыму. — Ф. В.), — писал еще в 1949 г. государственный секретарь США Стеттиниус, — это означало бы затянуть войну с Германией и Японией,

¹ Переписка..., т. 1, с. 360.

² Parliamentary Debates. House of Commons, 1945, vol. 408, col. 1294.

³ Громыко А. А. Цит. соч., кн. 1, с. 195.

это помешало бы созданию ООН и это, возможно, привело бы к другим трагическим последствиям»¹.

Крымская конференция, несмотря на все трудности и разногласия, стала апогеем дружественного сотрудничества СССР, Англии и Соединенных Штатов в борьбе с общим врагом, и потому была на западе названа «конференцией века». Конференция «явилась одним из крупнейших международных совещаний во время войны и высшей точкой сотрудничества трех союзных держав (курсив мой.— Ф. В.) в борьбе против общего врага»². Она убедительно продемонстрировала возможность успешного сотрудничества государств двух различных общественных систем — социалистической и капиталистической.

«Крымская конференция выработала программу демократического устройства послевоенного мира, она воодушевила народы на борьбу с фашизмом и означала окончательный провал расчетов фашистской Германии на раскол союзников»³.

Документы Ялты, а позднее Потсдама — и это никто не в силах вычеркнуть из истории — создали надежный политико-правовой фундамент для организации мировых дел на разумной, справедливой основе, для мирного сосуществования и сотрудничества Запада и Востока.

¹ Stettinius E. Roosevelt and russians. The Yalta Conference. N. Y., 1949, p. 270.

² История второй мировой войны 1939—1945, т. 8, с. 137.

³ История внешней политики СССР, т. 1, с. 478.

ПОТСДАМ. ИЮЛЬ 1945 г.

Глава X

В ПОТСДАМЕ И ПОСЛЕ НЕГО

«МЛАДЕНЦЫ БЛАГОПОЛУЧНО РОДИЛИСЬ»...

Во вторник 17 июля 1945 г., в день открытия Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех держав, новый президент Соединенных Штатов Гарри Трумэн получил в Берлине короткую шифротелеграмму, состоящую из трех слов: «Младенцы благополучно родились»¹.

Содержание шифровки означало — рано утром 16 июля на секретном полигоне Аламогордо (штат Нью-Мексико) на вершине тридцатитрехметровой металлической вышки была взорвана первая в истории человечества атомная бомба. В небе ослепительно сверкнули тысячи солнц. В воздух поднялся зловеший

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 551.

гриб. Взрывом страшной силы в радиусе одной мили абсолютно все было разрушено.

В тот же день к Черчиллю заехал находившийся в Лондоне военный министр США Генри Стимсон и положил перед британским премьером листок бумаги с сообщением о благополучном рождении «младенцев». «Это значит,— лаконично пояснил Стимсон,— что опыт в пустыне Нью-Мексико удался. Атомная бомба создана»¹.

«Манхэттенский проект» — так было зашифровано изобретение и производство атомной бомбы в США — пришел к своему драматическому завершению. На свет появились не беспомощные младенцы, а новое оружие еще невиданной разрушительной силы. Оно попало в руки политиков, яростно ненавидевших Советский Союз. Недаром незадолго перед испытанием Трумэн хвастал: «Если атомная бомба, как я полагаю, взорвется, у меня будет дубинка против этих русских парней».

Первый вывод, а он оказался неверным, который поспешили сделать президент Трумэн и премьер Черчилль в день получения сообщения о появлении атомной бомбы,— теперь не потребуется «помощь русских» в разгроме Японии². Исход войны будет решен, полагали они, не с помощью вторжения армий США и Англии в Японию, как планировалось ранее, а атомными бомбардировками.

Американские и английские политики и военные договорились применить как можно скорее атомную бомбу против Японии на секретном совещании объединенного политического комитета по атомной энергии, состоявшемся в Пентагоне 4 июля 1945 г.³

Кто же присутствовал на этом совещании? Председательствовал военный министр США Генри Стимсон; здесь были члены комитета по атомной энергии Ц. Хоу, Ванневер Буш, глава «Манхэттенского проекта» генерал-майор Лесли Гроувз.

Англию представляли фельдмаршал Генри Вильсон, посол в Вашингтоне лорд Галифакс, Джеймс Чадвик — главный советник английского правительства по проблемам атомной энергии и Джеффри Гаррисон — ответственный сотрудник Форин-офис.

На совещании обсуждалось, как сообщить главе Советского правительства о появлении атомного оружия и решении использовать его. Деятели Вашингтона и Лондона рассматривали скорое применение этого оружия как фактор давления на Советский Союз, стремились «поразить СССР колоссальной мощью

¹ *Churchill W.* Op. cit., vol. 6, p. 551—552.

² *Ibid.*, p. 553.

³ *The Conference of Berlin (The Potsdam Conference)*. Wash., 1960, vol. 1, p. 941. (В дальнейшем — *The Conference of Berlin...*)

Америки». Но они, разумеется, мотивировали этот варварский акт необходимостью сокращения сроков войны и «спасения жизней как друзей, так и врагов». Великое зло выдавалось за добро.

ПЕРВЫЕ СПЛОХИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Атомная бомба положила начало «атомной дипломатии», атомного шантажа, ставших главным средством в арсенале «холодной войны», признаки которой обозначились уже к концу второй мировой войны.

23 июля 1945 г. из США были получены сведения, что первая атомная бомба будет готова для применения в начале августа¹.

В ходе войны западные союзники, как уже свидетельствовали приведенные ранее факты, неоднократно нарушали свои обязательства в отношении СССР по вопросу открытия второго фронта, подрывали единство действий многочисленными попытками сепаратных переговоров с гитлеровской Германией. К концу войны политика Англии и США в отношении Советского Союза становится все более противоречащей союзническим обязательствам и договорам, решениям Тегеранской и Крымской конференций. В Лондоне и Вашингтоне по мере приближения победы полагали: необходимость союза с Советской страной отпадает, поскольку главный враг — фашистская Германия, представлявшая смертельную угрозу Англии и США, повержена.

Двойная игра английских и американских политиков к концу мировой войны вырисовывалась все более рельефно. На словах восхищаясь «великолепными победами Красной Армии», решившей «участь германского милитаризма», называя себя «искренним другом России»², Черчилль и его единомышленник Трумэн, поселившийся в Белом доме после кончины Ф. Д. Рузвельта, в то же время считали, что не Германия, а Советская Россия становится главной угрозой Англии и США.

Некоторые английские газеты, явно с подачи «сверху», поднимали тему о том, что теперь нужна «борьба с Советским Союзом, какая велась с гитлеровской Германией»³.

Еще до окончания войны с фашистской Германией Черчилль разрабатывал детальный план стратегии и тактики в отношении Советской страны. В этом плане не было ничего необычного, неожиданного, если иметь в виду его заявление в начале нападения Германии на СССР о своей ненависти к коммунизму, его саботаж открытия второго фронта, «балканскую стратегию» и другие планы. Общая военно-стратегическая и политическая

¹ The Conference of Berlin..., vol. 2, p. 1373.

² Переписка..., т. 1, с. 362, 367.

³ The Daily Mirror, 1945, 1 May.

платформа Черчилля, поддержанная Трумэнном, была сформулирована им в конце войны следующим образом:

«Во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;

во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;

в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток;

в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин;

в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;

в-шестых, Вена, и по существу вся Австрия, должна управляться западными державами, по крайней мере на равной основе с русскими Советами.

...Наконец — и это главное — урегулирование между Западом и Востоком по всем основным вопросам, касающимся Европы, должно быть достигнуто до того, как армии демократии уйдут или западные союзники уступят какую-либо часть германской территории, которую они завоевали»¹.

Нужно было быть Черчиллем, чтобы так заявлять о своем союзнике по общей борьбе, стране, спасшей английский народ от гитлеровского нашествия, когда, по словам британского премьера, «наша жизнь и само наше существование висели на волоске».

«Этот удручающий текст, — писал Дзелени, — знаменовал новое направление, которое Черчилль очень хотел придать войне. Герой «санитарного кордона» вновь оказался на переднем крае антикоммунизма»².

Черчилль, Трумэн и их единомышленники открыто ратовали за переход от политики сотрудничества к политике силы, диктата, «постоянного давления на русских»³, политике, принесшей столько горького разочарования народам, надеявшимся на то, что победа над нацизмом принесет им мирную и благополучную жизнь.

Вопреки решениям Крымской конференции о сроках, размерах и координации мощных ударов по Германии Черчиллем и английским командованием вновь неоднократно выдвигалась идея занятия Берлина и других важнейших стратегических районов в Центральной Германии до того, как туда войдет Красная Армия. Хотя на конференции в Крыму были установлены границы будущих зон оккупации Германии, Черчилль в письме Эйзенхауэру от 31 марта 1945 г. предлагал англо-американским войскам нарушить это соглашение, «перейти Эльбу

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 400.

² Дзелени Э. Секрет Черчилля. М., 1975, с. 46.

³ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 422.

и продвинуться как можно дальше на восток»: на Берлин или на линию Лейпциг—Дрезден, с тем чтобы использовать это движение для политического торга с СССР¹.

ОЧЕРЕДНАЯ ПОПЫТКА СЕПАРАТНОГО СГОВОРА С ГЕРМАНИЕЙ

Наиболее явно отход Англии и США от политики сотрудничества с СССР выразился в новых попытках заключения сепаратного мира с Германией. Такие попытки предпринимались Англией и США еще в 1941—1944 гг. Операция «Кроссворд» — так был зашифрован очередной план сепаратного сговора с фашистами — была предпринята Англией и США в начале 1945 г. В феврале 1945 г. генерал Карл Вольф, командующий немецкими войсками СС в Италии, установил контакт с американской разведкой в Швейцарии. 8 марта Вольф появился в Цюрихе, где встретился с руководителем разведки США в Швейцарии Алленом Даллесом.

В середине марта английский и американский начальники штабов в Казерте — представители ставки фельдмаршала Александера — генералы Эйри и Лемнитцер тайно отправились в Швейцарию. В Берне 12 марта состоялась их встреча с генералом Вольфом. Речь шла о капитуляции армии Кессельринга в Италии перед США и Англией².

Когда Советскому правительству стало известно об этих секретных переговорах за спиной союзника, нарком иностранных дел сообщил английскому послу в Москве Арчибальду Керру о желании Советского правительства принять участие в переговорах. Однако посол в письме, посланном 15 марта, сообщил, что представители Александера уже находятся секретно в Берне. Как будто это мешало присоединиться советским представителям! Из письма вытекало: английское правительство отказывает представителям советского командования в праве на участие в переговорах в Берне. К подобному решению присоединились и США³.

Такая позиция противоречила духу союзнических отношений. Поэтому 16 марта нарком иностранных дел СССР направил английскому послу в Москве письмо, в котором указывал, что отказ английского правительства в праве на участие советских представителей в переговорах в Берне для Советского правительства явился неожиданным и совершенно непонятным с точки зрения союзных отношений между СССР и Англией.

¹ См.: *Ингерсолл Р.* Цит. соч., с. 427.

² Переписка..., т. 1, с. 368, 467.

³ *Feis H.* Op. cit., p. 584—585.

«Ввиду этого Советское правительство считает невозможным дать свое согласие на переговоры британских и американских представителей с представителями германского командующего в Берне и настаивает на том, чтобы уже начатые переговоры в Берне были прекращены». Советское правительство требовало, чтобы впредь была исключена возможность ведения сепаратных переговоров одной или двух союзных держав с немецкими представителями без участия третьей союзной державы¹.

Политики Англии и США в явном противоречии с истиной пытались отрицать факт ведения сепаратных переговоров с немцами, изображая эту попытку сговора как «проверку полномочий генерала Вольфа» или «предварительную встречу»².

Советское правительство отвергло эту версию и решительно заявило Англии и США: «В Берне в течение двух недель за спиной Советского Союза, несущего на себе основную тяжесть войны против Германии, ведутся переговоры между представителями германского военного командования, с одной стороны, и представителями английского и американского командования — с другой. Советское правительство считает это совершенно недопустимым».

Советское правительство располагало неопровержимыми данными: переговоры в Берне не были простой «проверкой полномочий» Вольфа, они «закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на Западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия»³.

Английские и американские политики вновь отрицали тайный сговор с немцами, но факты говорили о другом. В результате сепаратных переговоров с конца марта 1945 г. немецкие войска на ряде участков Западного фронта фактически прекратили активные боевые действия. Английские и американские войска получили возможность продвигаться в глубь Германии почти без сопротивления, беря без боя такие крупные города в центре Германии, как Оснабрюк, Маннгейм, Кассель. На всем 800-километровом Западном фронте, тянувшемся от Северного моря до Швейцарии, гитлеровская Германия оставила всего 35 неполных и небоеспособных дивизий. В то же время германское командование имело на Восточном фронте 147 дивизий, которые ожесточенно дрались против советских войск⁴.

А Черчилль между тем продолжал торопить англо-американское командование «достигнуть Эльбы или даже Берлина раньше, чем там окажется медведь»⁵, то есть Красная Армия.

¹ См.: Переписка..., т. 1, с. 467, 468.

² Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 388.

³ Переписка..., т. 2, с. 220.

⁴ См. там же, т. 1, с. 376.

⁵ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 390—391.

**ЧЕРЧИЛЛЬ ПЛАНИРУЕТ
«ТРЕТЬЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ»**

Более того, Черчилль давал указания фельдмаршалу Монтгомери заключить «соглашение о перемирии» с гитлеровской военщиной и намекал на возможный поворот фронта против русского союзника.

В те дни, когда гитлеровская Германия находилась накануне краха, Черчилль, Трумэн и их приверженцы уже готовились к войне... с Советским Союзом.

Выступая 23 ноября 1954 г. в Вудфорде перед избирателями, Черчилль откровенно признал: «Еще до окончания войны и в то время, когда немцы сдавались сотнями тысяч, я направил телеграмму лорду Монтгомери, приказывая ему тщательно собирать германское оружие и хранить его таким образом, чтобы его легко было бы снова раздать немецким солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось»¹.

Фельдмаршал Монтгомери подтвердил получение им этого приказа: «Я действительно получил эту телеграмму Черчилля и подчинился приказу, как солдат»².

Трудно себе представить более грубое и вероломное нарушение обязательств, взятых на себя Англией как участницы антифашистской коалиции.

В конце войны усиливаются антисоветские тенденции и в политике США.

Вечером 12 апреля 1945 г. от кровоизлияния в мозг в Уорм-Спрингсе, в штате Джорджия, скончался президент Франклин Д. Рузвельт. Это произошло внезапно. Еще утром Рузвельт работал, написал несколько писем по вопросам внешней и внутренней политики. Ни один из докторов не предполагал возможности удара. Личный доктор президента адмирал Макинтайр в это время отсутствовал.

Смерть Рузвельта была величайшей утратой для Америки, и не только для нее. Остановилось сердце выдающегося политика, человека, умевшего мыслить реалистично и учитывать не только интересы монополий США, но и интересы партнеров по антифашистской коалиции, всего человечества.

На пост президента вступил бывший вице-президент Гарри Трумэн. Встав у руля государственного корабля, он сразу же заявил: «Русские скоро будут поставлены на место, и тогда Соединенные Штаты возьмут на себя руководство движением мира по тому пути, по которому его надо вести».

¹ News Chronicle, 1954, 25 November.

² *Pand W., Coates Z. K. A. History of Anglo-Soviet Relations. L., 1950, vol. 2, p. 110.*

На совещании кабинета (присутствовали Стеттиниус, Стимсон, Маршалл, Леги, Гарриман), состоявшемся в Белом доме 23 апреля 1945 г., Трумэн снова сказал: с политикой «односторонних уступок» СССР будет покончено раз и навсегда. Он «решительно займет твердую позицию в отношении Советов»¹.

«Твердый курс» в отношении СССР, взятый на вооружение лидерами демократической партии США во главе с Трумэном, поддержали видные деятели республиканцев, в особенности Джон Фостер Даллес и сенатор Артур Ванденберг.

Трумэн, страдавший гипертрофией своего «я», был мало осведомлен в сложных проблемах международной политики. В первое время он был буквально придавлен бременем неожиданно обрушившейся на его плечи верховной власти.

С занятием поста президента Трумэном во внешней политике США происходит сильный сдвиг вправо. Резко ухудшаются советско-американские отношения. Буквально на следующий день после вступления Трумэна на этот пост в прессе США началась шумная кампания за разрыв с СССР, ликвидацию антифашистской коалиции, создание блока США и Англии, направленного против СССР.

В Соединенных Штатах начались, как писала газета «Ньюс оф Уорлд», «опасные разговоры о третьей мировой войне»², которая бы велась против СССР. Причем это были разговоры не безответственных лиц, а видных вашингтонских деятелей.

Будущая война с Россией, писал в меморандуме правительству заместитель государственного секретаря Грю, неизбежна и реальна. Она может вспыхнуть в ближайшие годы. Поэтому США должны оставаться в состоянии боевой готовности³.

Генерал Арнольд был еще откровеннее: «Нашим очередным врагом будет Россия... и США должны расположить свои базы по всему миру, чтобы с них можно было атаковать любой объект России»⁴.

Подобные замыслы в отношении СССР не только всецело разделял, но и готов был активно проводить в жизнь британский премьер Черчилль, встретивший в лице Трумэна своего единомышленника. Оба они явно не собирались трезво учитывать политические реальности.

Черчилль — а он нашел здесь полное понимание Трумэна — заявлял о необходимости прочного удержания позиций, занятых армиями Англии и США в Германии, Югославии и Австрии. Задолго до своей знаменитой фултонской речи Черчилль ратовал

¹ *Leahy W.* I was there, p. 351.

² *News of World*, 1945, 20 may.

³ *Grew G.* The Turbulent Era. N. Y., 1952, vol. 2, p. 14, 46.

⁴ *Arnold H.* Global Mission N. Y., 1949, p. 586—587.

за создание блока «государств, говорящих на английском языке» против блока «коммунистических государств»¹.

Возникающие разногласия между капиталистическими государствами и Советским Союзом Черчилль и Трумэн предлагали решать не путем переговоров, как это было в годы войны, а с помощью силы, угрожая третьей мировой войной. После того «как западный мир свернет свои военные машины, — говорил Черчилль, — нельзя будет рассчитывать на удовлетворительное разрешение проблем (с СССР.— *Ф. В.*) и перспективы предотвращения третьей мировой войны окажутся весьма слабыми»². (Курсив мой.— *Ф. В.*).

Трудно поверить в то, что, когда еще не было погашено пламя второй мировой войны, кое-кто на Западе уже думал о третьей.

КОНЕЦ ФАШИСТСКОГО РЕЙХА

В середине апреля 1945 г. Красная Армия начала новую грандиозную наступательную операцию, приведшую к окончанию войны в Европе. Советские войска форсировали реку Одер, нацелив свой удар по фашистскому логову — Берлину; на севере они заняли Росток, на юге вступили в Саксонию, одновременно освобождая Чехословакию.

С запада перешли через Рейн и быстро продвигались вперед англо-американские войска.

25 апреля советские войска окружили Берлин. В тот же день произошла историческая встреча на Эльбе в районе Торгау передовых подразделений 1-го Украинского фронта с частями 1-й американской армии. Через несколько дней у городов Росток и Шверин встретились советские и английские войска. Эти встречи солдат армий США, Англии с советскими солдатами и офицерами вылились в демонстрацию дружбы соратников по оружию. Это было символом того, что надежды Гитлера на войну между СССР и западными странами, мечты реакционеров этих стран о столкновении между Красной Армией и войсками союзников становились все более иллюзорными.

30 апреля советские войска водрузили Знамя Победы над рейхстагом. Но в центре города: в тоннеле метро на станции Фридрихштрассе и Фоссштрассе, в Тиргартене, близ имперской канцелярии, еще шли жаркие бои.

В тот же день в бомбоубежище имперской канцелярии Гитлер, подобно скорпиону, покончил жизнь самоубийством, приняв яд — он раскусил ампулу синильной кислоты. Трупы Гитлера и его любовницы Евы Браун были облиты бензином и сожжены

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 433.

² Ibid., p. 439.

в саду имперской канцелярии. Обгоревшие трупы закопали в воронке от авиабомбы¹.

«Погребальный костер Гитлера, пылавший под усилившийся грохот русских пушек, озаменовал страшный конец Третьей империи»².

2 мая 1945 г. около 15 часов капитулировали остатки 300-тысячного берлинского гарнизона. Это был исторический день для советского народа, союзных армий, всех миролюбивых народов.

ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ СГОВОРА

В последние дни и часы, доживаемые фашистской Германией, правительства Англии и США снова вели тайные сепаратные переговоры с Герингом, Гиммлером, Риббентропом, все еще надевающимися на возможность столкновения между СССР и западными державами. Идея этих главарей была выражена в меморандуме Гессе — советника Гитлера. Гессе предлагал прекратить военные операции против Англии и США на Западном фронте и перебросить все германские войска на Восток для борьбы против Красной Армии³. Гессе по поручению фашистских главарей вел переговоры в Швеции через банкира Валленберга, выступавшего посредником между Англией и Германией. Гессе был и в контакте с членом английского кабинета Эрнестом Бевинном.

В начале марта 1945 г., установив необходимые связи, Гессе вернулся из Стокгольма в Германию. Итогом его поездки явился вывод: несмотря на желание некоторых политиков Англии и США при определенных обстоятельствах пойти на сепаратный мир с Германией, такая сделка с правительством Гитлера невозможна. Геринг, Гиммлер, Риббентроп и другие, заботясь о своем спасении, понимали: фюрера следует убрать. Они надеялись получить индульгенцию за собственные тяжкие преступления, совершенные против народов мира. Поэтому 23 апреля 1945 г. Геринг, находившийся на юге Германии, в Берхтесгадене, направил телеграмму Гитлеру, требуя его отставки и передачи ему, Герингу, «общего руководства рейхом» — власти главы государства и верховного главнокомандующего. Измена Геринга поразила Гитлера. «Сначала он плакал как ребенок, затем бушевал как одержимый», — сообщал один из его приближенных. Геринг решил капитулировать только перед Англией и США, продолжая войну против СССР. Геринг намеревался вылететь в ставку Эйзенхауэра, чтобы договориться о полном прекращении Германией всех военных действий на Западе. Оправившись

¹ См.: *Боков Ф.* Весна Победы. М., 1980, с. 322.

² *Churchill W.* Op. cit., vol. 6, p. 464.

³ *Hesse F.* Hitler and the English. L., p. 148.

от шока. Гитлер, по совету Бормана, отдал приказ об аресте Геринга, лишив всех постов «наци № 2». Борман направил тайный приказ об убийстве Геринга¹.

В конце апреля 1945 г. гитлеровские главари Гиммлер, Риббентроп, Кальтенбруннер продолжали тайные переговоры с представителями Англии и США. На сей раз они вели переговоры через племянника шведского короля главу шведского Красного Креста Фольке Бернадотта. Гиммлер возобновил контакты с Бернадоттом, установленные еще в 1943 г. Бернадотт встречался с Эйзенхауэром в его ставке в Версале, после чего, видимо, получив соответствующие указания, направился в Берлин.

Последняя встреча Бернадотта с Гиммлером происходила 24 апреля в 1 час ночи в Любеке. Гиммлер заявил: «Гитлер — конченный человек» и поэтому он, Гиммлер, «обладает всеми полномочиями действовать». Гиммлер просил Бернадотта сообщить с помощью шведского правительства о его желании «встречи с генералом Эйзенхауэром с целью капитуляции на всем западном фронте»².

В то же время Гиммлер говорил о необходимости оказывать «сопротивление на восточном фронте», продолжать войну до тех пор, пока фронт западных стран не придет на смену германскому фронту. Гиммлер все еще надеялся спровоцировать столкновение между союзниками по антифашистской коалиции.

25 апреля происходили переговоры по прямому проводу между Трумэном, Маршаллом, Леги и Черчиллем о предложении Гиммлера. Перед лицом неизбежного краха Германии ни Черчилль, ни Трумэн не могли принять предложение Гиммлера, что фактически означало бы заключение сепаратного мира с Германией. Поэтому у политиков Англии и США не было иного выбора, как информировать Советское правительство о предложении Гиммлера, предъявив ему требование о безоговорочной капитуляции на всех фронтах, в том числе и на советско-германском фронте³.

Политики Англии и США не могли пойти на сговор с германской реакцией не только потому, что этого не допустили бы народы их стран и других государств антифашистской коалиции. Они понимали, что сговор с гитлеровской кликой мог бы вызвать немедленный конфликт с СССР, к чему они не были готовы. Реальная сила была на стороне Красной Армии.

Точная оценка соотношения сил была отражена в документе Объединенного комитета начальников штабов США, направленном еще 16 мая 1944 г. государственному секретарю. Основной вывод документа гласил: СССР является сильнейшей

¹ См.: Розанов Г. Крушение фашистской Германии. М., 1963, с. 147.

² Переписка..., т. 1, с. 394.

³ См. там же, с. 395.

державой в военном отношении. Наоборот, военная и экономическая мощь Англии значительно ослабла.

«Разница между военными силами, — гласил документ, — которые могут выставить на континенте (СССР и Англия. — Ф. В.), слишком велика. В нынешних условиях ее не может устранить даже американское вмешательство на стороне Великобритании». В лучшем случае США, используя военную силу, смогли бы защитить Англию, «но в современной обстановке мы не сможем нанести поражение России. Иными словами, США окажутся втянутыми в войну, которую нельзя выиграть, даже если бы нам не угрожала опасность разгрома или оккупации». Поэтому, делали вывод начальники штабов, Соединенные Штаты в будущем должны употребить все свое влияние, чтобы не допустить конфликта между СССР, Англией и США, укреплять «дух совместного сотрудничества между Великобританией, СССР и США. Если Великобритания и СССР объединят свои усилия в деле сотрудничества в интересах мира, то в ближайшем будущем не может быть большой войны»¹.

К сожалению, политические руководители США не прислушались к этим реалистическим рекомендациям военных.

Что же касается ситуации последних дней войны в Европе, то было ясно, что уже никакие силы не в состоянии спасти гитлеровскую Германию от полного разгрома. Политические руководители Англии и США решили подписать соглашение, фиксирующее поражение и общую капитуляцию Германии перед СССР, Англией, США и Францией².

БЕЗОГОВОРочНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ГЕРМАНИИ

Военное положение фашистской Германии стало безнадежным. 7 мая 1945 г. в 2 часа 41 минуту утра в штабе англо-американского командования в Реймсе генералом Беделлом Смитом и генералом Йодлем был подписан предварительный протокол о капитуляции вооруженных сил Германии перед войсками США, Англии и СССР³. Это был именно временный акт, а не окончательный документ. На основе этого документа все военные действия прекращались в полночь с 8 на 9 мая. Фашистские войска еще могли в течение двух суток — 7 и 8 мая — вести войну на советско-германском фронте. При этом Англия и США надеялись узаконить «правительство», по существу сохранившее «родовые признаки» фашистского режима, сформированное во Фленсбурге адмиралом Деницом после самоубийства Гитлера.

¹ The Conference of Berlin..., vol. 1, p. 265.

² См.: Переписка..., т. 1, с. 400—408.

³ См. там же, с. 470.

Советское правительство считало необходимым взамен временного акта в Реймсе подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии в Берлине, в резиденции прусских королей и германских кайзеров, с участием всех союзных держав. Англии и США пришлось согласиться. Час, которого прогрессивные люди мира ждали почти шесть лет, принесся колоссальными жертвами молоху фашизма, наконец наступил.

В ночь с 8 на 9 мая в 0 часов 43 минуты в восточном пригороде Берлина Карлсхорсте в двухэтажном здании бывшей столовой военно-инженерного училища, украшенной государственными флагами СССР, США, Англии и Франции, был подписан фельдмаршалом Кейтелем, бывшим начальником штаба верховного командования вермахта, адмиралом Фридебургом, бывшим главнокомандующим военно-морскими силами, и генералом авиации Штумпфом акт о безоговорочной капитуляции Германии¹. Акт — все девять экземпляров — был подписан в присутствии маршала Жукова, скрепившего его подписью от имени Верховного Главнокомандования Красной Армии; главного маршала авиации Артура Теддера, скрепившего акт от имени верховного командования союзных экспедиционных сил.

«Мы, нижеподписавшиеся, — гласил акт о капитуляции, — действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил»².

«Акт подписан и вступает в действие сегодня», — объявил Жуков.

В 23 часа по центральноевропейскому времени умолкли последние залпы пушек в Европе. Вторая мировая война в Европе, самая жестокая, кровавая из всех войн в истории человечества, бушевавшая почти шесть лет, унесшая десятки миллионов человеческих жизней, закончилась благодаря героической борьбе народов и других стран антифашистской коалиции блистательной победой демократических сил. Фашистская Германия и ее сообщники были окончательно разбиты. Советский народ, народы Англии, США и других союзников по антифашистской коалиции, пройдя через горнило горя и страданий, поражений и побед, одержали всемирно-историческую победу над фашистской Германией и ее сателлитами. Красная Армия освободила немецкий народ от фашистского порабощения.

9 мая 1945 г. У. Черчилль обратился с посланием к главе Советского правительства:

¹ См.: Жуков Г. К. Цит. соч., с. 685.

² Вторая мировая война. Краткая история, с. 527—528.

«Я шлю Вам сердечные приветствия по случаю блестящей победы, которую вы одержали, изгнав захватчиков с вашей земли и разгромив нацистскую тиранию. Я твердо верю, что от дружбы и взаимопонимания между британским и русским народами зависит будущее человечества».

В свою очередь Трумэн приветствовал по случаю общей победы «народ и армии Советского Союза».

Глава Советского правительства приветствовал армии, народы США и Англии «с великой победой над нашим общим врагом — германским империализмом» и выражал «уверенность в дальнейшем успешном и счастливом развитии в послевоенный период дружественных отношений»¹.

Коалиция СССР, Англии, США и других стран выдержала труднейшие испытания, несмотря на тайные происки врагов сотрудничества с Советским Союзом. Позднее, 24 июня 1945 г., в честь победы над фашистской Германией в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы.

Разгром фашистской Германии, устранивший смертельную угрозу для Англии и США в Европе и во всем мире, имел и другой результат: Черчилль, Трумэн и другие политики пришли к выводу: с коалицией, созданной в период смертельной опасности для Британской империи, может быть покончено. Как отмечал американский исследователь Мак Нейл, «после Ялты великий союз... обнаруживал все усиливающиеся признаки раскола»².

«Когда я пробирался сквозь толпы ликующих лондонцев, в час их радости, вполне заслуженной после того, что им пришлось пережить, — писал Черчилль, — мой ум занимали опасения за будущее и многочисленные сложные проблемы»³.

Чего же опасался Черчилль? Какие заботы мучили британского премьера? По мнению Черчилля, основа связи между СССР, Англией и США — необходимость разгрома общего врага — фашизма исчезла. Но на политическом горизонте, считал он, появилась другая опасность. «В моих глазах, — признавал откровенно Черчилль, — советская угроза уже заменила собой нацистского врага»⁴.

В беседе с советским послом в Лондоне Ф. Т. Гусевым, состоявшейся 18 мая 1945 г., Черчилль говорил: «Одно из двух... или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый союз будет противостоять советскому миру»⁵.

Трумэн занимал сходную позицию.

¹ Переписка..., т. 1, с. 416, 417.

² *Mc. Neil W. America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict.* L., 1953, vol. 2, p. 565—566.

³ *Churchill W. Op. cit.*, vol. 6, p. 495.

⁴ *Ibidem.*

⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945, т. 2, с. 386.

НЕОБХОДИМА НОВАЯ ВСТРЕЧА БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ

Разгром и безоговорочная капитуляция фашистской Германии выдвинули перед союзниками не только проблемы дальнейших взаимоотношений между участниками коалиции, но и вопросы послевоенного устройства мира, и в первую очередь проблему взаимоотношений с побежденной Германией. Необходимо было также наметить основы для выработки мирных договоров с побежденными государствами, рассмотреть вопросы, связанные с войной против Японии и ее скорейшей капитуляцией. Было много других политических и экономических проблем в мире, требовавших неотложного решения. Поэтому назрела необходимость новой встречи глав правительств трех великих держав — СССР, Англии и США.

6 мая 1945 г. Черчилль в письме Трумэну выдвинул предложение о новой встрече Большой тройки. Крупнейшие международные «проблемы,— писал Черчилль,— вряд ли могут быть разрешены путем переписки, и поэтому как можно скорее должна состояться встреча глав трех правительств»¹.

Трумэн ответил Черчиллю 9 мая, признав необходимость встречи глав США, Англии и СССР.

Правда, президент предпочитал, чтобы инициатива созыва такого совещания исходила от главы Советского правительства, о чем бы американский и английский послы в Москве дали ему понять. В порядке подготовки к встрече Большой тройки Трумэн предлагал заранее согласовать без участия СССР ее повестку. Поэтому он просил Черчилля прислать список вопросов, которые тот считал «необходимым или желательным для нас поставить на обсуждение, а также предложения о месте встречи»². Дату встречи Трумэн предлагал назначить на июль.

11 мая, через 48 часов после Дня Победы над фашистской Германией, а Англия и США праздновали ее сепаратно 8 мая, Черчилль писал Трумэну о необходимости встречи с главой Советского правительства «в каком-нибудь неразрушенном городе Германии, о котором мы договоримся, чтобы провести трехстороннее совещание»³. Встречаться на территории СССР Черчилль больше не хотел. Датой встречи, по его мнению, могла бы быть середина июня.

Британский премьер предлагал американскому президенту провести сепаратное совещание «двойки» в Лондоне, договориться по основным вопросам, а затем уже встретиться с главой Советского правительства. Трумэн не принял предложение

¹ The Conference of Berlin..., vol. 1, p. 3.

² Ibid., p. 4.

³ Ibid., p. 5.

Черчилля приехать в Лондон, — он дал согласие на приезд министра иностранных дел Англии Идена и лидера лейбористов Эттли в Вашингтон.

14—15 мая 1945 г. в Вашингтоне состоялось совещание Трумэна, исполняющего обязанности государственного секретаря Грю и адмирала Леги со стороны США, Идена и Эттли — со стороны Англии, обсудившее вопрос о созыве конференции глав трех великих держав. Здесь состоялось предварительное обсуждение вопросов предстоящего совещания, в частности польской проблемы. Местом созыва конференции были намечены Берлин или Вена.

15 мая в Белом доме состоялось совещание, на котором были Трумэн, Грю (госсекретарь Стеттиниус отсутствовал, видимо, потому, что Трумэн собирался заменить его и вскоре заменил Бирнсом), посол в СССР Гарриман. Совещание обсудило вопрос о встрече Большой тройки. Гарриман с тревогой говорил о растущих противоречиях между США и СССР, об отходе от союза военного времени, доказывал необходимость совещания в верхах, ибо чем дальше оно будет откладываться, тем будет труднее¹.

Трумэн заявил «о желательности скорой встречи трех», но после 30 июня. Он выразил опасение, что предварительное совещание с Черчиллем в Лондоне может вызвать подозрения у главы Советского правительства.

Однако помощник государственного секретаря Чарлз Болен (один из отпрысков германских пушечных королей Круппов фон Боленов) вновь высказался за сепаратную «встречу двух», чтобы сделать Советское правительство «сговорчивее». Грю высказался за созыв конференции Большой тройки.

Черчилль хотел провести встречу Большой тройки «как можно скорее», до парламентских выборов в Англии, а также до того момента, как армии Англии и США уйдут из Европы на фронт войны с Японией.

«Короче говоря, — писал Черчилль Трумэну 12 мая, — с моей точки зрения, проблема урегулирования с Россией, прежде чем наша сила исчезнет, затмевает все остальные проблемы». Именно в этом письме премьер пустил в ход легенду о «железном занавесе», якобы опускающемся над странами Европы, освобожденными Советским Союзом от фашистского порабощения. Черчилль высказывал опасение: не двинется ли Красная Армия «к водам Северного моря и Атлантического океана»².

Черчилль раздувал ветры «холодной войны».

Еще в День Победы, 9 мая 1945 г., Черчилль телеграфировал генералу Эйзенхауэру во Францию, требуя от него сохранения немецкого вооружения, в частности самолетов, поскольку «они

¹ The Conference of Berlin..., vol. 1, p. 13.

² Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 499.

нам когда-нибудь остро потребуются, и даже сейчас могут пригодиться»¹. Самолеты и пушки могли потребоваться Черчиллю, естественно, не для войны с германским или итальянским врагом, а для борьбы против СССР.

17 мая Черчилль приказал начальнику имперского генерального штаба Англии, а также министру авиации и начальнику штаба ВВС приостановить «всякое сокращение бомбардировочной авиации», не допускать «уничтожения германских самолетов, находящихся под английским контролем»².

В первые же дни после победы над гитлеровской Германией Черчилль приказал штабам отменить дальнейшую демобилизацию военно-воздушных сил и замедлить демобилизацию сухопутных войск. Эти мероприятия осуществлялись Черчиллем для того, чтобы выступить при переговорах с СССР «с позиции силы», продиктовать ему свою волю.

Трумэн вновь предложил назначить созыв конференции трех держав на 15 июля 1945 г. Как стало известно позднее, эта дата была не случайной. Стремясь, подобно английскому партнеру, проводить по отношению к СССР политику «с позиции силы», Трумэн дал приказ произвести не позже 15 июля первое в истории испытание атомной бомбы. Было также принято совместное с Лондоном решение о применении атомной бомбы против Японии. По приказу из Вашингтона была намечена и проведена в августе 1945 г. варварская бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки, преследовавшая не столько цель вывести Японию из войны, сколько, как писал английский профессор Блэккет, начать «холодную дипломатическую войну против России»³. Бомба не была последним актом второй мировой войны. Она явилась одним из первых актов «холодной войны» против СССР. Это, по существу, признал государственный секретарь США Бирнс в беседе с учеными-атомниками, состоявшейся в июне 1945 г. Бирнс утверждал: бомба «может сделать Россию более сговорчивой в Европе»⁴.

«Холодная война» против СССР была начата западными политиками, когда еще не были погашены угли пожаров второй мировой войны. Англия и США надеялись, что обладание атомным оружием даст им возможность осуществить политику диктата в отношении СССР, восстановит, по словам Черчилля, «дипломатическое равновесие» на конференции трех держав и в последующее время.

Узнав о планах атомного шантажа, осуществляемых Трумэном против СССР, Черчилль снял свои возражения относительно даты созыва конференции и согласился начать ее 15 июля.

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 499.

² Ibid., p. 500—501.

³ Blacett P. Military and political Consequences of atomic Energy. L., 1948, p. 127.

⁴ Foreign Affairs, 1957, Jan., p. 347.

Британский руководитель лелеял надежду на предстоящей конференции трех держав «дать бой Советскому правительству по... многочисленным вопросам»¹, намеревался «устроить схватку» с советскими дипломатами.

ПОСЛАНЕЦ ТРУМЭНА В ЛОНДОНЕ

Конец войны в Европе характеризовался не только ростом противоречий между СССР, с одной стороны, США и Англией — с другой. В самом лагере западных стран по многим вопросам войны и мира были значительные противоречия. Англия выходила из войны сильно ослабленной. В Вашингтоне это учитывали и довольно явственно стремились подчеркнуть, что Англия уже не является равноправным партнером и ее роль в международных делах второстепенная. Первую скрипку в мировых делах намеревались играть вашингтонские политики и люди большого бизнеса. «Решающим фактором стало ослабление Британской империи. ...В экономическом отношении Англия была положена на лопатки, а в военном отношении в сравнении с Америкой — бессильна»², — столь недвусмысленно охарактеризовал положение Англии в конце войны адмирал Леги — начальник штаба президента и один из его ближайших советников во время Берлинской конференции. Поэтому в США возникла даже идея — практически отстранить Англию от участия в первой фазе переговоров между СССР и США.

Незадолго до встречи Большой тройки в начале июля в Лондон был послан личный представитель Трумэна Джозеф Дэвис — бывший перед войной послом США в Москве, относившийся весьма сочувственно к Советской стране. Форин-офис, зная об этом, считал Дэвиса подходящей персоной для обсуждения деталей о повестке «Терминала» и предлагал Вашингтону, чтобы его «сопровождал кто-либо из госдепартамента, с кем можно было бы согласовать эти вопросы»³. Дэвис был личным гостем Черчилля в его загородной резиденции Чекерс. Здесь же состоялись переговоры с премьером. Суть их свелась к тому, что, прежде чем встретиться с Черчиллем, Трумэн должен был встретиться с главой Советского правительства где-то в Европе. По-видимому, президент хотел привести единолично зондаж позиции СССР.

Подобное предложение повергло Черчилля в бешенство. Он недвусмысленно расценил его как «попытку сговора» между

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 581.

² Боргатынский С. Дипломатия периода второй мировой войны. М., 1959, с. 333.

³ PRO, Premier, 45/313, p. 13.

СССР и США за спиной Англии. Свои многочисленные встречи с Рузвельтом в Вашингтоне, Квебеке, Касабланке, Тегеране, Каире, на Мальте и в других местах Черчилль не склонен был рассматривать как «политику сговора», направленного против СССР. Иное дело — даже призрачная попытка двусторонней встречи политиков США и СССР. Ослепленный яростью британский премьер — к этому добавлялись волнения, связанные с парламентскими выборами, — не мог ни при каких обстоятельствах согласиться «на такой афронт» в отношении Англии.

Поэтому не только в беседе с Дэвисом, но «во избежание недоразумений» и в официальной записке, врученной посланцу Трумэна, Черчилль ультимативно требовал:

«Следует понять, что представители правительства его величества не смогут присутствовать ни на каком совещании иначе, как в качестве равноправных партнеров с самого его начала... премьер-министр не видит никакой необходимости поднимать спор, столь оскорбительный для Англии, Британской империи и Содружества наций»¹.

Поэтому премьер категорически настаивал:

«а) на встрече, которая должна состояться как можно скорее, и б) чтобы три главные державы были приглашены на нее в качестве равноправных участников»².

В противном случае, как было заявлено, в любой встрече иного характера Англия участвовать не будет.

Трумэн не замедлил снять свое предложение о «встрече двух», заявив, что он выступает за созыв тройственной конференции в Берлине 15 июля 1945 г.

Черчилль много говорил Дэвису об ослаблении СССР, истекающего кровью вследствие колоссальных людских потерь, о мощи союзников, достигшей своего апогея. В то же время он опасался продвижения Красной Армии в Европу. Премьер обрушил столь яростные нападки на СССР, что Дэвис пришел в ужас, поняв, что при такой позиции «не может быть мира». Его позиция, заключил Дэвис, создала реальную угрозу миру и теперь, и в будущем.

Почти одновременно с визитом Дэвиса в Лондон в конце мая — начале июня 1945 г. Трумэн направил в Москву своего специального представителя, близкого друга и советника Рузвельта Гарри Гопкинса. После прихода Трумэна в Белый дом Гопкинс думал сразу же подать в отставку, отойти навсегда от государственных дел, зная, что новый президент и его окружение будут проводить и новую политику. Предложение Трумэна о поездке в Москву было неожиданно для Гопкинса, но он принял его. Главной целью его визита было обсуждение вопроса о времени и месте совещания в верхах, коренных проблем взаи-

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 503.

² Ibid., p. 505.

моотношений между США и СССР, возникших после окончания войны в Европе.

По приезду в Москву Гарри Гопкинс был принят 26 мая главой Советского правительства. Встреч было несколько. Гопкинс говорил о наличии в США небольшой группы непримиримых политических противников Рузвельта — херстов, маккормиков, выступающих против сотрудничества с СССР, но что подавляющая часть американцев, а их миллионы, верят, несмотря на различия в политической идеологии, в возможность и необходимость этого сотрудничества и после войны. Советские руководители заявили о своей тревоге в связи с создававшейся ситуацией и констатировали заметное охлаждение в отношениях США к Советскому Союзу после поражения Германии. Они привели ряд конкретных фактов антисоветских акций правительства Трумэна: прекращение поставок по ленд-лизу, неуступчивость в польском вопросе, по проблеме репараций с Германии и др. Советское правительство поддержало предложение Гопкинса о совещании глав правительств трех держав летом 1945 г. в районе Берлина.

В итоге переговоров с Гопкинсом было подготовлено рабочее соглашение по польскому вопросу; рассматривалась будущая политика послевоенного обращения с Германией; был обсужден вопрос об общей позиции, связанной с капитуляцией Японии. Гопкинс поставил вопрос о приблизительной дате вступления СССР в войну с Японией. Сталин назвал 8 августа при условии выполнения союзниками СССР решений Крымской конференции¹.

Гопкинс, выразив Советскому правительству благодарность за теплый прием, заявил: «Обе наши страны имеют столь много общего, что они могут найти пути для разрешения своих проблем... будущее благополучие сотен миллионов людей будет зависеть от взаимоотношений между США и СССР»².

После посещения Москвы Гопкинсом Черчилль усиленно приглашал его в Лондон, но посол, до доклада президенту, уклонился от этой встречи.

В заявлении, сделанном незадолго до кончины, Гопкинс указывал: «Мы знаем, что мы и Россия являемся двумя наиболее могущественными нациями в мире как по людским, так и по сырьевым ресурсам... Мы смогли бороться бок о бок с русскими в величайшей войне в истории. ...Мы знаем, что с русскими легко иметь дело. Русские, несомненно, любят американский народ»³.

Дружба и уважение советского народа к простым людям США, Англии и других стран были скреплены кровью на полях жестоких сражений второй мировой войны.

¹ The Conference of Berlin..., vol. 1, p. 41—42.

² Ibid., p. 25.

³ Шервуд Р. Цит. соч., т. 2, с. 661.

ЛОНДОН И ВАШИНГТОН ГОТОВЯТСЯ К «ТЕРМИНАЛУ»

Усиленная подготовительная работа к встрече Большой тройки проводилась и в Лондоне и Вашингтоне:

Трумэн и Черчилль, министр иностранных дел Иден, его постоянный заместитель Александр Кадоган, государственный секретарь Бирнс, Грю и другие высокопоставленные чиновники правительств Англии и США, начальники штабов, генералы и адмиралы проделали поистине громадную работу по сепаратной, без участия СССР, разработке проблем и вопросов, которые предполагалось выдвинуть на конференции.

Этой подготовкой к конференции были не только визиты Дэвиса в Лондон, Гопкинса в Москву, Идена и Эттли в Вашингтон. Велась еще большая кропотливая работа во многих звеньях государственного аппарата Англии и США. Разрабатывались не только общая оценка сложившегося международного положения, но и рекомендации по проблемам: о будущем Германии, репарациям, распределении германского флота, по польскому вопросу, об отношениях с Болгарией, Венгрией, Румынией, Финляндией, Грецией, по дальневосточным проблемам и, в частности, вступлению СССР в войну с Японией и многие другие.

Главной целью поездки в Потсдам Трумэн считал: «добиться от Сталина личного подтверждения обещания о вступлении России в войну против Японии»¹.

В течение первых 30 лет после окончания второй мировой войны почти не были известны инструкции и планы английской делегации, согласованные с США вопросы повестки дня на конференции в Потсдаме. Позже они стали достоянием гласности.

Еще в конце мая — начале июня 1945 г. Форин-офис выработал предложения о повестке дня в Потсдаме, предлагая согласовать вопросы, которые были бы обсуждены на конференции глав трех великих держав.

Предлагалось обсудить политические вопросы о будущем Германии, проблемы общего урегулирования в Европе, вопросы мирных договоров с Балканскими странами, «контролируемыми Советами». Проблему советско-турецких отношений, особенно вопрос о пересмотре конвенции в Монтрё и о базах в Проливах предлагалось рассматривать в Потсдаме (если СССР поднимет его) в аспекте «противодействия Сталину». Предлагалось также обсудить вопрос о будущих границах Польши на западе, положении в Югославии.

В докладной записке, представленной 2 июля 1945 г. Черчиллю постоянным заместителем министра иностранных дел

¹ PRO, Premier, 3/430/3, p. 19.

А. Кадоганом, конкретизировались проблемы повестки дня на Берлинской конференции, а также тактика делегаций Англии и США.

«В конце мая, — сообщил Кадоган, — мы послали в Вашингтон телеграмму, содержащую перечень вопросов, которые могут быть обсуждены (в Потсдаме. — Ф. В.)... Затем мы послали пересмотренный перечень вопросов с небольшими комментариями и предложениями».

Что касается проблем тактики английской делегации на будущей конференции в Потсдаме, Форин-офис предлагал подготовить для Черчилля «лист козырных карт (List of the cards), который мы и американцы имеем в наших руках»¹.

Какие же козырные карты думали бросить на стол переговоров?

«Их немало. Наиболее важные — американские кредиты. В нашем распоряжении также германский флот, германские заводы и ресурсы на ее западе, германские архивы и, наконец, некоторые уступки, которые захочет Сталин получить от нас, например, по вопросу о Проливах или, возможно, о Танжере.

Мне кажется очень важным, чтобы мы не показали эти немногие козыри... в самом начале конференции. Даже если требования Сталина будут резонны, мы не будем удовлетворять их до тех пор, пока не добьемся взамен удовлетворения наших требований»².

В записке Черчилля, направленной Кадогану 4 июля, значилось: «Несомненно будет возможно иметь секретные контакты на разных уровнях с американцами. Конечно, подготовьте ваши предложения по каждому случаю, но пусть американцы придут к нам, а не мы к ним, если они хотят достичь предварительно соглашения»³. (Итак, игра шла не только с Москвой!)

Какие же вопросы предлагались Форин-офис для пересмотренной повестки дня конференции в Потсдаме, сообщенные английским послом в Вашингтоне Галифаксом госдепартаменту США, новому государственному секретарю Бирнсу, сменившему Стеттиниуса?

- «1. Вопросы общего урегулирования в Европе;
2. Применение Ялтинской декларации об освобожденной Европе;
3. Германия. Западная граница Польши.
 - а) ...обмен взглядами о создании центральной германской администрации...;
 - б) отношение к политическим партиям и их деятельности;
 - в) обращение с Германией как с единым экономическим целым.

¹ PRO, Premier, 45/303, p. 17—18, 19.

² Ibid., p. 19.

³ Ibid., Serial N:M. 645/5.

Балканы: а) внутреннее положение в странах бывших сателлитов (Германии. — *Ф. В.*);

б) вопрос об эвентуальных мирных договорах с этими странами;

в) положение в Югославии и выполнение соглашения Тито — Шубашич»¹.

Государственный секретарь США заявил: «Он твердо убежден в том, что предварительная дискуссия (англичан. — *Ф. В.*) с американцами была бы весьма полезной»².

Госдепартамент США передал 7 июня 1945 г. английскому посольству в Вашингтоне перечень вопросов для переговоров на встрече Большой тройки, направленных на одобрение президенту.

Какие же это были вопросы?

«1. Процедура и механизм для мирных переговоров и решение территориальных вопросов.

2. Политика в отношении Германии:

а) учреждение Контрольного совета;

б) соглашение об обращении с Германией в начальный контрольный период;

в) учреждение местной германской администрации;

г) рассмотрение Германии как единого экономического целого.

3. Выполнение Ялтинской декларации об освобожденной Европе.

4. Политика в отношении Италии.

5. Сотрудничество в решении европейских экономических проблем.

Возможно предположить, что будут дискуссии по вопросу политики, касающейся Дальнего Востока»³.

Как констатировал госдепартамент, английская повестка дня, предлагаемая для Потсдама, «почти полностью совпадала» с предложениями США.

В записке Черчиллю, направленной Кадоганом, последний поднял вопрос о «передаче русским нашего списка вопросов для обсуждения на «Терминале». «...Если Вы согласны, я пошлю телеграмму в Вашингтон, и если госдепартамент не будет возражать, мы предложим послать как можно быстрее список наших вопросов русским. Мы думаем, что подобный путь будет иметь ту выгоду, что русские будут уведомлены о них и не смогут отказаться от обсуждения любого из этих вопросов на том основании, что они не знали ранее о них»⁴. На записке — резолюция Черчилля, одобряющая это предложение.

¹ PRO, Premier, 3/430/3, p. 21—24.

² Ibid., 45/313, p. 13.

³ Ibid., 3/430/3, p. 4.

⁴ Ibid., p. 4, 12.

7 июля 1945 г. посол США в Москве А. Гарриман, а 11 июля посол Англии в Москве А. Керр в нотах народному комиссару иностранных дел сообщили эти вопросы Советскому правительству¹.

Таким образом, политики Англии и США готовились прийти в Потсдам с готовой повесткой дня и навязать советской делегации дискуссии по тем вопросам, которые эти страны считали выгодными и нужными для себя.

Более того, в радиограмме начальнику имперского генерального штаба Вильсону Черчилль предлагал собраться в Лондоне перед «Терминалом» Объединенному комитету начальников штабов Англии и США.

Затем Черчилль предлагал устроить сепаратную встречу в британской столице с президентом США Трумэн. Если он не допускал предварительной встречи Трумэна со Сталиным, он готов был пойти на секретную встречу с президентом США. Однако Трумэн ответил Черчиллю: «Мне кажется, для того чтобы избежать каких-либо подозрений о нашем сговоре (*gangingur*), для нас было бы лучше проследовать к месту встречи (в Потсдам. — *Ф. В.*) отдельно»².

Трумэн опасался, что резкое обострение отношений с СССР может помешать его участию в войне с Японией.

Что касается советской делегации, то она, в дополнение к английским и американским предложениям, предлагала включить в повестку дня Потсдама вопросы: о разделе германского флота; о репарациях с Германии; о восстановлении дипломатических отношений со странами, воевавшими на стороне Германии, но порвавшими с ней после их освобождения; о ликвидации польского эмигрантского правительства в связи с созданием польского правительства национального единства; о режиме Франко в Испании; о Танжере; о Сирии и Ливане³.

Но для американской, как и английской, делегации уже были выработаны инструкции, определены общие принципы поведения на конференции в Потсдаме. В инструкции, данной делегации США 28 июня 1945 г., была декларативно сформулирована задача достижения дальнейшего международного сотрудничества трех великих держав. «Сотрудничество трех держав, — говорилось в инструкции, — так необходимо для установления длительного мира». «Россия, — гласил документ, — со времени окончания войны остается единственной великой державой на континенте, занявшей исключительное положение в современной истории»⁴.

¹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США, Великобритании. (В дальнейшем — Берлинская конференция...). М., 1984, с. 303—304.

² PRO, Premier, 45/309/, p. 16.

³ См.: Берлинская конференция..., с. 16, 37—39.

⁴ The Conference of Berlin..., vol. 1, p. 258—264.

Далее инструкция рекомендовала всячески поддерживать английскую делегацию в Потсдаме в борьбе с мнимой «русской опасностью» — установления «господства в Восточной Европе», хотя все же в ней говорилось о необходимости достижения компромисса с СССР.

Что ж; «исключительность» положения СССР действительно была. Она обеспечивалась мощью Красной Армии, продемонстрированной в ожесточенных боях с гитлеровской Германией.

«ТЕРМИНАЛ» НАЧИНАЕТ РАБОТУ

27 мая глава Советского правительства через Гопкинса предложил британскому премьеру и президенту США, чтобы Большая тройка встретилась в окрестностях Берлина.

Через два дня Черчилль ответил согласием встретиться с ним и президентом где-либо в уцелевшей части Берлина «в самом ближайшем будущем». 30 мая был получен ответ главы Советского правительства. В нем было указано: «Президент Трумэн считает наиболее удобной датой для встречи трех 15 июля. У меня нет возражений против этой даты, если и Вы согласны с этим»¹.

Черчилль, узнав — гораздо ранее — о соображениях Трумэна, согласился с этой датой и окрестил конференцию новым кодовым названием «Терминал»². Ему не удалось убедить Трумэна иметь лишние козыри для давления на СССР в Потсдаме и задержать отвод американской армии от той линии, до которой она дошла в ходе войны, определенной как советская зона оккупации.

В такой сложной международной обстановке должна была начать работу конференция руководителей трех великих держав в предместье Берлина — Потсдаме, в бывшем дворце немецкого крон-принца Цецилиен-хоф, расположенном в живописном парке Сан-Суси. Берлин лежал в развалинах — итог ударов англо-американской авиации, ожесточенных боев советских войск в последние военные недели. Из 250 тыс. зданий около 200 тыс. было совершенно разрушено или повреждено. «Бумеранг» гитлеровской агрессии был жестоким.

Делегациям СССР, Англии и США предназначались уютные особняки, уцелевшие от войны в пригороде Потсдама Бабельсберге. Бабельсберг расположен в нескольких километрах от Берлина на пути к Потсдаму. Здесь каждой делегации был отведен свой замкнутый район, и лишь легкие шлагбаумы, охраняемые советскими, английскими и американскими солдатами, разделяли места пребывания представителей союзных стран.

¹ Переписка..., т. 1, с. 428.

² Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 522.

В двухэтажном дворце Цецилиен-хоф, похожем по архитектуре на средневековый коттедж богатого английского ленд-лорда, было капитально отремонтировано 36 комнат и конференц-зал в центральной части дворца с тремя отдельными входами, с большим, во всю стену, окном, разделенным маленькими квадратами стекол. В парке Сан-Суси было сооружено множество клумб, посажены декоративные деревья, цветы.

В начале июля президент Трумэн выехал специальным поездом из Вашингтона до Ньюпорта. Здесь он вступил на борт крейсера «Огаста» — того самого корабля, на котором Ф. Д. Рузвельт прибыл на встречу с Черчиллем в бухте Нью-Фаундленда в 1941 г.

7 июля крейсер «Огаста», рассекая волны Атлантики, взял курс на Антверпен. Вместе с Трумэном на борту корабля находились новый государственный секретарь Бирнс, адмирал Леги. 15 июля «Огаста» прибыл в Антверпен. После нескольких часов полета самолет президента приземлился на берлинском аэродроме Гатов, откуда Трумэн направился в свою резиденцию в Бабельсберг.

Черчилль накануне парламентских битв в Англии и предстоящей конференции в Берлине отдыхал во Франции на курорте Андай, близ испанской границы. Иногда он уходил в поход с мольбертом и другими принадлежностями живописца, рисуя незамысловатые пейзажи на реке Нив и в бухте де-Люз. Премьер читал лишь некоторые, наиболее важные телеграммы о предстоящей конференции, стараясь меньше думать о тайне избирательных урн в Англии.

15 июля Черчилль прибыл в Берлин.

На следующий день Черчилль и Трумэн, каждый в отдельности, совершили поездку по Берлину. Черчилль осмотрел разбитый рейхстаг. На площади перед имперской канцелярией собралась толпа. Черчилля провели в полуразрушенное здание бывшей имперской канцелярии. Он долго бродил среди руин коридоров и залов. «Отсюда Гитлер думал управлять миром, но потерпел крах», — заметил Черчилль¹. Сопровождавшие Черчилля русские офицеры провели его в бомбоубежище Гитлера, в комнату, где покончил с собой фюрер. Затем ему показали место, где был сожжен его труп².

Советская делегация прибыла в Берлин 16 июля. Специальный поезд, шедший через Польшу в Германию, оставлял позади разрушенные войной дотла некогда цветущие города и села. В поездах, шедших на Восток, возвращались с полей войны советские солдаты-победители. На вагонах были выведены мелом слова: «Мы из Берлина!», «Мы победили». Поезд подошел к только что отремонтированному перрону Силезского вокзала,

¹ *Moran, Lord. Winston Churchill. L., 1966, p. 295.*

² *Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 545—546.*

выделявшемуся среди разрушенных зданий германской столицы. На конференцию прибыли 180 корреспондентов. В их числе был будущий президент США Дж. Кеннеди.

Вечером того же дня состоялись предварительные встречи руководителей глав делегаций СССР, Англии и США.

На следующий день, во вторник 17 июля, в 17 часов, в центральном зале дворца Цецилиен-хоф за большим круглым столом, сделанным в Москве, открылась Берлинская (Потсдамская) конференция глав трех правительств — СССР, США и Англии. Если Тегеранская конференция продолжалась всего четыре дня, Крымская — восемь дней, то Берлинская длилась более двух недель — с 17 июля по 2 августа (с двухдневным перерывом 26—27 июля, связанным с парламентскими выборами в Англии). Было проведено 13 пленарных заседаний глав трех правительств, сопровождаемых министрами иностранных дел. Имели место ежедневные совещания министров иностранных дел и комиссий для предварительной подготовки вопросов¹.

В состав делегации СССР на Берлинской конференции входили И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. А. Громыко, Ф. Т. Гусев, С. И. Кавтарадзе, К. В. Новиков, С. К. Царапкин, А. А. Лаврищев, А. А. Соболев, Г. К. Жуков, А. И. Антонов, Н. Г. Кузнецов и другие².

Делегацию Англии возглавляли до 25 июля Уинстон Черчилль в сопровождении Антони Идена. После поражения консерваторов на парламентских выборах с 28 июля ее возглавил новый премьер лейбористского правительства Клемент Эттли. Его сопровождал министр иностранных дел Эрнест Бевин.

Американскую делегацию возглавил новый президент США Гарри С. Трумэн. Его сопровождал государственный секретарь Джеймс Х. Бирнс.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СРАЖЕНИЯ В ПОТСДАМЕ

На первом заседании конференции по предложению главы советской делегации, поддержанному Черчиллем, постоянным председателем был избран Г. Трумэн. Тот скромно заметил, что он не может заменить «человека, которого невозможно заменить, — бывшего президента Рузвельта»³. Действительно, замена оказалась неравноценной.

С первых же шагов работы конференции начались настоящие дипломатические сражения, продолжавшиеся две недели;

¹ См.: Берлинская конференция..., с. 37, 303, 481—482.

² См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 355.

³ Берлинская конференция..., с. 48.

обнаружились большие трудности и разногласия в подходе к решению важнейших политических проблем. Дамоклов меч атомного шантажа не мог не наложить отпечатка на работу конференции. Серьезные разногласия, а они обусловливались общей международной обстановкой, духом занимавшей «холодной войны», нежеланием политиков Англии и США идти на уступки СССР, возникли прежде всего при решении германского вопроса, определении будущего Германии, вопроса о новых германских границах на востоке, по репарационной и другим проблемам.

Прошло лишь пять с небольшим месяцев после Крымской конференции, а разногласия между союзными державами становились все более и более заметными. В Потсдаме гораздо явственнее, чем в Тегеране и Крыму, проявились тенденции США и Англии диктовать свою волю.

Советская делегация в Потсдаме встретила с тактикой шантажа, давления, обструкции вместо поисков компромисса. «Первое время, — вспоминал участник конференции Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — конференция проходила очень напряженно. Советской делегации пришлось столкнуться с единым фронтом и заранее согласованной позицией США и Англии»¹.

Дело доходило до угроз со стороны Трумэна немедленно покинуть конференцию, как когда-то на Генуэзской конференции 1922 г. Ллойд Джордж заказывал специальный поезд для отъезда, оказывая давление на советских делегатов. Правда, этот прием Трумэна не имел успеха — ему было спокойно сказано главой советской делегации, что и советской делегации хочется домой.

О БУДУЩЕМ ГЕРМАНИИ

Центральное место в работе Берлинской конференции заняла германская проблема. Ее решение являлось завершающим этапом многочисленных переговоров между правительствами СССР, Англии и США в ходе войны в Европейской консультативной комиссии. Об ожесточенности дискуссий по вопросу о будущем Германии, о репарациях, о германском флоте свидетельствует то, что соответствующие решения были приняты лишь на последних пленарных заседаниях конференции². Речь шла о том, пойдет ли развитие Германии по демократическому пути, или она снова превратится в милитаристское государство, вынашивающее идеи реванша, как это было после окончания первой мировой войны.

¹ Жуков Г. К. Цит. соч., с. 727.

² См.: Берлинская конференция..., с. 224—225, 291—300.

Делегация США, поддержанная Англией, как это было и в Крыму, вновь выступила с планом расчленения Германии на три государства: южногерманское со столицей в Вене, северо-германское со столицей в Берлине и западногерманское, включавшее Рур и Саар¹.

Эти расчлененные государства, где были бы реставрированы старые порядки, оказались бы в политической и экономической зависимости от США и Англии, стали бы рассадником реваншистских сил. По словам Моргентау, некоторые политики США считали: «Германия нужна нам как оплот против России и коммунизма»².

Советская делегация выступала против расчленения или уничтожения Германии, твердо настаивая на том, что нельзя отождествлять германский народ с гитлеровской кликой и проводить по отношению к нему политику мести, национального унижения и гнета. Напротив, необходимо обеспечить надлежащие условия для развития Германии как единого, миролюбивого, демократического государства.

Решающий вклад советского народа в победу над фашизмом, мощь Советского государства обусловили крупные успехи советской дипломатии в Потсдаме, хотя обстановка была, как мы отметили, очень сложной и трудной и сопротивление дипломатов Англии и США советским предложениям весьма сильным. Тем не менее в конечном итоге главы правительств СССР, Англии и США согласовали решения, предусматривавшие в дальнейшем осуществление жизни немецкого народа «на демократической и мирной основе».

Участники конференции заявляли о своей решимости искоренить германский милитаризм и нацизм, уничтожить германский военный потенциал, с тем чтобы «Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире»³.

В соответствии с целями оккупации должно быть осуществлено полное разоружение и демилитаризация Германии, ликвидирована вся германская военная промышленность, полностью и окончательно упразднены все сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, уничтожен генеральный штаб и другие военные или полувоздушные организации, с тем чтобы навсегда предупредить возрождение германского милитаризма и нацизма. Потсдамские соглашения предусматривали уничтожение фашистской партии, роспуск всех нацистских организаций: СС, СА, СД, гестапо⁴.

Главы правительств трех держав решили также ликвидировать германские монополии, картели, синдикаты, тресты,

¹ *Leahy W.* Op. cit., p. 389—390, 399, 401, 405, 424.

² *Morgentau H.* Op. cit., p. 89.

³ Берлинская конференция..., с. 484.

⁴ См. там же, с. 485.

являвшиеся носителями милитаризма и реваншизма¹. Именно пушечные короли крупны, тиссенy, стиннесы и другие монополисты Германии вдохновляли Гитлера на разбойничьи походы, финансировали фашизм.

В итоге обсуждения германского вопроса союзники согласовали принципы, предусматривавшие развитие Германии как единого, демократического и миролюбивого государства.

Острые дискуссии развернулись в Потсдаме по вопросу о репарациях с Германии. Было справедливо и законно, чтобы Германия возместила хотя бы малую часть ущерба, нанесенного СССР и другим странам. Только сумма ущерба Советской стране от прямого уничтожения имущества на ее территории исчислялась в 679 млрд рублей², а общие потери составляли гигантскую цифру в 4 трлн долларов. СССР требовал уплаты минимальной суммы — 20 млрд долларов. Однако из-за неуступчивой позиции, в первую очередь английской делегации и нового министра иностранных дел лейбористского правительства Эрнеста Бевина, поддержанного делегацией США, сумма репараций так и не была определена в Потсдаме³. Не было принято и советское предложение об установлении совместного четырехстороннего контроля над кузницей оружия — Руром. В будущем Англия и США надеялись использовать Рур как арсенал союзников и Германии.

Однако, несмотря на разногласия, в Потсдаме были приняты важнейшие решения, предусматривавшие широкую программу демократизации, демилитаризации, денацификации и декартелизации Германии, создававшие предпосылки для ее мирного и демократического развития в будущем.

СПОРЫ О СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Острая борьба в Потсдаме развернулась по польскому вопросу, обсуждавшемуся на нескольких заседаниях. При этом политики Англии и США — Трумэн и Бирнс, Черчилль и Иден, Эттли и Бевин наглядно продемонстрировали свое открыто враждебное отношение к народно-демократической власти в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Английская и американская делегации на конференции фактически пытались ревизовать ялтинские решения о границах Польши на севере и западе. В частности, Черчилль и Трумэн выступили вопреки решениям, принятым в Крыму, против «существенного приращения территории» Польши

¹ См.: Берлинская конференция..., с. 487.

² См.: Правда, 1957, 15 сентября.

³ См.: Берлинская конференция..., с. 233.

на севере и западе, против границы, идущей по реке Западная Нейсе с включением Свинемюнде и Штеттина (Шецина)¹.

Черчилль отступил от решений, которые были приняты английским правительством по вопросу о Польше еще в 1944 г. Об этих решениях свидетельствует письмо тогдашнего постоянного заместителя министра иностранных дел Англии А. Кадогана, направленное 2 ноября 1944 г. министру иностранных дел польского эмигрантского правительства в Лондоне Ромеру. Письмо излагало часть дипломатических переговоров СССР, Польши и Англии. Черчилль поручил Кадогану сообщить Ромеру — и это подтвердил Бевин в 1947 году, — что в вопросе о польской западной границе правительство Англии придерживалось такого мнения: Польша должна иметь право «передвинуть польскую границу по линии Одера, включая штеттинский порт»². Правительство Англии совместно с правительством СССР готово было «гарантировать независимость и неприкосновенность новой Польши»³. Англия была готова тогда сделать это даже и в том случае, если бы правительство США не поддержало требования Польши о новой границе и независимости страны.

Однако в Потсдаме Трумэн и Черчилль настаивали, чтобы вопрос о западной границе Польши был отложен до мирной конференции. Более того, делегация США не обещала «поддерживать на Германской мирной конференции какую-либо определенную линию в виде западной границы Польши»⁴.

В Потсдам по настоянию советской делегации были приглашены представители польского Временного правительства национального единства во главе с президентом Болеславом Берутом. Они дали глубокое историческое, социальное и экономическое обоснование законных прав польского народа на западные земли, в разное время захваченные немецкими завоевателями и превращенные ими в базу германского империализма.

Черчилль, встретившийся утром 25 июля с Болеславом Берутом в своей резиденции на Рингштрассе, с беспокойством спрашивал его: «Не собирается ли Польша перейти к коммунизму?» Берут ответил: Польша хочет поддерживать дружеские отношения с Советским Союзом и учиться у него⁵. В беседе с Черчиллем Берут резонно заявил: Великобритания, которая в свое время вступила в войну ради Польши, совершила бы грубейшую ошибку, если бы она теперь не проявила понимания ее требований. Однако Черчилль считал законные требования поляков «чрезмерными». Разумеется, он не считал бы их

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 568, 572.

² Poland, Germany and European Peace. L., 1948, p. 105.

³ Hoffman F. Die Oder-Neisse Line. F/M., 1949, S. 39.

⁴ The Conference of Berlin..., vol. 1, p. 355—357.

⁵ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 575.

такowymi, если бы был уверен, что развитие Польши пойдет не по демократическому пути, а по пути реставрации буржуазно-помещичьего строя в стране.

Черчилль и Трумэн открыто шантажировали советскую делегацию по польскому вопросу. Если не будет принято решение по Польше в духе, угодном Англии и США, Черчилль угрожал не допустить принятия решений о репарациях, по вопросу о зонах оккупации Германии¹. Эти планы Черчиллю и Трумэну осуществить не удалось. Последовательная борьба СССР за интересы демократической Польши привела к тому, что западные державы обязались на конференции объявить о признании польского Временного правительства национального единства, созданного в соответствии с решениями Крымской конференции 28 июня 1945 г. Советский Союз также добился в Потсдаме справедливого решения по вопросу о западных границах Польши: западная граница Польши должна проходить «от Балтийского моря чуть западнее Свиномюнде и оттуда по реке Одер до впадения реки Западная Нейсе и по Западной Нейсе до чехословацкой границы»².

В состав Польши также включались часть Восточной Пруссии и город Данциг (Гданьск). Перемещение немецкого населения с отходящих Польше территорий Германии предопределяло окончательное решение вопроса о западной границе Польши еще до мирной конференции, которая лишь формально закрепила существующее положение³. (Позднее решения о границе были закреплены в договоре между Польской Народной Республикой и ГДР от 6 июля 1950 г. и от 21 декабря 1972 г. между ГДР и ФРГ.)

Демократическая Польша одержала победу. Временное правительство национального единства получило международное признание. Лондонское эмигрантское правительство Арцишевского прекратило свои функции. Польша добилась справедливых границ. Многолетняя дискуссия по вопросу о Польше между СССР, Англией и США привела к торжеству демократии в этой стране.

Конференция согласилась с предложением Советского правительства о передаче СССР города Кенигсберга (ныне Калининград) и прилегающих к нему районов Восточной Пруссии — этого центра и опорной базы прусской военщины. Тем самым был ликвидирован опасный очаг агрессии.

Потерпели неудачу и попытки, предпринятые в Потсдаме английской и американской сторонами, вмешаться во внутренние дела других стран Восточной Европы, в частности Болгарии и Румынии, помешать их демократическому развитию.

¹ См.: Берлинская конференция..., с. 193, 247.

² Там же, с. 494.

³ См.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 8, с. 481.

Политики Англии и США выступали с фальшивым лозунгом защиты демократических свобод в этих странах, но на деле их заботили лишь собственные империалистические интересы.

Черчилль и Трумэн внесли предложения о реорганизации правительств, созданных в Болгарии в сентябре 1944 г. и в Румынии в марте 1945 г. Они предлагали реорганизацию на мнимо демократической основе, иными словами, на основе реставрации буржуазных порядков. Англия и США объявили, что они не установят дипломатических отношений с правительствами этих стран и не будут заключать с ними мирные договоры¹, пока они не будут «реорганизованы», так, как это угодно Западу.

Однако попытки не допустить укрепления народно-демократического строя в Польше, Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Албании успеха не имели. СССР отверг необоснованные домогательства США и Англии, помог народам Восточной Европы отстоять свое право на демократический путь развития.

Покушаясь на суверенитет и независимость Болгарии, Румынии, Венгрии, Черчилль и Трумэн вместе с тем настойчиво отстаивали интересы Италии, сражавшейся до 1943 г. на стороне фашистской Германии. Итальянские войска заливали кровью русские земли на юге страны, дошли до Волги, воевали против Англии и США в Африке. Несмотря на все это, политики Англии и США склонны были амнистировать военные преступления итальянского фашизма.

Англия и США признали итальянское правительство, установленное в стране после свержения режима Муссолини. В Потсдаме они выдвигали предложение о вступлении Италии в Организацию Объединенных Наций, а также о том, чтобы она не платила репарации союзникам. Тем самым Италия получала своеобразную «премию за войну»².

Когда советской делегацией на конференции был поставлен вопрос о разрыве отношений с профашистским правительством Франко, помогавшим в войне Гитлеру и Муссолини, пославшим на советско-германский фронт «голубую дивизию», Черчилль выступил ярым защитником франкистского режима. Британский премьер считал вполне возможным вмешиваться во внутренние дела Польши, Болгарии, Югославии, но осуждение франкистской Испании, ее реакционного режима он считал недопустимым³.

Профашистский режим Франко запятнал себя многими преступлениями. Около 2 млн испанцев по вине фашистского диктатора погибли в гражданской войне, сотни тысяч патриотов в стране были казнены, брошены в тюрьмы. Франко укрывал

¹ См.: Берлинская конференция..., с. 180, 185.

² См. там же, с. 224, 226, 228.

³ См. там же, с. 81.

в стране недобитых немецких и итальянских нацистов. Тем не менее Черчилль не допустил осуждения преступного режима Франко, принятия какой-либо декларации по этому вопросу.

ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНФЕРЕНЦИИ

В развитие постановлений, принятых в Крыму, конференция решила создать Совет министров иностранных дел в составе СССР, США, Англии, Китая и Франции. На Совет была возложена подготовительная работа по составлению проектов мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии и выработка предложений по урегулированию территориальных вопросов. Совет также должен был подготовить мирное урегулирование для Германии.

Конференция создавала условия для установления длительного мира в Европе после победоносного завершения войны. В Потсдаме было принято решение распустить Европейскую консультативную комиссию, успешно справившуюся со своими задачами. Дальнейшая работа по координации политики союзников в отношении контроля над Германией и Австрией возлагалась на Контрольный Совет в Берлине и Союзническую Комиссию в Вене¹.

Было установлено четырехстороннее управление Берлином Межсоюзнической комендатурой. Берлин был намечен для местопребывания верховного органа власти союзников в Германии — Контрольного Совета, который должен был осуществлять согласованную политику в период оккупации страны.

На одном из первых пленарных заседаний конференции между главой советской делегации и Черчиллем возник резкий спор по вопросу о трофейном немецком флоте. Черчилль весьма болезненно воспринял даже сам факт постановки этой проблемы, не допуская и мысли о разделе флота между союзниками на том основании, что Англия понесла самые большие потери флота от немецких подводных лодок. Премьер, разумеется, учитывал, что значительная часть немецкого флота оказалась в портах Англии или в занятых ею базах Германии, Франции, Норвегии, Дании.

Но Черчиллю пришлось уступить и в этом вопросе. Было принято решение разделить поровну между СССР, Англией и США весь германский надводный военно-морской флот, включая суда, находящиеся в постройке и ремонте². Большая часть германского подводного флота должна быть потоплена.

СССР получил в итоге раздела немецкого флота 155 боевых кораблей, в числе их крейсер «Нюрнберг», четыре эсминца, шесть миноносцев, несколько подводных лодок³.

¹ См.: Берлинская конференция..., с. 482.

² См. там же, с. 468—469.

³ См.: 9 мая 1945 года, с. 238.

Три правительства, в развитие Московской декларации 1943 г., подтвердили свое намерение предать главных военных преступников «скорому и справедливому суду»¹.

Советская делегация предложила назвать в числе главных военных преступников Геринга, Гесса, Риббентропа, Розенберга, Кейтеля и других, но Эттли и Бирнс считали «нецелесообразным называть определенных лиц»² или определять их виновность. Было решено опубликовать через месяц первый список немецких военных преступников.

Если зачинщики первой мировой войны главные немецкие военные преступники кайзер Вильгельм II, Гинденбург, Людендорф, пушечные короли круппы, тиссены и другие избежали справедливого возмездия, то конференция в Потсдаме создала прецедент об ответственности за военные преступления. Важность этого поистине трудно переоценить.

Как уже отмечалось, Черчилль утверждал в Потсдаме, что правительства Англии и США с изобретением атомной бомбы не нуждались в помощи СССР для достижения победы над Японией. В действительности это было не так. Военные профессионалы по-прежнему считали: Японию можно поставить на колени, только разгромив ее вооруженные силы, а без помощи СССР это сделать невозможно. Поэтому Объединенный комитет начальников штабов в докладе Трумэну и Черчиллю указывал: «Вступление России в войну против Японии должно быть поощрено»³.

Трумэн пишет в своих мемуарах, что одной из наиболее важных причин его поездки в Потсдам было получение подтверждения решения Советского правительства, принятого на Крымской конференции, о вступлении СССР в войну с Японией. Трумэн получил это подтверждение в первый же день работы конференции⁴.

Крайняя заинтересованность США в помощи со стороны СССР в войне против милитаристской Японии, несомненно, способствовала более успешному решению сложных проблем в Потсдаме, сдерживала пыл сторонников «холодной войны».

НЕУДАВШИЙСЯ АТОМНЫЙ ШАНТАЖ

Когда конференция подходила к концу, президент США, по видимому, решил ошеломить главу Советского правительства необычным сообщением. 24 июля после окончания пленарного заседания конференции, когда делегаты поднялись из-за стола

¹ Берлинская конференция..., с. 471.

² Там же, с. 264—266.

³ *Truman H. Memoirs.* N. Y. 1955, vol. 1, p. 411.

⁴ *Truman H. Op. cit.,* vol. 1, p. 382.

и стали расходиться, Трумэн с важным видом подошел к Сталину вместе со своим переводчиком и сообщил ему о наличии у США страшного, «исключительной разрушительной силы» оружия, не назвав его атомной бомбой.

Черчилль заранее знал, о чем Трумэн будет беседовать со Сталиным, и впился глазами в лицо главы советской делегации, ожидая, какая будет реакция. Однако Сталин внешне воспринял слова Трумэна как самое обычное сообщение. Беседа на этом закончилась.

Черчилль, ожидавший президента близ своей машины, пошел к нему и спросил:

— Ну как, сошло?

— Он не задал мне, — ответил Трумэн, — ни одного вопроса.

Черчилль сделал неверный вывод — якобы глава Советского правительства «не имел ни малейшего представления о той революции в международных делах, которая совершилась»¹.

По свидетельству маршала Аллана Брука, Черчилль «уже видел себя способным уничтожить все центры русской промышленности и население. Он немедленно нарисовал чудесную картину, на которой он фигурировал... обладателем этих бомб, способным сбрасывать их там, где он пожелает»².

В свою очередь глава лейбористского правительства Эттли вскоре после Потсдама сообщал в письме фельдмаршалу Смэтсу (ЮАР): «Создание атомной бомбы означает, что мы должны рассматривать под новым углом большинство проблем внешней политики и обороны и многие принципы, до сих пор принятые за аксиому, должны быть пересмотрены или отброшены»³.

Руководители Форин-офис разрабатывали проблемы «влияния атомной бомбы на международные отношения и деятельность ООН». Симптомы «атомной дипломатии» США и Англии стали все явственнее ощущаться в мировой политике.

Что касается главы Советского правительства, то он прекрасно понял смысл заявления Трумэна и сделал соответствующие выводы.

Вернувшись с заседания, Сталин в присутствии Жукова рассказал Молотову о состоявшемся разговоре с Трумэном, заметив: «Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы»⁴.

Попытка атомного шантажа потерпела неудачу.

Вскоре усилиями советских ученых во главе с И. Н. Курчатовым, инженеров, рабочих монополия США на атомное оружие закончилась. В июле 1949 г. в СССР было произведено испытание атомной бомбы. Но это было орудие защиты, а не агрессии.

¹ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 579—580.

² Bryant A. Triumph in the West. 1943—1946. L., 1959, p. 478.

³ PRO, Premier, 3/430/13, p. 7.

⁴ Жуков Г. К. Цит. соч., с. 685.

Рассмотрев ряд других важных вопросов, поздно вечером 2 августа 1945 г. Берлинская конференция закончила работу. Закрывая конференцию, председатель ее выразил пожелание о следующей встрече глав правительств в скором времени¹. Однако новых встреч руководителей трех союзных держав — СССР, Англии и США — в первые послевоенные годы не произошло, английские и американские политики взяли курс на отход от сотрудничества с Советской страной.

Решения, принятые в Потсдаме, явились важным этапом в истории международных отношений. Несмотря на серьезные разногласия по ряду проблем, конференция показала возможность позитивного решения сложнейших международных проблем.

Успех конференции означал крупную победу советской дипломатии, боровшейся за осуществление демократических принципов послевоенного устройства мира. Значение Потсдама состоит прежде всего в создании необходимых условий, не допускающих повторения германской агрессии. Поэтому решения конференции приветствовали простые люди Лондона и Вашингтона, Парижа и Брюсселя, Москвы и Ленинграда — все люди доброй воли, внесшие свой вклад в борьбу с фашизмом.

СМЭТС ПУГАЕТ «РУССКОЙ УГРОЗОЙ»

Иную оценку решений Берлинской конференции дал тогдашний премьер Южно-Африканского Союза фельдмаршал Смэтс, крайний реакционер в политике.

В ответ на послание Эттли Смэтсу от 1 августа 1945 г., в котором лейбористский премьер спрашивал его мнение о решениях, только что принятых в Потсдаме, последний нарисовал мрачную картину грядущей ситуации в Европе и как она будет развиваться после войны.

Что особенно волновало Смэтса — это возрастание силы и мощи СССР, его международного влияния. «Россия займет столь прочные позиции в мире, — пророчествовал Смэтс, — что это будет означать еще большую опасность для континента и всего мира. ...Я не являюсь русофобом, но твердо уверен и сильно опасаясь того, что несбалансированная, хаотичная, пониженная войной Европа в будущем встретится с еще большей опасностью для наших лучших надежд»².

Смэтс пугал мир «грядущей русской угрозой», «угрозой коммунизма», новыми «испытаниями, которые выпадут на долю Европы в предстоящую зиму и подорвут доверие к нашему руководству и политике союзников». Рисуя мрачные картины будущего мира, определяемого Потсдамом, Смэтс видел един-

¹ См.: Берлинская конференция..., с. 299.

² PRO, Premier, 3/430/13, p. 38.

ственное светлое пятно в том, что «Великобритания будет новым образцом мировой силы» и перспективы, «которые мы будем иметь в будущем для США и Британского содружества наций в целом, будут означать их превращение в ведущий головной отряд продвижения человечества к счастливому, свободному будущему для всего мира»¹.

По поручению Эттли Форин-офис долго и тщательно готовил ответ Смэтсу. Первый вариант проекта ответа был забракован Эттли, поскольку в нем не было четкого ответа на главный тезис Смэтса о «русской угрозе»². Лишь 31 августа ответ Эттли был направлен Смэтсу. Приветствуя выражение точки зрения фельдмаршала по Потсдаму, Эттли в то же время отмечал: «Я не согласен с Вашим диагнозом о создании угрожающего положения в Европе, в особенности в восточных странах. Рост англо-русских противоречий на континенте и создание сфер влияния было бы несчастьем для Европы... Я думаю, что мы должны сделать все, чтобы избежать лечения болезни путем возрождения Германии (нацистской.— *Ф. В.*) или создавая блоки, направленные против России».

Попытки использовать Германию для борьбы с СССР или возродить ее, справедливо предупреждал Эттли, «были бы очевидной угрозой для России», «усилили бы позиции Советского правительства в Восточной Европе».

Эттли делал вывод: «Мы верим, что единственный путь к безопасности лежит в поддержании доверия и взаимопонимания между великими державами... через ООН, на успехах которой базируются наши надежды на будущее». И хотя политика СССР отличается от нашей, «поддержание единства союзников имеет первостепенное значение»³.

Однако единство трех великих держав, о котором так хорошо сказано в письме, было нарушено именно действиями политиков США и Англии, и в их числе лейбористским правительством Эттли — Бевина.

ВОТУМ НЕДОВЕРИЯ ЧЕРЧИЛЛЮ

Еще до окончания Берлинской конференции, днем 25 июля, Черчилль вместе с дочерью Мэри вылетел в Лондон. На следующий день должны стать известны результаты парламентских выборов в Англии. Черчилль был уверен, что он, так много сделавший для спасения гибнущей Британской империи, победит с блеском и вернется триумфатором в Потсдам «к вечернему заседанию 27 июля». Однако английский народ выразил вотум

¹ PRO, Premier, 3/430/13, p. 38.

² Ibid., p. 9, 30.

³ Ibid., p. 4—5, 6.

недоверия Черчиллю, взявшему в политике резкий курс вправо. Английский избиратель проявил, по словам американского сенатора Ванденберга, «трагическую неблагодарность». Однако истина состоит в том, что английский избиратель был гораздо дальновиднее Черчилля и американского сенатора. Черчиллю пришлось сменить Чекерс на Чартуэлл¹.

Курс Черчилля на резкое обострение отношений с СССР, угрозы Советской стране «третьей мировой войной», открыто антисоветская речь, произнесенная им 4 июня 1945 г., реставрация реакционных режимов в Греции и других странах — все это оттолкнуло рядовых английских избирателей от партии консерваторов, и они проголосовали за лейбористов. «Было всеобщее убеждение в том, — писал леволейбористский журнал «Трибюн», — что Черчилль не является тем человеком, который установит отношения постоянной дружбы с Советским Союзом. Народ же Британии верит, что дружба с Советским Союзом является краеугольным камнем международного мира»².

«Английский народ, голосуя за лейбористов, — сообщал в НКИД наш поверенный в делах в Лондоне, — голосовал против войны с СССР, за англо-советское сотрудничество»³.

В предвыборной программе лейбористов «Лицом к будущему» говорилось: «В мирное время мы должны укреплять великий союз между Британским содружеством наций, США и СССР, созданный во время войны»⁴.

К. Эттли, Э. Бевин, Г. Моррисон клялись хранить дружбу между СССР и Англией, выкованную в войне, и укреплять ее в дни мира. Все это обеспечило победу лейбористской партии на выборах. Английские избиратели голосовали не просто за лейбористов. Они голосовали за тесные, дружественные отношения между Англией и СССР. Однако английские трудящиеся были обмануты в своих надеждах. Лейбористское правительство Эттли и Бевина стало проводить практически ту же внешнюю и внутреннюю политику, что и правительство Черчилля в конце второй мировой войны.

ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПОТСДАМА В ЖИЗНЬ

Берлинская (Потсдамская) конференция и ее решения имели большое международное значение. Прошло более 40 лет со времени принятия ее исторических решений, но они не утратили

¹ Чекерс — загородная правительственная резиденция премьера, Чартуэлл — личное имение Черчилля.

² Tribune, 1945, 3 July.

³ Англо-советские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1983, т. 2, с. 416.

⁴ Let us Face the Future. L., 1945.

своей актуальности, значимости и юридической силы и в наши дни. И поныне благотворное влияние на развитие международных отношений решений, принятых в Ялте и Потсдаме, прослеживается в целом ряде договоров, соглашений и других международных документов.

Заключенные в 1970—1972 гг. Советским Союзом, Польшей, ГДР и Чехословакией договоры с ФРГ основываются на признании политических и территориальных реальностей, сложившихся после второй мировой войны, и закрепляют нерушимость существующих европейских границ, включая границу между ГДР и ФРГ и западную границу Польской Народной Республики. Нерушимость границ всех государств в Европе признали 33 европейских государства, а также США и Канада — участники Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в 1975 г. в столице Финляндии.

Исторический опыт учит тому, как надо — на реалистической основе — строить отношения государств двух общественных систем. «Именно с Московской конференции, Ялты и Потсдама начал прокладываться путь к Хельсинки»¹.

В немалой степени детищем этих решений явилась Организация Объединенных Наций, ныне играющая весьма важную роль в поддержании всеобщего мира, решения проблем мирового сообщества. Несмотря на серьезные разногласия между союзниками по ряду вопросов, конференция показала возможность их позитивного решения путем переговоров на основе принципа мирного сосуществования.

Сокрушительное поражение во второй мировой войне понес немецкий фашизм и его вдохновители и пособники, германские монополисты — крупны и тиссены, шредеры и флики, крупные помещики, милитаристы Пруссии и Бранденбурга, шовинисты, которым в Потсдаме, в соответствии с принципами международного права, был вынесен поистине уничтожающий, но справедливый приговор.

Потерпели крах не только фашистские политики, но и те, кто сочувствовал им, антисоветчики, мечтавшие о восстановлении Германии как форпоста антикоммунизма.

Победа народов антифашистской коалиции над нацистской Германией была одновременно победой социализма над фашизмом.

Победа над фашизмом означала и победу немецкого рабочего класса. Десятки тысяч лучших сынов немецких рабочих боролись за немеркнущие идеи социализма, идеи Маркса, Энгельса, Ленина, за свержение фашистской диктатуры, за миролюбивую, демократическую Германию, друга СССР, на фронте и в тылу, в интербригадах, в фашистских застенках, в подполье и эмиграции. Они боролись за новую Германию. Тысячи членов КПГ,

¹ Ялтинская конференция 1945. Уроки истории. М., 1985, с. 16.

выдающийся сын немецкого народа Э. Тельман погибли в нацистских тюрьмах и концлагерях. Герои организации антифашистского Сопротивления, такие, как Шульце-Бойзен и Арвид Харнак, отражали борьбу немецких патриотов — коммунистов и социал-демократов, мужчин и женщин, рабочих и ученых, артистов и художников, жертвовавших жизнью во имя победы над фашизмом.

В результате объединения Коммунистической партии Германии и социал-демократической партии на востоке страны в апреле 1946 г. была создана Социалистическая единая партия Германии — мощная политическая сила, способствовавшая коренному изменению соотношения сил в стране в пользу демократии и социализма. СЕПГ признавала историческую необходимость поворота в жизни немецкого народа, первоначально на антифашистско-демократической, а затем на социалистической основе. Это привело к созданию 7 октября 1949 г. Германской Демократической Республики — первого в истории государства рабочих и крестьян. Это означало не только «крутой поворот в исторических судьбах немецкого народа, оно изменило всю политическую обстановку в центре Европы»¹.

Провозглашение ГДР, ее конституция, принятая в 1949 г., закрепляли суверенитет народа, итоги антифашистско-демократических преобразований. В лице ГДР на немецкой земле возникло миролюбивое государство, не угрожающее своим соседям — СССР, Польше, Чехословакии, без тенденций пресловутого «Drang nach Osten» — экспансии на Восток, искоренившее навсегда дух милитаризма, антисоветизма и реваншизма.

ГДР преобразовала общество на новой основе, претворила в жизнь миролюбивые, демократические решения Крымской и Берлинской конференций. Реакционные внешние силы грозились стереть ГДР с лица Европы, обрушив на нее блокаду, шантаж, провокации, клевету. Но все их усилия были тщетны. Осуществляя дух и букву Потсдама, ГДР перешла к планомерному строительству общества без милитаристов, помещиков и монополистов, общества социальной справедливости.

Правительство ГДР провело аграрную реформу, ликвидировало крупное землевладение — традиционный оплот германского милитаризма. Было конфисковано у 4000 военных преступников и 7000 помещиков более 3,3 млн гектаров земли, из них свыше 2 млн гектаров было распределено среди 559 тыс. нуждающихся².

Самая большая и важная задача в перестройке общественных отношений заключалась в конфискации собственности военных

¹ Правда, 1974, 8 октября.

² См.: Германская Демократическая Республика. М., 1974, с. 63.

преступников — монополий, трестов, концернов, банков, приведших Гитлера к власти, вооруживших его и являвшихся подлинными вершителями внешней и внутренней политики нацистской Германии. Всего было конфисковано 9281 производственное предприятие.

В соответствии с потсдамскими решениями в ГДР были ликвидированы все концерны, тресты, синдикаты. Все это создало базу общенародного сектора, ставшего материальной основой демократического, антифашистского строя. Тем самым была ликвидирована почва войны и агрессии, а трудящиеся ГДР приобрели прочные экономические позиции.

В ГДР была осуществлена антифашистско-демократическая реформа школы и высших учебных заведений, превратившихся в оплот социалистического строительства, духовного и культурного обновления немецкого народа. ГДР превратилась в форпост мира на немецкой земле, стала составной частью мировой системы социализма, участницей Совета Экономической Взаимопомощи, членом Варшавского Договора.

ГДР занимает достойное место в ООН, вносит весомый вклад в укрепление мира.

Отношения ГДР с Советским Союзом зиждутся на принципах социалистического интернационализма, тесной дружбы, сотрудничества и доверия; эти отношения воплощены в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанном 7 октября 1975 г. в Москве. Эрих Хонеккер подчеркивал, что основой внешней политики ГДР было и остается «непрестанное укрепление братского союза с СССР и другими государствами социалистического содружества».

Генеральный секретарь ЦК СЕПГ справедливо отмечал: «В сознании граждан нашей республики, и прежде всего молодого поколения, глубоко укоренилось понимание того факта, что именно Советский Союз своей всемирно-исторической победой над гитлеровским фашизмом открыл нам путь в счастливое будущее. Мы навсегда сохраним в сердцах память о 20 миллионах советских людей, которые отдали за это свои жизни, будем верны заветам героев Великой Отечественной войны. Своей кровью, как печатью, они скрепили братский нерушимый союз наших партий, народов и государств, на основе которого успешно и уверенно развивается ГДР»¹. ГДР вместе с СССР и другими социалистическими странами направляет свои усилия на то, «чтобы избавить не только нынешнее, но и грядущие поколения от ужасов новой войны».

Другая картина после Ялты и Потсдама сложилась в Западной Германии.

Развитие Федеративной Республики Германии пошло по иному пути. Западногерманские реакционные круги и запад-

¹ Правда, 1984, 7 октября.

ные державы взяли курс на восстановление в ФРГ власти монополистического капитала и подавление демократических сил. Западной Германии была отведена роль главного очага напряженности в Европе.

С первых же дней прихода к власти лейбористов правительство Эттли, поддерживаемое тори, так же как и администрация Трумэна, встало на путь ревизии ялтинских и потсдамских решений о демилитаризации, денацификации, демократизации, декартелизации Германии и других важнейших согласованных решений, принятых руководителями СССР, Англии и США.

Политики США и Англии, отойдя от военного сотрудничества с СССР, начав «холодную войну», повели дело к расколу Германии, созданию ФРГ, превратив ее в государство, где господствует крупный капитал, государство, зараженное духом милитаризма и реваншизма, включив Западную Германию в НАТО. В ФРГ создана армия — бундесвер, в казармах которого существуют «уголки традиций», где выставлены знамена и фотографии гитлеровских частей. Выпускаются тысячи книг, фотографий, пластинок, кассет, реабилитирующих и прославляющих гитлеровский третий рейх. Если Гитлер на воссоздание вермахта затратил 90 млрд марок, то западногерманские политики потратили на вооружение бундесвера сотни миллиардов марок. Бундесвер вооружили американским ракетным и ядерным оружием.

Правые силы в ФРГ при поддержке США пытаются сохранить открытым давно закрытый историей «германский вопрос», выдвигая необоснованные территориальные претензии к ГДР и Польше. Но ведь именно идеей реванша Версаля Гитлер одурманил массы немецкого народа и толкнул их в пропасть гибельной, самоубийственной войны.

Ныне в Западной Германии насчитывается около 100 неонацистских и реваншистских группировок. Они вновь заявляют о себе провокациями и диверсиями, террористическими акциями, призывами к «поглощению» ГДР, сея реваншистскую траву, вербуя в свои ряды молодых.

ПОПЫТКИ РЕВИЗИИ РЕШЕНИЯ ЯЛТЫ И ПОТСДАМА

Ныне общепризнано: Крымская (Ялтинская) конференция СССР, США и Великобритании наряду с последовавшей за нею в 1945 г. Берлинской (Потсдамской) конференцией — крупнейшие международные события завершающего этапа второй мировой войны.

Крымская конференция явилась кульминацией политического, экономического и военного сотрудничества этих госу-

дарств, принадлежащих к различным государственным системам, в борьбе за разгром германского и итальянского фашизма и их пособников в Европе и на Дальнем Востоке. В Потсдаме были приняты важнейшие решения, в значительной степени определившие лицо послевоенного мира, заложившие основы справедливого послевоенного мирного урегулирования.

Документы, принятые в Ялте и Потсдаме: решения, касающиеся общей политики в отношении фашистской Германии, ее демилитаризации, денацификации, демократизации и декартелизации, Декларация об освобожденной Европе, декларация «Единство в организации мира, как и в ведении войны», соглашения о Польше и Югославии, решение об учреждении Организации Объединенных Наций, соглашение об условиях вступления СССР в войну против Японии и другие,— все они отразили коренное изменение соотношения сил на мировой арене, в международных отношениях. Решения Ялты и Потсдама определили политический облик мира на многие десятилетия.

Опыт переговоров периода второй мировой войны, совместно принятых решений в Ялте и Потсдаме, свидетельствует и о том, что великие державы, несмотря на различный социальный строй, имеющие разногласия, могут успешно сотрудничать между собой, принимать согласованные решения в интересах мирного будущего всего человечества.

Ялта и Потсдам не были, как утверждают иные политики Запада, сговором великих держав, «разделом сфер влияния между великими державами за счет малых стран и народов». Наоборот, решения Ялты и Потсдама отражали жизненные интересы всех больших и малых народов мира.

Утверждения, встречающиеся в иностранной печати, о том, что «в Ялте началась борьба между сверхдержавами за сферы влияния в мире и что сейчас эта борьба продолжается и приобретает все более ожесточенный характер, что находит свое отражение в малых войнах и региональных конфликтах», не соответствуют истине.

СССР никогда не боролся за «сферы влияния» в мире, никогда не покушался на национальную независимость и суверенитет малых или больших стран, придерживаясь важнейших ленинских принципов — права наций на самоопределение и мирного сосуществования. Именно за эти принципы СССР боролся в Ялте и Потсдаме и в Организации Объединенных Наций, в Хельсинки и на других международных форумах.

После окончания второй мировой войны на Западе было немало здравых, объективных суждений о решениях, принятых в Ялте и Потсдаме. Президент США оценивал Ялту как «великое достижение», как «поворотный пункт в истории Америки». У. Черчилль, оценивая итоги Ялты, признавал: «Ни одна из предыдущих встреч не показала с такой ясностью тех результатов, которые могут быть достигнуты».

Но уже в сентябре 1947 г. Дж. Фостер Даллес, тогдашний государственный секретарь США, заявил вопреки истине, что решения Тегерана, Ялты и Потсдама были выгодны только СССР и поэтому «не будет отступления к Тегерану, Ялте»¹.

В дальнейшем политики Вашингтона и Лондона и других стран, в первую очередь бывший президент США Г. Трумэн и бывший британский премьер У. Черчилль, их политические единомышленники, генералы и историки Алан Брук, Лиддел Гарт, В. Лангер, С. Глисон, Г. Файс, немецкие генералы К. Типпельскирх, Г. Гудериан, А. Кессельринг и многие другие не раз пытались извратить события второй мировой войны, преуменьшить роль СССР в победе над фашистской Германией, в определении основ послевоенного мира, принципов международной политики.

Безосновательно обвиняя СССР в нарушении решений, принятых в Ялте и Потсдаме, они на деле сами настойчиво стремятся ревизовать эти решения, оправдать отход от сотрудничества с СССР.

Особенно активны в этом отношении американские исследователи Х. Болдуин, А. Теохарис, Ф. Виттмар, Дж. Крукер и другие, которые твердят о «предательстве» западных держав, якобы совершенном Рузвельтом «в ущерб» национальным интересам США и других народов. Ф. Виттмар объявил Рузвельта... «пособником коммунизма»². Дж. Крукер обвинял бывшего президента в том, что он «подчинил внешнюю политику США интересам СССР»³. Версия о «разделе сфер влияния» великими державами в Ялте и Потсдаме развивается Дж. Уайнтом в Англии, М. Фроиндом в ФРГ, Ж. Шабан-Дельмасом во Франции и многими другими авторами. Французский историк Ф. Робриё пустил в ход совершенно фантастическую версию о секретном соглашении, касающемся «сфер влияния» в Европе, якобы заключенном в 1945 г. между Англией и СССР⁴.

Атакуя решения Ялты и Потсдама, многие западные политологи заявляют, что они «утратили свое значение», явились «роковой ошибкой» Запада. Наиболее ретивые из них не раз призывали даже «переиграть» историю, «пересмотреть» итоги второй мировой войны.

Однако важнейшие решения, принятые в Ялте и Потсдаме, не «перечеркнуты временем», не «устарели», как это пытается представить кое-кто за океаном. Они сохраняют полную юридическую силу с точки зрения международного права. Их выполнение обязательно не только для СССР, ГДР, претворивших

¹ Ялтинская конференция 1945, с. 14.

² Wittmer F. The Yalta Betrayal. G., 1954.

³ Crocker G. Roosevelt Road to Russia. Chicago, 1959, p. 21.

⁴ См.: Ялтинская конференция 1945, с. 138—139.

в жизнь дух и букву Ялты и Потсдама, но и для Англии, Франции, США, ФРГ. Слишком высокую цену заплатили за это народы.

Документы, подписанные в 1970 г. между СССР и ФРГ, Польшей и ФРГ, фиксируют не только нерушимость границ между ПНР и ГДР, но и нерушимость границ и уважение и территориальной целостности, и суверенитета всех государств в Европе. Все это находится в полном соответствии с принципами Потсдама. «Главным в решениях, принятых на этой (Берлинской.— Ф. В.) конференции,— отмечал А. А. Громыко,— явилась выраженная тремя державами-победительницами воля не допустить, чтобы с германской земли вновь исходила агрессия. Это было сказано четко, весомо. Если бы договоренность в Потсдаме свелась даже только к провозглашению этой цели, то и тогда конференция стала бы в ряд выдающихся мировых событий»¹.

Потсдамские решения и в наши дни являются основой послевоенного мирного устройства в Европе.

Соглашения, достигнутые в Потсдаме, выдержали испытания временем. Социалистические государства, народы Европы и всего мира с полным основанием настаивают на прочных гарантиях того, что никогда с немецкой земли не будет исходить угроза новой агрессии. В этом смысл и дух исторических потсдамских решений.

КПСС, Советское государство считают своей исторической миссией борьбу за упрочение и сохранение всеобщего мира, являющегося условием существования человеческой цивилизации.

Силы агрессии и милитаризма могут быть остановлены, как они были остановлены более 40 лет тому назад усилиями народов антифашистской коалиции.

Историческое развитие на нашей планете сложилось в наш век научно-технической революции так: или всем вместе мирно жить на нашей маленькой планете Земля, или всем погибнуть в термоядерной войне. Альтернативы мирному сосуществованию нет.

Будущее человечества должно быть мирным.

¹ Громыко А. А. Цит. соч., кн. 1, с. 224.

Глава XI

ФИНАЛ НА ВОСТОКЕ

Разгром и безоговорочная капитуляция фашистской Германии и ее сообщников в Европе означали: главный очаг второй мировой войны погашен. Исход второй мировой войны предreshен. Правда, в Азии оставался второй опасный очаг, разожженный японским агрессором, но политическая и военно-стратегическая обстановка в мире и на Дальнем Востоке, на Тихом океане изменилась коренным образом. Страны антифашистской коалиции, разгромив гитлеровскую Германию и ее сателлитов, могли сосредоточить все свои военные силы на борьбе против милитаристской Японии.

Советский Союз не мог считать себя в безопасности на Дальнем Востоке, пока не была разгромлена империалистическая Япония. Необходимо было потушить как можно скорее и этот очаг, закончить победоносно вторую мировую войну. В этом были заинтересованы все народы.

Японский империализм был злейшим врагом СССР. Японские интервенты совершали кровавые злодеяния в Советской Сибири и на Дальнем Востоке в годы гражданской войны и интервенции в 1918—1922 гг. Они неоднократно совершали вооруженные провокации против СССР, вынашивали планы захвата Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала.

Заключив «Антикоминтерновский пакт», вступив в 1940 г. в военно-политический союз с Германией и Италией, оккупировав значительные территории Китая и Кореи, японские агрессоры готовились к войне против СССР.

ПЛАНЫ ЯПОНСКОЙ ВОЕНЩИНЫ

Когда фашистская Германия вероломно напала на СССР, японские сторонники агрессии на север, против Советской страны, военный министр Тодзио, министр иностранных дел Мацуока и их последователи добивались от императора Хирохито скорейшего вступления Японии в войну на стороне германских фашистов.

Правительство Японии разработало секретный план «Кантокуэн» — план войны против СССР.

В первые же дни нападения Германии на Советский Союз Мацуока открыто заявил советскому полпреду в Токио Сметанину о возможности отказа Японии от пакта о нейтралитете с СССР. 25 июня 1941 г. на вопрос советского полпреда об отношении Японии к советско-германской войне Мацуока определенно ответил: «Японская политика будет соответствовать Тройственному пакту и пакт о нейтралитете не будет иметь силу»¹. Нетрудно понять, что речь шла о фактическом аннулировании пакта.

Военный министр Тодзио заявил: «Престиж Японии исключительно поднимется, если она начнет нападение в момент, когда Советский Союз, как спелая хурма, готов будет упасть на землю».

Гитлеровские политики и военные готовы были пожать руку японским «коллег» по агрессии «на Транссибирской магистрали».

Японское правительство готовилось вступить в войну против СССР после падения Москвы. После провала «блицкрига» и разгрома немецко-фашистских войск под Москвой нападение Японии на СССР связывалось с захватом Сталинграда германской армией. Разгром немецких фашистов в битве на Волге помешал этому. Но в Токио продолжали рассматривать

¹ АВП СССР.

агрессию против СССР как важнейшую цель своей внешней политики. Поэтому Советский Союз был вынужден держать на границах с Маньчжоу-Го 40 дивизий, которые в иной ситуации могли бы быть использованы на советско-германском фронте¹.

Вопреки своим обязательствам по пакту о нейтралитете Япония всячески препятствовала советскому судоходству на Дальнем Востоке, задерживала наши суда и даже топила их. С лета 1941 г. до конца 1944 г. японские вооруженные силы задержали 178 советских торговых судов, потопили 18 из них, причинив СССР убытки в 636 993 750 рублей². Японская военщина совершала вооруженные провокации на границах СССР, в том числе обстрелы советской территории.

Генеральный штаб Японии в течение всей войны снабжал гитлеровское правительство секретной информацией о численности, дислокации и резервах Красной Армии, ее вооружении, политическом, военном и экономическом положении Советского Союза, добывая эти сведения через дипломатический аппарат и военную разведку.

Иными словами, Япония помогала фашистской Германии в войне против СССР. В этих условиях советско-японский пакт о нейтралитете «потерял смысл и продление этого пакта стало невозможным»³. 5 апреля 1945 г. Советский Союз денонсировал советско-японский пакт о нейтралитете, подписанный 13 апреля 1941 г.

Это решение было ранее согласовано с союзниками. Правительства США и Англии выразили полное удовлетворение денонсацией пакта⁴.

Денонсация Советским Союзом пакта о нейтралитете привлекла широкое внимание политиков и прессы во всем мире. В прессе широко обсуждался вопрос о перспективах войны на Тихом океане и возможность вступления в нее СССР. Американская газета «Пост диспетч» писала: «Раньше русофобы жаловались на то, что СССР не вступил в войну на Тихом океане, а теперь они боятся последствий участия Советского Союза в войне»⁵.

Денонсация советско-японского пакта была грозным предостережением японским агрессорам. Однако они не вняли доводам разума. Наиболее агрессивные круги японской военщины во главе с военным министром Ионай, начальником штаба Умедзу и Тоёда стояли за продолжение войны.

¹ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 526.

² См. там же.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947, т. 3, с. 166.

⁴ АВП СССР.

⁵ Post Dispatch, 1945, 10 April.

**«ЯПОНИЮ НЕЛЬЗЯ ПОБЕДИТЬ
ДО 1947 ИЛИ 1948 ГОДА...»**

Военно-экономический потенциал Японии, армия, авиация, флот, военное производство оставались еще на высоком уровне. Несмотря на значительные потери во флоте, авиации, Япония еще имела мощные вооруженные силы, насчитывавшие к весне 1945 г. 7 млн человек, из них в сухопутных войсках и авиации — 5920 тыс. человек, свыше 10 тыс. самолетов, 500 боевых кораблей¹. Значительную часть войск Япония держала в Северо-Восточном Китае и Корее вблизи советских границ, а также на Южном Сахалине и Курильских островах. Численность Квантунской армии, находившейся близ СССР, достигала 1200 тыс. человек².

На основе «Программы чрезвычайных мер, необходимых для достижения победы», утвержденной в январе 1945 г. Высшим советом по руководству войной, японское командование разработало план военных операций на 1945 год. По этому плану Квантунская армия должна была находиться в боевой готовности у границ СССР. Планировался разгром народных армий Китая и войск гоминьдана, заключение мира с Чан Кайши. В Юго-Восточной Азии предполагалось удержаться в Бирме, Малайе и Индонезии. На Тихом океане намечалось задержать продвижение союзников на подступах к метрополии и подготовиться к решающим боям на ее территории³.

Англо-американское военное командование сосредоточило к январю 1945 г. на Тихом и Индийском океанах, в Юго-Восточной Азии большие силы. Только США имели более 1800 тыс. солдат и офицеров, 25 тыс. самолетов, флот, состоящий из 23 линкоров, 77 авианосцев, 52 крейсеров, 256 эсминцев, 188 подводных лодок и до тысячи десантных судов.

Англия сосредоточила против Японии более 600 тыс. солдат и офицеров, военно-морские силы, насчитывавшие 10 авианосцев, 6 линкоров, 19 крейсеров, 31 подводную лодку, а также около 1300 самолетов⁴.

Хотя командование союзников прочно удерживало стратегическую инициативу в войне с Японией, к августу 1945 г. были освобождены с помощью народной армии Хукбалахап Филиппины, восточная часть Бирмы, острова Иводзима и Окинава, союзники вышли на ближайшие подступы к Японии, военные

¹ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 528.

² См.: *Кутаков Л.* Цит. соч., с. 431.

³ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 528.

⁴ См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 542.

по-прежнему считали: вооруженных сил США и Англии недостаточно для окончательной победы над Японией. В Вашингтоне и Лондоне планировали продолжение войны с Японией на месяцы, а может быть, и годы. (Черчилль, как уже отмечалось, считал, что война продлится не менее 18 месяцев.) Многие политики, военные США, Англии полагали: Японию нельзя победить до 1947 или 1948 г.¹ Поэтому высадка англо-американских войск на острове Кюсю (операция «Олимпик») планировалась на ноябрь 1945 года, а на острове Хонсю (операция «Корнет») — не ранее весны 1946 года². Англо-американское военное командование считало: высадка союзных войск в японской метрополии будет стоить им не менее миллиона жизней солдат и офицеров³. Надежды политиков и военных США и Англии на сокращение сроков войны, уменьшение жертв неизменно связывались с вступлением СССР в войну с Японией. Об этом было достигнуто согласие в Тегеране и на конференции в Ялте. СССР обязался начать войну против Японии через два-три месяца после разгрома фашистской Германии. СССР, верный союзническому долгу, готовился выполнить свои обязательства.

Правда, в правящих кругах США были и такие политики, которые полагали, что необходимо закончить войну с Японией без участия СССР, с тем чтобы лишить советскую сторону права голоса при решении проблем Дальнего Востока после войны, не допустить подъема национально-освободительной борьбы народов Азии.

Морской министр Форрестал на заседании кабинета США 1 мая 1945 г. прямо поставил вопрос: «Насколько целесообразно нам добивать Японию? Что мы собираемся противопоставить русскому влиянию (на Дальнем Востоке. — Ф. В.) — Китаю или Японию?»⁴

«Русская победа, — писал американский журнал «Амерейша», — явится символом для сотен миллионов людей»⁵.

Вопрос о перспективах войны с Японией и ее будущем широко обсуждался в правящих кругах США и Англии. Еще в мае 1944 г. госдепартамент сформулировал принципы послевоенной политики США в отношении Японии. В нем говорилось: Япония должна возвратить территории, захваченные ею; в период военной оккупации японское правительство прекратит свое существование как политическая единица; в оккупации Японии и ее управлении будут участвовать союзные державы, воевавшие против Японии; оккупационную службу будут нести также и контингенты из азиатских стран (Китай, Индия и т. д.)⁶.

¹ Leahy W. Op. cit., p. 383—385.

² См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 543.

³ Marine Corps Gazette, 1959, Feb., p. 24.

⁴ The Forrestal Diaries. N. Y., 1951, p. 52.

⁵ Amerasia, 1945, July.

⁶ The Memoirs of Cordell Hull, vol. 2, p. 1589—1590.

Заместитель государственного секретаря Грю, как и некоторые английские политики, выступал за сохранение прежних правящих группировок в Японии, власти дзайбацу (монополий) и придворной бюрократии.

«МИРНЫЙ ЗОНДАЖ» ЯПОНИИ

Наиболее дальновидные политики и военные Японии понимали бесперспективность войны против стран антифашистской коалиции. Но и они не хотели безоговорочной капитуляции Японии, надеясь на компромиссный мир, сохранение существующего режима.

В верхних эшелонах власти в Токио шла ожесточенная борьба. Образовалась «партия мира» во главе с бывшим премьер-министром Коноэ. В нее вошли старейшие политики Окада, Вакацуки, видные дипломаты Того и Сигемицу, представители придворных кругов Кидо, Мацудайра. В феврале 1945 г. Коноэ, Окада, Вакацуки написали обращение к императору, указав: «Дальнейшее продолжение войны сыграет только на руку коммунистам»¹.

Против продолжения войны выступали трудящиеся Японии в городах Токио, Иокогаме, Кобе, состоялись массовые митинги под лозунгами «Долой войну».

Наоборот, сторонники продолжения войны во главе с Анами, Сугияма, Танака, Тоеда, Ямасита, Доихара, Умедзу считали: японские сухопутные силы, почти не воевавшие против США и Англии, смогут защитить захваченные территории в Китае, Юго-Восточной Азии, Индонезии, Таиланде, организовать прочную оборону метрополии². Борьба между сторонниками заключения мира и приверженцами продолжения войны в японских правящих кругах, кругах военщины все более обострялась.

Все же в Токио решили создать правительство, которое смогло бы вывести Японию из войны. Высадка американцев на Окинаве ускорила отставку правительства Койсо. 7 апреля 1945 г. главой нового правительства был назначен семидесятивосьмилетний адмирал Кантаро Судзуки. Министром иностранных дел стал Сигенори Того, которого буржуазная печать изображала сторонником заключения мира.

Фактически правительство Судзуки — Того до последних дней существования фашистской Германии не отошло от союза с ней. Японская военщина была заинтересована в том, чтобы сопротивление гитлеровцев продолжалось хотя бы до июля, когда, как намечалось в Токио, Япония успела бы перебросить свои войска из района Южных морей в метрополию.

¹ История войны на Тихом океане. М., 1958, т. 4, с. 180.

² См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 543.

После сообщения о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, 9 мая, правительство Судзуки энергично протестовало против этого «акта правительства Деница». Министр иностранных дел Того заявил немецкому послу в Токио Штамеру, что безоговорочная капитуляция Германии является нарушением ею своих договорных обязательств перед Японией¹.

Заявляя о готовности продолжать войну «до победного конца», правительство Судзуки одновременно пыталось заключить сделку со своими противниками. Оказывая ожесточенное сопротивление армиям США и Англии, оно всячески старалось убедить политиков этих стран отказаться от требования о безоговорочной капитуляции. В нашем словаре, твердили японские политики и военные, нет термина «безоговорочная капитуляция».

Кабинет Судзуки строил свои расчеты на расколе антифашистской коалиции, на заключении сепаратного мира. В Токио не верили в «союз русского медведя, британского льва и американской пантеры».

Весной и летом 1945 г. сторонники «партии мира» предпринимали несколько новых попыток заключения сепаратного мира с США и Англией. Они велись, как и ранее, в Стокгольме, Лиссабоне, Берне через того же Аллена Даллеса².

Еще осенью 1944 г. тогдашний премьер-министр Японии Койсо по совету Коноэ поручил главному редактору газеты «Асахи» Бунсиро Судзуки начать дипломатический зондаж через Швецию. В середине сентября 1944 г. Судзуки посетил шведского посланника в Токио Видара Багге и просил передать своему правительству для Лондона предложение Японии о возможности окончания войны. В Токио считали: с Англией будет легче договориться, чем с США. Япония готова была вернуть все территории, захваченные во время войны, даже Северо-Восточный Китай, сохранив, однако, за собой Тайвань и Корею³. Багге доложил об этом в Стокгольм.

В апреле 1945 г. японский дипломат Тадаси Сакая, через которого Токио поддерживал контакт с Багге, сообщил о содержании переговоров Того — министру иностранных дел в кабинете Судзуки. Того считал, что Япония должна искать пути к миру, о чем и сообщил Багге⁴.

В начале мая Багге прибыл из Японии в Швецию, где немедленно установил контакт с японским посланником в Стокгольме Окамото. Багге заявил ему, что Швеция выяснит позицию Соединенных Штатов по вопросу о мире, если такая просьба последует от японского правительства.

¹ *Sigenori Togo. The Case of Japan.* N. Y., 1956, p. 275.

² *Bitow R. Japan Decision to surrender.* L., 1954, p. 104—105.

³ См.: Исторические документы об окончании войны. М., 1952, с. 238.

⁴ См. там же.

«Мирный зондаж» в Швеции осуществлял японский военный атташе генерал Оно, установивший через немецкого капиталиста контакт с братом шведского короля Карлом. Оно просил его выступить посредником в переговорах и спасти японскую армию от ликвидации, сохранить императорский строй.

Деятельность генерала Оно скоро стала достоянием шведской и мировой печати и радио. Газеты писали о «мирном зондаже» Японии как о попытках внести раскол в лагерь союзников. Поэтому Того потребовал от начальника штаба Умэдзу предостеречь офицеров от подобных шагов. Не дожидаясь санкции Того, Багге передал американскому послу в Швеции Якобсону предложение Японии о мирных переговорах. Токио настаивал на сохранении под контролем Японии Кореи и Тайваня. Однако США претендовали на захват Кореи, надеясь превратить ее в форпост на Дальнем Востоке. Об этом дал понять Багге Якобсон¹. Предложение Японии не было поддержано.

СНОВА НА СЦЕНЕ «МИРОТВОРЕЦ» АЛЛЕН ДАЛЛЕС

Выяснив, что дипломаты США в Швеции не имеют инструкций о ведении переговоров с Японией, японцы обращают свои взоры на связь с главой американского шпионажа в Европе Алленом Даллесом. Швейцария являлась средоточием деятельности разведок США и Англии, местом закулисных переговоров с противником, на этот раз японским.

Особую активность в Берне проявлял военно-морской атташе Японии, резидент японской разведки Фудзимура. Он возглавлял группу сотрудников военно-морских представительств Японии в Берлине и Берне, пришедших весной 1945 г. к выводу: спасение Японии — в сепаратном мире с США. Поэтому, оказавшись в Швейцарии в апреле 1945 г., Фудзимура, по указанию из Токио, стал искать контакты с американцами. Посредником для связи с разведкой США стал нацист Хекк (доверенное лицо Риббентропа), многие годы сотрудничавший с японской разведкой. Он был другом германского посла в Токио Эйгена Отта и поддерживал контакт с японским послом в Берлине Осима².

23 апреля 1945 г. Хекк, по поручению Фудзимура, нанес визит доверенным лицам А. Даллеса. Через три дня Фудзимура было передано письмо Даллеса, потребовавшего, чтобы японцы изложили в письменном виде позицию Японии о войне и мире³.

¹ См.: Исторические документы об окончании войны, с. 248.

² *Butow R.* Op. cit., p. 104.

³ *Ibid.*, p. 105.

Японский атташе предложил начать переговоры между Токио и Вашингтоном о прекращении войны и запросил мнение американского правительства по этому поводу. Получив информацию от Даллеса, государственный департамент США 3 мая 1945 г. направил ему указание — потребовать от Фудзимур полномочий на ведение переговоров¹.

9 мая 1945 г. Фудзима послал телеграмму в Токио с запросом о полномочиях. Проявив большой интерес к переговорам, Того через морского министра Ионай передал Фудзимуре, что Япония не пойдет на безоговорочную капитуляцию. Вместе с тем члены группы Фудзимур зондировали позицию США относительно мирных условий, в частности прерогатив императора, сохранения торгового флота, статуса Кореи, Тайваня. Эмиссары США дали понять, что есть надежда сохранить императорский режим, торговый флот, но полностью исключается возможность сохранения контроля Японии над Кореей и Тайванем². Американские монополисты не собирались делить после войны с кем бы то ни было господство на Тихом океане.

Предложение США вызвало двоякую реакцию в правящих кругах Токио. Заместитель морского министра адмирал Такаки готов был выехать в Швейцарию. Однако главный морской штаб Японии, опасаясь протеста профашистски настроенных морских офицеров, занял отрицательную позицию.

Кроме Фудзимур переговоры с США и Англией вели в 1945 г. и другие представители Японии. В частности, Того сообщил Ионай: более надежная связь с США установлена через японского посланника в Швейцарии Суничи Касэ. Правительство решило вести переговоры в Берне с помощью дипломатов и военных, руководимых Касэ. Фудзимур был подчинен ему.

Группа Касэ начала свою деятельность в мае 1945 г. Усилия Фудзимур до некоторой степени подготовили японо-американские переговоры, которые вел А. Даллес с Касэ.

В состав группы Касэ входили военный атташе Японии в Берне генерал-лейтенант Окамото и японские банкиры, сотрудничавшие в совете Банка международных расчетов, Китамура и Иосимура. Они использовали для своих контактов с правительством США и Англии шведского банкира Пера Якобсона — советника Банка международных расчетов, состоявшего в дружеских связях с консульскими работниками США в Базеле и в родственных связях с деятелями английского военно-морского флота.

В середине июня 1945 г. Иосимура и Китамура, заявив, что они выступают по поручению Касэ, просили Якобсона передать А. Даллесу предложение начать переговоры о мире. Мир-

¹ *Butow R.* Op. cit., p. 104, 105.

² *Ibid.*, p. 108.

ные предложения Японии были следующими: изменение условия о безоговорочной капитуляции Японии; сохранение императорской системы; сохранение конституции; Корея и Тайвань остаются за Японией¹.

А. Даллес, находившийся в это время в Висбадене, проявил большой интерес к предложениям Японии, и в конце июня 1945 г. в Висбадене произошла его встреча с Якобсоном².

Даллес немедленно передал японские предложения в Вашингтон. Одновременно Якобсон сообщил об этих предложениях Лондону.

Ответ из Вашингтона был получен в начале июля. Якобсон сразу же сообщил японцам о пожелании США: сохранится институт императора, но конституция должна быть изменена. О сохранении за Японией Кореи и Тайваня в ответе ничего не говорилось.

Даллес торопил Японию начать переговоры с США до вступления СССР в войну на Тихом океане³. Тем самым он выдал японцам секретное решение Крымской конференции о вступлении СССР в войну с Японией. Это было очередное вероломство по отношению к союзнику.

Параллельно с переговорами в Швейцарии японцы осуществляли зондаж в Португалии, установив в середине мая 1945 г. контакт с посольством США в Лиссабоне. Эмиссары Токио и здесь ставили вопрос о сохранении за Японией Кореи, Тайваня и Маньчжурии, захваченных до второй мировой войны. Они продолжали добиваться отказа союзников от требования о безоговорочной капитуляции⁴.

Японская военщина никак не хотела признать своего поражения и считала требование о «безоговорочной капитуляции» Японии абсолютно неприемлемым. Что касается сторонников «партии мира», то они проявляли нерешительность.

Политики США и Англии не могли не учитывать позицию СССР, добивавшегося полного разгрома врага и искоренения фашизма и милитаризма. Народные массы в США и Англии поддерживали советскую позицию. В этой ситуации исполнявший обязанности государственного секретаря Грю дезавуировал 10 июля 1945 г. в своем заявлении слухи о переговорах США с Японией, изображая их как форму психологической войны со стороны противника. Напомнив о Пёрл-Харборе, он заявил, что политика правительства США «была, есть и будет основываться на требовании безоговорочной капитуляции»⁵.

Японо-американские переговоры не получили дальнейшего развития, поскольку началась конференция в Потсдаме.

¹ См.: Исторические документы об окончании войны, с. 301—302.

² См. там же, с. 302.

³ См. там же.

⁴ См.: Кутаков Л. Цит. соч., с. 445.

⁵ Там же, с. 446.

Разгром фашистской Германии, ее безоговорочная капитуляция явились сокрушительным ударом по планам японских милитаристов. Призрак краха Японии становился все более явственным. В связи с капитуляцией Германии 9 мая 1945 г. состоялось чрезвычайное заседание японского кабинета, 10 мая — совещание бывших премьеров и 11 мая — заседание Высшего совета по руководству войной.

В ходе трехдневной дискуссии военный министр Анами, Умедзу твердили: положение Японии небезнадежно, но надо принять все меры, чтобы предотвратить вступление СССР в войну на стороне США и Англии.

Министр иностранных дел Того — он был в 30-х годах послом в Москве — считал: слишком поздно для Японии исправить тот ущерб, который она нанесла своим отношениям с СССР, подерживая Германию¹.

В итоге обсуждения Высший совет поручил министерству иностранных дел сделать все возможное для того, чтобы предотвратить вступление СССР в войну против Японии, добиться благожелательного отношения Советского Союза к Японии, добиться мира с Англией и США при посредничестве СССР².

15 мая 1945 г. министерство иностранных дел Японии объявило, что в связи с безоговорочной капитуляцией Германии японское правительство считает утратившим силу японо-германо-итальянский договор от 27 сентября 1940 г. и все другие договоры об установлении «особых отношений» сотрудничества с Германией и другими государствами Европы. В их числе теряли силу «Антикоминтерновский пакт» от 25 ноября 1936 г. и протокол о его продлении от 25 ноября 1941 г.³ Японская пропаганда изображала эту акцию как стремление правительства освободиться «от всяких оков в области международных отношений». Правда, газета «Ниппон таймс» писала об «изменении условий, но жизненности идеалов»⁴.

Японские политики вели хитрую политическую игру, рассчитанную на обострение отношений между участниками антифашистской коалиции. Они хотели припугнуть политиков США и Англии угрозой сговора Японии с Советским Союзом. Ведя эту игру, японские политики и военные хотели видеть в лице СССР авторитетного посредника, который бы сыграл определяющую роль в переговорах воюющих сторон.

¹ См.: Хаттори Т. Япония в войне 1941—1945 гг. М., 1973, с. 533.

² См.: История дипломатии. М., 1975, т. 4, с. 701.

³ См.: Хаттори Т. Цит. соч., с. 534.

⁴ Nippon Times, 1945 May.

Попытки привлечь СССР к переговорам между США и Англией, с одной стороны, и Японией, с другой, начались в феврале 1945 г. Они имели неофициальный и весьма осторожный характер.

15 февраля 1945 г. советского посла в Японии Я. А. Малика посетил генеральный консул Японии в Харбине Миякава. Он говорил, что в развитии войны наступил такой момент, когда кому-либо из наиболее видных международных деятелей следовало бы выступить в роли миротворца и призвать все стороны прекратить войну. Таким деятелем мог быть, по мнению Миякава, только глава Советского правительства. «Если бы он сделал такое предложение,— говорил Миякава,— то Гитлер прекратил бы войну, а Рузвельт с Черчиллем не осмелились бы возражать против подобного предложения Советского правительства»¹.

Аналогичное предложение о выступлении СССР в целях «установления всеобщего мира» было сделано в марте 1945 г. Я. А. Малику представителем рыбопромышленной компании «Ничиро». Все эти предложения были отвергнуты.

Тогда зондажем занялся сам министр иностранных дел Того, встретившийся с Я. А. Маликом 20 апреля 1945 г. Он заявил послу СССР о своем «сугубо личном желании» встретиться с советским наркомом иностранных дел В. М. Молотовым при возвращении его с конференции в Сан-Франциско. Но официального приглашения Того не сделал. Он хотел, чтобы инициатива в переговорах исходила от СССР, а не от Японии. Поскольку Советское правительство не выдвигало никаких предложений, Того в 20-х числах мая предпринял более активные шаги, поручив бывшему премьер-министру, министру иностранных дел и послу в СССР Хиротакэ Хирота встретиться с советским послом и начать неофициальные секретные переговоры. В то же время он поручил послу Японии в Москве Сато «всеми возможными путями расширять контакты с советской стороной»².

Вечером 3 июня Хирота посетил Малика на его даче в Ха-конэ — курортном местечке, куда выехало посольство СССР из-за налетов американской авиации на Токио. Выдавая себя за друга СССР, Хирота сообщил послу, что в Японии изучают вопрос об «улучшении советско-японских отношений»³, что японское правительство хочет заключить с СССР долгосрочное соглашение. Во время очередного визита 24 июня Хирота высказал мнение об объединении усилий «великой сухопутной державы» России и «морской державы» Японии. Советский посол не высказал своего отношения к предложениям Хирота.

¹ История дипломатии, т. 4, с. 711.

² Там же, с. 711, 712.

³ Там же.

В начале июня 1945 г. состоялась 87-я чрезвычайная сессия японского парламента. Она проходила в обстановке шовинистического угара. Но 12 июня вынуждена была принять решение немедленно «добиться мира с Англией и США при посредничестве СССР». Того мало верил в реальность этой идеи. Наоборот, на секретном заседании парламента он заявил: на отношении с СССР «нельзя смотреть оптимистически. Наоборот... СССР может вступить в войну против Японии»¹.

На совещании Высшего совета по руководству войной, состоявшемся 22 июня, присутствовавший на нем император высказался за прекращение войны. Поэтому Хирота в конце июня дважды посетил Я. А. Малика и предложил заключить соглашение между Японией и СССР о взаимном поддержании мира в Восточной Азии и установлении отношений ненападения².

В конце июня, когда в мировой печати появились сообщения о готовящейся встрече глав правительств СССР, США и Англии (в Потсдаме), Того решил направить в Советский Союз специального представителя, чтобы все же попытаться добиться посредничества СССР. Император утвердил Коноэ специальным представителем Японии на переговорах.

12 июля Того направил телеграмму японскому послу в Москве Сато, поручив ему посетить наркома иностранных дел. 13 июля Сато посетил заместителя наркома иностранных дел и вручил ему письмо, в котором просил согласия на приезд в Москву князя Коноэ в качестве представителя императора. К письму было приложено послание императора, выражавшего «свою волю, чтобы положить скорее конец войне», восстановить мир.

Правда, японский император заявлял: «Безоговорочная капитуляция, на чем настаивают США и Англия, не может быть принята Японией, но, если на этом не будут настаивать, Япония может пойти на компромисс по другим вопросам»³.

Советское правительство, верное союзническому долгу, отклонило японское предложение, информировав о нем в Потсдаме Трумэна, Черчилля и Эттли⁴. Политика СССР в отношении союзников, не информировавших Советское правительство о документах, составляемых ими о Японии, была честной и лояльной.

Японские прогрессивные историки писали: «План правящих кругов использовать Советский Союз в своих попытках заключить мир был наглой затеей людей, забывших свои многочис-

¹ История дипломатии, т. 4, с. 713.

² См. там же, с. 714.

³ PRO, Premier 3/430/7, p. 6.

⁴ См.: Берлинская конференция..., с. 222.

ленные предательские действия по отношению к Советскому Союзу»¹.

Попытка Японии расколоть антифашистскую коалицию потерпела неудачу.

ПОТСДАМСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Военные переговоры в ходе Потсдамской конференции по вопросам Дальнего Востока показали: США и Англия по-прежнему заинтересованы во вступлении СССР в войну против Японии. Это стало еще более очевидным после отклонения Японией Потсдамской декларации США, Англии, Китая.

Декларация, носившая ультимативный характер, была предъявлена Японии 26 июля 1945 г. СССР не подписал в тот период декларации, поскольку не находился в состоянии войны с Японией. Да и подготовка декларации трех держав проходила без участия СССР. Государственный секретарь Бирнс направил ее копию правительству СССР «для сведения» в день ее подписания. Было отклонено пожелание советской делегации в Потсдаме отложить опубликование документа на три дня².

В этом отражалось стремление политиков США отстранить СССР от решения проблем Дальнего Востока, Японии.

Главы правительств США, Англии и Китая заявляли в декларации:

«Огромные наземные, морские и воздушные силы Соединенных Штатов, Британской империи и Китая... изготовились для нанесения окончательных ударов по Японии... Полное применение нашей военной силы, подкрепленной нашей решимостью, будет означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил и столь же неизбежное полное опустошение японской метрополии.

Пришло время для Японии решить, будет ли она по-прежнему находиться под властью тех упорных милитаристских советников, неразумные расчеты которых привели японскую империю на порог уничтожения, или пойдет она по пути, указанному разумом»³.

Потсдамская декларация формулировала основные политические принципы, которые должны были применяться к Японии после ее безоговорочной капитуляции. Они предусматривали: полное искоренение милитаризма; оккупацию японской территории; выполнение условий Каирской декларации и ограничение суверенитета Японии островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые будут указаны союзниками; разоружение японской армии; суровое

¹ История войны на Тихом океане, т. 4, с. 187.

² АВП СССР.

³ Берлинская конференция..., с. 382—383.

наказание военных преступников; устранение всех препятствий к возрождению и укреплению в стране демократических тенденций; установление свободы слова, религии и мышления, а также уважение к основным правам человека¹.

Японии разрешалось иметь только мирные отрасли промышленности, но не те, «которые позволяют ей снова вооружиться для ведения войны».

Союзники обязались вывести оккупационные войска из Японии, «как только будут достигнуты эти цели и как только будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство».

Декларация заканчивалась словами:

«Мы призываем правительство Японии провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле. Иначе Японию ждет быстрый и полный разгром»².

Таким образом, Потсдамская декларация не только требовала безоговорочной капитуляции Японии, но и определяла политику союзников после ее разгрома. Она определяла принципы демилитаризации, демократизации Японии, отражала антифашистский освободительный характер второй мировой войны. Решающую роль в победоносном для союзников исходе играл СССР.

Содержание Потсдамской декларации в полной мере соответствовало интересам народов СССР, и 8 августа Советский Союз присоединился к декларации.

После опубликования Потсдамской декларации в Токио состоялся ряд совещаний Высшего совета по руководству войной и кабинета министров.

Того считал необходимым принять декларацию. Однако на совещании в императорском дворце, происходившем 28 июля, военный министр Анами, морской министр Ионай, Умедзу заставили премьера Судзуки выступить на пресс-конференции с заявлением об отказе принять Потсдамскую декларацию. «Мы, — сказал он, — игнорируем ее. Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны»³.

Японская военщина была намерена продолжать безнадежную войну в метрополии и оккупированных ею территориях Юго-Восточной Азии, обрекая сотни миллионов людей самой Японии, а также Китая, Кореи, Индонезии и других стран на новые жертвы и страдания. Империалисты США использовали этот отказ для того, чтобы применить атомное оружие против мирного населения Японии, хотя в этом и не было военной необходимости.

¹ См.: Берлинская конференция..., с. 383—384.

² Там же, с. 384.

³ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткий очерк, с. 531.

АТОМНЫЙ УДАР ПО ХИРОСИМЕ И НАГАСАКИ

Еще 16 июля, сразу же после успешного испытания атомной бомбы в Нью-Мексико, Трумэн созвал совещание, на котором присутствовали Бирнс, Стимсон, Леги, Маршалл, Кинг и Арнольд. Участники совещания единодушно высказались за применение атомной бомбы против Японии¹.

В ходе Берлинской конференции, в тот самый день 24 июля, когда Трумэн сообщил Сталину о наличии у США «сверхоружия», он отдал приказ командующему стратегическими военно-воздушными силами США «сбросить первую особую бомбу, как только погода позволит воздушную бомбардировку, примерно 3 августа 1945 г. на один из следующих объектов: Хиросима, Кокура, Наигата, Нагасаки»². Позднее командующий стратегической бомбардировочной авиацией США определил в качестве объектов бомбардировки города Хиросима и Нагасаки вследствие плотности их населения и значения в жизни страны³. Трумэн утвердил этот роковой выбор. Применение атомной бомбы политики США решили приурочить к моменту объявления войны Японии Советским Союзом.

«Я, конечно, понимал, — признавал Трумэн, — что взрыв атомной бомбы вызовет невообразимые разрушения и жертвы»⁴. Но это не остановило американских политиков и военных. Правда, по договоренности с Черчиллем американские и английские военные власти предупредили 27 июля листовками жителей одиннадцати японских городов, что они подвергнутся усиленной бомбардировке с воздуха. На следующий день на шесть городов были совершены массированные налеты. Еще двенадцать городов получили предупреждение 31 июля, и четыре из них подверглись бомбардировке 1 августа. Последнее предупреждение было сделано 5 августа⁵.

Около 8 часов утра 6 августа над Хиросимой появились два американских бомбардировщика. И хотя был дан сигнал воздушной тревоги, жители, видя, что в воздухе самолетов мало, спешили на работу или продолжали ее, шли в магазины и кафе. Когда бомбардировщики достигли центра города, один из них сбросил небольшой парашют с атомным устройством. В 8 часов 15 минут на высоте около 600 метров небо озарила ослепительная вспышка, раздался оглушительный взрыв. В небо поднялся страшный, невиданный атомный гриб. Город окутали огромные тучи дыма и пыли. Когда мрак рассеялся, предстала

¹ Morton L. The Decision to use the Atomic Bomb.— Foreign Affairs, 1957, Jan., p. 348.

² Truman H. Op. cit., vol. 1, p. 420.

³ Blackett M. Op. cit., p. 127.

⁴ Truman H. Op. cit., p. 419.

⁵ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 557.

страшная картина. Города не стало. Он исчез в огне и дыме. 60 тыс. разрушенных домов, располагавшихся на территории в 14 квадратных километров, бушующее пламя, развалины, обугленные трупы, душераздирающие крики и стоны горящих заживо людей — такой была Хиросима в тот трагический час¹.

На следующее утро, 7 августа, по радио было передано заявление президента США, сообщившего, что на Хиросиму была сброшена атомная бомба. Трумэн угрожал Японии, если она не капитулирует, сбросить атомные бомбы и на другие города. США в то время имели еще только одну атомную бомбу, которая и была сброшена на Нагасаки 9 августа 1945 г.

В этих двух японских городах от атомных бомб погибло около 102 тыс. человек, до 16 тыс. пропало без вести, 61 тыс. были ранены и 324 тыс. обожжены. Всего же погибло и пострадало более 503 тыс. жителей. Многие из пострадавших были обречены на медленную смерть от облучения².

Была ли военно-стратегическая необходимость в использовании атомного оружия против Японии? Решила ли атомная бомба судьбу войны? Анализируя события, военные и политики в США, Англии пришли к выводу: атомные бомбы не определили исход войны.

«Было бы ошибкой предполагать, — писал Черчилль, — что атомная бомба решила судьбу Японии. Поражение было предreshено еще до того, как упала первая бомба»³. Эту же точку зрения разделял начальник штаба президента США адмирал Леги. «Применение этого варварского оружия в Хиросиме и Нагасаки, — считал он, — не оказало никакой существенной помощи в нашей войне против Японии»⁴.

США подвергли Японию атомным бомбардировкам в момент, когда судьба войны дальневосточного агрессора была предreshена всем ходом второй мировой войны.

Однако, исходя из своекорыстных планов и намереваясь шантажировать СССР новым страшным оружием, правящие круги США пошли на этот варварский акт. Атомная бомбардировка была не окончанием войны против Японии, а началом «атомной дипломатии», направленной против СССР. «Взрывы атомных бомб в Японии, — писал английский профессор Блэкетт, — были не последним актом второй мировой войны, а первым актом холодной дипломатической войны против России»⁵.

Итак, применение атомной бомбы носило скорее политический, чем военный, характер и было продиктовано стремлением империалистов США использовать демонстрацию атомной мощи

¹ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 531—532.

² См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 546.

³ Churchill W. Op. cit., vol. 6, p. 559.

⁴ Leahy W. Op. cit., p. 441.

⁵ Blackett M. Op. cit., p. 127.

для усиления своих позиций при решении послевоенных проблем Дальнего Востока.

Даже после того как на Хиросиму была сброшена атомная бомба, японская военщина, партия войны «отвергла предложение Того обсудить на заседании кабинета вопрос об окончании войны»¹. Заседание Высшего совета по руководству войной, назначенное на 8 августа, было отменено. Правители Японии ждали от своего посла в Москве Сато сообщения о результатах встречи с советским наркомом иностранных дел. Сато сообщил: его встреча с Молотовым назначена на вечер 8 августа². В Токио с нетерпением ждали, какую позицию займет СССР по отношению к Японии.

ВСТУПЛЕНИЕ СССР В ВОЙНУ ПРОТИВ ЯПОНИИ

Вступление СССР в войну против Японии диктовалось необходимостью ликвидации опасного очага агрессии на Дальнем Востоке, обеспечения безопасности советских границ и интересов СССР, предотвращения дальнейших жертв и страданий народов.

Державы антифашистской коалиции, несмотря на существенные расхождения по вопросам войны и послевоенного мирного урегулирования, были едины в главном — нанести вслед за Германией поражение Японии, победоносно завершить вторую мировую войну, приблизить наступление всеобщего мира.

Советский Союз, верный союзническому долгу, обязательствам, принятым в Ялте, стремясь установить мир во всем мире, обратил грозное оружие против японских агрессоров.

8 августа в 17 часов нарком иностранных дел СССР принял японского посла Сато и сделал ему от имени Советского правительства заявление для передачи правительству Японии.

«После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии, — говорилось в заявлении, — Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны»³.

Констатируя отклонение Японией требования трех держав о безоговорочной капитуляции, Советское правительство указывало, что СССР присоединяется к Потсдамской декларации и с 9 августа считает себя в состоянии войны с Японией⁴.

«Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий»⁵.

¹ История дипломатии, т. 4, с. 721.

² См. там же.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 362.

⁴ См. там же, т. 3, с. 363.

⁵ Там же.

После вручения японскому послу заявления Советского правительства нарком иностранных дел информировал об этом послов США и Англии в Москве.

Британский премьер Эттли приветствовал «это великое решение России. ...Война, объявленная сегодня Советским Союзом Японии, является доказательством солидарности, существующей между основными союзниками, и она должна сократить срок борьбы и создать условия, которые будут содействовать установлению всеобщего мира»¹.

С одобрением отнеслись к советским действиям и в Вашингтоне.

10 августа 1945 г. объявило войну Японии и правительство МНР; войска ее действовали вместе с Красной Армией.

СССР не преследовал никаких захватнических целей в войне и вел военные действия только против японских армий в Китае и Корее, не совершил бомбардировок или обстрелов японской территории.

Вступление СССР в войну против Японии предопределило неизбежный и скорый разгром японского милитаризма. Планы японской военщины перебросить силы сухопутных армий от границ СССР в бой против англо-американских войск при их высадке на острова метрополии и вести затяжную войну потерпели крах.

КРАХ ЯПОНСКИХ АГРЕССОРОВ

Подготовка Советских Вооруженных Сил к войне против Японии началась после Крымской конференции. Политическая цель кампании определяла и стратегический замысел Ставки Верховного Главнокомандования: разгром Квантунской армии, освобождение северо-восточных провинций Китая, Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов.

Советские войска нанесли удар по противнику с трех направлений: из Забайкалья и территории МНР силами Забайкальского фронта (с участием конно-механизированной группы советско-монгольских войск), из Приамурья силами 2-го Дальневосточного фронта и из Приамурья силами 1-го Дальневосточного фронта².

Советские войска насчитывали 1747 тыс. человек, около 30 тыс. орудий и минометов, 5250 танков и САУ, свыше 5170 боевых самолетов и 93 боевых корабля. Им противостояла мощная группировка японских сухопутных сил, основу которой составляла Квантунская армия³.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 365.

² См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 550.

³ См. там же.

В течение шести дней советские войска прорвали линию мощных укреплений и в ходе стремительного наступления подошли к крупным центрам Северо-Восточного Китая. Штаб Квантунской армии потерял управление войсками. Это был подлинно молниеносный удар. Красная Армия в исключительно короткий срок разгромила и вынудила капитулировать сильнейшую Квантунскую армию, ее войска в Китае, Корее, на Сахалине и Курильских островах.

Вступление СССР в войну лишало Японию малейших надежд на ее продолжение и успех. Это поняли в Токио.

Рано утром 9 августа Того посетил премьер-министра Судзуки и заявил о необходимости заканчивать войну. Премьер согласился с ним.

На заседании Высшего совета по руководству войной, состоявшемся 9 августа в 10 часов 30 минут, Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»¹.

Днем состоялось чрезвычайное заседание Совета, продолжавшееся семь часов. Шли ожесточенные споры, принимать или не принимать Потсдамскую декларацию.

В половине двенадцатого ночи в тесном бомбоубежище императорского дворца началось новое заседание Высшего совета. На нем присутствовал император. После жарких споров — они продолжались до двух часов ночи — было решено, по предложению Судзуки и Того, поддержанному императором, принять Потсдамскую декларацию.

Утром 10 августа Того встретился с советским послом в Токио Я. А. Маликом и сделал заявление:

«Японское правительство готово принять условия Декларации от 26 июля сего года, к которой присоединилось и Советское правительство. Японское правительство понимает, что эта декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора»². Аналогичное заявление было передано правительствам США, Англии и Китая через Швецию.

Правительства СССР, США, Англии и Китая передали 11 августа через швейцарское правительство ответ на заявление Японии. В ответе говорилось: «С момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена Верховному командующему союзных держав...»³

Император должен дать приказы всем японским военным, военно-морским и авиационным властям и всем находившимся

¹ История современной Японии, с. 264.

² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 376.

³ Там же, с. 378.

в их подчинении вооруженным силам прекратить боевые действия и сдать их оружие; вооруженные силы союзников останутся в Японии до тех пор, пока не будут достигнуты цели, изложенные в Потсдамской декларации; форма правительства Японии будет установлена японским народом.

Таким образом, от Японии вновь потребовали принятия Потсдамской декларации.

Партия войны, поддержанная профашистски настроенными офицерами армейских частей, дислоцированных за пределами Японии, снова и снова категорически выступала против переговоров о капитуляции, боролась со сторонниками «партии мира».

12 августа токийское радио передало сообщение: «Императорская армия и флот, выполняя высочайший приказ... повсеместно перешли к активным боевым действиям против союзников»¹. Но никакие «высочайшие приказы» не могли спасти терпевших катастрофу агрессоров.

Утром 13 августа снова заседало правительство, но разногласия не были преодолены. Поздно вечером Умэдзу и Тоёда встретились с Того. На встрече присутствовал заместитель начальника главного морского штаба Ониси, организатор соединений «камикадзе» — смертников. Он убеждал участников встречи не соглашаться на безоговорочную капитуляцию и выдвинул чудовищный план — для обеспечения победы «пожертвовать жизнями 20 млн японцев в виде операций «камикадзе»².

Совещание окончилось безрезультатно.

Утром 14 августа в бомбоубежище императорского дворца состоялось объединенное совещание Высшего совета по руководству войной и кабинета министров. Анами и Умэдзу по-прежнему выступили против принятия Потсдамской декларации, за продолжение войны. После ожесточенных споров было принято решение в форме императорского рескрипта о согласии на безоговорочную капитуляцию Японии.

В тот же день в 23 часа через швейцарское правительство была отправлена телеграмма. В ней правительства США, Англии, Советского Союза и Китая уведомлялись о принятии Японией условий Потсдамской декларации. Японский император готов был санкционировать и обеспечить подписание правительствам и главным командованиям отдачу приказов «всем военным, военно-морским и авиационным властям Японии, где бы они ни находились, прекратить боевые действия и сдать оружие»³.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 — 1945, т. 5, с. 585.

² *Butow R.* Op. cit., p. 205.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 380.

Наиболее фанатичные милитаристы во главе с майором Хатанака, поддержанные военным министром Анами, до последнего часа отвергали безоговорочную капитуляцию. Они решили организовать мятеж, поднять оружие, чтобы не допустить ее подписания. В ночь на 15 августа мятежники силами одной охранной дивизии заняли императорский дворец, убили генерала Мори — командира охранявшей дворец 1-й гвардейской дивизии, отказавшегося поддерживать мятежников. В 2 часа ночи мятежники издали фальшивый приказ. 1-му пехотному полку приказывалось «занять дворец и обеспечить его охрану. Одной из его рот занять токийскую радиовещательную станцию»¹.

Мятежники искали пленки с записью выступления императора, в котором излагался указ о прекращении войны, но записи были надежно спрятаны. Другая группа заговорщиков совершила налет на резиденции руководителей правительства, выступавших за заключение мира. Они напали на дом премьер-министра Судзуки, а также президента Тайного совета барона Хиранума. Судзуки бежал из своего дома, и следы его затерялись.

Разъяренные мятежники, решив на чем-нибудь сорвать злобу, облили дом премьера бензином и подожгли.

Хиранума покинул свой дом через потайную калитку, соединявшую два сада, и спрятался в доме управления «Общества бессмертия», президентом которого он был. Дом Хиранума также был сожжен дотла. Но сам он избежал смерти².

Мятежники пытались отстранить от власти министров — «сторонников мира», помешать обнародованию сообщения о капитуляции Японии, поднять армию, авиацию и флот на продолжение безнадежной войны.

Однако к утру 15 августа путч был подавлен. Командование войск Восточного военного округа во главе с генералом Танака, дислоцировавшихся в районе Токио, не поддержало заговорщиков и приняло меры к немедленному подавлению мятежа. Обманутые офицеры и солдаты восставшей дивизии добровольно сложили оружие.

Хатанаке, Кога, Ухера и другим лидерам заговора Танака предложил сделать харакири. Они отправились на зеленую лужайку близ императорского дворца и покончили жизнь в подлинном духе самурайского кодекса чести³. Сделал харакири и военный преступник Анами, один из главных виновников проигранной войны. После этого сложили оружие другие мятежники в провинции — в воинских частях, военных училищах,

¹ Брукс Л. За кулисами японской капитуляции. М., 1971, с. 277.

² См. там же, с. 290—292.

³ См. там же, с. 304.

в частности в учебном центре связи армейской авиации в Мито¹.

Таким образом, путч профашистских элементов, фанатически настроенных милитаристов не был поддержан рядовыми солдатами, народом, жаждавшими прекращения войны.

ХИРОХИТО ПРИЗНАЕТ ПОРАЖЕНИЕ ЯПОНИИ

Утром 15 августа по японскому радио было сообщено, что ровно в полдень будет передано особо важное сообщение. За минуту до начала передачи диктор взволнованным голосом оповестил: «Всех радиослушателей просят встать. Его величество император зачитает сейчас рескрипт». По всей стране остановилось всякое движение, замерли фабрики и заводы. «Раса Ямато» услышала высокий дрожащий голос «Тэнно-хейко», обратившегося к своим подданным. Император объявил о капитуляции Японии и отдал приказ вооруженным силам о прекращении войны.

Характерно, что он ни словом не упомянул об атомных бомбах, но зато наступление советских войск охарактеризовал как основную причину окончания войны.

«Советский Союз, — гласило обращение Хирохито, — вступил в войну, и, принимая во внимание положение дел в стране и за границей, мы полагаем, что продолжать борьбу — значит служить дальнейшему бедствию... Поэтому, несмотря на высокий боевой дух императорской армии и флота, мы намерены начать переговоры о мире... во имя спасения нашего государственного строя»².

Поскольку обращение императора по радио могло показаться недостаточным и чтобы лишить фашиствующих военных фанатиков выдавать его за фальшивку «предателей», Хирохито направил ближайших родственников убедить сомневающихся и скептиков в подлинности его решения о капитуляции. Принц Такеда вылетел в штаб Квантунской армии, принц Канин отправился в штаб южной армии, принц Асака был послан в штабы армии и флота, находившиеся в Китае³.

В армии и военно-морском флоте были изданы инструкции для офицеров и солдат о немедленном выполнении приказа императора об окончании войны.

Квантунская армия, командование которой находилось в руках наиболее оголтелых милитаристов во главе с Ямада, патологически враждебных СССР, несмотря на полученный приказ

¹ См.: Брукс Л. Цит. соч., с. 320.

² Там же, с. 318—319.

³ См. там же, с. 318.

о капитуляции, продолжала отчаянное сопротивление Красной Армии. Военные действия продолжались до конца августа. В ходе боев наши войска освободили основные центры Северо-Восточного Китая, высадили десанты в Корею, на Южном Сахалине и Курильских островах. За 23 дня боев с Квантунской армией враг потерял 677 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, 148 генералов¹.

Советские войска успешно завершили Сахалинскую и Курильскую операции.

«Наступление вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке — это подлинно молниеносный удар, закончившийся полным окружением всей Квантунской армии и уничтожением ее по частям»². Большой вклад в разгром Квантунской армии внесла Монгольская Народная Республика.

Советский Союз и его союзники США и Англия разошлись в оценке, связанной с окончанием войны. Политики США и Англии считали 14 и 15 августа последними днями войны, как дни «победы над Японией». Действительно, к середине августа Япония прекратила военные действия против американско-английских войск. Но она продолжала вести военные действия против СССР. Только завершающие мощные удары Красной Армии в конце августа вынудили японских захватчиков капитулировать. Задача огромной исторической важности, выпавшая на долю Советского Союза и его доблестных Вооруженных Сил, была успешно решена.

Для принятия общей капитуляции японских вооруженных сил, по согласованию между СССР, США и Англией, генерал Дуглас Макартур был назначен Верховным командующим союзных держав на Дальнем Востоке. Советское правительство назначило генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко своим представителем в контрольном органе союзников по Японии.

БЕЗОГОВОРочНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ЯПОНИИ

Вся подготовительная работа по организации подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии проводилась штабом генерала Макартура в Маниле (Филиппины).

19 августа сюда прибыла японская делегация — представители главной ставки во главе с генерал-лейтенантом Кавабе для получения соответствующих указаний, связанных с подписанием акта о капитуляции и практическим осуществлением оккупации Японии армиями союзников.

¹ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 544.

² Там же.

Японским представителям был вручен акт о капитуляции Японии, согласованный с союзными странами.

За два дня до этого, 17 августа, Судзуки ушел в отставку, и его преемником на посту премьер-министра стал Нарухико Хигасикуни. Министром иностранных дел стал Мамору Сигемицу¹.

Едва новый премьер успел вступить на пост, как к нему пришла группа армейских офицеров, вооруженных пистолетами и самурайскими мечами. Офицеры заявили, что они против окончания войны, и потребовали под угрозой смерти, чтобы Хигасикуни отменил решение о капитуляции, убедил в этом императора. Хигасикуни отказался сделать это. 20 августа милитаристски настроенные офицеры намечали новый путч, но в силу ряда обстоятельств им не удалось сделать это, хотя отдельные выступления фашиствующих и экстремистских элементов продолжались во многих районах страны. В частности, летчики-смертники на аэродроме Ацуги близ Токио отказались повиноваться и угрожали торпедировать корабли союзников в Токийской бухте². Многие армейские офицеры, офицеры флота и ВВС, отказываясь выполнить приказ о капитуляции, кончали жизнь самоубийством. Принц Коноэ принял яд, генерал Тодзио пытался застрелиться.

26 августа генерал Макартур уведомил японское командование о том, что соединения флота США в составе 383 судов в сопровождении авианосцев с 1300 самолетами на борту начали продвижение к Токийскому заливу. 28 августа 1945 г. на аэродроме Ацуги беспрепятственно высадился передовой отряд американских оккупационных войск. 30 августа началась массовая высадка американско-английских войск близ Токио и в других районах Японии. В тот же день в Токио из Манилы прибыл генерал Макартур, столичная радиостанция была взята под контроль.

Впервые за всю японскую историю на ее территории высадились иностранные войска³.

2 сентября 1945 г. в 9 часов утра на борту американского линкора «Миссури», стоявшего на рейде Токийской бухты, состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. Члены японской делегации отправились на линкор в глубокой тайне, опасаясь покушения со стороны милитаристов-фанатиков. Посреди верхней бронированной палубы линкора стоял большой стол, за которым сидели представители делегаций СССР, США, Англии, Франции, Китая, Австралии, Канады, Голландии и Новой Зеландии. Генерал Макартур предложил японским представителям подписать акт о безоговорочной капитуляции.

¹ См.: Брукс Л. Цит. соч., с. 320.

² См. там же, с. 323.

³ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 5, с. 588—589.

В наступившей тишине, заметно хромя, опираясь на палку, перед столом представителей союзников появился глава японской делегации министр иностранных дел Сигемицу. Его сопровождали начальник генерального штаба генерал Умэдзу — он был в помятом кителе, полевом кепи, сапогах и кавалерийских бриджах, без самурайского меча: ему не разрешили взять его — и еще девять человек (по три представителя от министерства иностранных дел, военного и морского министерств).

«В течение пяти минут японская делегация стоит под суровыми взглядами всех присутствующих на корабле — представителей союзных стран»¹. Это были специально предусмотренные процедурой «минуты позора». (Недаром до этого Умэдзу категорически отказывался поехать на подписание акта о капитуляции, угрожая сделать харакири.)

От имени японского правительства акт о безоговорочной капитуляции подписывает Сигемицу. Неловко выполнив трудную обязанность, он медленно отходит, ни на кого не глядя. Вторую подпись от имени императорской ставки ставит генерал Умэдзу².

От имени всех союзных стран акт подписал генерал Д. Макартур. От США его подписал главнокомандующий американским флотом на Тихом океане адмирал Ч. Нимиц, от Великобритании — адмирал Б. Фрзер, от Франции — генерал Ж. Леклерк, от Китая — генерал Су Юнчан. Все ждали подписи представителя СССР — страны, внесшей решающий вклад в победоносное завершение второй мировой войны. От СССР акт подписал генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко. За ним поставили подписи представители Австралии, Голландии, Новой Зеландии и Канады. Церемония подписания капитуляции длилась 20 минут. Союзные делегации после подписания акта вместе с Макартуром удалились в салон адмирала Нимица.

Японские представители остались одни. Затем Сигемицу вручили черную папку с экземпляром подписанного акта. Японцы спустились вниз по трапу, сели на катер и отбыли³.

ФИНАЛ

Подписав акт о капитуляции, Япония принимала условия Потсдамской декларации США, Англии, Китая и присоединившегося к ней СССР. Япония заявляла о безоговорочной капитуляции перед союзными державами всех японских вооруженных сил, как своих, так и находившихся под ее контролем вне зависимости от того, где они находились.

¹ «Финал» 3 сентября 1945 г. М., 1966. с. 369.

² См.: *Иванов М.* Цит. соч., с. 221.

³ См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 559.

Всем японским войскам и народу приказывалось немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и военного гражданского имущества; гражданские, военные и военно-морские официальные лица должны были выполнять указания Верховного командующего союзных держав; японскому правительству и генеральному штабу предписывалось немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц; власть императора и японского правительства подчинилась Верховному командующему союзных держав¹.

Милитаристская Япония, мечтавшая о завоевании мирового господства, потерпела сокрушительный разгром. Планы создания «Великой японской империи», «великой восточной сферы» развеялись как дым.

Это было торжество народов Объединенных Наций на Дальнем Востоке, Тихом океане.

Военные корабли США входили в Токийскую бухту. Дымились еще пепелища Хиросимы и Нагасаки. У священных бастионов Порт-Артура советские моряки обнажали свои головы. Военные корабли Тихоокеанского флота бороздили корейские воды. А колонны японских солдат, офицеров и генералов шагали на север — как военнопленные, а не как завоеватели.

Это был бесславный конец японских агрессоров.

* * *

Вторая мировая война, шесть лет бушевавшая на полях Европы и Азии, закончилась блистательной победой стран антифашистской коалиции народов и государств. Советский народ вместе с народами других стран, со всеми, кому было дорого дело мира и свободы, ценой огромных жертв и страданий, проявив величайшую самоотверженность, мужество и героизм, одержал всемирно-историческую победу.

Главные очаги агрессии, разожженные гитлеровской Германией и милитаристской Японией, были уничтожены.

В результате победы СССР вернул себе Южный Сахалин и Курильские острова.

Победа Красной Армии оказала неоценимую помощь народам Китая, Кореи, Вьетнама, боровшихся за свое освобождение от колониального и империалистического гнета.

Разгромив Квантунскую армию, Советский Союз передал все ее вооружение и боеприпасы Народно-революционной армии Китая, что позволило революционным силам добиться решающих успехов в борьбе с гоминьдановской реакцией.

Во Вьетнаме вспыхнуло народное восстание, возглавленное коммунистами. Образовалось Временное правительство во главе

¹ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 479—483.

с Хо Ши Мином. 2 сентября 1945 г. в Ханое была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам.

Победа над японскими милитаристами в огромной мере помогла освободительной борьбе народов Индии, Индонезии, Филиппин, Малайи, Бирмы и других стран Азии.

17 августа 1945 г. была провозглашена Республика Индонезия.

Окончание войны с Японией спасло жизни десятков и сотен тысяч солдат и офицеров США и Англии.

Япония понесла тяжелые потери в войне. Ее вооруженные силы потеряли убитыми около 2 млн человек; 119 городов Японии были разрушены авиацией союзников ¹.

По данным Совета экономической стабилизации Японии, общая сумма ущерба от войны составила 65 302 млн иен ². Такова была цена милитаристских и захватнических амбиций японской военщины.

Разгром и капитуляция милитаристской Японии имели историческое значение. На земном шаре наступил долгожданный мир.

¹ The World Almanack and Book of Facts. N. Y., 1949, p. 326.

² См.: Кутаков Л. Цит. соч., с. 472.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая мировая война, длившаяся шесть лет — 2194 дня — и не имевшая себе равных в прошлом по масштабам и ожесточенности борьбы, завершилась победой стран антифашистской коалиции народов и государств над гитлеровской Германией и милитаристской Японией. Война втянула в свою орбиту 61 государство Европы, Америки, Азии, Африки и Океании с населением 1 млрд 700 млн человек, то есть четыре пятых всего человечества¹. Военным театром стали территории 40 государств, главным образом стран Европы. Вооруженные силы воюющих государств достигли гигантских масштабов — в армии было мобилизовано 110 млн человек, на 40 млн больше, чем в годы первой мировой войны.

Если в первой мировой войне было потеряно 10 млн убитыми и 20 млн ранеными, то во второй мировой общее количество только погибших составило свыше 50 млн человек². Особенно большие жертвы в войне понес Советский Союз, потеряв более 20 млн своих сынов и дочерей. Велики потери Польши — 6 млн человек, Югославии — 1,7 млн, Китая — свыше 5 млн человек. Были разрушены десятки миллионов жилищ, предприятий, школ, больниц, культурных центров.

Огромный урон нанесли немецко-фашистские оккупанты народному хозяйству СССР, варварски разрушив 1710 городов, более 70 тыс. деревень и сел, взорвав и уничтожив около 32 тыс. промышленных предприятий. Фашистские захватчики разгромили и разграбили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 МТС. Общие материальные потери советского народа в Великой Отечественной войне от прямого уничтожения имущества составили громадную сумму — 679 млрд рублей³. Военные расходы СССР на войну с Германией и Японией и потери доходов в итоге оккупации составили 1 трлн 840 млрд рублей, а всего война стоила Советскому Союзу 2 трлн 600 млрд рублей⁴.

¹ См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 5.

² См. там же.

³ См.: Правда, 1957, 15 сентября.

⁴ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 562.

Значительны жертвы английского народа во второй мировой войне. Общие потери, понесенные Великобританией, в том числе армией, авиацией и флотом, вспомогательными силами и гражданским населением, составили 950 794 человека, из них 357 116 человек убитыми ¹.

Вооруженные силы США потеряли во второй мировой войне 405 тыс. человек убитыми ².

Эти тяжкие потери, понесенные народами, могли быть гораздо меньше, миллионы человеческих жизней могли быть спасены, а война закончиться гораздо быстрее, если бы правящие круги Англии и США честно и неукоснительно выполняли союзнические обязательства, своевременно объединили свои активные военные усилия с усилиями советского народа и других стран антифашистской коалиции на решающих фронтах совместной борьбы против гитлеровской Германии и ее союзников, оказали большую помощь Советской стране.

Военно-экономическая помощь Англии и США Советскому Союзу имела, разумеется, важное значение. Но отметим, что их поставки Советскому Союзу за годы Великой Отечественной войны составили лишь около 4 процентов той продукции, которая была создана советским народом в 1941—1945 гг. ³ За годы второй мировой войны в США было произведено 297 тыс. самолетов, более 86 тыс. танков, а в Советский Союз было отправлено 14 450 самолетов и 7 тыс. танков. Поставки Советскому Союзу по ленд-лизу, по официальному отчету президента США конгрессу, составили 10,8 млрд долларов. За годы войны в Советский Союз из Англии было поставлено 3384 самолета и 4292 танка ⁴. Несомненно, военные поставки, а также поставки продовольствия Англии и США Советскому Союзу сыграли большую роль, и мы всегда признавали и признаем это. Но фактом остается и то, что советский народ осуществил разгром немецко-фашистских захватчиков и их союзников в основном отечественным оружием и техникой, произведенными на советских заводах героическим трудом советских людей. За годы Отечественной войны на советских заводах было произведено более 102 тыс. танков и самоходных орудий, около 137 тыс. боевых самолетов, около 490 тыс. орудий всех калибров, более 12 млн винтовок и автоматов, свыше 954 тыс. ручных и станковых пулеметов, около 590 млн снарядов, бомб и мин и 28 млрд патронов.

Советский общественный и государственный строй, экономическая система СССР показали всему миру преимущество перед

¹ Strength and Casualties of the Armed Forces of the United Kingdom. 1939—1945, p. 7—8.

² См.: Всемирная история, т. 10, с. 683.

³ См.: Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1984, с. 74.

⁴ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 145.

капиталистическим общественным строем, экономической системой гитлеровской Германии.

Победа над фашистской Германией и ее союзниками, над милитаристской Японией была одержана совместными усилиями стран антифашистской коалиции и народов, боровшихся с оккупацией. Но Советский Союз, его армия, руководимая Коммунистической партией, сыграли решающую роль в разгроме фашизма, определив ход и исход мировой войны. Бессмертный подвиг советского народа, избавившего нашу страну и все человечество от угрозы фашистского рабства, всегда будет храниться в памяти грядущих поколений. Советский народ и его Вооруженные Силы своей самоотверженной борьбой с фашизмом, поддержанной борьбой народов других стран, внесли неоценимый вклад в дело победы свободолюбивых народов над злейшими врагами человечества.

Неоспоримость решающего вклада советского народа в победу над фашизмом во второй мировой войне признавали виднейшие политические деятели буржуазного мира — президент США Ф. Д. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль, генерал Шарль де Голль и многие другие.

«Соединенные Штаты хорошо понимают тот факт, — писал Рузвельт главе Советского правительства, — что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы»¹.

В конце второй мировой войны Черчилль в послании советскому руководителю признавал, что именно Красная Армия решила «участь германского милитаризма»².

Шарль де Голль подчеркивал: «Французы знают, что сделала для них Россия, и знают, что именно Россия сыграла главную роль в их освобождении»³.

Советско-германский фронт был основным, решающим фронтом второй мировой войны. Здесь развертывались главные сражения, определявшие ход и исход второй мировой войны. На этом фронте в течение 1941—1945 гг. были сосредоточены основные военные силы фашистской Германии. Летом 1941 г. на советско-германском фронте действовали 153 дивизии из 217, то есть 70,3 процента всех немецких дивизий. Более двух лет Красная Армия сражалась почти один на один против немецкой армии.

После открытия второго фронта, на 1 января 1945 г., на советско-германском фронте вели бои 179 вражеских дивизий из 314 — 57 процентов к общему числу дивизий. На других фронтах воевало 118 дивизий, или 38 процентов⁴.

¹ Переписка..., т. 2, с. 29

² Там же, т. 1, с. 310.

³ Правда, 1984, 28 апреля.

⁴ См.: Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история, с. 566.

Хотя открытие второго фронта изменило соотношение сил на советско-германском и других фронтах, фронт борьбы СССР оставался основным и отвлекал подавляющее количество вооруженных сил фашистской Германии и ее сообщников.

«Исход второй мировой войны, — отмечал М. С. Горбачев, — был решен на советско-германском фронте. Именно здесь фашистский агрессор понес свыше 70 процентов всех своих потерь».

«Никому из фальсификаторов истории, — писал в сентябре 1984 г. известный французский журналист Макс Леон, — не удалось и не удастся опровергнуть неоспоримую эпохальную истину — в разгроме фашистских полчищ и освобождении от них Европы СССР сыграл решающую роль»¹.

В течение всей войны Вооруженные Силы СССР разгромили 506 немецких дивизий и 100 дивизий сателлитов Германии. Союзники на Западе и в Африке уничтожили 176 дивизий. Германия лишилась в войне с СССР 10 млн человек. Ее общие потери по второй мировой войне составили 13 600 тыс. человек². Япония потеряла в войну, начиная с 1937 г., около 2 млн человек, Италия — около 400 тыс. человек³.

Советский Союз и выступавшие в союзе с ним государства, разгромив германский фашизм и японский милитаризм, одержали во второй мировой войне великую победу.

Немалую заслугу в этом имеет внешняя политика СССР, во многом обеспечившая создание антифашистской коалиции народов и государств, твердо отстаивавшая в трудное и суровое время идею объединения всех прогрессивных сил в борьбе против фашизма. Благодаря Советскому Союзу антифашистская коалиция стала боевым союзом многих миллионов людей, поднявшихся на борьбу против гитлеровских захватчиков.

«Используя глубокие противоречия между главными империалистическими державами, ленинская внешняя политика Коммунистической партии и Советского государства помешала образованию единого фронта капиталистических стран и добилась создания антифашистской коалиции с участием США и Англии. Планы империалистической дипломатии изолировать СССР и сколотить единый антисоветский фронт были сорваны умелыми внешнеполитическими акциями Советского правительства. Две крупнейшие капиталистические державы — США и Англия не только не включились в антисоветский поход, но и оказались на стороне СССР»⁴.

¹ Известия, 1984, 6 сентября.

² См.: Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945 гг. Краткая история, с. 567.

³ См.: Всемирная история, т. 10, с. 603.

⁴ История дипломатии, т. 4, с. 736.

Советская внешняя политика содействовала созданию наиболее благоприятной международной ситуации для победоносного окончания войны.

Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, как свидетельствуют документы и факты, показал образцы честного и последовательного выполнения союзнического долга. Об этом говорит помощь Красной Армии, оказанная английским и американским войскам, попавшим в весьма затруднительное положение в январе 1945 г. во время немецкого контрнаступления в Арденнах.

Верность союзническим обязательствам, обеспечение интересов советского народа СССР показал, объявив 8 августа 1945 г. войну милитаристской Японии.

Но, несмотря на то что СССР долгое время почти один выдерживал всю тяжесть борьбы с фашистской Германией и ее союзниками, Англия и США неоднократно нарушали свои торжественные обязательства, договоры и соглашения, заключенные с СССР, вели сепаратные переговоры с фашистской Германией.

Хотя существовали значительные разногласия в вопросе о целях войны, путях осуществления послевоенного мирного урегулирования, несмотря на коварные планы антисоветских сил, направленные на раскол коалиции, затяжки с открытием второго фронта и другие акции, усилия советской дипломатии привели к тому, что «освободительные цели войны и демократические принципы послевоенного устройства мира были закреплены в Потсдамских соглашениях, в Уставе Организации Объединенных Наций и других международных договорах и соглашениях»¹.

Народы СССР, США, Англии, других стран хорошо помнят о тесном военно-политическом сотрудничестве этих держав в антифашистской коалиции. Они законно ставят вопрос: если СССР, США, Англия были союзниками в годы второй мировой войны, то почему они не могут в наше время поддерживать и улучшать взаимовыгодные отношения в политической и экономической областях на основе принципов мирного сосуществования? Возможности для этого, бесспорно, существуют. Нужна лишь добрая воля всех заинтересованных сторон.

* * *

Победа над фашистской Германией и милитаристской Японией, решающую роль в достижении которой сыграл Советский Союз, явилась совместной победой демократических, прогрессивных и национально-освободительных сил. Она оказала сильнейшее воздействие на дальнейший ход мирового развития, привела к глубоким изменениям во всех областях мировой политики и экономики, создала благоприятные условия для

¹ История дипломатии, т. 4, с. 736.

борьбы трудящихся за свое социальное и национальное освобождение.

В итоге второй мировой войны империализм как система был значительно ослаблен, утратил многие прежние позиции, сфера его господства сузилась. Уничтожить или ослабить СССР, как об этом мечтали реакционные силы, не удалось. Напротив, важнейшим итогом войны стал рост международного авторитета и влияния Страны Советов.

Всемирно-историческое значение имеет тот факт, что «разгром фашистской Германии и милитаристской Японии открыл новые возможности для борьбы народов за мир, демократию, национальное освобождение и социализм»¹.

С победой народных революций в ряде стран Европы и Азии социализм вышел за рамки одной страны, превратился в мировую систему. Ее образование стало самым крупным событием всемирной истории после Великой Октябрьской социалистической революции².

С образованием и укреплением мировой социалистической системы резко изменилась роль социализма и империализма в определении судеб человечества. Ныне мировая социалистическая система служит главным, решающим фактором, мешающим силам реакции и милитаризма развязать новую мировую войну. Советская внешняя политика считает своей важнейшей задачей укрепление единства, сплоченности и сотрудничества всех стран социализма во имя прогресса и мира.

Одним из крупнейших последствий разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии, результатом бурного роста национально-освободительного движения народов поработенных и зависимых стран явилось крушение колониальной системы империализма. Рухнули итальянская и японская колониальные империи. Резко ослабли позиции «старых» колониальных держав. На месте прежних колоний и полукolonий возникло свыше ста независимых государств. Многие из них занимают на международной арене активные антиимпериалистические позиции.

Победа над фашизмом открыла благоприятные перспективы для дальнейшего развития рабочего и демократического движения в странах капитала.

После второй мировой войны произошли серьезные изменения во внешней политике Англии и Соединенных Штатов Америки.

Правящие круги этих стран стали все более открыто проводить политику «с позиции силы» и «холодной войны», политику, глубоко противоречащую решениям Тегеранской,

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 8.

² См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 564.

Крымской и Берлинской конференций, совершив отход от политики сотрудничества военного времени к политике конфронтации.

Буржуазные политики США, Англии и других империалистических стран стремятся вытравить из памяти народной мысль о великой освободительной миссии советского народа, спасшего мир от фашистского порабощения. Даже День Победы в Вашингтоне хотели бы перенести с 8 мая 1945 г. (его праздновали в США в этот день) на 6 июня 1944 г. — день высадки войск США и Англии в Нормандии¹.

Империализм был и остается главным источником военной угрозы. В послевоенный период им был организован Атлантический пакт — НАТО и ряд других военно-политических блоков, нацеленных против СССР и других социалистических стран.

Под эгидой США возрождается милитаризм и неофашизм в Западной Германии, ФРГ превращена в военно-стратегический плацдарм США — все это грубое нарушение решений Ялты и Потсдама.

США усиленно возрождают японский милитаризм, вовлекают Японию в свою глобальную стратегию. Фактически создается японо-американский союз. Он получил свое официальное оформление в 1951 г. заключением Сан-Францисского «договора безопасности». В 1960 г. этот договор пересмотрен, а с 1970 г. автоматически продлевается. Империализм США «рассматривает Японию как важнейшую опору в проведении своей агрессивной политики на Азиатском континенте, в качестве бастиона антикоммунизма на Дальнем Востоке»².

Империализм пытается душить прогрессивные движения, проводит гонку вооружений, провоцирует в различных регионах локальные войны и вооруженные конфликты.

Народам потребовались годы и годы напряженной борьбы, чтобы отстоять и закрепить результаты победы, достигнутой во второй мировой войне, сохранить мир, добиться ослабления международной напряженности.

* * *

Лишь в 70-е годы Советскому Союзу, другим социалистическим странам, всем демократическим силам, неустанно борющимся за мир, безопасность и разоружение, удалось добиться заключения целой серии международных договоров и соглашений, образовавших «материальную ткань» политики разрядки, оздоровившей международный климат, принесшей благотворные плоды всему человечеству.

¹ См.: Литературная газета, 1984, 30 мая.

² Иванов М. И. Рост милитаризации в Японии. М., 1982, с. 4.

1 августа 1975 г. в Хельсинки 33 государствами Европы, а также США и Канадой был подписан Заключительный акт Сопредседательства по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот акт не только подвел коллективно необходимый политический итог второй мировой войны, но и воплотил принципы международного общения, в основу которых фактически легла идея мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Вот эти принципы: суверенное равенство, неприменение силы или угрозы силой, нерушимость границ, территориальная целостность государств, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека и основных свобод, равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, сотрудничество между государствами, добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

Верность этим принципам, верность высоким идеалам мира, свободы и сотрудничества народов советская внешняя политика сохранила и в период спровоцированного империализмом нового обострения международной обстановки на рубеже 70—80-х годов и в последующие годы.

Вместе с тем в прошлом имелась известная недооценка политических возможностей обеспечения безопасности нашей страны и снижения международной напряженности. Гонка вооружений, в которую оказался втянутым и Советский Союз, принимала все большие масштабы, человечество все ближе подходило к опасной черте.

«Повсюду в мире в сознании народов, политических, общественных сил,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев,— самой разной ориентации и мировоззрений все прочнее утверждается убеждение: на карту поставлено само существование рода человеческого, настало время решительных и ответственных действий»¹. Именно поэтому КПСС приступила к совершенствованию и обновлению нашей внешнеполитической работы на базе нового мышления, основы которого были заложены апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС и XXVII съездом партии.

Новые подходы к реалиям современного мира придали невиданный динамизм внешней политике СССР, позволили выдвинуть целый ряд крупных инициатив.

Это — программа поэтапной ликвидации ядерного оружия к 2000 г., всеобъемлющая система международной безопасности, свобода выбора, баланс интересов, «общеевропейский дом», перестройка отношений в азиатско-тихоокеанском регионе, оборонная достаточность и ненаступательная доктрина, снижение уровня вооружений как путь к укреплению национальной и региональной безопасности, отзыв войск и баз с чужих

¹ Правда, 1986, 24 сентября.

территорий, меры доверия, международная экономическая безопасность, идея непосредственного включения авторитета науки в мировую политику.

«В основу наших контактов по межгосударственной линии, — отмечал М. С. Горбачев в своем докладе на XIX Всесоюзной партийной конференции 28 июня 1988 г., — был положен диалог, а в сфере разоружения — готовность к глубокому взаимному контролю. Это позволило раздвинуть диапазон доверия далеко за пределы привычного мировоззренческого спектра. И мы обнаружили немалый потенциал взаимопонимания и готовности к сосуществованию и сотрудничеству даже во влиятельных кругах, идеологически очень далеких от нас.

Наше искреннее и открытое приглашение к совместным размышлениям и поискам встретило большой отклик в мире. А гласность, перестройка придают «материальную» убедительность нашим внешнеполитическим идеям и инициативам»¹.

Итоги трех лет перестройки, осуществляемой ленинской партией как во внутренней, так и во внешней политике, позволяют утверждать, что удалось — и это главное — отодвинуть угрозу войны между ядерными державами. Ось международной жизни стала смещаться от конфронтации к сотрудничеству и взаимопониманию. Об этом свидетельствуют такие факты, как заключение между СССР и США первого в истории договора об уничтожении двух классов ядерного оружия (ракет средней и меньшей дальности), создание международно-правовой базы для урегулирования проблем вокруг Афганистана, продвижение вперед на переговорах в Женеве, Вене и Стокгольме, развитие отношений с западноевропейскими странами на двусторонней и многосторонней основе, между СЭВ и ЕЭС и другие.

Разумеется, мы не забываем об угрозе миру со стороны империалистического милитаризма. На международной арене нет гарантии необратимости позитивных процессов. Но все действия Советского государства направлены на то, чтобы политика «с позиции силы» и «холодной войны» была окончательно сдана в архив, чтобы конфронтация уступила место цивилизованным принципам международных отношений: диалогу, переговорам, поиску взаимоприемлемых политических решений.

Эту свою позицию Советский Союз, проявляя необходимую гибкость и понимание интересов других сторон, отстаивает мужественно, последовательно и решительно. Весь мир знает: советская внешняя политика «имеет огромные заслуги перед страной, социализмом, перед всем человечеством»².

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, М., 1988, с. 30—31.

² Там же, с. 34.

Народы всех стран выступают против повторения трагических ошибок прошлого, способствовавших развязыванию второй мировой войны. Они не хотят повторения величайшей трагедии XX века и сплачивают свои силы на усиление борьбы против угрозы ядерной войны с ее катастрофическими последствиями. В авангарде этой борьбы идет советский народ и трудящиеся других социалистических стран. «Ход истории, общественного прогресса, — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, — все настоятельнее требует налаживания **конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты**»¹.

И если скромный труд историка и публициста напомнит о драматическом противоборстве полярных политических сил в годы второй мировой войны, о том, кто сыграл решающую роль в избавлении мира от коричневой чумы, о необходимости помнить и учитывать уроки истории, можно будет считать оправданным его назначение.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 20.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
Глава I	
НАЧАЛО ТРАГЕДИИ	17
План «Вайс»	—
Цена гарантий Чемберлена	18
Политический шантаж гитлеровцев	20
«День Y»	21
Новые маневры Чемберлена и Даладьё	22
Польский пролог	24
Операция «Гиммлер»	26
Англия и Франция объявляют войну Германии	27
Сентябрьская катастрофа	30
«Странная война»	33
Глава II	
ЛЕГЕНДА О «ДЮНКЕРКСКОМ ЧУДЕ»	37
От «зицкриг» к «блицкриг»	—
Предупреждения Чиано и Канариса	38
«Пятая колонна» действует	39
Бельгийская ловушка	40
«Мы разбиты...»	42
«Дюнкеркское чудо»?	44
Горт предпочел эвакуацию	46
Тучи сгущаются	47
«Стоп-приказ» Гитлера	49
Испугались болот?	51
Миф о «золотом мосте»	52
Начало операции «Динамо»	55
Истинные герои Дюнкерка	56
Третья поездка Черчилля в Париж	57
Под огнем	—
Расчеты и просчеты	59

Глава III

НЕУДАВШИЙСЯ ПРЫЖОК РУДОЛЬФА ГЕССА .	60
«Одиночный вражеский самолет» над Шотландией .	—
«Наци № 3»	62
«Иде фикс» Рудольфа Гесса	64
Как готовился полет в Англию	67
«Гесс в Шотландии!»	68
Возня вокруг Гесса	69
Знал ли Гитлер о полете?	71
«Рудольфа нужно обезвредить»	73
Переговоры продолжаются	74
В дело включается «доктор Гутри»	76
Их интересовала «Россия до Урала»	77
Английский народ протестует	78
Приговор	80

Глава IV

КРОВАВЫЙ КОНТУР ПЛАНА «БАРБАРОССА» .	82
«Дранг нах Остен»	—
«Русская проблема будет решена наступлением» .	84
Загадочные марши	85
Планы конкретизируются	86
Оперативные «игры» в Цоссене	87
Директива № 21 — план «Барбаросса»	88
Содержание плана «Барбаросса»	89
Дипломатические маневры Гитлера	91
Что предлагали в Берлине?	95
Москва говорит «нет»	97
Выводы Советского правительства	100
План «Ост»	102
«Зеленая папка» Геринга	103
Дипломатическая подготовка плана «Барбаросса» .	104
Соучастие Иона Антонеску	105
«Голубой песец»	106
Хорти — союзник Гитлера	107
Германо-турецкий договор	109
Италия и Испания следуют за Гитлером	—

Глава V

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АГРЕССИИ .	111
Советская дипломатия активно противодействует Берлину	—
Защита шведского нейтралитета	112
Обеспечение безопасности СССР в Прибалтике и на юго-западе .	113

Москва защищает Балканские страны	115
Шаткий нейтралитет Японии	117
Гитлеровские разведслужбы действуют	119
Тайная война	124
Тревожные сообщения из Германии	125
Рамзай радирует из Токио	127
Дора сообщает из Швейцарии	128
Предупреждение из Вашингтона	129
Тенденции к реализму в Лондоне	131
«Вспышка молнии»	132
Тревожные сигналы из Варшавы, Анкары, Рима... :	135
«Директива по сосредоточению войск»	136
Страна готовится к отпору агрессору	138
Накануне вторжения	139
Последние часы перед нападением	142

Глава VI

ЗА СПИНОЙ СОЮЗНИКА 147

С кем пойдут Англия и США?	—
Политический просчет Гитлера	148
Жребий брошен	149
Англичане и американцы за политику помощи СССР .	151
Англо-американские пособники Гитлера	152
Коалиция народов и государств	154
«Россия удержится шесть недель...»	156
«Советский народ сломает шею Гитлеру»	157
Лиссабонские переговоры Эйткена — Кевера	159
Действия «верхушечной оппозиции»	162
Пособничество епископов и банкиров	—
На сцене появляется Аллен Даллес	163
Переговоры Балл — Паульс	165
Арена тайной дипломатии в Мадриде	167
Контакты папы римского и кардинала Спеллмана .	168
Шведское «окно» в Германию	169
«Опорный пункт» шпионажа в Анкаре	170
Союзническая верность СССР	171
Крах фашистского режима Муссолини	173
Операция «Айхе»	175

Глава VII

ТЕГЕРАНСКАЯ ВСТРЕЧА 178

Эхо Сталинградской битвы	179
Скапа-Флоу или Астрахань, Фербенкс или Тегеран? .	180
Министры совещаются в Москве	182

Где и когда будет «Эврика»?	184
Планы каирской встречи	185
Перед Каирской конференцией	187
Операция «Секстант»: итоги	188
Фашистская разведка готовится...	190
Рузвельт останавливается в советском посольстве	193
Работа «Эврики» началась	194
Вокруг операции «Оверлорд»	196
Второй фронт будет открыт... но когда?	198
О будущем Германии	199
«За восстановление, за усиление Польши»	200
«Людам со стальным сердцем»	201
Итоги конференции	203
Попытка Черчилля ревизовать тегеранские решения	204
Инину маневрирует	206
Операция «Цицерон»	208

Глава VIII

ВТОРОЙ ФРОНТ: 1942-й?.. 1943-й?.. 1944-й?

О понятии «второй фронт»	214
Возможности были	216
Легенда об «Атлантическом вале»	218
Рейд на Дьепп	220
После провала операции «Тайфун»	221
Катастрофа в Пёрл-Харборе	223
«Запустить когти в Африку...»	224
«Достигнута полная договоренность...»	226
Новые заботы Черчилля	228
«Факел» запыляет в Африке	229
«Не будет второго фронта в 1942 году...»	230
«Балканская стратегия» Черчилля	234
Вновь «Соединенные Штаты Европы»?	235
Операции в Северной Африке	236
Встречи в Касабланке и Вашингтоне	237
«Пушки наведены, люди готовы...»	239
Споры в Квебеке	241
Что было решающим фактором открытия второго фронта?	243
«Оверлорд»	244
Вторжение началось	245

Глава IX

ОТ «КРИКЕТА» ДО «АРГОНАВТА»

С Мальты в Ялту	—
Занималась заря Победы...	250

Прорыв немцев в Арденнах	251
Так действовал настоящий союзник	252
Шотландия, Афины, Рим, Мальта?...	254
Операция «Аргонавт»	257
Но прежде — «Крикет»	—
Споры «мальтийских рыцарей»	259
Когда закончится война с Германией и Японией?	260
На крымской земле	262
«Аргонавт» начинает работу	264
Удары будут нанесены с востока, запада, севера и юга .	266
Вопрос о будущем Германии	267
О будущей Польше	271
Верность союзническому долгу	273
После Ялты	274

Глава X

В ПОТСДАМЕ И ПОСЛЕ НЕГО 278

«Младенцы благополучно родились»...	—
Первые сполохи «холодной войны»	280
Очередная попытка сепаратного сговора с Германией . . .	282
Черчилль планирует «третью мировую войну»	284
Конец фашистского рейха	286
Последние попытки сговора	287
Безоговорочная капитуляция Германии	289
Необходима новая встреча Большой тройки	292
Посланец Трумэна в Лондоне	295
Лондон и Вашингтон готовятся к «Терминалу»	298
«Терминал» начинает работу	302
Дипломатические сражения в Потсдаме	304
О будущем Германии	305
Споры о странах Центральной и Юго-Восточной Европы .	307
Другие проблемы конференции	311
Неудавшийся атомный шантаж	312
Смэтс пугает «русской угрозой»	314
Вотум недоверия Черчиллю	315
Воплощение принципов Потсдама в жизнь	316
Попытки ревизии решений Ялты и Потсдама	320

Глава XI

ФИНАЛ НА ВОСТОКЕ 324

Планы японской военщины	325
«Японию нельзя победить до 1947 или 1948 года...» .	327
«Мирный зондаж» Японии	329
Снова на сцене «миротворец» Аллен Даллес	331

Маневры Японии в отношении СССР	334
Потсдамская декларация	337
Атомный удар по Хиросиме и Нагасаки	339
Вступление СССР в войну против Японии	341
Крах японских агрессоров	342
Мятеж японской военщины	345
Хирохито признает поражение Японии	346
Безоговорочная капитуляция Японии	347
Финал	349
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	352

**Федор Дмитриевич
Волков**

**ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ
ЯВНЫМ**

Заведующий редакцией
А. В. Никольский

Редактор
О. В. Вадеев

Младшие редакторы
О. В. Петрова,
Г. С. Пружинин

Художник
В. С. Костин

Художественный редактор
Е. А. Андрусенко

Технический редактор
Т. А. Новикова

ИБ № 7604

Подписано в печать с диапозитивов 15.05.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23. Усл. кр.-отт. 23,75. Уч.-изд. л. 23,89. Доп. тираж 150 000 экз. Заказ № 4920. Цена 1 р. 70 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда».
603006, ГСП-123, Горький, ул. Фигнер, 32.

Unterwerfung Europas
1939/41

22 ИЮНЯ 1941 г. 4 ЧАСА УТРА.

